

**ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
и САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

Исторический факультет СПбГУ
кафедра археологии
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Институт истории материальной культуры РАН
С.-Петербургский филиал Российского НИИ культурного и природного наследия
Министерства культуры Российской Федерации

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Материалы Всероссийской научной конференции
посвященной 70-летию со дня рождения
Александра Даниловича Грача
Декабрь 1998 года.

Санкт-Петербург
Культ-информ-пресс
1998

ББК 64 (2Р)

Д

Редакционная коллегия:

Д.Г.Савинов (ответственный редактор), Г.В.Длужневская, С.Н.Астахов,
В.П.Дьяконова, А.А.Ковалев

Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения известного петербургского археолога Александра Даниловича Грача, содержат научные статьи по широкому кругу проблем археологии, истории и культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга, воспоминания об А.Д.Граче, его неопубликованные работы, архивные материалы, связанные с жизнью и деятельностью исследователя.

Корректор — Елена Михайлова
Набор — Наталья Лазаревская
Верстка — Владислав Соболев
Художник — Анатолий Филиппов

ISBN 5-8392-0156-1

ISBN 5-201-01209-4

Лицензия № 030307 от 7.04.97

Подписано к печати 20.11.98. Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. Физ.печ.л. 19. Тираж 500 экз.
Заказ 987.

Редакционно-издательский центр «Культ-информ-пресс»
191011, Санкт-Петербург, Невский пр., 40, оф. 54

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 12

На лицевой стороне обложки: Тува. Костяная пряжка в виде фигурки лошади. Раскопки А.Д.Грача в Саглы-Бажи II.

На задней стороне обложки: Санкт-Петербург. Вид на Адмиралтейство и Петропавловскую крепость, где А.Д.Грач проводил раскопки на Комендантском кладбище. Рисунок со снимка 1861 г.

- © Санкт-Петербургский филиал Российского научно-исследовательского института Культурного и Природного наследия РАН, 1998
- © Институт истории материальной культуры РАН, 1998
- © «Культ-информ-пресс», 1998
- © Филиппов А., обложка, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Этапы жизни ученого	7
А.Д.Грач. Памятники скифского времени на границе котловины Больших Озер. Саглынская долина	10
Список опубликованных работ А.Д.Грача	14
Программа спецкурса "Археология Центральной Азии"	18
Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР в архивах ИИМК РАН. Фонд А.Д.Грача в фотоархиве ИИМК РАН	22
<i>Публикация документов</i>	
Протокол № 29 заседания Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР от 17 декабря 1971 г. (обсуждение рукописи сборника "Археология Центральной Азии" (Труды СТАЭ, т. I)	30
Оглавление сборника "Археология Центральной Азии" (Труды СТАЭ, т. I)	37
Протокол № 13 заседания Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР от 16 марта 1973 г. (обсуждение плановой темы А.Д.Грача "Хронология и периодизация памятников скифского времени Тувы)	39
<i>Из воспоминаний об А.Д.Граче</i>	
Самбу И.У. (Кызыл, Республика Тыва). С той весны...	48
Решетов А.М. (Санкт-Петербург). Вспоминая Александра Даниловича Грача	54
Шер Я.А. (Кемерово). Кое-что из жизни Грача	57
Савинов Д.Г. (Санкт-Петербург). Между двумя экспедициями	68
Длужневская Г.В. (Санкт-Петербург). С Грачом и без Грача (полевые сезоны 1971 и 1972 года)	78
Потемкин Ю.И. (Саяногорск, Майна). Археологу Александру Даниловичу Грачу	85
Фотоматериалы к биографии А.Д.Грача	86
<i>Центральная Азия</i>	
Астахов С.Н. (Санкт-Петербург). Палеолит Тувы (некоторые итоги)	109
Длужневская Г.В., Субботин А.В. (Санкт-Петербург). К истории изучения Саянского каньона Енисея	115
Васильев С.А. (Санкт-Петербург). Комплекс поминальных сооружений в Саянском каньоне Енисея	120
Ковалев А.А. (Санкт-Петербург). Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь)	122
Савинов Д.Г. (Санкт-Петербург). Карасукская традиция и "аржано- майэмирский" стиль	132
Баркова Л.Л. (Санкт-Петербург). Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана	137
Завитухина М.П. (Санкт-Петербург). Золотая пластина из Забайкалья в Сибирской коллекции Петра I	143
Трифонов Ю.И., Боковенко Н.А. (Санкт-Петербург). Воинский комплекс сакской эпохи из Восточного Казахстана	149
Семенов Вл.А. (Санкт-Петербург). Хронология могильников озен-ала- белигского этапа	151
Молодин В.И. (Новосибирск). Замерзшие погребальные комплексы Сибири и глобальное потепление климата. Вероятные последствия	156
Килуновская М.Е. (Санкт-Петербург). Быки Кара-Булуна	159
Дэвлет М.А. (Москва). Петроглифы и первобытная магия	164

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. (<i>Санкт-Петербург</i>). Пазырыкская узда. К предистории хунно-юечжийских войн	169
Фурсенкова Е.Г. (<i>Санкт-Петербург</i>). Симметричные композиции на металлических пластинах гунно-сарматского времени	178
Мачинский Д.А., Чугунов К.В. (<i>Санкт-Петербург</i>). Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты)	183
Дьяконова В.П. (<i>Санкт-Петербург</i>). Культовая скульптура могильника Кокэль	189
Вадецкая Э.Б. (<i>Санкт-Петербург</i>). Лицевые покрытия под таштыкскими масками	193
Подольский М.Л. (<i>Санкт-Петербург</i>). Композиционная специфика таштыкской гравюры на дереве	199
Овчинникова Б.Б. (<i>Екатеринбург</i>). Семантика древнетюркских оградок в Саяно-Алтае	206
Юматов К.В. (<i>Кемерово</i>). Отражение индоевропейской эпической формулы “неувядающей славы” в каменных изваяниях степной Евразии	211
Худяков Ю.С. (<i>Новосибирск</i>). Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана	215
Король Г.Г. (<i>Москва</i>). Источники формирования “степного орнаментализма” и особенности южносибирской тюревтики в раннем средневековье	220
Васильев Д.Д. (<i>Москва</i>). Тюркские рунические надписи правобережья Улуг-Хема и создание базы данных эпиграфических источников	225
Матвеев А.С. (<i>Норвегия</i>). Комплект монгольских доспехов XIII в. из Тувы: общая характеристика	232
Молдобаев И.Б. (<i>Бишкек, Кыргызстан</i>). “Манас” о южносибирском периоде этнокультурной истории кыргызов	237
Громов А.В., Моисеев В.Г. (<i>Санкт-Петербург</i>). Древние популяции Западной и Южной Сибири и их роль в формировании современного населения	241
Мартынов А.И. (<i>Кемерово</i>). О концепции современного отношения к археологическому наследию Южной Сибири (Судьба историко-археологических ландшафтов Южной Сибири)	246
<i>Санкт-Петербург</i>	
Лебедев Г.С. (<i>Санкт-Петербург</i>). А.Д.Грач и археология Петербурга	253
Сорокин П.Е. (<i>Санкт-Петербург</i>). Археология Петербурга — итоги исследований и проблема сохранения и использования археологического наследия	263
Селин А.А. (<i>Санкт-Петербург</i>). К исторической топографии Невского устья на рубеже XVI-XVII вв.	269
Михайлова Е.Р. (<i>Санкт-Петербург</i>). Петербургская керамика	273
Соболев В.Ю. (<i>Санкт-Петербург</i>). Клады и случайные находки на территории Большого Петербурга	280
Зурабян Н.М. (<i>Санкт-Петербург</i>). Археологические раскопки на Никольском рынке	290
Глыбин В.А. (<i>Санкт-Петербург</i>). Предметы быта городского населения Санкт-Петербурга XVIII—начала XIX вв. (по итогам работ 1997 г.)	296
Белогубцева Н.И., Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. (<i>Санкт-Петербург</i>). Могила герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого в Ораниенбауме	298
Список сокращений	301

Александр Данилович Грач — один из видных ленинградских (петербургских) археологов послевоенного поколения. Две цивилизации — царственного Петербурга и воинственных кочевников Центральной Азии — нашли своего исследователя в лице А.Д.Грача. С одной стороны, А.Д.Грач — известный исследователь древней и средневековой культуры Тувы, ставшей второй родиной Александра Даниловича. От первых конных маршрутов и археологических наблюдений до руководства крупнейшей в стране Саяно-Тувинской экспедицией и обобщающих трудов по культурогенезу кочевников Центральной Азии — таков короткий, чрезвычайно насыщенный и непростой творческий путь А.Д.Грача. Человек ярко выраженного дарования и огромной творческой энергии, он вложил все свои силы в изучение столь любимой им Тувы. С другой, именно ему, человеку высокой, истинно петербургской культуры выпало провести первые научно организованные раскопки на территории Санкт-Петербурга, положившие начало дальнейшему его археологическому изучению. На его жизненном пути было все — и розы, и тернии... 5 июля 1998 года Александру Даниловичу Грачу исполнилось бы 70 лет. Этой светлой дате посвящают участники конференции настоящий Сборник.

ЭТАПЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

Александр Данилович Грач родился в Ленинграде 5 июля 1928 года.

Отец Александра Даниловича — Даниил Яковлевич Грач — администратор ряда театральных учреждений. Репрессирован и расстрелян в 1937 г. Посмертно реабилитирован. Мать — Лидия Михайловна Тютнина — преподаватель Вагановского училища и преподаватель-репетитор Мариинского (тогда Кировского) театра. Год поступления в школу — тот же трагический 1937. Годы войны (с августа 1941 г.) прошли в эвакуации в г. Молотов (Пермь), куда был эвакуирован театр. После возвращения в Ленинград (июль 1944 г.) А.Д.Грач окончил школу (1946 г.) и в том же году поступил на кафедру археологии исторического факультета ЛГУ. Много занимался спортом и общественной работой.

В 1948–1950 гг. участвовал в работах Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР в Восточном Крыму (нач. экспедиции В.Ф.Гайдукевич). Дипломная работа А.Д.Грача “К вопросу о местных культах на Боспоре во II–III в. н.э. в свете раскопок Илурата” также была написана под руководством В.Ф.Гайдукевича. Первая статья “Человеческое жертвоприношение в эпоху распада Боспорского царства” появилась еще на IV курсе в журнале “Природа”, № 9 за 1949 г. Знакомство с миром античности, несомненно, сказалось на всей дальнейшей научной деятельности А.Д.Грача; оно же, скорее всего, определило и его интерес к проблемам археологии скифского времени, что особенно ярко проявилось позже при работах Александра Даниловича в Центральной Азии.

Еще будучи студентом, в 1950 г., А.Д.Грач женился на Нонне Леонидовне Журавлевой, что вызвало немало шуток среди друзей: Грач и Журавлева — “птичьи” фамилии. Нонна Леонидовна Грач — тоже археолог, проработавшая всю жизнь в Государственном Эрмитаже. В 1951 г. в семье студентов Грачей родился сын Всеволод — Сева Грач.

В жизни А.Д.Грача — ученого и организатора — трудно разделить “продвижение по служебной лестнице” и науку, столь любимую археологию.

Начало научной деятельности А.Д.Грача самым тесным образом связано с МАЭ (Кунсткамерой), где одно время он работал экскурсоводом, потом (после окончания университета) был принят сначала на временную работу в должности младшего научного сотрудника (приказ о зачислении был отдан 15 августа 1951 г. — день археолога!), затем постоянно на должность старшего технического и младшего научного сотрудника. С февраля 1955 г. по январь 1958 г. молодой, недавно окончивший университет, научный сотрудник А.Д.Грач исполнял обязанности Ученого секретаря МАЭ (Директор Ленинградской части Института этнографии АН СССР — МАЭ — Л.П.Потапов) и был освобожден от этой должности (по заявлению) “в связи с подготовкой к защите кандидатской диссертации и неотложными работами по линии ТКАЭ” (Тувинской комплексной экспедиции), в которых он принимал самое активное участие.

В 1952 г. по поручению ИЭ АН СССР А.Д.Грач провел археологические раскопки на территории, прилегающей к зданию Кунсткамеры. Результаты работ были опубликованы отдельной книгой “Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в.” (1957 г.). Позже были проведены раскопки захоронения С.П.Крашенинникова на Васильевском острове (1963 г.) и археологические исследования на Комендантском кладбище в Петропавловской крепости (1968–1969 гг.). Прекрасный знаток культуры петровского и последующего времени, А.Д.Грач стал основоположником того направления, которое сейчас определилось как “Археология Петербурга”.

Работа в составе Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР (нач. экспедиции Л.П.Потапов) — героический период в жизни А.Д.Грача. Именно тогда сформировался интерес к древностям Центральной Азии и специально Тувы,

которым он посвятил всю свою жизнь. В 1957–1958 гг. А.Д.Грач исполнял обязанности заместителя начальника экспедиции по научной части; в 1959–1961 гг. был начальником I археологического отряда. Ближайшие коллеги А.Д.Грача по работе в экспедиции — В.П.Дьяконова и С.И.Вайнштейн. В 1953 и 1955 г. были совершены первые разведывательные маршруты по труднодоступным районам Западной Тувы, составлены археологические карты для будущих исследований, впервые открыты многочисленные скопления петроглифов и большая серия древнетюркских каменных изваяний. В 1957–1959 гг. проводились археологические исследования памятников различного времени — в Кара-Холе, Сут-Холе, Монгун-Тайге; материалы раскопок (не в пример многим другим исследователям) были полностью опубликованы.

Написанная по новым материалам монография “Древнетюркские изваяния Тувы” (отв. редактор — академик А.П.Окладников, 1961 г.) была блестяще защищена Александром Даниловичем в 1962 г. в качестве кандидатской диссертации. Изучение этих памятников вывело Александра Даниловича на широкий простор исследования проблем древнетюркского времени и этногенеза. Однако наибольшее значение имели открытие и раскопки в высокогорной долине р. Саглы первых неграбленных комплексов скифского времени с мерзлотой (могильник Саглы-Бажи II), давшие не только великолепный, сопоставимый с пазырыкским, вещественный материал, но и сыгравшие важнейшую роль в хронологическом определении самого Пазырыка. Именно тогда, в 1961 г., за “зимние раскопки” в Саглы А.Д.Грачу был объявлен выговор “за продление срока полевой работы, не имея на то разрешения руководства” — единственный среди большого количества благодарностей, которыми отмечена научная и организационная деятельность А.Д.Грача в МАЭ. Фактически завершением этих работ явился сезон 1962 г., когда проводились исследование и демонтаж одного из саглыных срубов, доставленных, по поручению М.И.Артамонова, в Государственный Эрмитаж. Тогда же (уже по линии ЛОИА) была составлена карта археологических памятников Центральной Тувы — места будущих работ Саяно-Тувинской экспедиции в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС.

В 1963 г. А.Д.Грач переходит в Ленинградское отделение Института Археологии АН СССР (ЛОИА). В 1963–1964 гг. А.Д.Грач — начальник Туранского отряда Красноярской экспедиции ЛОИА (нач. экспедиции М.П.Грязнов) — исследовал первоклассные могильники тагарской культуры Туран I и II на Среднем Енисее, а с момента организации Саяно-Тувинской экспедиции (февраль 1965 г.), фактическим создателем которой он был, становится ее руководителем. В должности начальника Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (СТЭАН), самой крупной в то время новоостроечной экспедиции в стране, А.Д.Грач проработал в течение десяти лет (1963–1973 гг.). В результате работ СТЭАН были сделаны важнейшие археологические открытия, в первую очередь в области изучения палеолита (работы С.Н.Астахова), памятников раннескифского времени (алды-бельская культура) и енисейских кыргызов (могильник Эйлиг-Хем III), выдвинувшие Туву на первое место среди всех остальных регионов Центральной Азии. Научная и организационная деятельность А.Д.Грача тогда получала самую высокую оценку. Из характеристики, подписанной зав. ЛОИА АН СССР М.К.Каргером: “За время работы в Институте А.Д.Грач показал себя как сложившийся ученый с широким кругом интересов, эрудицией и умением организовать научную и экспедиционную работу возглавляемого им коллектива. Им проводится большая работа по воспитанию молодого поколения археологов Тувы. В 1967 г. Указом Президиума Верховного Совета Тувинской АССР А.Д.Грачу присвоено почетное звание заслуженного работника культуры Республики” (1968 г.). Еще раньше, в 1964 г., в связи с 20-летием Тувинской АССР, А.Д.Грач был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Тувинской Республики.

В 1971–1973 гг. в стенах ЛОИА (зав. ЛОИА в эти годы — В.П.Шилов) развернулись трагические события, приведшие в конечном счете к бесконечно ранней, абсолютно преждевременной кончине А.Д.Грача. Ряд документов — обсуждение рукописи Сборника “Археология Центральной Азии” (Труды СТЭАН, т. I) и обсуждение плановой темы, а по сути дела — основы будущей книги А.Д.Грача “Хронология и периодизация памятников скифского времени Тувы” — публикуются ниже. Результатом организованной кампании явилось то, что в декабре 1973 г. при переизбрании на следующий срок в должности старшего научного сотрудника А.Д.Грач не набрал необходимого числа голосов и был уволен из ЛОИА как не прошедший по конкурсу (еще раньше таким же образом был уволен из ЛОИА Я.А.Шер).

В это тяжелое время большую помощь и поддержку А.Д.Грачу оказали В.Н.Боряз (зав. кафедрой философии АН СССР, где А.Д.Грач составляет и готовит к печати “Указатель советской литературы по методологическим проблемам археологии за 1918–1973 гг.”) и коллеги из ТНИИЯЛИ — Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (директор Ю.Л.Аранчын), куда А.Д.Грач был зачислен в качестве старшего научного сотрудника и руководил археологической экспедицией ТНИИЯЛИ, продолжая исследовать памятники скифского времени в различных районах Тувы (1974–1978 гг.). Одна из блестящих находок этого времени — золотая композиция со сценой охоты на кабана, типа Петровской коллекции, опубликованная в книге 1980 г. и позже (уже посмертно) в совместной статье с Н.Л.Грач (1987 г.).

В 1977 г. А.Д. сдает в печать главную работу своей жизни — монографию “Древние кочевники в центре Азии”, обобщающую огромный фактический материал и содержащую его всесторонний культурно-исторический анализ. Книга вышла в 1980 г. (под редакцией академика Б.Б.Пиотровского), должна была стать докторской диссертацией, но болезнь уже брала свое и защита не состоялась.

В январе 1978 г. А.Д.Грач подает документы на конкурсе на замещение вакантной должности (после смерти С.М.Абрамзона) старшего научного сотрудника в МАЭ. Рекомендации А.Д.Грачу тогда дали Председатель советского комитета тюркологов академик А.Н.Кононов и Зав. Сектором Средней Азии и Казахстана ИЭ АН СССР Т.А.Жданко. Причем, в последнем случае оговаривалась необходимость переориентации научных интересов Александра Даниловича на среднеазиатскую проблематику — требование естественное, тяжелое, но исполнимое. Этническая история народов Средней Азии всегда была в сфере внимания А.Д.Грача. В свое время заметную роль в жизни А.Д. сыграла Сессия по этногенезу киргизского народа (Фрунзе, 1956 г.), сблизившая его, молодого исследователя с крупнейшим специалистом по этнической истории народов Центральной и Средней Азии А.Н.Бернштамом. Большое значение в этом плане имели и неоднократные, с 1957 г., поездки в Монголию, в том числе и длительная (совместно с В.А.Рановым) командировка в 1968 г.

В этот раз А.Д.Грач проработал в МАЭ, куда впервые пришел в 1951 г., сразу после университета, всего три года. Несмотря на первые признаки тяжелого заболевания, был новый подъем творческих сил, общение с коллегами, предполагаемая защита докторской диссертации, обширные планы изучения этнокультурогенеза народов Средней Азии (в классическом для русской науки понимании этого термина), имея в виду объединение центрально- и среднеазиатской проблематики. Вообще, уже угадывались контуры того направления историко-культурных исследований, которые планировал А.Д.Грач. Всему этому не суждено было осуществиться... Давняя травма, полученная в Туве, и последующие невзгоды дали себя знать. 7 марта 1981 года Александра Даниловича не стало.

Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская

Работа А.Д.Грача, посвященная археологическим разведкам на юге Тувы, одним из главных итогов которых явилось открытие замечательного могильника Саглы-Бажи II. Была подготовлена А.Д.Грачом в качестве V главы книги "Древние кочевники в центре Азии" (М., 1980), но не вошла в окончательный текст монографии. Рукопись предоставлена для публикации К.В. Чузуновым.

А.Д.Грач

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ГРАНИЦЕ КОТЛОВИНЫ БОЛЬШИХ ОЗЕР. САГЛЫНСКАЯ ДОЛИНА

В 1960–1962 гг. основным районом наших исследований явился Овюр — один из южных районов Тувы. Исходные данные для выбора мест раскопок были подготовлены исследованиями, проведенными нами на территории Овюрского района еще в 1955 г. Археологические разведки, проведенные нами в 1955 г., наряду с другими задачами преследовали цель обследования белого пятна, которым в то время являлись территории западного Овюра. Что же касается территорий восточного Овюра, то там еще в 1947 г. побывала экспедиция С.В.Киселева и Л.А.Евтюховой, осмотревшая многочисленные памятники, расположенные вдоль тракта Самагалтай — Торгалыг — Хандагайты¹.

Во время разведывательных маршрутов 1955 года, сделанных на лошадях, нами была в первую очередь обследована территория Хандагайтинской котловины и долина р. Улаатай. Выйдя затем из Хандагайты мы перевалили в долину р. Боора-Шей (монгольское название — Баршин-Гол) и пересекли долину р. Хорумнуг-Ой. Далее маршрут охватил Саглынскую долину и прошел вдоль отрогов хребта Цаган-Шибэту, через долины Барлыка и Толайлыга на перевал Саадак, лежащий на основной конной тропе, ведущей в Монгун-Тайгу. В Монгун-Тайге мы обследовали долину р.Каргы вплоть до границы с Алтаем, поднялись до берегов высокогорного озера Хиндиктиг-Холь, а затем по южной тропе проделали маршрут из Мугур-Аксы в район Моген-Бурена. Из Монгун-Тайги, через перевал Кадыр-Орук мы прошли в Чараш-Даштыг-Тайгу и долиной Улуг-Шуя вышли в Хемчикскую котловину. Отсюда мы проследовали в Кызыл-Мажалык, далее — через сумон Аянгаты до долины р.Улуг-Чыргака, перевалили хребет Танну-Ола и через Ак-Кежиг и долину Боора-Шея вернулись в Хандагайты.

В результате разведывательных маршрутов 1955 г. были получены материалы для составления археологической карты обширных территорий Западной Тувы и изучены закономерности географического распределения различных групп археологических памятников. Было, в частности установлено, что разновременные курганные могиль-

¹ Л.А.Евтюхова и С.В.Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр.123, рис. 48 (карта).

ники, в том числе и могильники скифского времени, располагаются в обширных открытого характера горно-степных долинах и отсутствуют почти совершенно в долинах закрытого типа — таких, например, как долины Арзайты или Толайлыга. Данные маршрутов 1955 г., так же как и данные ранее проведенных маршрутов 1953 г., как уже указывалось, дали основные исходные данные для выбора мест стационарных раскопок.

Разведывательные маршруты показали, что долины западного Овюра — территории от Улаатая до верховьев Саглы, почти на 125 км протянувшиеся вдоль южных отрогов Танну-Ола, являются сосредоточием многочисленных и разнообразных археологических объектов — курганных могильников, наскальных изображений, каменных изваяний, “оленных” камней, поминальных памятников. По насыщенности археологическими памятниками западный Овюр является одним из наиболее богатых районов Тувы и вполне может быть сопоставлен в этом отношении с такими районами республики, как Монгун-Тайга, бассейн верховьев Алаша (Кара-Холь), левобережье р. Ак (Сут-Холь), Куйлут-Хемское плато (Улут-Хем). Одним из наиболее интересных видов археологических памятников Овюра являются наскальные изображения, многотысячные скопления которых были открыты на южных склонах хребта Танну-Ола (памятники эти, относящиеся к разным историческим — к скифской, гунно-сарматской и древнетюркской эпохам, были в свое время опубликованы¹).

Обращает на себя внимание большое число древнетюркских каменных изваяний, сохранившихся до наших дней на территории западного Овюра — работами 1955 и 1960 г. было найдено 17 каменных фигур² — таким образом по числу сохранившихся на месте каменных изваяний Овюр уступает лишь Монгун-Тайге.

В географическом отношении долины Овюра представляют собой языки обширной Убса-Нурской котловины, которая, в свою очередь, является частью котловины Больших Озер Монголии, по ландшафту относящейся к зоне степей и полупустынь. Основные реки западного Овюра — Улаатай, Хандагайты, Боора-Шей и Саглы с притоками, начинаются в отрогах хребта Танну-Ола и текут к Убса-Нуру, наиболее крупному озеру Северо-Западной Монголии. Самой высокогорной частью района является Саглынская долина, упирающаяся в стык хребтов Цаган-Шибэту и Танну-Ола — географические условия этой долины, ее холодный микроклимат, позволяли надеяться на обнаружение здесь подкурганной мерзлоты.

Исследования в Овьоре показали, что этот район был интенсивно обитаем с палеолитического времени. Местом концентрации особенно большого числа стоянок, являлась, по-видимому, Саглынская долина, где было обнаружено 9 пунктов находок каменных орудий (скребки, отщепы, остроконечники, нуклеусы). Каменные орудия были также обнаружены и в долине р. Улаатай (в 10 км к В от поселка Хандагайты). Общее число собранной в Овьоре коллекции каменных орудий составило тогда около 150 экземпляров³.

¹ А.Д.Грач. Петроглифы Тувы II (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.). Сб. МАЭ, т. XVIII, М.-Л., 1958, стр.339, 343–384, рис. 2–14, табл. V, 2–XIV (см. также сводную карту на стр.341); Р.Л.Потапов. О некоторых наскальных изображениях, обнаруженных в горах Танну-Ола и Монгун-Тайги. Там же, стр.385–389.

² А.Д.Грач. Древнетюркские изваяния Тувы (По материалам исследований 1953–1960 гг.). М., 1961.

³ Сборы проводились Л.Г.Нечаевой, А.Д.Грачом и другими участниками работ в Саглы. Собранная в Овьоре коллекция каменных орудий была продемонстрирована на заседании секции палеолита Пленума ЛОИА АН СССР, посвященного итогам полевых археологических исследований 1960 г. Участники заседания — П.И.Борисковский, А.П.Окладников, А.Н.Рогачев, В.П.Любин, З.А.Абрамова отметили ценность собранного материала и перспективность исследований палеолита в Саглынской долине.

Основные курганные и сопутствующие им памятники западного Овюра тяготеют к долинам Улаатая, Хандагайты, Боора-Шея и Саглы.

На Улаатае представлены херексуры скифского времени с подквадратными и круглыми оградами и значительная серия курганных сооружений без дополнительных устройств — почти полное отсутствие задерновки на этих курганах, по-видимому, сигнализирует об относительно поздней их дате. Среди разновременных комплексов Улаатая обнаружена большая серия древнетюркских оградок с балбалами — при оградках обнаружено 8 сохранившихся изваяний (некогда количество их несомненно было значительно большим).

Крупный могильник, включающий памятники скифского и гунно-сарматского времени, расположен в 3 км севернее пос. Хандагайты. В особенно большом числе здесь представлены курганы монгун-тайгинского типа — погребения в валунно-плитовых камерах вблизи уровня горизонта. Самым большим курганом этого могильника является крупное сооружение с системой пристроек-“языков” (до 50 м по длинной оси) гуннского времени, аналогичное памятникам этого же времени в Сут-Хольском районе (Кок-Эль¹, Алды-Ишкин²).

Боора-Шейский комплекс погребальных и ритуальных сооружений включает такие памятники как курганы монгун-тайгинского типа, херексуры с камерами-срубамии скифского времени и подквадратными и круглыми ограждениями, оградки со стелами и камнями-балбалами древнетюркского времени (ориентация оградок — сторонами по странам света), “оленные” камни, круговые валунные выкладки. В западной части долины (район поселка Ак-Кежаг) было обнаружено древнетюркское изваяние VIII–IX вв. н.э.

Особого внимания заслуживает один из херексуров с квадратной оградой (размеры ограды 26 × 26 м; ориентация — сторонами по странам света). По оси В–З сооружение имеет два выхода, обозначенных массивными воротными плитами. От ограды к В тянется ряд вертикально врытых камней, не являющихся продолжением “воротной” оси сооружения, а смещенных всей линией к С (исключение составляет лишь стела № 1). Число сохранившихся камней — 11 (между камнями 5 и 6 имеется значительный перерыв). На стелах 3, 4, 5 (рис.) высечены изображения, среди которых представлены круги, мотив в виде трех параллельных полос, бордюры из кружков (“ожерелье”), изображения клевцов-чеканов с рукоятями. Эти мотивы повторяют изображения на отдельно стоящем оленем камне, обнаруженном здесь, в Боора-Шейской долине (рис.)³.

В 1966 г. во время поездки группы сотрудников и персонала Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР в западную Туву осмотр отдельных участков Саглынской долины был проведен С.Н.Астаховым, который обнаружил новые серии каменных предметов. Вопросы палеолита Тувы разрабатываются сейчас С.Н.Астаховым. В 1968–1969 гг. С.Н.Астахов провел работы и в Саглы, где им было обнаружено много новых пунктов и стоянок каменного века.

¹ В.П.Дьяконова, С.И.Вайнштейн. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры. Тр. ТКЭАН., т. II, М.-Л., 1966, стр.186–291.

² А.Д.Грач. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге (из материала полевого сезона 1959 г.). Тр. ТКЭАН., т. II, М.-Л., 1966, стр.81, рис. 1.

³ В 1960 г. на Боора-Шее велись раскопки археологической экспедицией Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории. См.: М.Х.Маннай-оол. Археологические исследования в Овюрском районе в 1960 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, Кызыл, 1961, стр.222—225.

На левобережье р. Хорумнуг-Ой были зафиксированы подквадратные оградки со стенами внутри ограждения (оградки ориентированы по странам света, внутри одной из них установлены четыре разновысоких стелы).

Памятники Саглынской долины

Местом сосредоточения наибольших скоплений памятников является обширная Саглынская долина, простирающаяся между хребтами Цаган-Шибэту и Танну-Ола, вдоль современной границы с Монгольской Народной Республикой. Курганные группы и поминальные комплексы расположены здесь как по долине р. Саглы, так и по ее притокам — р. Кыды-Хаянын, Орта-Хаянын, Мугур, Теректыг, Сайлыг, Кочерим и Шын.

На территории самого поселка Саглы (Кызыл-Тей) в 1955 г. нами были зафиксированы курганы на “платформах” (содержат в центральных сооружениях погребения монгун-тайгинского типа), незадернованные каменные курганные сооружения со следами ограбления, а также оградки древнетюркского времени с изваяниями и камнями-балбалами¹.

Основные скопления могильных памятников на территории Саглынской долины сосредоточены к З от Кызыл-Тея, а также в местности Сай-Аксы. Остановимся на наиболее значительных из них.

Могильник Саглы-Бажи I

Расположен в верховьях Саглы, в 24 км к З от поселка Кызыл-Тей (Саглы) на плато Узук-Усту, находящемся на стыке горных хребтов Танну-Ола и Цаган-Шибэту.

Центральное место среди памятников этого могильника занимает крупный каменный курган кыргызского времени (Ов-60-16, раскопан), диаметр по оси С-Ю — 19 м. Внутри наземного сооружения открыто позднее впускное захоронение. Неподалеку расположен еще один курган IX–X вв. н.э., уступающий предыдущему по размерам — диаметр по центральной оси — 8,5 м (Ов-60-9); имеется позднейшее впускное захоронение.

На краю плато расположен древнетюркский курган VIII–IX вв. н.э. (Ов-60-19, раскопан).

Помимо поздних памятников на могильнике представлена группа погребений монгун-тайгинского типа (объекты Ов-60-10, 11, 12, 13, 14 — раскопаны). На северо-восточном краю плато имеется группа из 5 курганов, соединенных каменной выкладкой и “усаами”.

Могильник Саглы-Бажи III

Расположен на правобережье р. Саглы, у подъема на перевал Арзайты. Типы памятников: херексуры с кольцевым ограждением, имеющие подчетыреугольные задернованные провалы в центральной части наземных сооружений (возможно, что это не следы ограбления, а провал потолка камер), херексуры со слабо задернованными центральными сооружениями, окруженными кольцом — один такой херексур был раскопан и оказался памятником поминальным (Ов-60-21), каменные курганы без дополнительных сооружений (один из них был раскопан и дал тюркское погребение VIII–IX вв. н.э.

¹ В 1957 г. на территории поселка Саглы раскопки нескольких курганов провел отряд Монгольской экспедиции Института археологии АН СССР и МГУ под руководством Л.Р.Кызласова. В течение трех дней Л.Р.Кызласовым было раскопано 6 курганов, каких-либо существенных результатов достигнуто при этом не было. См.: Л.Р.Кызласов.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ А.Д.ГРАЧА

1. Человеческое жертвоприношение в эпоху распада Боспорского царства // Природа. 1949 № 9. С. 81–82.
2. К вопросу о позднем этапе "тавро-скифских" культовых представлений // СЭ. 1952. № 4. С. 174–181.
3. Кубачинский котел из археологического собрания Музея антропологии и этнографии // Сб. МАЭ. Т. XV. 1953. С. 317–331.
4. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. (Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса). Изд. Главсевморпути. Л.; М., 1951. Рецензия. // СЭ. 1953. № 4. С. 158–160.
5. Обследование археологических памятников Западной Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. II. 1954. С. 155–166.
6. Основные этапы развития первобытнообщинного строя (методическое пособие для учителей средней школы). Рукопись (2 п.л.). Используется Ленинградским Гор. институтом усовершенствования учителей.
7. Археологические исследования в Западной Туве // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXIII. 1955. С. 19–33.
8. Каменные изваяния Западной Тувы (К вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сб. МАЭ. Т. XVI. 1955. С. 401–431.
9. Проблемы этнографии и антропологии (совещание в Ленинграде) // Вестник АН СССР. 1956. № 10. С. 115–116.
10. Тува (исторический очерк) // БСЭ. 1956. т.43. С. 355–356. (подписная статья)
11. Петроглифы Тувы, I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сб. МАЭ. Т. XVII. 1957. С. 385–428.
12. Археологические раскопки в Ленинграде. (К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в.), М.; Л., 1957. 30 с.
13. Скифская проблема в исторических трудах Ломоносова // "Ломоносов". Сб. статей и материалов. Т. VI. I п.л. (в печати)
14. Этнографическая экспозиция "Индонезия" в Москве // СЭ. 1957. № 2. С. 168–172.
15. Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1956 года // СЭ. 1957. № 4. С. 148–153.
16. Проблема этногенеза киргизского народа // Вестник АН СССР. 1957. № 2. С. 123–125.
17. Петроглифы Тувы, II. (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.) // Сб. МАЭ. Т. XVIII. 1958. С. 339–384.
18. Первый сезон полевой работы Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции // Тезисы докладов на сессии Ученого совета ИЭ АН СССР, посвященной итогам экспедиционных исследований 1957 г. 1958. С. 6–9 (в соавторстве с Л.П.Потаповым)
19. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // СЭ. 1958. № 4. С. 19–34.
20. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула (Юго-западная Тува) // Краткие сообщения ИЭ АН СССР. Вып. XXX. 1958. С. 151–158.
21. К истории связей древнего населения Тянь-Шаня и Памиро-Алая с Центральной Азией (выступление на сессии) // Труды Киргизской комплексной экспедиции. Т. III, 1959. (Материалы научной сессии по этногенезу киргизского народа). С. 121–124.
22. Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция // Ежегодник БСЭ. 1959. С. 477.
23. Проблемы этнографии, археологии, антропологии на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока // СЭ. 1960. № 5. С. 111–117.
24. Краткие итоги полевых исследований, проведенных археологическим отрядом ТКЭАН в 1959 г. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. VIII. 1960. С. 185–192 (в соавторстве с Л.Г.Нечаевой).
25. Полевые исследования Тувинской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока (секция археологии,

- этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода). 1960. С. 15–20 (в соавторстве с Л.П.Потаповым, С.И.Вайнштейном и В.П.Дьяконовой).
26. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и рекогносцировочные исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Тр. ТКАЭЭ. Т. I. М.; Л., 1960. С. 7–72.
27. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Тр. ТКАЭЭ. Т. I. М.; Л., 1960. С. 73–150.
28. /Рец. на:/ Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы (Наскальные рисунки у деревни Шишкино). М.; Л., 1959 // СЭ. 1961. № 2. С. 141–143.
29. Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953–1960 гг.) // М., 1961. 94 с. и 97 табл.
30. Южная Сибирь в гунно-сарматское время // История Сибири и Дальнего Востока (проект проспекта). Новосибирск, 1961. С. 29–30.
31. Археология Южной Сибири и Центральной Азии древнетюркского времени (проблема происхождения тюрков, очерк культуры и быта тюрков-тугю) // Там же. С. 31–32, 34–36.
32. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров // Там же. С. 36–37.
33. Енисейские кыргызы-хягасы // Там же. С. 37–38.
34. Культура и быт древних тюрков Тувы по археологическим данным (раздел в гл. "Период феодальных отношений. Тува в составе Тюркского каганата") // История Тувы. Т. I. М., 1961. С. 96–112 (в соавторстве с Л.П.Потаповым).
35. Хозяйство древних тюрков Тувы по археологическим данным (раздел в гл. "Период феодальных отношений. Тува в составе Тюркского каганата") // История Тувы. Т. I. М., 1961. С. 82–92 (в соавторстве с Л.П.Потаповым).
36. Итоги раскопок могильника пазырыкского этапа Саглы-Бажи (Южная Тува) // ТД научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1962 г. Л., 1963. С. 41–43.
37. Проблема соотношения культур скифского времени Тувы, Алтая и Минусинской котловины // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 86–88.
38. По поводу рецензии Л.Р.Кызласова // СА. 1965. № 3. С. 302–306.
39. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 107. 1966. С. 28–32.
40. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. (Из материалов полевого сезона 1959 г.) // Труды ТКАЭЭ. Т. II. М.; Л., 1966. С. 81–107.
41. *Turchi antichi, centri e correnti* // *Enciclopedia universale dell'arte. Venezia-Roma. Boll.14.* 1966. P. 237–256.
42. Первый полевой сезон Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР // ТД на заседании, посвященном итогам полевых исследований 1965 г. М., 1966. С. 6–10.
43. Открытие погребения С.П.Крашенинникова в Ленинграде // СЭ. 1966. № 4. С. 108–116.
44. Ажыл-агыйи (раздел в гл. "Эрте-бурунгу феодал харылзаалар уези. Тыва тюрк кагананынын составында") // Тыванын тоогузу, 1966. Т. I. С. 77–86 (в соавторстве с Л.П.Потаповым, на тувинском языке).
45. Амыдыралы болгаш культуразы (раздел в гл. "Эрте-бурунгу феодал харылзаалар уези. Тыва тюрк кагананынын составында") // Тыванын тоогузу, 1966. Т. I. С. 90–105 (в соавторстве с Л.П.Потаповым, на тувинском языке).
46. Проблемы археологии Тувы и Алтая скифского времени // Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1966. С. 78–80.
47. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник (К 60-летию А.Н.Кононова). 1966. С. 188–193.
48. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // АО 1965 г. М., 1966. С. 22–23.
49. Исследования могильников Улуг-Оймак и Улуг-Хорум // Там же. С. 30–31.
50. Древнетюркская археология в СССР // Филология и история тюркских народов. ТД Тюркологической конференции в Ленинграде. Л., 1967. С. 52–54.
51. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени // СА. 1967. № 3. С. 215–233.

52. Археологические исследования в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // АО 1966 г. М., 1967. С. 124–125.
53. Алтай и Тува в скифское время // История Сибири. Т. I. М.; Л., 1968. С. 227–233.
54. Исследования на Куйлуг-Хемском плато // АО 1966 г. М., 1967. С. 131–133.
55. Енисейские киргизы VI–X вв. // История Киргизии. Т. I. 1968. С. 121–132 (в соавторстве с И.А.Батмановым).
56. Саяно-Тувинская археологическая экспедиция в 1966–1967 гг. // ТД на заседании, посвященном итогам полевых исследований 1967 г. М., 1968. С. 30–32.
57. Исследования на Куйлуг-Хеме и Алды-Беле // Археологические открытия 1967 г. М., 1968. С. 170–173.
58. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. Вып.114. 1968. С. 105–111.
59. Сокровища Центральной Азии // Современная Монголия. Улан-Батор. 1968. № 7. С. 18–19.
60. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207–213.
61. Исследования в Туве // АО 1968 г. М., 1969. С. 186–187.
62. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА. Вып.118. 1969. С. 43–57.
63. Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР // АО 1969 г. М., 1970. С. 189–190.
64. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып.15. 1971. С. 93–106.
65. Работы Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1970 г. М., 1971. С. 180–182 (в соавторстве с Ю.И.Трифоновым, Г.В.Длужневской и И.У.Самбу).
66. Исследования в Саянском каньоне Енисея, Центральной Туве и Минусинской котловине // АО 1971 г. М., 1972. С. 237–238 (в соавторстве с Г.В.Длужневской).
67. Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей // ТД III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский "звериный" стиль). М., 1972. С. 29–30.
68. Саяно-Тувинская археологическая экспедиция в 1971 г. // Краткие тезисы докладов к пленуму, посвященному итогам археологических исследований 1971 г. Л., 1972. С. 13–15.
69. Кодай тюрку дздай по хэннэн-тэки оеоби руйдзоку бункатеки ханчи. (О понятии древнетюркского времени, его хронологических и этнокультурных границах) // Юрасия (Евразия). Т. 7. 1972. (На японском языке)
70. Проблемы археологии и древней истории Центральной Азии в свете исследований Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР // ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 199–201.
71. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник. М., 1973. С. 316–333.
72. Проблемы исследований древнетюркских кочевников азиатских степей // Бартольдские чтения 18–20 марта 1974 г. Изучение истории средневекового Востока В.В.Бартольдом и современное состояние науки (тезисы докладов и сообщений). М., 1974. С. 21–22.
73. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Средней Азии. М., 1975. С. 158–182.
74. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 249–256.
75. Новые исследования в Саглынской долине // АО 1975 г. М., 1976. С. 228–230.
76. Петроглифы Алды-Беля // АО 1976 г. М., 1977. С. 196–197.
77. Обследование тайника в Бий-Хемском районе Тувы // Там же. С.227 (в соавторстве с В.Т.Монгушем).
78. Исследования в Тандинском районе Тувы // АО 1977 г. М., 1978. С. 220–221.
79. О так называемых "древнетюркских неурядицах" // Советская тюркология. 1978. № 6. С. 45–48.
80. Работы Балгазынской экспедиции // АО 1978 г. М., 1979. С. 218.
81. Указатель советской литературы по методологическим проблемам археологии за 1918–1973 гг. Ленинградская кафедра философии АН СССР. Библиография 6 а.л., вводная часть 2 а.л. Сдано в печать в 1978 г.

82. Центральнаяазиатский регион скифо-сакского пояса степей // ТД Всесоюзной археологической конференции "Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства". Кемерово, 1979. С. 77–80.

83. Культ великой богини в Центральной Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений (август 1979 г.). Л., 1979. С. 12–13.

84. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших озер и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1980. С. 103–123.

85. Резные композиции в искусстве Тувы скифского времени // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл. 1980. С. 71–76.

86. Вопросы изучения петроглифов Тувы // Там же. С. 119–123.

87. Балгазынская археологическая экспедиция // Там же. С. 149–152.

88. Искусство древних кочевников Центральной Азии в свете новейших открытий // Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР, посвященное столетию создания первого Академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980. С. 86–87.

89. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

90. Опыт расшифровки семантики золотой композиции скифского времени из Центральной Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений (ноябрь 1980 г.). Л., 1980. С. 11–12 (в соавторстве с Н.Л.Грач).

91. Центральная Азия как историко-археологический регион // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 244–265.

92. Центральная Азия и Киргизстан // ТД Всесоюзной научной конференции "Культура и искусство Киргизии". Вып. 1. Л., 1983. С. 17–18.

93. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АСГЭ. Вып. 23. 1983. С. 30–35.

94. Об одном древнем инструменте народной медицины // СЭ. 1983. № 3. С. 97–99 (в соавторстве с И.Б.Молдобаевым).

95. Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 113–125.

96. Золотая композиция скифского времени из Тувы // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 134–148 (в соавторстве с Н.Л.Грач).

✓ 97. Исследования на могильнике Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III). Отчет о раскопках 1965 года // А.Д.Грач, Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская. Енисейские кыргызы в Центре Тувы. М., 1998. С. 7–10.

98. Глава V. Памятники скифского времени на границе котловины Больших Озер. Саглынская долина. (Материалы трудов конференции) — С. 10 – 13 данного сборника

99. Программа спецкурса "Археология Центральной Азии" (Материалы трудов конференции) — С. 18 – 21 данного сборника

100. Хронология и периодизация памятников скифского времени Тувы (Тезисы доклада, сделанного 16 марта 1973 г. на заседании Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР). (Материалы трудов конференции) — С. 39 – 40 данного сборника

Об А.Д.Граче

Дьяконова В.П., Савинов Д.Г. А.Д.Грач — исследователь Центральной Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Ноябрь 1981 г. Л., 1981. С. 28–35.

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА «АРХЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

А.Д.Грач читал этот спецкурс на кафедре археологии исторического факультета Санкт-Петербургского (тогда Ленинградского) университета (заведующий кафедрой проф. М.И.Артамонов) в 1968–1969 гг.

Ленинградский Государственный Университет
Исторический факультет
Кафедра археологии

А.Д.Грач

ПРОГРАММА спецкурса «Археология Центральной Азии»¹ (32 часа)

- I. История накопления археологических знаний о Центральной Азии. (2 часа)
Определение экологического, историко-археологического и историко-этнографического понятия «Центральная Азия».
Путешествия в Центральную Азию Гильома Рубрука и Плано Карпини.
Сведения о древних городах и буддийских святилищах от русских послов к Алтын-Хану В.Тюменца и И.Петрова (1617 г.).
Н.Я.Бичурин и переводы китайских хроник. Н.М.Ядринцев и открытие орхонских памятников (1889 г.). Орхонская экспедиция В.В.Радлова. Работы Г.Н.Потанина в Монголии и Туве. Финские экспедиции и поиски в Центральной Азии мифической прародины финно-угров. Монголо-Тибетская экспедиция П.К.Козлова. Работы Г.И.Боровка, С.А.Теплоухова.
Экспедиции А.В.Адрианова, С.Р.Минцлова, С.А.Теплоухова в Туву.
Советско-монгольская экспедиция под руководством С.В.Киселева. Исследования А.П.Окладникова и монгольских археологов.
Рекогносцировочный маршрут Л.А.Евтюховой и С.В.Киселева по Туве. Работы Саяно-Алтайской и Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиций АН СССР, археологических отрядов МГУ и ТНИИЯЛИ.
Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР и новый этап исследований в Центральной Азии. Разработка и проведение принципа пропорциональности в исследовании узловых исторических эпох. Задачи и перспективы дальнейших археологических исследований в Центральной Азии.
- II. Каменный век. (2 часа)
Исследования Н.Нельсона, Ч.Эндрюса, Ф.Бергмана. Многолетние исследования А.П.Окладникова в Монголии и предлагаемая им периодизация.

¹ Настоящий курс задуман как введение в археологию Центральной Азии. В дальнейшем предполагается поставить детализированные спецкурсы по отдельным темам и историческим периодам, затронутым во вводном курсе.

Гипотеза о принадлежности культур “галечного типа” к древнейшим эпохам каменного века Центральной Азии.

Культура мустьерского типа в Гоби и котловине Великих Озер Монголии.

Верхний палеолит Монголии и Тувы и вопрос о переживании леваллуазских мустьерских приемов раскалывания камня.

Вопрос о переживании палеолитической техники в эпоху мезолита и неолита. Древнейшие культурные связи между Монголией – Тувой и Средней Азией.

III. Эпоха бронзы и монгун-тайгинская проблема. (4 часа)

Открытие и определение памятников монгун-тайгинского типа, их основные варианты в Туве и Монголии. Первые определения абсолютной и относительной хронологии монгун-тайгинских погребений, их социального подразделения. “Монгун-тайгинская” дискуссия и ее исход. Куйлуг-Хемские комплексы, могильники Бай-Даг III, Аргалыкты II, памятники Саглы и Сут-Холя.

Карасукская культура и Центральная Азия.

Первые погребения эпохи энеолита.

Наскальные святилища эпохи бронзы в Саянской “трубе”.

Портретные галереи древних жрецов-шаманов и проблема связей с окуневскими личинами и амурским кругом памятников.

IV. Скифское время (VII–III вв. до н.э.). (6 часов)

Определение скифского времени — эпохи развития кочевого скотоводства, периода возникновения ареала сходных культур на обширных пространствах Великого пояса степей — от Ордоса на востоке до Венгрии на западе.

Культура плиточных могил в Монголии и Забайкалье, ее территориальные и хронологические границы.

Памятники алды-бельского – тасмолинского типа (VII–VI вв. до н.э.).

Курганы пазырыкского-саглынского типа в Центральной Азии (V–IV вв. до н.э.). Высокогорная Саглынская долина — средоточие ледовых усыпальниц скифского времени. Открытие первых неграбленных курганов. Саглы-Бажи II — опорный и уникальный по сохранности могильник пазырыкского этапа. Могильники пазырыкского-саглынского типа в Центральной Туве.

Открытие в Туве памятников переходного этапа от скифского к гунно-сарматскому времени.

Хозяйственный уклад ранних кочевников Центральной Азии и Южной Сибири и проблема сочетания кочевого и оседлого быта. Традиции сооружения стационарных и переносных жилищ. Транспорт.

Исследование по археологическим данным вопросов социального строя, семьи, демографии. Основные социальные группы общества ранних кочевников. Возрастные классы.

Искусство. Пазырыкский вариант скифского звериного стиля. Произведения прикладного искусства, выполненные в бронзе, золоте, дереве, роге, кости. Петроглифы скифского времени в Монголии и Туве.

Религия, погребальный ритуал и находки первых в Центральной Азии мумий.

V. Гунно-сарматское время (первые вв. до н.э. — первые вв. н.э.). (4 часа)

Гунно-сарматское время — эпоха возникновения крупных объединений кочевников Центральной Азии, Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Безраздельная победа железа, как основного материала для изготовления орудий труда и оружия.

Типы центральноазиатских памятников гунно-сарматского времени. Кладбища рядовых кочевников (Кок-Эль, Аргалыктынская и Кара-Тальская группы могильников, памятники Северной Монголии).

Могильники родовой знати — памятники типа курганов могильника Бай-Даг II, “средних” и “малых” курганов Ноин-Улы.

Усыпальницы больших курганов Ноин-Улы — памятники высшей знати.

Вопрос о сочетании погребальных и поминальных памятников гунно-сарматского времени.

Возникновение оседлых центров.

VI. Древнетюркское время (VI–X вв. н.э.). (6 часов)

Определение и общенсторическая характеристика древнетюркского времени — эпохи сложения крупных государственных объединений кочевников и этнического оформления предков ряда современных тюркоязычных народов.

Основные этапы истории тюркских каганатов. Этно-культурные зоны — собственно тюркская-тугуйская, кыргызская-среднеенисейская и курыканская-байкальская, погребальный обряд.

Категории памятников древнетюркского времени:

1. Погребальные комплексы с кремацией и ингумацией и кенотафы.

2. Поминальные комплексы — храмы, каменные изваяния и стелы при оградках с рядами камней-балбалов.

Социальное и культовое значение древнетюркских изваяний, дискуссия об их семантике.

3. Петроглифы, их ареал и расшифровка значения.

4. Рунические орхоно-енисейские надписи на стелах и мелкая эпиграфика. Расшифровка В.Томсеном и В.В.Радловым секрета древнетюркского письма. Исторические сведения камнеписных текстов — памятники кагана Бильге, полководца Кюль-тегина, их советника “премудрого” Тоньюкука и другие эпиграфии Монголии и Тувы.

5. Горные выработки и рудовозные дороги.

Проблема периодизации древнетюркских памятников.

Кочевое скотоводство, жилище, одежда, пища древних тюрков. Ремесло и прикладное искусство. Социальный строй по археологическим данным и сообщениям письменных источников. Военное искусство и вооружение.

Культурно-исторические связи и контакты.

Города древних уйгуров VIII–IX вв. и роль оседлой цивилизации в Центральной Азии. Столица уйгурского ханства. Уйгурские города Тувы — крепость на озере Тере-Холь, группа городищ в Улуг-Хемском районе и в Сут-Холе. Трагическая гибель уйгурских городов в 840 г. — нашествие енисейских кыргызов и исторические последствия гибели городских центров.

Кыргызские курганы с трупосожжением в Центральной Туве, на рубеже котловины Великих Озер и в Северной Монголии. Вопрос о связи курганов и стел с руническими надписями.

Значение памятников древнетюркского времени для разработки проблем этногенеза и истории культуры современных тюркоязычных народов.

VII. Кидане. Тангуты. Монгольская империя. (4 часа)

Киданьская империя Елюй Амбагыня и его преемников. Города киданей в Монголии. Киданьская столица Чин-Тологой. Границы киданьского государства и дискуссия о минимом вхождении Тувы после первой четверти X в. в состав владений енисейских кыргызов.

Тангутская цивилизация (государство Си-ся). Эдзина — мертвый тангутский Хара-Хото. Открытия экспедиции П.К.Козлова. Раскопки “знаменитого” субургана и книжная сокровищница. Художественные ценности. Расшифровка тангутской письменности (исследования А.Н.Невского).

Монгольская империя Чингиз-хана и чингизидов. Кара-Корум — столица великой империи по описаниям письменных источников и по археологическим данным. Ремесло. Жилые и административные здания. Дворец Угэдэя. Городская планировка. “Мудрые” черепахи Кара-Корума.

Данные о погребальном ритуале монголов. Сведения о погребении Чингиз-хана и безуспешные его поиски.

VIII. Позднейшие историко-культурные памятники. “Археологическая этнография”. (2 часа)

Дворец-замок Цогто-Тайджи.

Ундур-гэгээн Занбазар и его роль в развитии культуры и искусства Монголии.

Монастыри Монголии — памятники ламаизма и буддийской культуры. Эрдэни-Цзу — старейший монастырский комплекс Монголии (1686 г.). Дворец последнего богдо-гэгэна и монастырь Чойжин-ламы — государственного оракула в Урге (Улан-Батор). Последний живой ламаистский монастырь Монголии — Гандантэгчинлинг. Проблема сочетания древних китайских, тибетских и индийских традиций в монгольской и тувинской храмовой архитектуре.

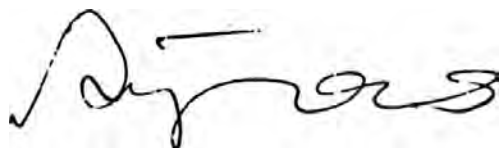
Позднейшие погребальные памятники. Сочетание китайского, ламаистского и доламаистского погребальных обрядов. Тибетский способ мумификации знатных и выдающихся лиц. Усыпальница маньчжурской принцессы в Зуун-Моде. Обряд погребения в открытых “долинах смерти”. Впускные погребения XVII-XIX вв. в Туве и Северо-Западной Монголии, вопрос об этнической принадлежности на “стыковых” территориях. Роль “археологической этнографии” для разработки проблем этнической истории народов Центральной Азии и Сибири.

IX. Место Центральной Азии в истории мировой культуры. Археологические данные о факторах временного торможения и регресса исторического развития Центральной Азии.

Шовинистичность современной китайской историографии. Действительная роль древнего наследия в культуре и быте современных народов Центральной Азии.

Значение археологических исследований для восстановления истории бесписьменных народов.

Иллюстративный материал к курсу — диапозитивы, снятые во время полевых исследований в Туве и Монголии в 1953–1968 гг., диапозитивы с материалов археологических исследований, проведенных Саяно-Алтайской и Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедициями АН СССР и проводящихся ныне Саяно-Тувинской археологической экспедицией АН СССР.

2.I.1969 г.

САЯНО-ТУВИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АН СССР В АРХИВАХ ИИМК РАН

1965 год. Коллекция 2339.

Материалы раскопок I отряда СТАЭ (начальник [далее — нач.] отряда и экспедиции А.Д.Грач) могильников Улуг-Оймак I, II и Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III). Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2644. Негативы [далее — нег.] III 16825, 16830, 16869—16871. Нег. — 112, отп. — 107.

Материалы раскопок II отряда СТАЭ (нач. А.М.Мандельштам) могильников Даштыг-Шоль и Часкал на левом берегу р. Енисей у горы Байдаг. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2645. Нег. III 16670, I 58714. Нег. — 83, отп. — 81.

Материалы обследований III отряда СТАЭ (нач. С.Н.Астахов) палеолитических местонахождений Куйлуг-Хем, Эйлиг-Хем I и II, Ак-Даш. Тувинская АССР. Полевая работа и чертежи. Альбом 0.2646. Негатив III 16705. Нег. — 38, отп. — 37.

Материалы раскопок IV отряда (нач. Д.Г.Савинов) могильников Урбюн I, II, III и обследование наскальных изображений в устье р. Чинге. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбомы 0.2647, 0.2648. Нег. III 16710, 16736. Нег. — 165, отп. — 163.

Материалы раскопок V отряда СТАЭ (нач. Ю.И.Трифонов) могильников Аргалыкты I и II близ г. Шагонара. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбомы 0.2649, 0.2650. Негатив III 16794. Нег. — 185, отп. — 184.

Материалы раскопок VI отряда (нач. М.Х.Маннай-оол) могильника Ховужук напротив г. Шагонара, на правом берегу р. Енисей. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2651. Нег. — 53, отп. — 53.

Материалы раскопок Саяно-Тувинской экспедиции (нач. А.Д.Грач) в Тувинской АССР. Альбом бытовых снимков I — VI отрядов полевого сезона 1965 г. Альбом 0.2652. Нег. — 35, отп. — 41.

1966 год. Коллекция 2350.

Материалы раскопок Саяно-Тувинской экспедиции (нач. экспедиции А.Д.Грач) могильников на территории Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки I—V отрядов. Альбомы 0.2653 — 0.2657, 0.2652/41. Нег. — 496, отп. — 494.

1967 год. Коллекция 2395.

Материалы раскопок I отряда (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач) курганных могильников Куйлуг-Хем I, Алды-Бель I. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2710/1 — 61. Нег. — 64, отп. — 64.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильников Даштыг-Шоль, Бай-Даг II, городища Бажын-Алаак. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2710/62 — 128. Нег. — 72, отп. — 72.

Материалы раскопок III отряда (нач. С.Н.Астахов) палеолитических пунктов по рекам Шом-Шум, Хемчик, Куйлуг-Хем. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2711/1 — 46. Нег. — 48, отп. — 48.

Материалы раскопок IV отряда (нач. И.У.Самбу) могильников Ортаа-Хем I и II на р. Енисей (Улуг-Хем). Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2711/47 — 132. Нег. — 106, отп. — 106.

Материалы раскопок V отряда (нач. Ю.И.Трифонов) могильников Аргалыкты I, VIII, IX, XII и Кара-Гал IV. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2712/1 — 136. Нег. — 174, отп. — 174.

1968 год. Коллекция 2424.

Материалы раскопок Саяно-Тувинской экспедиции под общим руководством А.Д.Грача: процесс раскопок, чертежи и находки I, III, IV и V отрядов. Тувинская АССР. Альбомы 0.2746 — 0.2748. Нег. — 405, отп. — 405.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильника Аймырлыг и городища Бажын-Алаак. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбомы 0.2766 и 0.2767. Нег. — 270, отп. — 270.

1969 год. Коллекция 2453.

Материалы раскопок Саяно-Тувинской экспедиции под общим руководством А.Д.Грача в Улуг-Хемском районе: процесс раскопок, чертежи и находки I–V отрядов. Тувинская АССР. Альбомы 0.2799 — 0.2804. Нег. — 682, отп. — 682.

Материалы аэросъемки с вертолета различных памятников в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР, произведенной А.Д.Грачом. Альбом 0.3193. Нег. — 127, отп. — 127.

1970 год. Коллекция 2492.

Материалы раскопок Саяно-Тувинской экспедиции под общим руководством А.Д.Грача в Улуг-Хемском районе: процесс раскопок, чертежи и находки I–V отрядов. Тувинская АССР. Альбомы 0.2846 — 0.2848. Нег. — 384, отп. — 384.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильника Аймырлыг и городища Бажын-Алаак. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2885. Нег. — 72, отп. — 72.

Материалы обследования Я.А.Шера писаниц Мугур-Саргола в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Виды скал. Альбом 0.2899. Нег. — 6, отп. — 6.

1971 год. Коллекция 2551.

Материалы раскопок I отряда (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач) курганных могильников Хемчик-Бом. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбомы 0.2900 и 0.2901.

Материалы раскопок Отдельного отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильников Аймырлыг. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбомы 0.2932 и 0.2933.

Материалы раскопок III отряда (нач. С.Н.Астахов) и обследований памятников берега Енисея в Красноярском крае и р. Хемчик в Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2902.

Материалы раскопок IV отряда (нач. И.У.Самбу) могильника Чинге. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2931.

Материалы раскопок V отряда (нач. Ю.И.Трифонов) могильников Означенное и Летник в Хакасии и Аргалыкты и Бархан в Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбомы 0.2903 и 0.2904.

1972 год. Коллекция 2589.

Материалы раскопок I отряда (нач. Г.В.Длужневская) курганных могильников Хемчик-Бом II — VI. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2947. Нег. — 112, отп. — 112.

Материалы раскопок Отдельного отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильников Аймырлыг. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2949. Нег. — 85, отп. — 85.

Материалы раскопок III отряда (нач. С.Н.Астахов) палеолитических стоянок по реке Голубой и ручью Мадарак в Хакасской АО. Полевая работа, чертежи. Альбом 0.2948. Нег. — 34, отп. — 34.

Материалы раскопок V отряда (нач. Ю.И.Трифонов) могильников Означенное и Летник в Хакасии. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2948. Нег. — 103, отп. — 103.

1973 год. Коллекция 2626.

Материалы раскопок I отряда (нач. Г.В.Длужневская) курганных могильников Комбужап-Аксы, Перевалка I и II, Хадынных I и II в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР и Ермаковском районе Красноярского края. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3007. Нег. — 66, отп. — 66.

Материалы раскопок Отдельного отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильников Аймырлыг. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.2995. Нег. — 65, отп. — 65.

Материалы раскопок III отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов) палеолитических стоянок по рекам Голубая, Катушка, Кантегир и др. в Красноярском крае и близ поселка Означенное в Хакасии. Полевая работа, чертежи. Альбом 0.3007. Нег. — 56, отп. — 56.

Материалы раскопок V отряда (нач. Ю.И.Трифонов) могильников Означенное III и VIII в Хакасии. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3008. Нег. — 99, отп. — 99.

Материалы раскопок VI отряда (нач. М.Н.Пшеницына) каменных выкладок Означенное VI у пос. Означенное в Хакасии. Чертежи. Альбом 0.3008.

1974 год. Коллекция 2654.

Материалы раскопок Саяно-Тувинской экспедиции под общим руководством С.Н.Астахова в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР: процесс раскопок, чертежи и находки I–IV отрядов. Альбомы 0.3038 и 0.3039. Нег. — 329, отп. — 333.

1975 год. Коллекция 2733.

Материалы работ I-го отряда (нач. А.Я.Щетенко), 2-го отряда (нач. А.М.Мандельштам), 3-го отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов), 4-го отряда (нач. И.У.Самбу) и групп Г.В.Длужневской, Вл.А.Семенова и М.А.Дэвлет в Тувинской АССР и Красноярском крае. Полевая работа, чертежи, находки; виды скал и копии наскальных изображений. Альбомы 0.3089 — 0.3093. Нег. — 523, отп. — 545.

Археологические карты участков зоны Саяно-Шушенской ГЭС. Альбом 0.3092/132–143. Нег. — 12, отп. — 12.

1976 год. Коллекция 2790.

Материалы работ I-го отряда (нач. А.Я.Щетенко), 2-го отряда (нач. А.М.Мандельштам), 3-го отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов), 4-го отряда (нач. И.У.Самбу) и группы I-го отряда Г.В.Длужневской в Тувинской АССР и Красноярском крае. Полевая работа, чертежи, находки. Альбомы 0.3180 — 0.3181. Нег. — 235, отп. — 235.

1977 год. Коллекция 2793.

Материалы раскопок I отряда (нач. А.Я.Щетенко) городища Бажын-Алаак в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3153/1 — 35. Нег. — 37, отп. — 37.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильников Аймырлыг и Бай-Даг II. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбомы 0.3210 — 0.3212.

Материалы раскопок III отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов) палеолитических памятников Джой, Кантегир I, Сосновка Голованская в Красноярском крае. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом 0.3153/36 — 64. Нег. — 30, отп. — 30.

Материалы раскопок IV отряда (нач. Вл.А.Семенов) стоянки Усть-Кантегир в Хакасской АО и многослойной стоянки Ханыхское займище в Красноярском крае. Полевая работа и чертежи. Альбом 0.3213/1 — 25. Нег. — 25, отп. — 25.

Материалы раскопок V отряда (нач. Г.В.Длужневская) могильника Шугур в Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3213/26 — 58. Нег. — 32, отп. — 32.

Материалы Отряда по изучению петроглифов (нач. М.А.Дэвлет) исследований петроглифов в урочище Мугур-Саргол в Саянском каньоне Енисея: общий вид урочища, виды отдельных камней и рисунки изображений. Альбом 0.3213/59 — 94. Нег. — 36, отп. — 36.

1978 год. Коллекция 2875.

Материалы раскопок I отряда (нач. А.Я.Щетенко) городища Бажын-Алаак в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3135/65 — 82. Нег. — 18, отп. — 18.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильников Аймырлыг, Каат-Ховак I и II и Хайыракаан I. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбомы 0.3299 — 0.3301. Нег. — 238, отп. — 238.

Материалы работ Разведочной группы Т.А.Шаровской: разведка на могильнике Каат-Ховак II и в урочище Темир-Суг. Тувинская АССР. Полевая работа. Альбом 0.3304/54 — 56. Нег. — 3, отп. — 3.

Материалы обследований III отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов) местонахождений Погорелка, Тепсель и стоянки Казыр-Суг в Красноярском крае. Полевая работа, чертежи, рисунки находок. Альбом 0.3302/39 — 48. Нег. — 11, отп. — 11.

Материалы раскопок IV отряда (нач. Вл.А.Семенов) стоянки Тоора-Даш. Полевая работа и чертежи. Альбом 0.3302/1 — 38. Нег. — 38, отп. — 38.

Материалы раскопок V отряда (нач. Г.В.Длужневская) могильников Каравей I и II, Мугур-Саргол и Хем-Терек I и III в Тувинской АССР и Красноярском крае. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3301/57 — 133. Нег. — 77, отп. — 77.

Материалы Отряда по изучению петроглифов (нач. М.А.Дэвлет) исследований петроглифов в урочище Мугур-Саргол в Саянском каньоне Енисея: виды отдельных камней и рисунки наскальных изображений. Альбом 0.3302/49 — 110. Нег. — 60, отп. — 62.

1979 год. Коллекция 2920.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильников Бай-Даг III—VII в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3339/1 — 86. Нег. — 76, отп. — 81.

Материалы обследований III отряда (нач. С.Н.Астахов) палеолитических стоянок Малые Уры I—III, Казыр-Сук и местонахождения Сарыг-оол на юге Красноярского края и в Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и рисунки вещей. Альбом 0.3339/82 — 170. Нег. — 89, отп. — 89.

Материалы раскопок IV отряда (нач. Вл.А.Семенов) стоянки Тоора-Даш в Тувинской АССР и стоянки Ханыхское займище на юге Красноярского края. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом 0.3340/1 — 30. Нег. — 34, отп. — 38.

Материалы раскопок V отряда (нач. Г.В.Длужневская) могильников Иджир I—III и Кулевуок II и вала у р. Голубой на юге Красноярского края. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3340/50 — 112. Нег. — 63, отп. — 64.

Материалы раскопок VI отряда (нач. Э.У.Стамбульник) группы XXXI могильника Аймырлыг в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3341/1 — 89. Нег. — 85, отп. — 89.

Материалы раскопок VII отряда (нач. Т.А.Шаровская) могильников Новый Чаа-Холь I—III в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3342/1 — 106. Нег. — 106, отп. — 106.

Материалы Отряда по изучению петроглифов (нач. М.А.Дэвлет) исследований петроглифов в урочище Мугур-Саргол в Саянском каньоне Енисея: полевая работа. Альбом 0.3340/39 — 49. Нег. — 11, отп. — 11.

1980 год. Коллекция 2939.

Материалы раскопок I отряда (нач. С.С.Миняев) городища Бажын-Алаак в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи. Альбом 0.3389/1 — 17. Нег. — 17, отп. — 17.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) могильников Карадаг и Карадаг II в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3389/18 — 90. Нег. — 71, отп. — 73.

Материалы раскопок III отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов) палеолитических стоянок Сизая I—XVI и Нижний Иджир I—V на юге Красноярского края. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом 0.3389/91 — 132. Нег. — 44, отп. — 43.

Материалы раскопок IV отряда (нач. Вл.А.Семенов) стоянки Тоора-Даш. Тувинская АССР. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом 0.3390/1 — 83. Нег. — 88, отп. — 91.

Материалы раскопок V отряда (нач. Г.В.Длужневская) могильников Иджир II, Сарыг-Хая II и вала у р. Голубой на юге Красноярского края. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3390/84 — 141. Нег. — 55, отп. — 59.

Материалы раскопок VI отряда (нач. Э.У.Стамбульник) группы XXXI могильника Аймырлыг в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3391/1 — 122. Нег. — 122, отп. — 122.

Материалы раскопок VII отряда (нач. С.А.Васильев) стоянок Майнинской, Уй I—II, Майнинский Лесозавод, Означенное I в Хакасской АО. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3392/1 — 78. Нег. — 85, отп. — 85.

1981 год. Коллекция 2977.

Материалы раскопок I отряда (нач. Г.В.Длужневская) могильников Новый Эйлиг-Хем и Бедиг-Хорум в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом 0.3370/1 — 74. Нег. — 81, отп. — 82.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) курганов на трассе дороги Новый Шагонар — Новый Эйлиг-Хем в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи. Альбом 0.3371/1 — 81. Нег. — 81, отп. — 81.

Материалы работ III отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): раскопки стоянки Нижний Иджир I и разведка в долинах рек Сизая и Ус на юге Красноярского края. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом 0.3372/1 — 53. Нег. — 53, отп. — 53.

Материалы раскопок IV отряда (нач. Вл.А.Семенов) стоянки Тоора-Даш и обследование наскальных изображений на р. Шугур в Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи. Альбом 0.3372/54 — 77. Нег. — 24, отп. — 24.

Материалы раскопок V отряда (нач. С.А.Васильев) палеолитических стоянок Майнинская и Уй I на юге Красноярского края. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3373/1 — 153. Нег. — 154, отп. — 154.

1982 год. Коллекция 3032.

Материалы раскопок I отряда (нач. Г.В.Длужневская) могильников Сарыг-Хая II и III в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР и вала Омайтура на юге Красноярского края. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом 0.3374/1 — 74. Нег. — 84, отп. — 84.

Материалы раскопок II отряда (нач. А.М.Мандельштам) разновременных могильников Пикет 21, Акдаш, Кежи, Темир-Суг I в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом 0.3375/1 — 120. Нег. — 122, отп. — 122.

Материалы работ III отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): раскопки стоянки Нижний Иджир I на юге Красноярского края. Чертежи. Альбом 0.3374/75 — 78. Нег. — 4, отп. — 4.

Материалы раскопок IV отряда (нач. Вл.А.Семенов) стоянки Тоора-Даш в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи. Альбом 0.3374/79 — 136. Нег. — 58, отп. — 58.

Материалы раскопок V отряда (нач. С.А.Васильев) палеолитической стоянки Майнинская на юге Красноярского края. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом 0.3374/1 — 114. Нег. — 114, отп. — 114.

1983 год. Коллекция 3121.

Материалы работ I-го отряда (нач. Г.В.Длужневская), 3-го отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов), 4-го отряда (нач. Вл.А.Семенов), 5-го отряда (нач. С.А.Васильев) в Тувинской АССР и Красноярском крае. Полевая работа, чертежи, находки. Нег. — 253, отп. — 253.

Материалы работ Аймырлыгского отряда (нач. Э.У.Стамбульник) на могильниках Аймырлыг и Темир-Суг (группа Е.Л.Кириллова) в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи, находки. Нег. — 211, отп. — 211.

1984 год. Коллекция 3157.

Материалы работ 3-го отряда (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов), 4-го отряда (нач. Вл.А.Семенов), 5-го отряда (нач. С.А.Васильев) в Тувинской АССР и Красноярском крае. Полевая работа, чертежи, находки. Нег. — 253, отп. — 264.

В 1994 г. в фотоархиве образован личный фонд Александра Даниловича Грача (№ 66).

Грач Александр Данилович (1928–1981), археолог, кандидат исторических наук, основатель и начальник Саяно-Тувинской экспедиции (1965–1972 гг.), заслуженный деятель науки и культуры Республики Тыва.

Дата поступления — 1994 г. Негативов — более 2500; в 1998 г. сделаны контрольные отпечатки со всех негативов. Съёмка: 1955, 1957–1964, 1972 г.

Материалы еще не обработаны, поэтому и количественные подсчеты, и, собственно, данные о составе фонда предварительные.

Материалы археологических исследований в Западной Тыве в составе Тувинской комплексной экспедиции ИЭ АН СССР (нач. Л.П.Потапов) — стеклянные негативы, сделанные с чертежей; полевые снимки раскопок памятников разных исторических

эпох. Материалы археологических исследований в Южной Туве — стеклянные негативы с чертежей курганов скифского времени могильников Саглы; процесс раскопок разновременных сооружений. Подготовительные материалы к изданию монографии «Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953–1960 гг.)» — полевые снимки и рисунки. Материалы археологических раскопок в Ленинграде. (к монографии «Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в.»). Пересъемка географических карт по Южной Сибири и Центральной Азии. Персоналия.

Материалы поездок по Туве в 1962 г. — рекогносцировочные работы на территории будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС — отложились в личном фонде художника, архитектора Михаила Александровича Петухова, долгие годы работавшего вместе с А.Д.Грачом (фонд № 67).

По правилам работы Рукописного архива ИИМК РАН на постоянное хранение автор раскопок — держатель Открытого листа должен сдать Отчет о полевых исследованиях отряда, Альбом иллюстраций к отчету, Полевой дневник и Полевые чертежи, поэтому при составлении списка опущены названия материала и приводятся только номера дел.

1965 год.

I отряд (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач): ф.35, оп. 1, 1965/14–16, 25–26.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1965/ 17–24.

III отряд (нач. С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1965/ 27–32.

IV отряд (нач. Д.Г.Савинов): ф.35, оп. 1, 1965/ 33–36.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1965/ 39–44.

VI отряд (нач. М.Х.Маннай-оол): ф.35, оп. 1, 1965/45–47.

1966 год.

I отряд (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач): ф.35, оп. 1, 1966/11–12, 164–165.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1966/ 13–17а.

III отряд (нач. С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1966/ 18–22.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1966/ 23, 24, 104.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1966/ 25–27, 105–109.

1967 год.

I отряд (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач): ф.35, оп. 1, 1967/49–50, 152.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1967/ 51–54.

III отряд (нач. С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1967/ 55–60.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1967/ 61–63а.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1967/ 64–69.

1968 год.

I отряд (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач): ф.35, оп. 1, 1968/22–23б.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1968/ 24–27а.

III отряд (нач. С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1968/ 28–30а.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1968/ 31–32б.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1968/ 33–34.

1969 год.

I отряд (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач): ф.35, оп. 1, 1969/74–79.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1969/ 80–87.

III отряд (нач. С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1969/ 88–91, 119.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1969/ 92–93.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1969/ 94–101.

1970 год.

I отряд (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач): ф.35, оп. 1, 1970/83–86.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1970/ 88–91.

III отряд (нач. С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1970/ 92–95.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1970/ 96–98.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1970/ 99–101.

1971 год.

I отряд (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач): ф.35, оп. 1, 1971/ 76–79.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1971/ 80–82.

III отряд (нач. С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1971/ 83–86.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1971/ 87–89.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1971/ 90–93.

1972 год.

I отряд (нач. отряда и экспедиции А.Д.Грач): ф.35, оп. 1, 1972/ 101–104.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1972/ 105–111.

III отряд (нач. С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1972/ 112–115.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1972/ 116.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1972/ 117–120.

1973 год.

I отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1973/ 80–82.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1973/ 83–87.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1973/ 88–89.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1973/ 90–92.

1974 год.

I отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1974/ 88–90.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1974/ 91–97.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1974/ 98–100.

Группа Вл.А.Семенова: ф.35, оп. 1, 1974/ 102–104.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1974/ 105–106.

V отряд (нач. Ю.И.Трифонов): ф.35, оп. 1, 1974/ 107–109.

1975 год.

I отряд (нач. А.Я.Щетенко): ф.35, оп. 1, 1975/ 99–101.

Группа Г.В.Длужневской: ф.35, оп. 1, 1975/ 116–118.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1975/ 102–104.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1975/ 105–109.

Группа Вл.А.Семенова: ф.35, оп. 1, 1975/ 110–112.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1975/ 113–115.

Отряд по изучению петроглифов (нач. М.А.Дэвлет): ф.35, оп. 1, 1975/ 119–120.

1976 год.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1976/ 119–121.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1976/ 122–126.

IV отряд (нач. И.У.Самбу): ф.35, оп. 1, 1976/ 127.

V отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1976/ 117–118.

Отряд по изучению петроглифов (нач. М.А.Дэвлет): ф.35, оп. 1, 1976/ 128–129.

1977 год.

I отряд (нач. А.Я.Щетенко): ф.35, оп. 1, 1977/ 93.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1977/ 94–99.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1977/ 100–102.

V отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1977/ 103–105.

Отряд по изучению петроглифов (нач. М.А.Дэвлет): ф.35, оп. 1, 1977/ 106–107.

1978 год.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1978/ 108–112.

Группа Т.А.Шаровской: ф.35, оп. 1, 1978/ 113.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1978/ 114–116.

IV отряд (нач. Вл.А.Семенов): ф.35, оп. 1, 1978/ 117–119.

V отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1978/ 120–122.

Отряд по изучению петроглифов (нач. М.А.Дэвлет): ф.35, оп. 1, 1978/ 123–124.

1979 год.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1979/ 87–89.

III отряд (нач. Вл.А.Семенов): ф.35, оп. 1, 1979/ 94–95.

IV отряд (нач. С.А.Васильев): ф.35, оп. 1, 1979/ 90–93.

V отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1979/ 96–98.

VI отряд (нач. Э.У.Стамбульник): ф.35, оп. 1, 1979/ 99.

VII отряд (нач. Т.А.Шаровская): ф.35, оп. 1, 1979 / 100–105.

1980 год.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1980/ 108–110.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1980/ 111–113.

IV отряд (нач. Вл.А.Семенов): ф.35, оп. 1, 1980/ 114–116.

V отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1980/ 117–119.

VI отряд (нач. Э.У.Стамбульник): ф.35, оп. 1, 1980/ 123.

VII отряд (нач. С.А.Васильев): ф.35, оп. 1, 1980/ 120–122.

1981 год.

I отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1981/ 134–136.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1981/ 121–123.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1981/ 124–126.

IV отряд (нач. Вл.А.Семенов): ф.35, оп. 1, 1981/ 127–129.

V отряд (нач. С.А.Васильев): ф.35, оп. 1, 1981/ 130–132.

VI отряд (нач. Э.У.Стамбульник): ф.35, оп. 1, 1981/ 133.

1982 год.

I отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1982/ 118, 126–127.

II отряд (нач. А.М.Мандельштам): ф.35, оп. 1, 1982/ 128–130.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1982/ 131–133.

IV отряд (нач. Вл.А.Семенов): ф.35, оп. 1, 1982/ 134–136.

V отряд (нач. С.А.Васильев): ф.35, оп. 1, 1982/ 137–139.

1983 год.

I отряд (нач. Г.В.Длужневская): ф.35, оп. 1, 1983/ вр. хран.

II отряд (нач. Э.У.Стамбульник): ф.35, оп. 1, 1983/ 127–128.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1983/ 129–131.

IV отряд (нач. Вл.А.Семенов): ф.35, оп. 1, 1983/ 132–134.

V отряд (нач. С.А.Васильев): ф.35, оп. 1, 1983/ 135–137.

1984 год.

II отряд (нач. Э.У.Стамбульник): ф.35, оп. 1, 1984/ вр. хран.

III отряд (нач. отряда и экспедиции С.Н.Астахов): ф.35, оп. 1, 1984/ 131–133.

IV отряд (нач. Вл.А.Семенов): ф.35, оп. 1, 1984/ 134.

V отряд (нач. С.А.Васильев): ф.35, оп. 1, 1984/ 138–140.

Списки составлены по каталогам и описям фотоархива и рукописного архива Института истории материальной культуры РАН Г.В.Длужневской.

Ниже приводятся протоколы двух заседаний Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, имевших принципиально важное значение в деятельности Саяно-Тувинской экспедиции и научной биографии А.Д.Грача. Одно из них было посвящено обсуждению рукописи I тома трудов экспедиции (17.XII.1971 г.); другое — докладу А.Д.Грача "Хронология и периодизация памятников скифского времени Тувы" (16.III.1973 г.), по сути дела основы его будущей книги "Древние кочевники в центре Азии". Обсуждение I тома, так и не опубликованного в том виде, как он был представлен в рукописи, свелось к выяснению отношений внутри экспедиции, связанных, в первую очередь, с раскопками расположенного вне зоны обязательных археологических исследований могильника Аймырлыг. Доклад А.Д.Грача о выделении нескольких культур скифского времени на территории Тувы также подвергся критике; в некоторых случаях — тенденциозной, в некоторых — с позиций господствовавшей тогда идеи монокультурности.

Время расставило все (или почти все) по своим местам: экспедиция продолжала работать по плану, составленному А.Д.Грачом до своего логического завершения (после ухода Александра Даниловича — под руководством С.Н.Астахова); алды-бельская культура, выделенная А.Д.Грачом, стала объективной исторической реальностью (особенно в свете более поздних раскопок Вл.А.Семенова и К.В.Чузунова); многие статьи, включенные в I том трудов экспедиции, были так или иначе опубликованы авторами; материалы же могильника Аймырлыг, действительно первоклассного памятника, всячески оберегаемые А.М.Мандельштамом, по всей вероятности, во многом уже потеряны для науки.

ПРОТОКОЛ № 29 ЗАСЕДАНИЯ СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА ЛОИА АН СССР ОТ 17 ДЕКАБРЯ 1971 Г.¹

Повестка дня.

I. Обсуждение рукописи сборника "Археология Центральной Азии" (Труды СТАЭ, т. I).

II. Разное.

Выступление А.Д.Грача. Делает обзор содержания тома.

Вопросы.

С.С.Черников. По какой год собран том?

А.Д.Грач. Мы ограничились публикацией материалов 1965–1969 гг. Экспедиция Л.П.Потапова упомянута.

Отзыв С.И.Вайнштейна зачитывает Ю.И.Трифонов.

М.П.Грязнов — зачитывает отзыв.

Отзыв Тувинского н.-и. института языка и истории зачитывает В.М.Массон.

М.П.Грязнов предлагает оставить название этапов старое, а название культуры новое.

С.С.Черников. Всех статей прочесть не мог. Надо приветствовать появление рукописи тома. Жаль что нет публикаций могильника Аймырлыг (А.М.Мандельштам) и

¹ Публикация материалов из Архива ИИМК РАН: ф. 312, оп. 1, д. 747.

могильников (А.Д.Грача). Том содержит интересные и обстоятельные публикации, сделанные на высоком уровне. Публиковать том необходимо.

Замечания. Необходимо переработать подстрочные примечания. Вообще редакторская работа предстоит очень большая. Большая работа предстоит с рисунками, надо свести их в таблицы. Далее делает ряд мелких замечаний. Прав М.П. (Грязнов. — Ред.) когда предлагает назвать том “Археология Тувы” и ряд замечаний редакционных. Вообще же том утвердить надо, но редакционная работа предстоит большая.

Ю.А.Заднепровский. Вводится большой разнообразный материал, основная задача — том собран и работа выполнена. Ценна хроника работ.

Работа Ю.И.Трифорова дает огромный материал, очень важный, но требует большой редакционной работы, особенно сокращения.

В статье А.Д.Грача тоже надо сделать редакционную правку. Часть научно-организационную вынести из статьи отдельно. Было бы желательно дать перечень всех изучаемых культур. Ряд статей требует редактирования.

Предлагает том одобрить с необходимой редакцией.

Д.Г.Савинов. Отвечает на замечания в отзыве С.И.Вайнштейна.

М.П.Грязнов не согласен с замечаниями С.С.Черникова по названию тома. Например, статья А.Д.Грача о Монголии непосредственно связана с работами в Туве.

А.Д.Грач благодарит за отзывы и выступления. Ряд замечаний мы учтем. Замечания о нескромности очень неприятны. С авторами была проведена большая редакторская работа. Далее говорит о системе ссылок — настаивает на подстрочных.

О названии тома — статьи о Монголии не случайны, а сделаны для Тувы. И поездка в Монголию была непосредственно связана с Тувой. Том собран по плану. О “нескромности”.

В.М.Массон. Мы должны отметить два момента: 1) достижения СТАЭ, считать, что работа выполнена; 2) необходимо будет провести поправки с учетом всех замечаний.

В отношении названия тома: вероятно следует назвать “История Тувы” имея в виду и связи с работами в Монголии. До представления на Ученый Совет, том следует привести в порядок. Название “культур”.

Постановили: 1) Работа выполнена; 2) необходимо внести поправки с учетом всех замечаний.

II. Разное.

Председатель: В.М.Массон

Секретарь: И.Б.Бентович

(Эта часть протокола заседания была подшита в дело и пронумерована — 111-113. Последующие страницы — 2-16 — не имеют архивной нумерации и были подложены в дело позднее. По-видимому уже на заседании было решено, что часть протокола — ответы А.Д.Грача — следует писать сотруднику экспедиции, знакомому с проблематикой работ СТАЭН, что и было поручено Г.В.Длужневской. — Ред.)

Ответы А.Д.Грача.

1. О городах. В зоне 5 городов. Считаются городами древнейгуурского периода. Просмотр материалов С.И.Вайнштейна и материалы раскопок указывают и на гунно-сарматский слой. Начаты работы на Бажын-Алааке. Города — не кочевые ставки (предположение Л.Р.Кызласова — кочевые ставки). Путь усиления работ — увеличение ассигнований. Переговоры с будущими раскопщиками ведутся. Просьба приехать специалистов ЛОИА на городища Тувы.

2. Распределение сил. В чистотувинской зоне — Самбу, позже двинется ниже, будет исследовать и города.

3. Памятников ближе к створу — 1, не было даже разведки.

4. 5 отрядов и 5 автомашин. Связь будет и с той, и с другой стороны.

5. Карта — читалась с воздуха. Зона исследована неравномерно. Большие ассигнования были на Центральную Туву.

6. О томе. Была идея издавать тематические тома, но от нее отказались. Разработан ряд новых вопросов, материалов, они опубликованы. Но будут и тематические тома — большие могильники и т.д.

7. Вопрос о сотрудничестве с А.М.Мандельштамом. Полевого сотрудничества не предполагается. В коллективе две серьезные болезни — доморощенного геростратства и нелюбимости. Терпеть далее уже нельзя.

Коллектив грубо вмешивался в дела СТЭАН. Руководитель экспедиции отвечает за все, вплоть до жизни людей. От членов сектора такого отношения тоже не ожидал. Материал ВКА (? — *Ред.*) до сих пор не опубликован, а в СТЭАН работает 10 человек, способных обработать материалы. Нельзя раздавать созданные экспедиции.

В.М.Массон. Желательно сосредоточиться на программах работ СТЭАН.

В.С.Сорокин. Не отвечено на вопрос о дальнейшем плане работ.

А.Д.Грач. II том будет сборным, но он запланирован и будет пропорциональным. Материалы Аймырлыга и алды-бельской культуры будут отдельными томами.

В.П.Шилов. В связи с чем написано это письмо из Министерства энергетики.

А.Д.Грач. Письмо написано без запроса. Ранее ведшиеся работы отстаивались. Теперь требуются работы ниже, к ГЭС.

А.М.Мандельштам. Район Аймырлыга показан директору ГЭС. Возражений о раскопках могильника целиком не было. Шел вопрос о транспорте. Памятник в пределах зоны наиболее интересен, дает богатый материал и подъемен для монографического исследования. Это и требование науки. Закрывать его раскопки нельзя.

А.Д.Грач. Закрывать работы на нем и не собираются. Искусственные трудности (большое количество школьников и т.д.). Мое предложение — создать базу и прочее и продолжить работы на могильнике, с моей стороны будет поддержка для этого.

Я.А.Шер. Уточняет вопрос о работах на данном могильнике?

В.М.Массон. Просит высказаться о мнении сектора о перспективах работ по всем вопросам. Особенно занимающихся кочевниками о перспективах работы на Аймырлыге.

Э.Б.Валецкая. Разногласий нет. Могильник уникальный и требует работ. А.М. копает ажурно и вряд ли кто-нибудь в этой экспедиции сможет его так раскопать. Перспективы работ в Саянах неизвестны, а раскопать этот могильник есть возможность. Надо выделить отдельный отряд и финансирование и дать возможность докопать.

А.Д.Грач. Проект создания экспедиции в экспедиции мною не поддерживается. Работа ведется по пропорциональному плану и этот принцип будет и в дальнейшем.

М.П.Грязнов. А.Д.Грач доложил о работах, перспективах в связи с новыми обстоятельствами. В первую очередь надо копать, исследовать памятники ближе к ГЭС, затапливаемые в первую очередь. Работы сосредотачивать ближе к ГЭС. Направление работ верное. Вопрос, оставшийся мне неясным, о котором я много слышал — о конкретных работах, о работах в котловине. В какой-то мере сохранить работы отряда Самбу. Насколько это актуально не ясно. Но Аймырлыг требует исследования. Обязательно ли все копать. Но если оставлять работы в зоне, то в первую очередь здесь. Чисто принципиально — если сохранить работы на Аймырлыге, то должен копать А.М.Мандельштам. Надо найти какую-то форму для продолжения этих работ. Исходить надо из интересов дела, надо найти компромиссное деловое решение. Могильник велик и материал будет представлять ценность.

А.Д.Грач. Уникальность и проблематика Аймырлыга.

М.П.Грязнов. Ни то, ни другое, просто богатый материал.

С.Н.Астахов. Все находящееся в зоне копать надо. Карлов (начальник водохранилища) доказывал, что могильник не в зоне. О выступлении Вадецкой. Зона распадается на две части. Мы работали в Улуг-Хемской зоне. Основные размеры зоны — Труба 280 м, площадка — 400 м (в обоих случаях следует читать "км". *Ошибочная запись при протоколировании.* — Ред.), р. Ус — 45 км, р. Джой и прочее. Рек и речушек много. Геологи нашли памятники в зоне. Памятников в зоне у ГЭС будет много — но времени всего 2 года.

Возможно ли раскопать Аймырлыг целиком? 3 отряд — был разведочным, поэтому небольшим. С этого года ведутся раскопки памятников со слоем. Но р. Ус будут и могильники, и стоянки. 3 отряд должен быть расширен. Тогда на долю отряда на Аймырлыге будет меньше и ассигнование не позволяет копать его полностью. В таких условиях надо решать вопрос реально. Труба уже известно, это связующее звено — вопрос о связи Минусы и Тувы.

В.П.Третьяков. Вопрос к А.М.Мандельштаму. Принципиально нового ничего не даст. Что же нового он дает?

А.М.Мандельштам. Проблема главная — полное изучение целого памятника, иначе мы не имеем полной картины. Этот вопрос ясен. В Туве это единственный подъемный памятник такого типа. Проблем встает много, особенно при сопоставлении с другими материалами.

В связи с выступлением Астахова. Аймырлыг — пожирает все средства. Из сметы экспедиции на полевые работы идет 3/4 суммы, на каждый отряд по 8 тыс. — отряд А.М.Мандельштама имел по 7–7,5 тыс., особых превышений нет.

В.П.Шилов. Картина шестилетних работ экспедиции. Только сейчас отряд палеолита и неолита начинает копать стоянки со слоем.

Эпоха бронзы — памятники монгун-тайгинской культуры. Это поздняя бронза — предшествующий этап не исследован. Причина — отсутствие специалистов.

Ранние кочевники — больше памятников, Аймырлыг. Памятник на стадии раскопок. Трудно представить будущие проблемы. Особенно интересна его многочисленность. Более позднее время — материалы налицо.

Мне кажется, что при планировании допущена ошибка. Начинать надо было со створа ГЭС. Не было разведок и раскопок. Надо резко увеличить число отрядов и спасти памятники в створе.

Экспедиция недостаточно обеспечена кадрами. В Саркельской работали специалисты различных рангов, мало специалистов, которые могли бы писать обобщающие работы.

В начале работ был поставлен вопрос о молодых кадрах. В экспедиции большая текучесть и хорошо, что снова привлекается Д.Савинов. В связи с этим отключать Мандельштама нельзя. надо проявить административную мудрость и работать в дальнейшем. Он создаст обобщающие труды после полного изучения. Вопрос о создании новой экспедиции. Можно разделить и на две.

"Труды СТЭАН" — это хорошее дело.

Ю.А.Заднепровский. План в целом надо поддержать. Итоги должны быть одобрены. Надо увеличить работы по каменному веку. Верно и сказанное об исследовании городов. Особо надо отметить, что через 5 лет создан большой том трудов. С кадрами, конечно, слабовато, но кадры тем не менее растут.

Вопрос о могильнике — научное значение и необходимость его раскопок не оспаривается.

Предъявляя большие требования к руководителю надо давать ему и права. Большая экспедиция и нарушать структуру нельзя. Надо учитывать и субъективные качества. Не получившееся не восстановить. Поскольку работа пойдет и, возможно, что часть ассигнований будет от института и от СТЭАН.

А.А.Гаврилова. Субъективный фактор может превалировать, может быть это и ошибка руководителя. Первая моя экспедиция, где начальник так себя дискредитировал. Отношение такое мешает работе. Раскопки II отряда были успешны. Надо проявить государственное отношение.

А.М.Беленицкий. Из научных вопросов — надо подготовить группу по исследованию городов. Не представляю себе характера города. Проблема большая, связанная со Средней Азией. Необходима преемственность, иначе будет трудно. Было бы хорошо заинтересовать 1–2 архитекторов. В Пенджикенте это частично имеется. Почти не был знаком с организационными неполадками. Не было в докладах, прослушанных ранее, наметок на это. Текучесть кадров явление естественное. Что произошло в этом году — мудрость подсказывает разные решения. Ликвидация трений подведет к положительному результату, но нельзя “вставить два меча в одни ножны”. Решение Заднепровского поэтому не верно. Особое положение в связи с работой в национальной области. В центре допускать такие трения нельзя. Надо приложить усилия для ликвидации трений. Мудрость о ликвидации трений должна преобладать. Несмотря на имевшиеся ранее трения — как работника его (*А.М.Мандельштама*. — *Ред.*) терять нельзя. Финансовая сторона особой роли не сыграет. Факт работы в ограниченном масштабе надо проводить. Рассуждения о важности могильника не состоятельны, исследовать его надо полностью.

А.М.Мандельштам. На городищах архитектуры нет. Средневекий культурный слой и непонятные сооружения — полуземлянки, все перепахано. Все, что можно сделать — сделано. Городище можно копать силами без особых финансовых затрат.

Ю.И.Трифонов. О кадрах. Текучесть кадров была. Это не очень хорошее обстоятельство. Разногласия ранее существовавшие кончались расхождением. Виновата была не одна сторона руководства, но факт поддержки или возобновления отношений говорит сам за себя. В отношениях нынешних тоже нельзя подходить односторонне. Я думаю, что в данном случае вина обоих. Уходили люди способные, но это не приводило к развалу экспедиции. Нет выхода в обоих предложениях. Перед нами дилемма, в которой нет практического выхода. И не ясно хватит ли сил у Грача и Мандельштама, мудрости сектора — для проведения дальнейших работ. Есть много пробелов — монгунтайгинская культура — это уже проблема. Нужен отряд. Полевых работ по гунно-сарматскому времени нет. У нас нет либо кадров, либо надо отметить эти проблемы. Вопрос о городах и связанных с ними памятников также встал. Помимо проблем поставленных уже есть и другие.

Одностороннее решение — не выход. Состав экспедиции молодой и это происшествие может привести к развалу в экспедиции. Это дело — вопрос администрации.

К.Х.Кушнарера. Хочу вспомнить год работы на Байкале. В экспедиции тогда была здоровая, деловая обстановка. Как стоял вопрос в других экспедициях? Научный план работ был в границах компетенции начальника. Если имеется могильник в пограничной территории, то нельзя его перечеркивать. Хочу вспомнить А.А.Иессена. Тогда каждый год ставили палки в колеса. Но Иессен выступал мудро и лояльно. В коллективе были трения, но эти мелочи превращались в ничто. Я призываю к тому, что ни то, ни другое не должно пройти, но они должны работать.

С.С.Черников. План доложенный сегодня не плох, но спланировать их можно по-разному. План Грача показывает отсутствие бронзы, гунно-сарматского времени и не будет скифского времени. Квадраты (карты) должны быть исследованы равномерно. Крупный просчет — отсутствие работ в створе. По поводу Аймырлыга — памятник дает крупные

серии материала, материал уникальный. Продолжать раскопки надо. То, что он находится на границе — не мешает. План составлен не из научных интересов, а из эмоциональных. Необходимо, чтобы оба ученых работали вместе. Но это выходит за рамки компетенции. Заведующий может и приказать. Решить вопрос надо и с учетом научных интересов.

А.Н.Мелентьев. Экспедиция набирает силы (выставка и пр.). Экспедиция имеет памятники всех периодов. Отсутствие памятников эпохи бронзы — тревожит и сейчас. Это беда, а не вина. Может быть это объясняется их отсутствием на этой территории. Сообщение о перспективах, приглашение работать в экспедиции. Памятник перспективен, Мандельштам великолепный работник. Компетентен сектор решать этот вопрос или нет.

Официальный документ требует сосредоточить внимание на работах в створе. Можно только просить копать памятник вне зоны. Какие должны быть суждения?

В.М.Массон. Сектор. Заниматься не частным разбирательством, а перспективной научной проблематикой. Такая проблематика доложена и надо ее рассматривать. Имеем ряд памятников, новых, важных. Область весьма перспективна. Основные вопросы — практически связаны с изучением кочевых культур. Выбор объектов идет по деловому признаку. Сейчас Тува становится важной научной лабораторией, и надо выбрать узловые вопросы для исследования.

О кадрах. Путь намечен правильный, но надо привлекать и других специалистов. Важно издание типа Трудов ЮТАКЭ. Хотелось бы видеть больше проблематических статей. Накопанный материал надо сразу же и оперативно публиковать.

О раскопках Аймырлыга. Памятник может стать уникальным. Если считать по деловому, то из "внезонных" памятников, он должен быть первым. Исходя из этой научной проблематики личные взаимоотношения должны быть улажены.

Я.А.Шер. Надо обсуждать научные перспективы, а не сходить к обсуждению конфликта. Перспектива одобрена. Мне понятно почему трудно было копать в каньоне. Это трудно. Терять эти памятники нельзя.

Я не ставлю под сомнение ценность Аймырлыга, но и начальник экспедиции не утверждал обратного. Но мы не знаем ценности других памятников. Начинаются работы по экологии памятников. Не нужно заострять внимание только на одних каких-то памятниках. Делать непреодолимую ситуацию нельзя.

Вопрос о кадрах — компетенция администрации. Партбюро рассмотрело этот вопрос, но он затянулся. Надо надеяться, что обсуждение последнее. Что можно предложить? Сравнения с военным временем неуместны. Вопрос связан с положением в Институте. Нормальной обстановки быть не может. Заставлять работать вместе нельзя.

Грач обязан выполнять обязанности. Не заостряя вопроса — надо просить бы Министерство организовать еще одну экспедицию. Пусть тогда А.М.Мандельштам сам сделает все, создаст экспедицию. Это будет выглядеть смешно, но другого выхода нет. Данная ситуация не может быть в научном учреждении. Личные симпатии не могут быть базой решения. Но либо одно, либо другое.

С.Н.Астахов. Подвергалась сомнению моя компетенция, как палеолитчика. Обобщающих работ быть не может, рано. Новые стоянки уже есть. Памятники полноценные. Рекогносцировка уже сделана в 1965 г. Но работать там невозможно было, поэтому не могли начать. Упрек несправедливый. Может быть надо пробираться от неолита. Надо поймать бронзу.

М.П.Грязнов. Упреки экспедиции несобоснованные. По части бронзы — ищут ее, копают монгун-тайгинцев.

О перспективах — пора уже думать о сокращенных раскопках. Продолжая полное исследование — делать и сокращенно. Всех памятников раскопать все равно не удастся.

А.Д.Грач. Заключительное слово. Не буду отвечать на все сказанное. Я чувствую, что элементы положения в ЛОИА отражаются на СТЭАН. Это разложение.

По целому ряду мнений — Грач плох. Создает детский сад и там царит. Дисциплина — то, что дает состояние нормальной работы.

Парт. руководитель сектора мог найти время для беседы. Дело сводится к тому, что в истинность этих заверений не верю. Поводов для конфликта не было. Отработано с ним (*А.М.Мандельштамом. — Ред.*) 6 лет. Потому, что проявлял терпимость. Может получиться, что приведет ко всякому нарушению дисциплины. В других экспедициях друг на друга не ходили жаловаться.

Экспедиция должна существовать. Гибель экспедиции допустить нельзя. Возражает против выделения могильника Аймырлыг конкретно.

Решение сектора. Общий план научно-исследовательских работ одобрить. Отметить подготовленный к изданию том трудов. Рекомендовать продолжение раскопок на мог-ке Аймырлыг, крайне важного в научном отношении с сохранением во главе раскопок ведущего их исследователя. Организационное решение вопроса о конфликте — дело администрации.

Председатель
Секретарь

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени Институт археологии

Археология Центральной Азии

Труды Саяно-Тувинской археологической экспедиции, том I
Ответственный редактор — А.Д.Грач

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4 стр.
Грач А.Д. Проблемы археологии Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии и Сибири в свете исследований Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР <i>(Использовано в статьях: Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР. Вып.118, 1969. С.43-57; Проблемы археологии и древней истории Центральной Азии в свете исследований Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С.199-201)</i>	64 стр.
Астахов С.Н. Проблемы изучения палеолита Тувы <i>(Использовано в статьях и монографии "Палеолит Тувы". Новосибирск, 1976)</i>	45 стр.
Дэвлет М.А. Погребение эпохи поздней бронзы в Туве <i>(Опубликовано в тезисной форме в кн.: Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового века Южной Сибири // ТД конференции. Барнаул, 1988. С. 119-121)</i>	16 стр.
Мандельштам А.М. Исследования погребальных сооружений монгун-тайгинского типа в окрестностях горы Бай-Даг	21 стр.
Грач А.Д. Алды-бельская культура <i>(Опубликовано в кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С.249-256)</i>	9 стр.
Самбу И.У. Материалы исследований памятников алды-бельской и саглынской культур скифского времени на могильниках Ортаа-Хем II, III (полевые сезоны 1967—1969 гг.) <i>(Использовано при публикации монографии "Свод археологических памятников республики Тыва". Кызыл, 1994)</i>	15 стр.
Самбу И.У. Могильник скифского времени в Енисейском каньоне <i>(Опубликовано в кн.: Новейшие исследования по археологии и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С.65-70)</i>	11 стр.
Савинов Д.Г. Могильник Урбюн III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени <i>(Опубликовано в кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 107-119)</i>	25 стр.
Трифонов Ю.И. Археологические памятники Саяно-Алтая в древнетюркское время <i>(Использовано в статьях: Древнетюркская археология Тувы/Ученые записки ТННЦЯЛИ, вып. XV. Кызыл, 1971. С. 112-122; Об этнической принадлежности погребений с концом древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тулю) // Тюркологический сборник 1972 года. М., 1973. С. 351-374; Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. JL., 1975. С. 185-193)</i>	65 стр.

- Длужневская Г.В. Некоторые вопросы изучения погребального обряда древнетюркской общности на территориях Тувы, Алтая, Монголии (Использовано в статье: *Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества: (По материалам погребального обряда) / Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. С. 193–200*) 58 стр.
- Буравик Н.Л. Вопросы древнетюркской общности и историко-культурных зон по материалам прикладного искусства 51 стр.
- Грач А.Д. Древнескыргызские курганы у северной границы котловины Больших Озер и находки тибетских надписей на бересте (Опубликовано в кн.: *Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1980. С.103–123*) 26 стр.
- Дэвлет М.А. Петроглифы Куйлуг-Хема (Использовано в монографиях: *Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976; Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл, 1990*) 80 стр.
- Самбу И.У. Погребальный обряд тувинцев (этнографическая характеристика) 37 стр.
- Грач А.Д. Историко-археологические памятники Монгольской Народной Республики (Отчет о научной командировке 1968 года) 38 стр.
- Грач А.Д. Авиация в археологических исследованиях в разработке методики применения вертолета (аэровизуальные работы, аэрофото-съемка) (Использовано в монографии: *Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 19–21*) 29 стр.
- Петухов М.А. Метод устройства бесшнуровой (мнимой) координатной сетки для выполнения графических работ на крупных археологических объектах 6 стр.
- Беляева В.И., Буравик Н.Л., Длужневская Г.В. Перечень основных памятников, исследованных СТАЭ АН СССР в 1965–1969 гг. 22 стр.
- Список сокращений к I тому Трудов СТАЭ АН СССР “Археология Центральной Азии” 5 стр.

ПРОТОКОЛ № 13 ЗАСЕДАНИЯ СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА ЛОИА АН СССР ОТ 16 МАРТА 1973 Г.¹

Председатель: В.М.Массон
Секретарь: Г.В.Длужневская
Присутствует — 43 человека

Повестка дня.

1. А.Д.Грач. Хронология и периодизация памятников скифского времени Тувы.
2. Разное.

1. А.Д.Грач. Хронология и периодизация памятников скифского времени Тувы (тезисы доклада).

1. Появление большого и во многом принципиально нового материала настоятельно продиктовало необходимость объективного пересмотра концепции монокультурности археологических памятников скифского времени Тувы. Решающее значение имело при этом открытие неизвестных ранее комплексов раннескифского времени.

2. При установлении классификации памятников автор исходит из того, что археологическая культура это прежде всего коррелятивный комплекс и основой выделения археологической культуры для кочевых народов являются типы погребального обряда и конструкции погребальных сооружений, коррелирующие с устойчиво повторяющимися сериями типичных предметов инвентаря: оружия, орудий труда, конского убора, посуды, украшений и произведений искусства. Погребальный обряд является, как известно, одним из наиболее стойких и консервативных этнических признаков.

3. В раннескифское время на территории Тувы получили распространение памятники алды-бельской культуры (открыты и исследованы на могильниках Алды-Бель I, Куйлуг-Хем I, Ортаа-Хем II, III, Чинге I, II, Хемчик-Бом III, V, Зубовка, Пош-Даг). Конструкция погребальных сооружений алды-бельской культуры: наземное сооружение из обломков горных пород или валунов, форма в плане округлая или подовальная, в большинстве случаев имеется крепида. В значительном числе случаев алды-бельские курганы располагаются парами, сооружения вплотную примыкают друг к другу. Погребения как правило одиночные в каменных ящиках или срубах. Положение погребенных скорченное, на левом (реже на правом) боку, ориентировка — головой на З, СЗ, С (преобладает западная ориентировка). Под наземным сооружением каждого кургана от 1–3 до 6–7 и более одиночных погребений. В центре — главные погребения лиц старших возрастных категорий, остальные вокруг них. Инвентарь, конские уборы, включающие удила со стремечковидными окончаниями, кинжалы с почковидными гардами, бронзовые и костяные наконечники стрел, ножи, оселки, зеркала с высоким бортиком, шилья, бирюзовые, сердоликовые, стеклянные и агальматолитовые бусины, произведения искусства (художественные гребни и др.). Посуда в погребениях — только деревянная. Выдающийся памятник Тувы курган Аржан, исследованный под научным руководством М.П.Грязнова, является царским курганом алды-бельской культуры.

¹ Публикация материалов из Архива ИИМК РАН: ф. 312, оп. 1, д. 794

Определение хронологии памятников алды-бельской культуры основывается на признаках, выведенных М.П.Грязновым при установлении датировки майэмирского этапа на Алтае. По всей совокупности данные памятники алды-бельской культуры датируются VII–VI вв. до н.э., с возможным понижением даты в пределы VIII в.

4. В V–III вв. до н.э. на территории Тувы распространяются памятники совершенно иные по конструкции, погребальному обряду и комплексам инвентаря — курганы саглынской культуры (исследованы на могильниках Туран I, II, III, IV, V, Уюк I, II, Казылган, Саглы-Бажи II, IV, VI, Кюзленги I, Улуг-Оймак I, II, Урбюн III, Куйлуг-Хем I, Хемчик-Бом I, IV, Аймырлыг, Атамановка, Успенское, Улуг-Хову, Бай-Даг I и др.). Конструкция погребальных сооружений саглынской культуры: центральные наземные сооружения округлой в плане формы из камней и земли, имеются внешние ограды из камней; погребения коллективные, в бревенчатых камерах-срубках, ориентация камер — сторонами по странам света или на СЗ, СВ, ЮЗ, ЮВ; положение погребенных, как правило, на левом боку, с подогнутыми ногами, в головах камни-подушки, ориентировка — головой на З, СЗ. Инвентарь: бронзовые чеканы, кинжалы с крыловидными гардами, бронзовые и костяные наконечники стрел, ножи, глиняная и деревянная посуда, бронзовые зеркала (в большинстве с петельчатыми ручками), каменные и стеклянные бусы, украшения, произведения искусства из бронзы, золота, рога и др. предметы.

5. Отсутствие генетической связи между алды-бельской и саглынской культурами, явная смена археологических культур — явление, заслуживающее самого пристального внимания и дающее основания для заключения об изменении этнической картины.

Вопросы:

1. Заднепровский Ю.А.

Имеются ли генетически связанные памятники с Алды-Белем и Саглы на соседних территориях?

Реальные подкурганые корреляции обряда, вещей?

2. Грязнов М.П.

Одновременно делались могилы алды-бельской культуры или нет?

Оленные камни. Какие основания для их включения в алды-бельскую или саглыную культуру?

Наблюдалась ли трепанация? Частота ее?

Удила с псалиями с крючком?

Были ли случаи *in situ*?

3. Дьяконова В.П.

Предполагается ли этническая однородность выделяемых культур?

4. Черников С.С.

Чем была вызвана необходимость переименования культур?

Как согласовать находку железных псалий в Тасмоле?

Какие предметы и курганы VI в.?

Аргументация датировки?

Какие основания для углубления датировки?

Датировка саглынской культуры (2 этапа)?

5. Сорокин С.С.

Имеются ли различия между отдельными могильниками?

Какое соотношение между погребениями и курганами?

Топография расположения памятников разных культур?

Как формировались алды-бельские курганы?

Ряд общих вещей для обеих культур?

Смена культур — смена этноса, чем вызвана — завоевание или трансформация?

6. Вадецкая Э.Б.

Одноактны или многоактны погребения саглынской культуры?
Антропологические определения и сопоставления с Минусой?

7. Трифонов Ю.И.

Включаются ли в алды-бельскую культуру памятники других типов?

Куда относить цисты?

Время ящиков?

8. Массон В.М.

Предполагаются ли еще таблицы?

Ответы:

1. Заднепровскому Ю.А.

а) Более древних памятников, генетически связанных с алды-белем, на других территориях пока нет. Связь саглынцев более всего с Пазырыком.

б) Покурганная корреляция вещей стала возможна при обнаружении неграбленных комплексов. Вещи коррелируются покурганно и в могилах (зеркала с бортиком, удила со стремечковидными окончаниями и др. предметы конского убора, специфические произведения звериного стиля и другие).

Составлены таблицы не только для Тувы, но и для других территорий (Памир, Казахстан — Семиречье, Тасмола, Алтай, Минусинская котловина, Тагискен-Уйгарак и т.д.), для оседлых — Верхняя Обь.

2. Массону В.М.

а) Коррелирующиеся ряды имеются в таблицах. В таблицах только комплектные вещи.

3. Грязнову М.П.

а) Могилы делались неодновременно. Каменный панцирь мог пристраиваться по мере заполнения курганов, в пределах крепиды.

б) Оленные камни датированы по стилю изображений и реалиям. Камни с ожерельями кругами — I периода.

Традиция оленных камней уходит вглубь.

в) В алды-бельских курганах трепанации нет. В саглынских — есть; мумии были в Урбюне, но трепанации нет.

г) Все удила зафиксированы in situ.

4. Дьяконовой В.П.

Этническая неоднородность выделенных культур предполагается.

5. Черникову С.С.

а) Названия Л.Р.Кызласова и С.И.Вайнштейна объединяют VII–III вв. до н.э., но мы имеем 2 культуры. Таким образом сохранение старых названий означало бы вторжение в неоспоримые авторские права обоих исследователей. Как я и говорил в докладе, необходимость введения новых названий обусловлена накоплением большого нового материала, в особенности открытием ранее неизвестных памятников раннескифского времени.

б) В раннескифское время железо в Саяно-Алтайской зоне отсутствует. Тенденция к удревнению скифских памятников имеется. В связи с открытием в Туве новых памятников раннескифского времени, в том числе такого выдающегося комплекса как Аржан, мы имеем развитое искусство, специфические комплексы инвентаря. Ранее предусматривавшееся время на переноску с Запада не должно быть оправдано.

в) 2 этапа саглынской культуры — в Озен-ала-белигском этапе появляется железо, пряжки с неподвижными язычками и все это имеет корреляцию. Этап этот выделен С.И.Вайнштейном совершенно правильно.

6. Сорокин С.С.

а) Второстепенные различия между могильниками имеются.

б) Саглыньские — на открытых плато, алды-бельские — преимущественно на “языках”, в тяжелых грунтах. На Хемчик-Боме, в пределах узкого микрорайона, были специально предприняты раскопки как алды-бельских, так и саглыньских памятников. Таким образом доказано, что алды-бельские и саглыньские памятники — это не локальные варианты одной и той же общности.

в) Смена культур — вероятнее всего, захват территорий, генетическая связь существует.

г) Ранние вещи могут быть в сочетании с поздними (Кок-Эль, курган 48; Урбюн III, Кюзленги).

7. Вадецкой Э.Б.

а) Погребения многоактные. Входы в усыпальницу прослежены, подхоронительные ходы зафиксированы.

б) Антропологические материалы по алды-бельской культуре еще не обработаны.

8. Трифонову Ю.И.

а) К алды-бельскому времени, по-видимому, относится саглыньский Улуг-Хорум (курган-«храм» на открытом воздухе). Памятники типа цист, возможно, сосуществуют с памятниками раннескифского времени и в алды-бельскую культуру не включаются.

б) Ящики датируются в основном первыми веками до н.э. и выходят за пределы скифского времени. Имеется целая серия впускных ящичных погребений в саглыньские памятники.

Ящики близко сочетаются с так называемыми тесинскими погребениями.

Обсуждение:

1. А.М.Мандельштам.

Выделение культуры весьма ответственное дело. Должен быть предъявлен весь материал, мы видели суммарное изложение.

Сопоставление должно идти по горизонтали и вертикали.

Нужна тщательная апробация вводимых в оборот культур.

Достаточных оснований для выделения алды-бельской культуры не имеется.

Условно разделены памятники на 2 группы: ранние — до середины I тыс. и поздние — вторая половина I тыс. до н.э. Для сопоставления имеем сооружение, обряд, материал. Для ранней группы — сосуществуют ящики и срубы. Ящики имеются и позднее. Ящики, впервые открытые в 1969 г. на Аймырлыге, относятся к скифскому времени. Ящики возле срубов не специфика, а закономерность. Они есть и на других памятниках.

Конструктивно ящики не имеют принципиальных отличий, хотя есть вариации размеров.

Срубы для раннего — вытянутые, поздние — подквадратные, но малые срубы — промежуточные.

Намогильное сооружение у ранней группы — каменные покрытия. Насыпи имеются и в поздний период, есть и не имеющие сооружений.

Концентрация групп погребений с концентрической тенденцией. Ящики на Аймырлыге иногда также сочетаются и тоже имеют центрическое расположение.

Обряд погребения — положение на боку и там, и там, в основном на левом боку, ориентировка З, СЗ, С в обоих случаях.

Принципиальный состав инвентаря сходен в обеих группах (посуда, орудия труда, украшения). Для раннего периода характерна единичность захоронений, но не во всех случаях. Поздние ящики также главным образом с единичными погребениями.

Сопроводительный инвентарь, а также деревянная посуда не являются принципиальным различием; категории оружия в обоих случаях одни, в поздних есть чеканы, но это явление временное. Конское снаряжение и тут, и там, посуда и тут, и там, украшения тоже.

Различие инвентаря носит временный характер. Обзор сопоставлений, таким образом, дает возможность считать необоснованным выделение культуры. Включение кургана Аржан сюда необоснованно.

Нет достаточных обоснований для выделения саглынской культуры. Следует сохранить одно из названий (возможно, лучше уюкская).

Оснований для вынесения ящиков из скифского времени не имеется. Есть ящики даже с более богатым инвентарем, чем отдельные срубы. Ящики занимают закономерное место в структуре могильника Аймырлыг.

Впускные ящики требуют объяснений. На Урбюне — в основе даты ажурная бляха. Но не доказана ее поздняя датировка.

В демонстрируемых таблицах все показано сжато, нет оснований деления. Таблица в этом виде может не выдержать проверки временем.

Относительно ящиков нужна большая осторожность.

2. Пшеницына М.Н.

Относительно раскопок в Монголии. Найдены срубы типа саглынских; погребения в ящиках — по материалам датируются одним временем (Волковым В.В.). В них найдены вещи скифского и гунно-сарматского облика. Каменные ящики сочетаются со срубам по инвентарю.

3. Грязнов М.П.

Доклад посвящен тому, чтобы показать своеобразный комплекс и наметки хронологии Тувы скифского времени.

Заслуга экспедиции — открытие большой серии ранних памятников. В целом, выделение этой группы совершенно правильно, соответственно группам на сопредельных территориях.

Это особая группа — временная или этническая. Закономерно и правильно выделять хронологически, и это видно.

Смена одного культурного комплекса другим — закономерное выделение, тоже можно согласиться. Но что это значит? Приход нового этноса или перерыв постепенности? Здесь данных пока недостаточно. “Отсутствие генетической преемственности” — сильно сказано. Преемственность все же есть. Может быть и смена культур, и трансформация. Пока материала недостаточно.

Можно ли имеющиеся изменения возводить в ранг культуры?

Материал дает право на свое имя, а переименовывать остальное может быть излишне. Может быть, оставить название уюкская культура для поздних памятников. При именовании культур следовало бы исходить и из лингвистических соображений, удобно ли произносить. Нужно стараться сохранять старые названия.

Правильно комплекс выделен и поставлен в круг тасмолинского и других типов. Сомневаюсь, что надо возводить в ранг культуры.

Частное — коллективные захоронения саглынцев. Подхоронительный ход похож на засыпку хода камнями. Надо предполагать меры для сохранения умершего на долгий срок. Случаев трепанации для саглынцев много.

Вероятно, в Саглах случай с 4-мя погребенными — кенотаф.

Сочетание ранних и поздних вещей возможно, если попадают ранние вещи, но не поздние.

Материал интересный, но культурно-историческое определение не должно быть окончательным. Важно выделить группу.

4. Сорокин С.С.

Доклад по нужному вопросу. Вопрос датировки особых возражений не имеет. Некоторые вещи могут переживать.

Вся беда в том, что докладчик без особых доказательств переходит от археологического материала к оценке его этнической принадлежности.

Таблица вызывает ряд возражений. Взята теплоуховская схема. Подобраны две горизонтальные ленты по принципу взаимовстречасмости, почему-то названной корреляцией. Корреляция — понятие математическое. Требуется распределение материала (оцененное количественно) на корреляционном поле. А этого не предъявлено.

Перекличек двух периодов много. Следовательно, рано говорить об этнической разнице. Надо знать, сколько погребений, как они связаны между собой, как распределены на местности. Предъявление планов могильников сняло бы ряд вопросов. Вообще нужна более углубленная аргументация заключений.

Ничего не сказано о хозяйстве и быте. Как происходила смена? Нашествие? Похожие вещи распространяются широко.

На Балыктыюльском могильном поле выделялось три могильника (пазырыкского времени, тюркского времени; группа курганов, расположенных между ними). Сама топография подсказывала датировку между Пазырыком и тюрками. Раскопки подтвердили это и показали разрывы, т.е. смену населения.

Могли ли быть дружины, способные переселяться? Вопрос этнический, генетические преемственности — надо решать осторожно. Можно будет перейти к новым категориям после полной публикации материала и его научной апробации.

Могильник Кок-су — пример перехода от бронзы к железу наглядно, в пределах одного памятника.

Не стоит переименовывать, может быть путаница. Нет веских доказательств для двух культур, скорее, просто этапы хронологические. Этот вопрос надо решать на широком материале, нельзя замыкаться в рамках одной Тувы.

5. Заднепровский Ю.А.

Активное обсуждение свидетельствует об интересе к доложенному. Доказательств введенных положений недостаточно. Представлен материал суммарно. Должна быть предъявлена полная аргументация — полный материал, причем по стадиям — комплекс, погребение, курган, культура. Корреляция должна реально фигурировать в таблицах.

Нельзя сводить суть доклада к переименованиям. Например, в Фергане уже 10 названий культур, что затрудняет работу. Реальное отличие материала существует. Вопрос о смысле различий пока остается дискуссионным. Ранний период открыт впервые. Полное представление о находках позволило бы судить более объективно о перерыве, об отличиях периодов. Выводы не должны предварять основной показ. Датировка, представленная здесь, правильна, вопрос об интерпретации разрыва пока остается открытым.

6. Дьяконова В.П.

Памятники Тувы скифского времени разнообразны. Этническая карта Тувы была насыщенной уже в то время.

Этапы — это и разнообразие памятников, не только вещей.

Старое выделение и наименование культур происходило на неизмеримо меньшем количестве материала. “Раннескифских” комплексов не было известно вообще. Пройти мимо особого пласта нельзя. Предложенное докладчиком выделение культур оправдано. Разработка интересна. Нарастание наименований — вопрос болезненный, но пройти мимо принципиально нового материала нельзя. Надо учесть многообразие и все равно придется принять.

7. Черников С.С.

В терминологии должна быть четкость. Говорилось о двух типах памятников. Майзмирский этап — мало отличается. Саглынский — больше. Нельзя разрывать эти культуры, надо доказать. Корреляционная таблица необходима для доказательства. Следует продолжить работу и над датировкой памятников. Старая датировка — VII–VI вв. до н.э. не может уже удовлетворять. Продатировать более детально отдельные вещи было бы интересно.

Относительно V–III вв. до н.э. — требует более существенной доработки.

Этническая смена культур требует антропологических определений.

Нельзя не охарактеризовать общество, живших людей. Доложена первая стадия, нужно продолжение. Материал требует доказательств. Сделанное — это только первая часть работы.

8. Кляшторный С.Г.

Критика выдвинутого А.Д.Грачем положения о двух последовательно сменяющих друг друга культурах Тувы скифского времени прозвучала очень неубедительно. Представленная в критических выступлениях аргументация была столь общей и расплывчатой, что скорее укрепляла позицию докладчика, чем отвергала ее. А прозвучавшая в выступлениях тенденция к отрицанию возможности этнического и генетического разрыва, скорее всего, хотя это и не утверждалось прямо, восходит к давно отвергнутой идее об “едином скифском этносе”, идее, в корне противоречащей и показаниям письменных источников.

Мне представляется, что в положениях А.Д.Грача содержится достаточная аргументация, которую, в отдельных случаях, безусловно следует усилить, и бездоказательное отрицание или неправомерные требования никак не могут рассматриваться в качестве образца научной критики.

9. Бочкарев В.С.

В определении археологической культуры существуют разногласия, но некоторые общие положения существуют. Основой выделения культуры является тип. В определение, которым оперирует А.Д.Грач, должен быть обязательно внесен термин “тип”.

Вопрос о датировке — понижение даты оправдано. На основе археологической датировки любая интерпретация будет иметь историческую окраску. Решение вопроса о хронологии связано с обоснованиями.

Заключительное слово А.Д.Грача.

Каждый объективный исследователь, конечно, понимает, что определение культур скифского времени Тувы, изложенное в докладе, не имеет ничего общего с распространенным, к сожалению, в нашей науке явлением “культуротворчества”. Речь шла о том, чтобы спокойно и беспристрастно, в свете больших новых материалов, пересмотреть старое положение о монокультурности памятников скифского времени Тувы, выдвинутые видными исследователями археологии Сибири и Центральной Азии С.И.Вайнштейном и Л.Р.Кызласовым, — положение, которое более не соответствует наличным данным.

С большим интересом и вниманием выслушал я выступление А.М.Мандельштама — это ведь было первое публичное выступление А.М.Мандельштама по поводу предлагаемых мною положений и вообще выступления А.М. на секторе по научным проблемам — большая редкость.

А.М.Мандельштам начисто отверг разработанную мною классификацию. В противоположность моим заключениям Анатолий Максимилианович полагает, что алдыбельские и саглыские памятники генетически связаны. Предлагаемый А.М.Мандельштамом метод сравнения: срубы тут и там, ящики тут и там, оружие тут и там, украшения тут и там, конская сбруя тут и там, посуда тут и там — значит, памятники генетически связаны. Подобный прием, смею заметить, никогда не

входил в число доказательных доводов. В самом деле, разве можно так сопоставлять памятники? Дело не том, что тут и там оружие, украшения и т.д., но в том, что в памятниках алды-бельской культуры определен тип погребальных конструкций и погребального обряда сочетается со вполне определенными типами оружия, украшений и др. серий предметов, а саглынская культура демонстрирует сочетание совсем другого типа погребальных конструкций и обряда с другими типами вещей и их комплектности. К тому же, вопреки сказанному моим оппонентом, посуда не характерна для алды-бельских погребений (во всех 107 известных сейчас погребениях алды-бельской культуры не найдено ни одного черепка, а саглынские курганы дали огромные серни керамики). К тому же конский убор в погребальных комплексах в целом свойственен только алды-бельским погребениям, а саглынским не свойственен. К тому же алды-бельские срубы — маленькие одиночные, а саглынские — большие коллективные. К тому же — разве можно констатировать генетичность алды-бельских погребений в каменных ящиках и погребений в каменных ящиках, датируемых первыми вв. до н.э. только на том основании, что тут и там ящики, в которых лежат погребенные на боку; ведь в алды-бельских комплексах, как правило, по несколько ящиков в каждом, а в улуг-хемских (позднейших) по одному. В каменных ящиках хоронили многие — и афанасьевцы, и андроновцы, и карасуццы, и тагарцы, и кизил-кобинцы Крыма и даже древние обитатели Мезоамерики. Если сопоставлять группы памятников только по наличию ящиков и них скорченных погребенных — “родственников” окажется очень много.

Признаюсь Вам, Анатолий Максимилианович, меня совершенно поразило Ваше суждение о вхождении в целом второй половины I тыс. до н.э. в скифское время. Известно и доказано, что на востоке и западе Великого пояса степей временем крушения культур скифского времени является III в. до н.э. В Центральной Азии в 207 г. до н.э. на историческую арену вышел шаньюй Модэ, но он был не первым и хунну появились не с другой планеты. На западе в это время — движение сарматов и границы скифского царства сузились до крымских пределов. Если вторая половина I тыс. входит в скифское время, то куда же поместить раскопанные А.М.Мандельштамом интереснейшие и бесспорно хуннские погребения на Бай-Даге II?

Со вниманием я слежу за Вашими, Анатолий Максимилианович, печатными информацией. Должен заметить, что слишком часто Вы употребляете слово “впервые”, — с этим словом нужно обращаться аккуратнее. Например, и сегодня Вами было сообщено, что первые каменные ящики были открыты на Аймырлыге в 1969 г., а между тем первые ящики были открыты еще С.А.Теплоуховым в 1927 г. на могильнике Бай-Даг I, с тех пор эти памятники были многократно находимы различными исследователями. На Аймырлыге количественно сделано очень много, но ни одного нового типа памятников скифского времени там не открыто и это приходится иметь в виду. Кроме того, памятники, исследованные на этом плато, к сожалению, не могут быть полностью сопоставлены с другими могильниками, исследованными в эти же и в предшествующие годы, так как в значительном числе случаев на Аймырлыге не оставались бровки до уровня перекрытий и, таким образом, разрезы “незаполненные”.

Неверно, что впускной каменный ящик на могильнике Урбюн III датирован Д.Г.Савиновым по художественной бляхе — это погребение датировано всей совокупностью инвентаря — по костяным наконечникам стрел, аналогичным иволгинским, по керамике, аналогичной посуде из комплексов гунно-сарматского времени, наконец, по наличию железных пряжек с подвижными язычками, широкое распространение которых падает на рубеж и начало н.э. Справедливость сказанного легко проверить, обратившись к публикации в вып. 119 Краткие сообщения Института археологии.

Непонятно требование о “предъявлении” сегодня “всего материала”. Весь материал — до последнего погребения и предмета предъявлен в уже готовых двух главах моей книги (эти главы лежат здесь на столе). Если бы я сейчас занялся “предъявлением” всего материала, мы заседали бы не 4 часа, а несколько дней. В мою задачу входили именно суммарные характеристики.

С.С.Сорокин говорил здесь о “неудобстве” в связи с пересмотром концепции многокультурности. О каком “удобстве” может идти речь, что же предлагается? Предлагается ради мнимого “удобства” сохранить схему, не соответствующую в свете новых данных исторической действительности.

А.М.Мандельштам указывал на необходимость предварительной апробации. Конечно, апробация необходима, но должна быть четкая граница между апробацией и визированием научных выводов. Если подвергать научные положения визированию (а попытки к этому есть) — немного вышло бы из этих наших стен.

И последнее — отрицание ради отрицания — во что бы то ни стало и любой ценой — всегда сопровождается отсутствием каких-либо удовлетворительных аргументов, что, к сожалению, можно было видеть и сегодня. Главный же итог дискуссии состоит в том, что большинство выступавших предлагало правомерность выделения алдыбельских памятников и их датировку раннескифским временем, не было опровергнуто и отличие этих памятников от саглыных, датируемых более поздней порой скифского времени.

А.М.Мандельштам.

Ряд обвинений выдвинут необоснованно. Отнесения срубов ко всей второй половине I тыс. до н.э. не было: взята лишь условная дата первая-вторая половина. Раскопок без бровок не производилось и действительность здесь искажается.

Заключение В.М.Массона:

Этот доклад — первый подход. Предъявлен материал, а необходимость строгости — это основное пожелание. Применение других методов сняло бы ряд вопросов. Во всех науках происходит совершенствование методик. При несколько иной методике можно показать сочетаемость, типы — тогда все будет аргументировано. Первое сообщение о расположении материала. Таблицы дают общее представление. Замечания в дальнейшем будут учтены, все сохранится, но получит новую обоснованность.

А.М.Беленицкий.

Можете ли вы предложить А.Д.Грачу образец таблиц лучше? Если нет, то история науки есть история науки. А по скифам — это пока лучшие таблицы.

Председатель: В.М.Массон

Секретарь: Г.В.Длужневская

И.У.Самбу (*Кызыл, Республика Тыва*)

С ТОЙ ВЕСНЫ...

Майские дни 1954 года. Безмятежные тихие сумерки. В тот вечер к нашему дому подъехали два всадника — тувинец и русский.

Увидев их в окошко, хозяйка выскочила из дома — узнала ребят:

– Здравствуйте, Александр Данилович! Какими судьбами? Откуда? Как доехали?

Тот, к кому она обращалась, сердечно поздоровался со всеми.

Мы все познакомились с Сашей уже дома, он представил и своего спутника:

– Монгуш Маннай-оол, студент Ленинградского университета, археолог.

– Очень приятно, экии! – поздоровался я, смущаясь незнакомых ученых да еще непонятного мне тогда слова «археолог».

За вечерним чаем сидели долго. Саша расспрашивал буквально обо всем: о людях, о погоде, о скоте, как будто он жил здесь вечно и лишь сегодня вернулся из далекой поездки. Удивляло меня его знание тувинского языка, манеры поведения, обычаев монгун-тайгинцев. Все это как-то не вязалось с тем, что он рассказывал о себе. Был он ленинградцем. Единственный сын в семье, никогда прежде не бывал в такой дали, как наш тувинский край. Окончил университет, работал в научно-исследовательском институте.

Сейчас я спрашиваю себя, откуда взялась у городского паренька такая тяга к тувинцам, стремление познать их многогранную жизнь, язык, обычаи, быт? Его манера разговаривать с людьми, простота в обращении сочетались со способностью мгновенно улавливать такие моменты тувинской жизни, которые были в те годы доступны пониманию далеко не каждого.

Маннай-оол оказался молчуном. За весь вечер он ни разу не вмешался в разговор. Хотя, казалось, он должен был быть активным собеседником как местный житель, много знавший о Туве и ее народе.

Саша, наверное, сознательно не заводил речи о древних памятниках, курганах, каменных изваяниях, чувствуя скудость моих познаний в этой области. Лишь на другое утро, когда мы, прихватив бинокль, забрались на кровлю дома, он показал в сторону Кожээлиг-Хову и сказал, что в той стороне есть памятники древности в виде высеченной в камне человеческой фигуры. Саше нужно было исследовать эти памятники. Он предложил мне стать участником экспедиции. Я немедленно согласился. Так состоялось наше первое знакомство с этим замечательным человеком — Александром Даниловичем Грачом.

Тогда мне стало ясно лишь одно — Саша затевает какую-то огромную работу, и я гордился тем, что она начиналась именно в Монгун-Тайге, на моей родине.

— Почему начинаешь именно у нас, в Монгун-Тайге? — спросил я тогда, сжигаемый любопытством, и получил короткий и ясный ответ:

– Здесь много изваяний ваших предков – тюркоязычных и других народов, которые образовали, как мы говорим, этническое ядро тувинской нации.

– Я их видел! – воскликнул я с детской порывистостью. – Я видел много-много каменных “людей”. Они стоят в ряд, друг за другом! В одном Ховужуке их около ста.

– Вот именно. По количеству каменных изваяний Монгун-Тайга занимает одно из первых мест не только в Туве, но и в Сибири.

...Взял курс. Маршрут Мугур-Аксы – Шегетей – Моген-Бурен. Вид транспорта – мотоцикл ИЖ-49.

На мотоцикле было очень удобно пересезать через ложбинки, речушки, забираться в самые отдаленные горные места. Мы рассматривали каждый камень – стоячий, лежащий. При этом Саша передвигался как-то странно, не отрывая глаз от земли. Мне казалось, он что-то потерял и теперь ищет потерянное.

– Что потерял?

– Это такая болезнь?

Я испугался:

– Ты заболел? Чем?

На что Саша очень серьезно ответил:

– Кроме монументальных памятников, от прошлого могут остаться следы деятельности древнего человека: на земле можно найти остатки кремневого оружия, наконечники стрел, скребки, ножи, рубила и другие мелкие вещи. Вот я их и ищу.

С тех пор и я “заболел”. Мой взгляд буквально притягивало к земле.

К вечеру в местечке Ортаа-Шегетей мы заехали к одному старику по имени Нордат. Он был знаком с Сашей с прошлого года. Друзья обнялись, приподняли друг друга, что означало искренность чувств.

Саша любил беседовать с пожилыми людьми. Тогда разговор с Нордатом затянулся почти до утра. И, конечно, не об археологии: о жизни, быте, взаимоотношениях людей, о воспитании и образовании детей, о прошлом и настоящем тувинцев.

“Удивительный парень! – подумал я. – Умсет разговаривать с человеком, который не знает ни русского языка, ни даже грамоты”.

Поездка заняла несколько дней. Были обнаружены десятки каменных стел, множество курганов, а на скале в местечке Мугур-Шегетей – надписи на языке “тангыт”.

Отдохнув денек, мы снова отправились на разведку. На этот раз маршрут лежал по реке Каргы вверх. Однако Саша не забыл моих слов о “ста каменных человечках”. Я привез его к ним. Место называлось Кожээлиг-Хову, в переводе – Долина каменных баб. У Саши разбежались глаза, казалось, он был в невменяемом состоянии и только все повторял: “Наука пополнилась!..”. Саша с фотоаппаратом бегал, прыгал между стелами, вставал перед каменными изображениями на цыпочки, разглядывал их на корточках. Иногда он замирал, будто боялся, что каменные “люди” разбегутся. Пристально вглядываясь в камень, приговаривал: “Да я тебя... я тебя, такого милого... Мы тебя в Монреаль откомандируем!.. Будете вы сидеть в Эрмитаже, Великий Каган!”

Для меня это поведение было странным. Казалось, Саша был не с нами, а где-то в другом мире. И если его встряхнуть хорошенько, то он, очнувшись, станет медленно просыпаться. Сам того не замечая, я тоже подключился к работе. Одержимость Саши настолько увлекла, что я старался изо всех сил помочь ему, но у меня плохо получалось. То рейку “вверх ногами” держу, то расчет неправильно делаю. Саша не сердился, а старался терпеливо объяснить суть дела.

В Кожээлиг-Хову наша работа длилась шесть дней. Каждый раз Саша с сожалением встречал закат солнца. Всегда жаловался, что ему не хватает светового – летнего! – дня.

После предварительного осмотра местности, фотографирования и картографирования Саша заметил с улыбкой:

– Ваш подсчет, Иргит Хаайович, неправилен. В этой долине девятнадцать каменных изваяний, четыре стелы, а остальные – сотни – так называемые каменные балбалы, которые лишь дополняют комплекс сооружений.

Я хотел было возразить ему в защиту названной мной цифры “сто”, но, поняв, что каждый камень имеет свое назначение и объяснение, промолчал.

В этот момент к нам подъехал всадник с большой седой бородой. Я его сразу узнал. Это был Сандан – бывший лама, лишенный в тридцатые годы гражданских прав “за противоправительственные действия”.

Он поинтересовался, что собирается “орус” делать. Не думает ли он вырвать эти святыни из земли и увезти их с собой? Получив удовлетворительный для него ответ, Сандан начал проповедовать:

– Это изображения наших предков. Стоя на земле, где живут их потомки, они держат связь со священным небом. Это они умоляют самого “Бурган башкы” ниспослать их потомкам всяческое благополучие. Осквернение бурханов никому не позволено. Осквернивший святыни будет поражен смертельной болезнью: не станет у него потомков. Но и то, что уже сделано вами, принесет вам большие несчастья.

Выслушав его, Саша вежливо ответил :

– Мы не собираемся вырывать памятники, осквернять священные места. Бурханы будут стоять, как стояли, и они являются достоянием всех. Мы же их только опишем.

После завершения работ в Кожээлиг-Хову мы совершили в другие места несколько одно-двухдневных поездок. Теперь уже Саша стал моим проводником. Он отлично ориентировался на местности и мог заранее предугадать местонахождение каменных изваяний, курганов. Это было настолько удивительно, что я не выдержал и однажды спросил его:

– Как тебе удается заранее угадать местонахождение памятников? У тебя, что, есть какой-то прибор?

– Да не-е-ет! Никаких приборов нет.

Я подумал: “Сейчас постучит себя по лбу и скажет: здесь тот прибор”.

Но Саша спокойно объяснил:

– Древним людям ведь тоже надо было питаться, пасти скот, значит, им были необходимы вода, топливо, пастбища – все, как и сейчас. Нужно было удобное для жизни место. Вот они и находили такие места в долине Каргы. Смотри, Иргит Хаайович, вон там, на возвышенности, похоронен знатный человек. Он был выше всех на этом свете и на том тоже должен быть возвышен.

По словам Саши, монгун-тайгинский сезон нам здорово удался.

Накануне отъезда археологов в местном клубе состоялась их встреча с населением. Собралось много народу.

Вначале Саша горячо поблагодарил всех людей, оказавших ему ту или иную помощь. Рассказ его был удивительно интересным. Высказанные в очень доступной и популярной форме научные предположения археолога вызвали любопытство у слушателей, они задали множество вопросов, зачастую выходящих за рамки темы. Разговор шел обо всем – начиная с объяснения некоторых природных явлений и кончая сведениями о династии Чингизидов.

В заключение А.Д.Грач сказал, что одна из целей работы состоит в сохранении каменных изваяний от разрушения, в привлечении к ним внимания общественности. Теперь, когда собран достаточно богатый материал о каменных изваяниях Тувы, можно приступить к созданию в Кызыле собрания каменных статуй – выразительных памятников искусства племен, населявших “Страну Голубой Реки” много веков назад.

...День отъезда. Саше посоветовали ехать через Чараш-Даш, что по Кадыр-Орукскому перевалу, затем через Шуй – в Кызыл-Мажалык. Цель такой поездки мне стала ясна. Чараш-Даш — Красивый Камень – очень своеобразное местечко с горообразованиями вулканического происхождения. Здесь в каменных осыпях можно найти красивые разноцветные камни. В то время многие пожилые люди считали, что археология – нечто сродни геологии. Поэтому советовавшие ехать тем путем думали, что Саша просто обязан посмотреть россыпи этих красивых камней.

После отъезда Саши еще долгое время ко мне обращались с вопросами: куда он уехал, надолго ли, когда придет, над чем сейчас работает? Многие брали его ленинградский адрес, просили почитать письма от него.

Зимой 1960 года Саша сообщил в письме: в скором будущем начнется строительство Саяно-Шушенской ГЭС; при подъеме уровня Енисея центральная Тувинская котловина окажется под Саянским морем; а на дне будущего моря, т.е. в Чаа-Хольской котловине, затрагивая Шагонар, находятся тысячи наземных памятников древности, относящихся к различным эпохам. “Задача ленинградских археологов, – писал далее Грач, – совместно с тувинскими «спасти», т.е. нанести на карту все памятники, находящиеся в зоне затопления. Но в начале этой огромной работы следует провести первичную разведку местности, т.е. зафиксировать памятники, по возможности определить классификацию их исторической значимости, выявить новые, ранее неизвестные. Но для подготовки к исследованию памятников зоны требуется два сезона... Чтобы набрать опыт, соответствующие навыки для осуществления исследовательской работы в зоне затопления, предпринимается крупная экспедиция под руководством доктора исторических наук, профессора Михаила Петровича Грязнова в зону затопления Красноярской ГЭС”.

Александр Данилович возглавлял один из отрядов этой экспедиции в количестве двадцати человек. Я был приглашен в эту экспедицию. Не дожидаясь моего письменного согласия, Саша сам приехал ко мне и сказал:

– Кроме своей собственной души, возьми еще пятнадцать парней – и поехали в Красноярск!

Пока мы ехали через Саяны, Грач настолько подружился с тувинскими ребятами, что последние ходили за ним по пятам. Расспрашивали его о Ленинграде, о нем самом, его детстве, интересовались научными проблемами и на все вопросы получали подробные ответы. Этому Грач посвящал целые вечера. Часто разговоры затягивались до самого утра. Казалось, он уже все рассказал за эти многочисленные вечера, но каждый раз находил что-то новое, заинтересовывал ребят все больше и больше историей их народа.

Местонахождение штаб-квартиры, как в шутку Саша называл наш палаточный городок, было вблизи поселков Краснотуранск и Биря. Место было на редкость удачное: рядом протока Енисея, лес, гора Краснотуранская...

В экспедиции принимали участие также археологи Митя Савинов, Сергей Астахов, Юра Трифонов.

Краснотуранские курганы представляли собой наземные сооружения с высокими земляными насыпями, вызванными интенсивным почвообразованием. Из кургана среднего размера приходилось выбрасывать многие кубометры земли. И тем не менее ребята, да и сам Грач с большим энтузиазмом выполняли эту тяжелую работу. Однажды Александр Данилович собрал всех и поделился соображениями.

Здесь, в Минусинской котловине, почвообразование очень интенсивно. Веками на сооружения надувало землю слоями в несколько метров толщиной. Могильная же яма находится еще глубже. Поэтому при снятии верхнего слоя, как бы “пустой породы”, можно использовать самый обыкновенный грейдер. А технология работы выяснится по ходу.

Пригласили грейдериста. Парень, кстати, оказался понятливым, смысленным. Когда трактор прошелся по одной половине кургана, ничего страшного не произошло. Но когда грейдер пополз по второму разу, все напряглись, как струны. Сам Саша сидел в это время рядом с трактористом и где-то посередине насыпи закричал:

– Стой!

Оказалось, что нож грейдера задел камень. Трактор отвели. Начали откапывать лопатами. Выяснили, что нож задел лишь верхнюю часть могильной камеры – ее покрытие.

– Теперь ясно! – радостно воскликнул Саша. – Можно использовать грейдер.

Так впервые в практике археологии Сибири А.Д.Грач применил грейдер. Впоследствии он неоднократно предупреждал нас, что использование грейдера возможно лишь здесь, в Минусинской котловине, но не в Туве, где почва представляла собой сплошные камни.

На следующий год экспедиция Грача приехала в Туву для проведения подготовительных работ в зоне затопления Саянского моря. В результате разведывательных работ было обнаружено около тысячи наземных памятников.

Экспедиционный сезон 1963 года стал началом большой исследовательской работы в Туве. Была создана Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР, во главе с кандидатом исторических наук А.Д.Грачом.

Это было крупное хозяйство – из пяти отрядов с шестью машинами и большим количеством плавсредств. В составе экспедиции – около ста пятидесяти человек.

По настоянию А.Д.Грача, все руководители отрядов должны были уметь водить машину, моторную лодку, оказывать первую медицинскую помощь, разбираться в геологических пластах, особенно третичного и четвертичного периодов.

Была установлена еженедельная встреча руководителей отрядов, где каждый из нас отчитывался о проделанной работе. Кроме того, сам Грач часто бывал в отрядах, встречался с ребятами, присутствовал при раскопках. Своего метода не навязывал: считал, что сколько археологов, столько методов, но к нарушениям методики раскопок относился сурово.

По инициативе Александра Даниловича, стали традиционными спортивные праздники в субботние дни: соревнования по борьбе, волейболу, плаванию. Он старался, чтобы у ребят были все условия для работы, отдыха, спорта. И, наверное, в этом здорово помогали летнее солнце, чистый воздух, енисейская вода в сочетании с четко установленным режимом дня.

Нашей работой живо интересовались местные органы власти. Часто нас приглашали на спортивные соревнования, встречи с молодежью и населением. Александр Данилович, как бывало в Монгун-Тайге, рассказывал о работе по исследованию истории Тувы, об археологии как науке о древности. На таких встречах, да и просто на улицах, люди задавали самые разные вопросы: о Чингисхане, об Амыр-Сане, о Кагыавай-Мергене... Александр Данилович всегда находил ответы. Порой было трудно убедить людей, в том что, например, “Чингисханова дорога” – это не дорога вовсе, а оборонительные сооружения уйгуров времен нашествия засаянских кыргызов. Но люди расставались с Александром Даниловичем довольные.

Часто чабаны, живущие неподалеку от нашего лагеря, приглашали Грача на беседу, которая нередко растягивалась на всю ночь. Чабаны с большим интересом слушали увлекательный рассказ ученого.

В своей последней монографии “Древние кочевники в центре Азии” А.Д.Грач писал:

“Среди многих добрых друзей науки, с которыми нам довелось встретиться за годы экспедиций, особую благодарность хотелось бы выразить людям сурового и благородного труда – тувинским чабанам, в чьих юртах... всегда находил верную дружбу, сердечность и кровную заинтересованность в познании древней истории родной земли...”

Каждый раз вскрытие могильника всеми участниками отряда, ребятами особенно, ожидалось с тревогой, с предвкушением открытия. В неограбленных скифских курганах находилась масса интересных вещей, среди них немало золотых украшений. Но нам всем запомнилась сказанная Грачом русская поговорка: “Не все то золото, что блестит”. Однажды на раскопках в Алды-Беле, теперь уже знаменитом в науке, нашли тайник с набором бронзовых украшений от сбруи, датируемых временем ранних скифов.

Таких уникальных находок было много: Демир-Сугская руническая надпись на стеле, Чингинские многоярусные могилы и сопроводительные захоронения (повелитель “брал с собой” в потустороннюю жизнь рабов), Саглыньские находки, Хемчик-Боомские многокамерные сооружения.

В ходе исследований А.Д. Грач внес в методику археологических работ новинку: впервые в условиях Тувы был применен аэрометод. Любой археологический объект – городище, курган, грунтовый могильник как продукт деятельности человека – имел очертания, отличающиеся от очертаний объектов природного происхождения. Демаскирующие особенности нарушенного некогда растительно-почвенного покрова позволяли выделить с воздуха объекты, практически неразличимые с земли.

Более ста лет назад В.В.Радловым на Алтайском Пазырыке была обнаружена подкурганная мерзлота. Это явление осталось неизученным. В шестидесятых годах на Саглы мерзлота была обнаружена Грачом. После тщательного изучения Александр Данилович выяснил причину возникновения мерзлоты и пришел к выводу, что она является своего рода “холодильником” и превосходно сохраняет предметы древнего погребального инвентаря из органических материалов. Грач пошел дальше, поставил вопрос об оживлении микроорганизмов, зерна, пробывших в мерзлоте несколько тысячелетий. Это дало положительные результаты.

Кроме стационарных раскопок, Александр Данилович постоянно занимался изыскательскими работами. Для этого он поселился на Хемчик-Боме, возле устья реки Хемчика, чтобы разведать Енисейский каньон в Саянах. Он считал, что в Усть-Хемчике есть уникальные памятники интересующего его периода.

В итоге нескольких дней работы в каньоне мы нашли десятки различных курганов, стоянки человека каменного века. Были собраны этнографические материалы, изучены древние оросительные системы.

Наверное, каждый из нас, тех кого раньше или позже, в зрелом возрасте или подростковом, жизнь связала с Александром Даниловичем Грачом, многое мог бы о нем рассказать. Особенно те, кому передал он свою увлеченность наукой и для кого она стала делом жизни.

Как для меня с той весны 1954 года...

А.М.Решетов (Санкт-Петербург)

ВСПОМИНАЯ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА ГРАЧА

По старой памяти, что по грамоте.
Памятуй добро, а зло забывай.

Русские народные пословицы

На волнах памяти удаляюсь в прошлое, и вспоминается 1956 г. Летом этого года я заканчивал кафедру истории стран Дальнего Востока Восточного факультета ЛГУ им. А.А.Жданова. На нашей кафедре много лет читал лекции профессор Н.В.Кюннер, заведующий отделом этнографии народов Восточной и Южной Азии Ленинградской части Института этнографии АН СССР им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Заведующий нашей кафедрой проф. Г.В.Ефимов с большим пиететом относился к Н.В.Кюннеру, был с ним в хорошем контакте и через него наши выпускники стали после окончания университета уходить в археологию (В.Е.Ларичев, Э.В.Шавкунов) и этнографию (А.И.Мухлинов, Ю.И.Журавлев, Ю.В.Маретин). Хотя в 1955 г. Н.В.Кюннера не стало, в 1956 г. нас, двоих выпускников Ю.П.Зубова и меня, секретарь кафедры Г.С.Горохова по предварительной договоренности Г.В.Ефимова с руководителем Ленчасти Института зам. директора Института проф. Л.П.Потаповым привела в здание Кунсткамеры. В этот день Л.П.Потапова на службе не было — день был неприсутственный. Заведующая канцелярией А.Н.Калдыкина любезно нас встретила и проводила к Ученому секретарю. Ученым секретарем тогда был Александр Данилович Грач. Он на всех нас произвел неизгладимое впечатление своим обаянием, деликатностью и вниманием. Рассказав нам об условиях поступления в аспирантуру, расспросив нас о наших научных интересах — темах наших курсовых и дипломных работ, красноречиво поведав об Институте и Музее антропологии и этнографии при нем, их традициях, он сказал, что мы можем подавать документы ему и начать готовиться к экзаменам, посоветовав заниматься в библиотеке Института. И обо всем он говорил очень доброжелательно, с легкой улыбкой. Беседа вызвала у нас чувства расположения, доверчивости к этому человеку. Правда, Ю.П.Зубов, через некоторое время, поразмыслив, ушел работать в газету, а я стал терпеливо дожидаться обещанного аспирантского места и начал готовиться к экзаменам.

Вдруг однажды заведующая библиотекой О.В.Бунакова подходит ко мне в читальном зале и сообщает, что меня к себе приглашает ученый секретарь. Я, смущенный и удивленный, отправился к нему в его роскошный кабинет. Обаятельный Александр Данилович встретил меня приветливо, усадил в кресло и поинтересовался ходом подготовки к экзаменам, а потом стал рассказывать о своих раскопках близ Кунсткамеры. И уже когда, казалось, беседа подходила к концу, он, хитро улыбаясь, сказал: "А Вы знаете, Александр Михайлович, у нас с Вами есть общие знакомые". Огоршив меня таким заявлением и не дожидаясь моего ответа, а, может быть, увидев мое недоуменное выражение лица, сказал, что это Наталия Михайловна Дудинская и Константин Михайлович Сергеев, что его мама Лидия Михайловна Тюнтина была балериной, а теперь работает преподавателем в Хореографическом училище им. А.Я.Вагановой... И вообще стал многое рассказывать мне о балете, о театре, который он знал великолепно. Я с университетских лет был стра-

стно увлечен театром, бывал в драме, опере, часто ходил в филармонию, но всегда особо выделял балет. Тогда на сцене Кировского театра танцевала целая плеяда балерин и танцовщиков: Ф.И.Балабина, Т.М.Вечеслова, А.Я.Шелест, И.Б.Зубковская, Б.Я.Брегвадзе, С.С.Каплан... Но несравненными были Н.М.Дудинская и К.М.Сергеев — я ходил на каждый спектакль и концерт с их участием. В те годы в Ленинграде в балете был свой особый сплоченный постоянный состав зрителей — каста балетоманов. И оказывается, А.Д. и я принадлежали к ним. Узнав от А.Д. эту новость, я не замедлил порасспросить у своих знакомых о семье Л.М.Тюнтиной, которая, как оказалось, была большой поклонницей К.М.Сергеева, а Н.М.Дудинская встречалась нередко с ней в доме своего педагога А.Я.Вагановой... Узнал, что Лидия Михайловна Тюнтина была интересной танцовщицей, принимала участие в премьере балета Ф.В.Лопухова на музыку 4-ой симфонии Л.Бетховена "Величие мироздания" (1923 г.). Его отец Грач Даниил Яковлевич работал управляющим Народным Домом, но отца А.Д. едва ли мог помнить, так как родители в 1931 г. уже расстались навсегда. А.Д., таким образом, рос в балете — его мать танцевала до 1947 г. В их доме часто бывали многие молодые балерины — практически его сверстницы Алла Осипенко, Ирина Колпакова и другие, ставшие потом известными танцовщицами на Кировской сцене. А.Д. и Р.Ф.Итс любили вместе вспоминать о вечеринках в доме Лидии Михайловны, как они танцевали с балеринами и веселились... Позднее у них часто бывали ученицы Л.М. Каля Федичева, Наташа Большакова... Естественно, А.Д. ходил и на их спектакли, где мы часто встречались. Однажды А.Д. пригласил меня, абитуриента, к себе в кабинет и доверительно сообщил, что в театральной газете готовится публикация статьи против Н.М.Дудинской и К.М.Сергеева, что надо срочно подготовить письма протеста, которые следует направлять в адрес дирекции театра...

В начале 1957 г. я уехал на стажировку в Китай и вернулся в Институт только в феврале 1961 г. Встреча с А.Д.Грачом была очень теплой. Я ему очень благодарен за моральную поддержку, особенно в первые месяцы моей работы после возвращения. На заседании сектора я сделал отчетный доклад о своей работе в Китае. На заседание пришло много народа из других секторов (тогда сотрудники еще ходили на научные заседания), председательствовала К.В.Вяткина. В конце заседания один из уважаемых коллег обвинил меня в том, что у меня сформировались взгляды как у буржуазного ученого на социалистический Китай, что я должен серьезно изучать работы классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу... Как понятно, такого рода заявления тогда могли серьезно осложнить мою жизнь. А.Д. был среди тех, кто вступился за меня. Слава Богу, никаких плохих последствий не было для меня. Четыре года отсутствия в Институте сказывались на моем непонимании событий, происходивших в нашем научном учреждении. К тому времени А.Д. уже не был ученым секретарем, а состоял младшим научным сотрудником сектора Сибири и, как оказалось, был не в фаворе у ленинградской дирекции. Он ярко, увлеченно, вдохновенно рассказывал о своей работе в Туве. Однажды он пригласил меня в камералку, где показал находки из проведенных им раскопок. Между прочим, обратил мое внимание на кусочек бересты с надписью и сказал, что это редкая находка, что эта надпись сделана согдийским письмом, что находка согдийской надписи помогает многое понять в древней истории народов, живших на территории Тувы, что он направил ее для прочтения С.П.Толстову и теперь ждет ответа. Я внимательно посмотрел на эти знаки и сказал, что это не согдийское, а тибетское письмо, показал ему образцы тибетского текста, привезенные мною из Китая. А.Д. отнесся с недоверием к моим словам, но на следующее утро он уже ждал меня на вахте и сказал, что наличие тибетской надписи в Туве для этого времени представляет также большой интерес... В конце дня меня уже вызвали в дирекцию и стали спрашивать, что я говорил об этой надписи А.Д. ... Я почувствовал опасность и отказался от дальнейшего знакомства с надписью и ее изучения, хотя наши беседы с А.Д. по поводу его находок продолжались.

Иногда он просил меня проверить переводы китайских текстов, но и в этом случае я почувствовал, что здесь таится некая угроза, если не начать заниматься специально всеми этими проблемами. В Туве в те годы одновременно работали Л.П.Потапов, Л.Р.Кызласов, С.И.Вайнштейн, А.Д.Грач, отношения между ними, как мне показалось, были сложными и неоднозначными. Внешне спор облекался в научные формы, отношения выглядели благожелательными и сопровождалась при встречах улыбками и приветствиями. Но вспоминаю одно заседание сектора Сибири, когда обсуждалась работа А.Д.Грача и на нем зачитывался отзыв одного московского археолога — это и сегодня вызывает тягостные впечатления... Надо сказать, что А.Д. поддерживало большинство сотрудников сектора, особенно Е.Д.Прокофьева, В.В.Антропова, Л.В.Хомич. Кстати, именно А.Д. уговорил меня вместе с другими секторянами поехать в 1962 г. с Е.Д.Прокофьевой в экспедицию к селькупам, чтобы помочь ей добрать материал для завершения монографии.

Отношение к А.Д. в Институте в большинстве было доброжелательным. Даже его противники — это его бывшие друзья и близкие коллеги. Порой сложность и даже враждебность отношений прикрывались показным благорасположением. Очевидно сказывались и такие добрые черты характера А.Д. как умение ладить с людьми, вежливая дипломатия. Это проявлялось и в повседневном общении и во время подготовки регулярно устраиваемых в Институте капустниках, новогодних вечерах, маскарадах, застольях. Он был остроумен и был душой подготовки, застрельщиком этих мероприятий. И это тоже привлекало к нему людей. Особо хочу подчеркнуть расположение к нему А.Н.Калдыкиной, с которой его связывали годы совместной работы, когда он был ученым секретарем. Она всегда во все времена оставалась верной ему. И когда А.Д. пришлось уйти из Института и работать в Институте археологии, числиться на службе в Туве, он приходил к нам и обязательно заходил к Александре Николаевне, которая была неизменно благожелательна ко всем сотрудникам. Работая ученым секретарем, я был свидетелем, как А.Д. трогательно дарил ей специально привезенные для нее из Тувы эдельвейсы...

В трудные для А.Д. годы мы продолжали встречаться в Институте, в театре. Его тогда поддерживала сильная влиятельная женщина Т.Ч.Норбу — глава тувинских профсоюзозов, у других участников работ в Туве были иные покровители. Вспоминаю встречи с ней и А.Д. на балете и беседы с ними. Одно время А.Д. был особенно вдохновлен: это после находки им золотого украшения. Но общая ситуация не складывалась в его пользу...

Во второй половине 1977 г. А.Д. особенно зачастил к нам: зашла речь о принятии его на работу в наш Институт. Этот вариант встретил благожелательное отношение директора Института Ю.В.Бромля, его заместителя Л.М.Сабуровой, был поддержан акад. А.Н.Кононовым и Т.А.Жданко. Я тогда был секретарем парторганизации. Партбюро тоже поддержало приход к нам А.Д., был объявлен конкурс специально для него на должность старшего научного сотрудника. С 28 февраля 1978 г. он по итогам конкурса, прошедшего не без борьбы и сложностей, был зачислен на искомую должность. Если в начале 60-х годов А.Д. был стойким борцом, смело вступающим в схватку за свои научные идеи, то теперь это был во многом осмотрительный человек, для которого мнение дирекции становилось фактором, определяющим его поведение... Предполагалось его участие в работе Монгольской экспедиции. Он много работал и издал прекрасную книгу о древних кочевниках Центральной Азии, которую он несомненно бы успешно защитил в качестве докторской диссертации. Но судьба распорядилась иначе: неожиданная смерть похитила его. На его похоронах было очень много народа. Проститься с ним пришли этнографы, археологи, артисты балета и много людей, очарованных обаянием и талантом Александра Даниловича Грача. Вечная ему память!

Я.А.Шер (Кемерово)

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ А.Д.ГРАЧА

Науку создают живые люди. Когда они уходят из жизни, остаются их книги, статьи, научные архивы, фотографии. За последние 10 лет вошли в широкое употребление видеозаписи, которые, конечно же, приближают к нам живой облик ушедшего человека. Однако каждый человек многопланов. Можно, например, снять на видео хмурого человека, а на самом деле он был весельчак и в видеокамеру попал в какой-то невеселый момент. Ничего из этих документальных материалов неспособно воссоздать то, что было характерно именно для этого человека, его манеру держаться, разговаривать, был ли он веселым или мрачным, остроумцем или тугодумом, как относился к близким, друзьям и недоброжелателям. Например, теперь уже мало кто помнит феноменальную память и очень живописную манеру речи А.В.Арциховского; изысканный аристократизм и природную доброжелательность А.А.Иессена, который даже остро критические замечания умел делать так, что на него невозможно было обидеться; мало кто из нынешней молодежи знает, какой взрывной темперамент был у И.А.Орбели; очень мало осталось тех, кто помнит неиссякаемый юмор А.Н.Бернштама, особую манеру шутить М.П.Грязнова, при которой далеко не сразу можно было отличить шутку от серьезного. Единственное что может хоть как-то восполнить "штрихи к портрету" ушедшего в мир иной друг: товарища, коллеги, учителя — это воспоминания современников, особенно тех, кому приходилось общаться с ним не только в служебной, но и в неформальной обстановке. Ниже я остановлюсь на нескольких фрагментах из биографии Александра Даниловича Грача и сразу оговорюсь, что они и в малой мере не раскрывают всего многообразия его личности.

Меня с А.Д.Грачом (мы его звали Шурой) связывали 23 года близкого знакомства, а в последние 10 лет и искренней дружбы. Почему я делаю такую оговорку? Известно, что в наших отношениях с ним были разные периоды, в том числе и омраченные серьезными разногласиями (на деловой основе), но у нас обоих хватило ума преодолеть разлади и вернуться к доброй дружбе.

Я был вхож в его семью и мог наблюдать всех Грачей — маму Лидию Михайловну Тюнтину, жену — Нонну Леонидовну и сына Всеволода, который после смерти отца работал в моем отделе в Эрмитаже, их близких и дальних родственников и друзей, — с достаточно близкого расстояния.

Нас познакомил в 1958 г. теперь уже тоже покойный археолог Ю.Д.Баруздин. Была промозглая ленинградская осень, мы шли через Дворцовый мост домой, в аспирантское общежитие, которое тогда помещалось на Тучковой набережной в восточном крыле Пушкинского дома. На пути была Кунсткамера (тогда МАЭ АН СССР), и Юрий Дмитриевич мне предложил: «Хочешь познакомлю тебя с Сашей Грачом?» Я тогда еще только входил в общество ленинградских археологов и каждое новое знакомство было для меня желанным и интересным. В МАЭ мы спустились в подвал, где у Грача была довольно уютная камералка. Нас встретил симпатичный молодой человек в очках со спадающими на лоб волосами, в которых уже пробивалась благородная седина, хотя было ему тогда 30 лет. Он обнял Баруздина и

расцеловался с ним под возгласы «Орочка», «Сашенька»; крепко пожал мне руку с открытой доброжелательной улыбкой и сразу стал рассказывать о Туве, откуда он недавно вернулся из 4-месячной экспедиции под руководством Л.П.Потапова.

В рассказе звучал глубокий интерес и искренняя привязанность к этому, тогда еще совсем глухому и местами дикому и малоосвоенному краю, переполненному археологическими памятниками. Для меня было неожиданностью (тогда я сразу не мог оценить, приятной или неприятной), что Грач занимается практически теми же памятниками, что и я — древнетюркскими каменными изваяниями. Только я занимался семиреченскими «каменными бабами» (за что получил от своего шефа М.П.Грязнова шутливое прозвище «бабник»), а Грач — тувинскими.

С поездками Грача в Туву (еще до нашего знакомства) связаны некоторые смешные эпизоды. Однажды из своей первой длительной экспедиции Грач вернулся с небольшой мягкой бородой. В библиотеке МАЭ тогда работала одна дама весьма почтенного возраста, бывшая фрейлина двора Ея Императорского Величества. Увидев Грача с бородой, она всплеснула худенькими ручками и проникновенно, с нескрываемым восторгом воскликнула: «Господи, Александр Данилович, как вы похожи на покойного государя императора!» Шел 1953 год, только-только умер Сталин. Быть похожим на государя-императора никому не хотелось, ни тогда, ни еще много лет спустя.

Известно, что в любой научной среде, в том числе и в археологической, есть явная и неявная конкуренция, порождающая недоброжелательность к конкуренту или даже откровенную вражду. Ведь известны случаи, когда Некто требовал от своего коллеги прекратить изучение тех или иных материалов только потому, что ими занимается он. Иногда это приобретало и вполне официальный характер под предлогом ликвидации дублирования тематики. В глубине души я опасался, не проявится ли что-то подобное со стороны Грача ко мне. Но Грач повел меня в подвал МАЭ, где хранились каменные изваяния, вывезенные из «моего» Семиречья еще до революции и всячески способствовал тому, чтобы я мог этими материалами воспользоваться для своей диссертации. Во всяком случае, ни тогда, ни потом я не замечал с его стороны ни малейшей ревности или каких-либо других проявлений научной конкуренции.

Получилось так, что почти на одном и том же материале мы пришли к разным, в чем-то даже к противоположным выводам. Мы активно спорили и между собой и «при людях», т.е. на научных заседаниях, но никогда эти споры не отражались на наших личных добрых отношениях. Так совпало, что и у него (в 1962 г.), и у меня (в 1963 г.) на кандидатских защитах был один и тот же первый оппонент — М.И. Артамонов. Давая положительное заключение по диссертациям, в которых отстаивались почти противоположные выводы, он со свойственным ему блеском и достоинством говорил, что человек не машина, что выводы зависят от фактов и могут меняться и, что диссертантов нужно оценивать прежде всего по тому, как они научились работать с фактами.

Как-то весной нас пригласил к себе на дачу в Петергоф М.П.Грязнов. Мой старший сын Игорь был на два года младше Севы Грача. Мы их взяли с собой, на свежий воздух. На вокзал нас провожала жена Грача Нонна. Тогда я впервые с близкого расстояния взглядел эту легендарную красавицу. В спортивной курточке и клетчатой юбке она была более, чем прекрасна. Вообще она умела бывать холодно высокомерной по отношению к тем, кто ей активно не нравился и не скрывать этого. Но в тот день она лучилась доброй улыбкой и дружественным расположением. Я много раз вспоминал ходившие по ИИМКу и университету разговоры о том, как в студенчестве Саша Грач влюбился в Нонну Журавлеву и как эти двое с крылатыми фамилиями нашли друг друга. Они прожили вместе больше 30 лет. Когда у меня позднее случились тяжелые семейные неурядицы и мы расстались с моей первой женой, Грач иногда подшучивал: «Что тебе сказать, Яша, я ведь неопытный, женат только один раз».

Постепенно мы сдружились, я стал бывать у них дома. Для меня, тогда еще недавно приехавшего в Ленинград, старая петербургская квартира Грачей на Крюковом канале была сама по себе явлением из иного, малознакомого мне мира. Большая, полутемная от тяжелых штор комната со старинной мебелью из карельской березы, огромный, на полкомнаты концертный рояль, старинные книги в застекленных шкафах, обтянутый оранжевым шелком овальный абажур над столом в маленькой гостиной — все это создавало впечатление основательности, стабильности и неброского аристократизма. И в то же время ничего не было от барства, как говорится, «просто и со вкусом».

Своего жилья у меня тогда еще не было, я жил в Пушкинском доме в аспирантском общежитии. Когда позже я привез жену и сына, мы снимали комнату в коммунальной квартире. Грачи тоже жили в коммуналке (в центре Ленинграда тогда еще были сплошные коммуналки). Но она была огромная и две одинокие пожилые соседки не только не создавали никакого дискомфорта, а наоборот, как-то оживляли облик этой квартиры. Тогда я впервые заметил у Грача незаурядные актерские способности. Он совершенно блестяще пародировал одну из своих соседок, ее своеобразную манеру разговора и мимику.

Тогда же я узнал, что Лидия Михайловна — мама Грача — в юности и в молодости танцевала в балете Марининского театра. На одной этажерке стояло на подставке обтянутое атласом пасхальное яйцо и серебряный туалетный набор работы К.Фаберже — подарок последней императрицы юным танцовщицам, выступавшим в присутствии Их Величеств на пасхальном представлении, кажется (точно не помню) в 1914 г. Всю остальную жизнь Лидия Михайловна преподавала в Вагановском училище и атмосфера театральной жизни перемешивалась в этом доме с разговорами и впечатлениями научной и музейной среды (Нонна всю жизнь работала в Эрмитаже). В доме постоянно бывали настоящие и бывшие ученицы и ученики Лидии Михайловны. Известные звезды балета упоминались только по именам — Наташа, Алла, Мишка — как, по-видимому, и должно было быть в своей среде. Там я когда-то познакомился с К.Федичевой, Г.Селюцким и другими артистами и балетмейстерами «Кировского» балета.

Однажды поздно вечером (было это уже в 1974 г.) сидим на кухне у Грачей, пьем чай. Приходит из театра Лидия Михайловна и говорит: «Ребята, а у нас в театральном буфете появились новые конфеты»... и делает многозначительную паузу. Мы вопросительно смотрим: причем тут конфеты и вообще... Хорошие конфеты, как известно, были тогда в дефиците, но информация как бы не по теме. Тогда она многозначительно продолжает: «Под названием "Мишка на Западе"». Это было на следующий день после сообщения о том, что восходящая звезда Кировского балета Михаил Барышников попросил убежища в Канаде и не вернулся с гастролей.

Грач был очень энергичным человеком с хорошим образованием (в университете он специализировался по античной археологии) и с явной устремленностью к исследованиям. Хорошая археологическая и общеуниверситетская подготовка позволили ему без особого напряжения сменить направление своих исследований. Когда стало ясно, что найти подходящую работу по античной археологии не удастся, он смело взялся за изучение археологии Тувы и очень быстро стал ведущим специалистом в этой области. Когда в 1952 г. в Ленинграде, в Таможенном переулке при прокладке газопровода были найдены предметы XVIII века, он вполне успешно провел раскопки на Стрелке Васильевского острова, потом выпустил книжку по результатам этих раскопок и снискал себе реноме пионера городской археологии Петербурга-Ленинграда.

Грач обладал редкими организаторскими способностями. Он вообще был очень внимательным к окружающим, одинаково хорошо умел общаться с людьми, не глядя на разницу в социальном положении вахтерши музея или высокого городского начальника. Плюс к этому он обладал особым даром разговаривать с начальством, качеством, которое всегда имеет очень большое значение для организатора, а в те времена — особенно. Он умел убедить весьма далеких от археологии партийных и советских руководителей в важности и необходимости тех работ, которые он проводил. Когда Грач приезжал в какой-нибудь глухой, отдаленный район Тувы, первым делом он делал обстоятельный доклад на бюро райкома партии и тут же предлагал проект решения. Доклад, обязательно сопровождавшийся красочными цветными диапозитивами, что само по себе в те времена было большой редкостью, возбуждал у местных руководителей неподдельный интерес к далекой истории своего родного края, о которой они зачастую вообще ничего не знали, поскольку в высших партийных школах этому не учили. Решение бюро райкома, которое тут же и принималось, рассылалось во все сельсоветы и становилось обязательным для всех. Так дела археологической экспедиции Грача, весьма далекие от повседневной практики сельскохозяйственных производственных задач, которыми всегда были озабочены местные власти, оказывались в центре их внимания. Конечно же это было очень важно для экспедиции и, особенно, для ее материально-бытового обеспечения, от чего во многом зависел общий научный успех.

В начале 60-х гг. Грач перевелся из МАЭ в ЛОИА. К этому времени у него уже был накоплен значительный опыт раскопок тувинских курганов и большой фактический материал. Он уже был кандидатом наук, автором двух книг и многих статей. Перевелся он к нам с вполне оправданным «прицелом» на еще более масштабные работы в Туве. Проектировалась еще одна гигантская электростанция на Енисее с водохранилищем в Саянском каньоне. Главным подрядчиком этого проекта был институт «Ленгипроводхоз», тот же самый, который финансировал наши работы на Енисее в зоне Красноярского водохранилища. Поэтому Грачу, который собирался вести эти работы в зоне новой ГЭС, конечно, был прямой резон работать в нашем институте. Руководство МАЭ (Л.П.Потапов) пошло навстречу и Грач был переведен к нам со своей ставкой. Он сразу включился в работу Красноярской экспедиции под руководством М.П.Грязнова.

Полевой сезон 1963 г. мы провели с ним, как он говорил, «в тандеме». Грязнов сформировал два новых отряда — «под Грача» и под моим руководством — для работы на правом берегу Енисея. Нам была предоставлена полная свобода действий в рамках отпущенного финансирования. Это была грязновская манера, пускать своих учеников в «свободный полет», к сожалению, не очень частая в те времена. После ряда разведывательных маршрутов мы определились. Грач выбрал для своих работ место под горой Туран, а я в «набитом» разновременными памятниками логу Каменка близ деревни Байкалово. Сезон 1963 г. был и для Грача, и для меня одним из самых удачных. Грач раскопал несколько тагарских курганов. Было много интересных находок. Время от времени, устроив выходной, мы ездили друг к другу в гости, показывали свои раскопки, находки, советовались, играли в футбол, пели песни под гитару у костра. В ходе этих и будущих работ формировалась его саяно-тувинская команда: С.Н.Астахов, Ю.И.Трифонов, Д.Г.Савинов, М.А.Петухов, И.У.Самбу. Из более молодого состава этой команды вышло два нынешних члена правительства России: С.К.Шойгу и Н.Л.Дементьева. Я могу себе представить, как бы радовались их успехам Шура и Нонна Грачи. Ведь и Шойгу и Дементьева были всегда желанными гостями в доме на Крюковом канале.

В 1963 г. Грач предложил мне и нескольким моим сотрудникам съездить после окончания полевого сезона в Туву. В начале сентября мы поехали на наших экспедиционных вездеходах. Ему эта поездка была необходима для переговоров с местным руководством, связанных с развертыванием в будущем году новой экспедиции, а мне — было очень интересно посмотреть новый для меня край, новые археологические памятники и вообще взглянуть на Саяны с обратной стороны. К тому же Грач настойчиво звал меня включиться в состав новой экспедиции. Но я уже «завяз» в Хакасско-Минусинской котловине и с благодарностью объяснял ему, что в ближайшие сезоны вряд ли смогу принять его предложение. Пройдя живописнейший путь через Саяны, мы разместились в Кызыле, во дворе Тувинского НИИЯЛИ, на улице Кочетова. Познакомились с музеем, с институтом, с городом Кызылом, тогда еще совсем небольшим. Мне и моим сотрудникам пора было возвращаться в Абакан, а Грач еще оставался по делам новой экспедиции в Кызыле.

Накануне нашего отъезда мы устроили небольшой «пикник» сначала на берегу Енисея, а потом вернулись во двор института. Как водится в таких случаях, выпили. В тот вечер с нами случилось то, что обычно бывает с находящимися в таком состоянии молодыми научными работниками и что было очень удачно показано писателем Д.Граниным в его романе «Иду на грозу». После пикника мы с ним уединились на крыльце института и стали активно решать сложнейшие научные проблемы, которые не решались годами и десятилетиями, мы прекрасно знали, как нужно «переустроить» наш институт и наши экспедиции, чтобы двигаться к новым научным успехам, мы давали свои оценки всем коллегам и старшим, и ровесникам. Правда, «стариков» мы не поносили, нам грех было на них обижаться, но всю археологию мы готовы были перестроить и поставить, как нам тогда казалось, с головы на ноги. Я тогда без ложной скромности заявил, что скоро вообще напишу совершенно новое «Введение в археологию». На другой день, когда нас провожали в обратный путь, Грач не без веселого ехидства сказал: «Хорошо мы с тобой вчера все спланировали...» Потом, когда у кого-либо из нас выходила какая-то серьезная публикация, мы шутя вспоминали нашу «программу», объявленную в Кызыле.

В 1965 г. начались работы СТАЭ. Они были трудными, но и успешными с самого начала. К сожалению, именно в это время между нами пробежала «черная кошка». В моем характере в молодости было много максимализма. Я плохо понимал необходимость всей околонучной дипломатии и «политики», т.е. различных маневров и обходных путей в переговорах с высоким начальством по вопросам организации и содержания новой экспедиции. Грач в этих делах был безусловно опытнее меня. Мне казалось, что Грач иногда заискивает перед ними, иногда хитрит, и я ему на правах друга это в открытую высказывал. Пока не доходило до публичных дискуссий, Грач на эти мои «выпады» отшучивался и все. Но однажды мне очень не понравилась пышная помпа, с которой развертывалась работа экспедиции (у Грача вообще была склонность к некоторой парадности) и я высказался об этом на том же Ученом Совете, на котором Грач делал доклад о первых результатах работы экспедиции. После этого наступило «резкое похолодание», которое длилось долго, года полтора-два. Кое-кто этим воспользовался, чтобы еще сильнее посорить нас, но все же со временем между нами все «рассосалось». Нонна опять стала мне улыбаться при встрече, а Грач как-то, когда мы одновременно выходили из института, вдруг, как будто ничего и не было, сказал: «Может зайдем к нам, выпьем по рюмке чаю». Все вернулось на круги своя.

В те годы Грач допустил главную и роковую для себя ошибку. Он понимал, что его команда состоит из молодых, еще мало известных в науке людей, хотя они прекрасно работали и всей своей деятельностью обещали быстрый научный рост. И это действительно так получилось. Достаточно напомнить о Д.Г.Савинове, ныне профессоре, докторе наук и заведующем кафедрой в Санкт-Петербургском университете. Нужно было набраться терпения и немного подождать пока «птены

гнезда Грачева» оперятся. Но Грачу хотелось, чтобы с самого начала в составе его экспедиции были люди с уже известными научными именами. И он пригласил А.М.Мандельштама. Споры нет, А.М.Мандельштам был блестяще образованным востоковедом и археологом из школы М.М.Дьяконова. Тогда он уже был автором двух или трех книг и многих статей, археологом, раскопавшим и введшим в научный оборот много новых и интересных памятников. Правда, было известно также, что он плохо уживался в тех экспедициях, где кто-то по административной иерархии стоял над ним. Это было понятно: мало кто мог сравниться с Мандельштамом по уровню его образованности, знанию древних и современных языков, умению вести раскопки. Грач постоянно демонстрировал свое уважительное отношение к Мандельштаму, всячески превозносил его научные заслуги, предоставлял ему полную свободу действий в поле и пока было так, все было нормально. По крайней мере, внешне. Но вот что-то случилось. Боюсь, что теперь уже никто не скажет, с чего все началось, но Мандельштам в открытую отказался подчиняться начальнику экспедиции.

Думаю, что я правильно догадываюсь о том, что лежало в основе этого конфликта. Но непроверенным догадкам не место в открытой печати. Да и не это в конце концов важно. Важно то, что конфликт можно было и нужно было, если не предотвратить, то уж не доводить до столь трагического исхода. К сожалению, у нас нередко любят со злорадством поглазеть со стороны, как конфликтуют еще вчерашние друзья. Когда это происходит в обывательской среде, плохо, но ладно, — особого вреда окружающим нет. Когда это происходит в научной среде — очень плохо, но тоже понятно: у талантливых людей обычно дурные характеры. Но когда окружающие не просто глазеют и злорадствуют, а еще и добавляют топлива в огонь, тем более, если это делает начальство, — жди катастрофы. Конфликт между Грачом и Мандельштамом можно было ликвидировать, отделив одного от другого. Кого от кого? На этот счет могли быть разные мнения, но логичнее, конечно, было бы вывести Мандельштама из состава СТАЭ и дать ему самостоятельную тему, т.е. то, чего он всегда хотел и добивался. Но начальство выбрало самый взрывоопасный вариант: предоставило Мандельштаму самостоятельность, но в рамках экспедиции Грача, т.е. его нежелание подчиняться Грачу теперь было узаконено. Учитывая, что и в характере Грача было достаточно авторитарных черт, с самого начала было ясно, к чему это приведет.

Летом 1971 г. в качестве «челнока» я ездил из лагеря Грача в лагерь Мандельштама и обратно в надежде примирить их между собой, но тщетно. Потом, вернувшись в Ленинград, я понял, почему Мандельштам был неумолим: начальство «железно» поддерживало его против Грача и он об этом знал. Мне тогда все стало ясно, но Грач не мог примириться со своим поражением, предпринимал новые и новые, недостаточно продуманные действия и все глубже увязал в этом конфликте. В то время ЛОИА ненадолго возглавил еще недавний ближайший личный друг Грача — В.П.Шилов, который теперь стал его главным и открытым врагом.

Свои репрессии Шилов начал не с Грача, а с меня. На мне была сыграна генеральная репетиция. Он понимал, что уволить меня ему будет легче. Интрига была разыграна виртуозно. Нас с Грачом обвинили в «разбазаривании» экспедиционного имущества. Дело было передано в прокуратуру. Пока бумаги лежали в прокуратуре, был создан Ученый совет, на котором меня признали не соответствующим занимаемой должности заведующего Лабораторией археологической технологии. Колеблющимся членам совета неофициально объяснили, что на меня в прокуратуре заведено дело и нужно тихо от меня избавиться, чтобы не позорить институт. Была грубо нарушена процедура переизбрания и с минимальным перевесом «черных шаров» меня уволили. Слово «прокуратура» действовало на всех магически. Спустя

еще месяц, рассмотрев поданные бумаги и допросив свидетелей, прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела за отсутствием «события преступления», но главное уже было сделано. А время было такое (1972 год, «самолетное» дело и всплеск «антисионистской» кампании в Ленинграде, настоящий погром в некоторых ленинградских институтах АН СССР), что мой «5-й пункт» и распушенный тут же слух о том, что я собираюсь эмигрировать в Израиль, перекрыли мне все пути к какому-либо обжалованию абсолютно незаконного увольнения.

От всех этих потрясений у Грача случился инсульт (тогда казалось — легкий) и его надолго уложили в больницу. Началась унижительная проверка со стороны руководства ЛОИА, а не по благу ли его уложили в больницу, чтобы вывести из под «справедливого возмездия» (со стороны вчерашних близких) друзей. Было очень горько смотреть на В.С.Сорокина. Все предшествующие годы он заслуженно слыл человеком безупречной чести и совести. Но тогда, будучи ученым секретарем ЛОИА, он вольно или невольно оказался вовлеченным в эту травлю на стороне администрации.

Тем временем один из давних, еще со школьных лет, друзей Грача, человек для института совершенно посторонний, насмотревшись на все эти издевательства, взял и написал от себя два письма: одно президенту АН СССР М.В.Келдышу, другое — в газету «Вечерний Ленинград». Оба письма были подписаны, с обратным адресом, все как полагается. Ответ на письмо Келдышу пришел по линии «кадров». По этой линии, конечно, никаких формальных нарушений не было, о чем и сообщили автору письма. Но тут же был пущен слух: «Грач из больницы бомбардирует всех анонимками». Грач вообще не знал об этих письмах, его старались оградить от всех отрицательных эмоций, чтобы не мешать выздоровлению.

В связи со вторым письмом, направленным в газету, в институт пришел корреспондент. Как потом выяснилось, очень порядочный и честный человек, которому хотелось по-настоящему разобраться в том, что произошло. Шилов ему сразу сказал, что письмо инспирировано самим Грачом, скрывшимся в больнице. Что истинные причины конфликта состоят вовсе не в этом, а в том, что мы с Грачом хотели его (Шилова) «сожрать», а Грач вообще давно метил на место заведующего ЛОИА и не может простить Шилову того, что назначен не он, а Шилов. После этого разговора, корреспондент позвонил Нонне и попросил о встрече. Она пригласила его домой. Когда он изложил ей версию Шилова, умная Нонна задала ему только один вопрос: «А вам известно, что Александр Данилович беспартийный?» Корреспондент слегка онемел, но сразу все понял. Может быть, это непонятно тем, кому сейчас 20–25 лет. Дело в том, что в те годы руководителем любого уровня, а уж тем более — руководителем академического института, мог быть только член КПСС. Даже то, что Грач был назначен начальником Саяно-Тувинской экспедиции было не вполне «нормально», но здесь важную роль сыграли тувинские власти, которые, как мне кажется, и не знали, что он — беспартийный. Все это мне известно из первоисточников: от Нонны и от корреспондента. Я тогда временно работал фотографом в Музее этнографии народов СССР. Корреспондент нашел меня здесь и у нас состоялось две или три подробных беседы.

Корреспондент было попытался раскрутить эту историю «по правде», но его пригласили в Смольный, в отдел печати и «разъяснили», что не стоит копаться во внутриинститутских интригах, в которых «плохие» фамилии Шер и Грач противостоят «хорошей» фамилии Шилов. Автору письма официально ответили, что «факты не нашли подтверждения». Через год после меня, уже по отретипированному сценарию под названием «Черные шары» уволили и Грача.

В отличие от меня, Грач был к готов к печальному исходу. Меня уволили «под шумок», внезапно не только для меня, но и почти для всех сотрудников ЛОИА. Потом уже я узнал, что кое-кто даже из моих друзей знал о том, что готовится, но они были настолько запуганы Шиловым, что даже предупредить меня боялись. Грач, хотя и надеялся на чудо, на защиту со стороны Тувы и еще бог весть на что, но в глубине души понимал, что надо искать работу.

Без работы он не остался. Его приняли на академическую кафедру философии, которая работала со всеми аспирантами академических институтов Ленинграда. Работа была не обременительная (кажется, даже на полставки). В основном он занимался своей книгой о Центральной Азии в скифское время. Не было худа без добра. Раньше у него все силы и все время уходило на борьбу. Теперь уже бороться было не с кем. Ходить к определенному часу на службу ему было не нужно. Моя служба — фотокружок в районном Доме пионеров — занимала только вторую половину дня. По утрам я тоже работал над своей книгой, но я вставал рано и к тому времени, когда вставал Грач, я уже отрывался от письменного стола. Мы постоянно перезванивались. Обычно он звал к себе пить чай. Иногда к нам присоединялись И.Н.Хлопин и И.Б.Брашинский. Эти чаепития затягивались до послеполуденного времени. Мне нужно было идти на работу. Они продолжали часничать. Потом я понял, что это была очень важная отдушина. Нужно было выговориться и освободиться от психологического стресса, накопившегося за предыдущие годы дикого напряжения скрытой и явной борьбы с «тенью». Спустя еще какое-то время Грач выговорился, «оттаял» и теперь стал вплотную и полноценно работать над своей книгой.

По службе на кафедре философии ему было поручено составить список литературы к кандидатскому экзамену по философии для аспирантов, специализирующихся по археологии и этнографии. Грач подошел к этой рутинной работе творчески. Кроме хорошо подобранного списка, он написал небольшое предисловие на несколько страниц. Не бог весть какая «теория относительности», но получился вполне добротный текст с философским уклоном. Грач попросил меня посмотреть этот текст. Я в те годы много занимался теорией. Именно перед «выносом моего тела» из ЛОИА мы с И.С.Каменецким и Б.И.Маршаком закончили книгу «Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода)». Правда ее издание на три года задержалось, поскольку один из авторов — то есть я — оказался «уголовным преступником».

Я внимательно прочитал предисловие Грача, поправил там какие-то пустяки и сказал ему: «Шура, ты входишь в форму, все в порядке». Но для издания брошюры со списком литературы для кандидатского экзамена, как и при издании толстой научной монографии, нужны были официальные отзывы. Один из них тут же написал я, но потом мы засомневались, не произведет ли удостоверяющая мою подпись печать Красногвардейского районного Дома юного техника нежелательного впечатления на издательство. Оказалось, что теперь и обратиться за отзывом не к кому. Многие коллеги, включая и немногочисленных тайных «диссидентов», не то, что дать положительный отзыв, — здороваться боялись. Нонне, которая, как и все эрмитажники, иногда ездила с выставками за границу, на несколько лет наглухо перекрыли эту возможность.

Я предложил Грачу попросить отзыв у нашего общего приятеля, доцента, с которым Грач когда-то вместе учился в университете. Назовем его NN. Грач тут же ему позвонил: «Послушай, NN, я вот написал предисловие для списка литературы к кандидатскому экзамену, но для издания нужен чисто формальный издательский отзыв. Может напишешь прямо сейчас?» «Приноси, я посмотрю,» — солидно, как подобает доценту отвечал NN. Грача слегка передернуло, но делать нечего — отвез ему предисловие. Мы с Грачом потом говорили, что окажись NN на его месте, а это вполне могло бы быть, любой из нас тут же, не глядя, написал бы ему положительный отзыв на любую работу просто из чувства товарищеской солидарности.

Через несколько дней NN «разъяснял» Грачу, что его предисловие нуждается в серьезной доработке. Он говорил: «У тебя нет никакого анализа работ твоих предшественников в области философских вопросов археологии. Ты не читал Кента Флэннери, ты не учишь позиции Дэниела и Ренфрю, ты не споришь с Раузом, не упоминаешь, наконец, мои работы...» Грач постепенно мрачнел, а потом взбодрился повеселел и сказал:

— NN, милый, я ведь не претендовал на серьезную статью, это всего-навсего предисловие к списку литературы, просто хотелось показать, что я еще не растоптан, что могу что-то сочинять и печатать, а к тебе обратился как к старому другу, но я как-то не подумал о том, что ты у нас теоретический бог.

— Да, — сказал NN, не уловив иронии и вздернув левую бровь, — я бог, поэтому я строг, но справедлив.

Накануне похорон Грача NN был арестован по совершенно вздорному обвинению и провел полтора года в узилище. Всем нам было его очень жалко.

К середине 70-х гг. можно сказать, что наша жизнь вполне нормализовалась. Грач вернулся в МАЭ, меня приняли на работу в Эрмитаж. Мы опять оказались в привычной, хотя и не совсем в той же научной среде. Главное в нашей профессиональной жизни — экспедиции и раскопки — были нам недоступны. Правда, Грачу устраивали небольшие полевые работы тувинцы, а я ездил на раскопки к своим друзьям в Среднюю Азию, но это была только отдушина. Все это было хлопотно, нужно было ездить в свой отпуск или отпрашиваться у начальства. В общем это уже было не то.

У Грача вышла книга «Древние кочевники в Центре Азии» (М., «Наука», 1980), в которой были обобщены результаты его многолетних раскопок курганов скифского времени в Туве. Книга получилась хорошая и по содержанию, и по полиграфии. Грач ею очень гордился. Он съездил в Новосибирск для предварительного разговора о возможности ее защиты в качестве докторской диссертации. О защите в Москве, в совете, который проштамповал его увольнение из ЛОИА, не могло быть и речи. В Новосибирске он получил «добро» и совсем взбодрился. Все чаще перед нами возникал тот прежний Грач. Немного пнижон, немного хвастун, немного веселый враль, блестящий мастер устных рассказов за знаменитым круглым столом на грачевской кухне и в то же время вдумчивый исследователь, неутомимый полевик, которому постоянно везло на раскопках.

Что значит везло? Ведь за этим везением скрывалась тонкая интуиция, сотни километров конных, пеших, автомобильных и вертолетных разведок, ошибки и опыт. Он полуслушя требовал от меня, как «формализатора и теоретика» составить «формулу» из одному ему известных поисковых признаков неграбленных курганов. Он действительно умел их находить каким-то чутьем. Даже во время его последних кратковременных наездов в Туву, когда он уже не вел раскопок, ему везло. Ему принесли случайную находку — уникальную массивную золотую бляху с изображением охоты на кабана, похожую на многие вещи из коллекции Петра Великого. Ее опубликовали Нонна и Шура вместе. Кажется, это была их единственная совместная публикация.

Еще работая над книгой, Грач стал замечать у себя какие-то неполадки со зрением. Сначала он думал, что это от перегрузок при работе с рукописью. Но неполадки не проходили, пришлось обращаться к врачам. Почему-то врачи не связали это с инсультом 1972 года и лечили ему глаза. Он ложился то в глазную больницу, то в ГИДУВ, потом его выписывали без определенного диагноза. Он хорохорился, отмахивался от врачей, а состояние его медленно, но неуклонно ухудшалось. Он стал медлительным, слегка обрюзг, обозначился живот. Всем, кто знал красавца Грача со спортивной фигурой и совсем молодым для его 50 с небольшим лет лицом, было больно на него смотреть. Но он и здесь не унимался, сам подшучивал над собой, уверяя всех, что поскольку у него никогда не было живота, ему просто любопытно посмотреть на себя с животом, а когда надоест, он его быстро сгонит и начнет набирать спортивную форму.

Наконец, ценой невероятных усилий Нонне удалось его уложить в Военно-медицинскую академию. Началась афганская война и там было полно «секретных» раненых. Здесь впервые возникло подозрение на опухоль мозга. Но локализовать ее не удавалось — она была слишком глубоко. Один из медицинских генералов сказал Нонне по «большому секрету», что у нас в стране появилось два английских компьютерных томографа. На этой аппаратуре можно за 20 минут найти любую опухоль, как бы глубоко она не находилась. Один томограф, конечно, в 4-м главном управлении минздрава, а второй — в госпитале им. Бурденко. Мы «сели» на междугородний телефон. У меня в Москве были друзья-медики, но о 4-м главном управлении (т.е. кремлевской больнице) можно было и не заикаться. Найти подход к госпиталю им. Бурденко тоже оказалось очень трудно.

Уже потеряв надежду, я позвонил своей приятельнице, журналистке, корреспонденту известного популярного журнала, чтобы просто «поплакаться в жилетку». Она очень быстро все устроила, и Грача повезли в Москву, в госпиталь им. Бурденко. Был февраль 1981 года. Он уже был совсем плох. В госпитале на томографе опухоль нашли сразу и стали его готовить к тяжелой черепной операции. Ему обрили голову и уже все было готово, но за день или за два до назначенного дня операции он потерял сознание. Спустя еще пару дней позвонила из Москвы Нонна и попросила привезти Шурин парадный костюм. Я понял, что дело совсем плохо. Наутро я был в Москве. Нашел в гостинице зареванную, осунувшуюся Нонну. Накануне ее пустили к нему попрощаться и дали понять, что он безнадежен. Но он все жил без сознания. Самое мрачное было то, что пульс и давление были в норме. Через каждый час-полтора мы звонили в реанимационное отделение и получали один и тот же ответ — «состояние тяжелое». Значит еще жив. Мы уговорили Нонну немного поспать и я тоже поехал к своим друзьям передохнуть. Во второй половине дня раздался звонок. Голос Севы Грача: «Дядя Яша, все...».

В гостинице у Нонны сидела А.И.Мелюкова, пыталась ее утешить, пришел наш общий друг, ракетно-технический генерал, с которым мы когда-то познакомились в Туве, пришел уже переехавший в Москву А.М.Лесков, пришла Ирина, жена Г.М.Бонгарда-Левина, сам он в это время болел. Нонна была как окаменевшая, Лидия Михайловна горько, но очень сдержанно плакала. Пришел Д.Д.Васильев и увел всех к себе домой к уже накрытому столу, заставил понемногу выпить, чтобы расслабиться. Пришла прилетевшая в Москву Т.Ч.Норбу, в те годы председатель Тувинского совета профсоюзов, много сил вложившая в организацию СТАЭ. В тот же вечер мы отправили Нонну и Лидию Михайловну в Ленинград, взяв на себя все оставшиеся хлопоты. Через два дня я вез его в гробу из Москвы в Ленинград в маленьком автофургончике по обледеневшему мартовскому шоссе.

В день похорон мы с женой вышли из троллейбуса за Дворцовым мостом и пошли к МАЭ. Я обратил внимание, что и впереди нас, и за нами в том же направлении шли совершенно незнакомые мне люди с цветами. Одна женщина спросила у меня, где находится ленинградское отделение Института этнографии. «Если вы на похороны, то идите с нами», — ответил я. В Кунсткамере была плотная толпа, пробраться к гробу было очень трудно. Много знакомых, друзей, но много и совсем незнакомых мне лиц. Грача знали и любили многие. Поминки проходили в три очереди. Довольно большая квартира Грача не могла одновременно вместить всех, кто хотел его помянуть.

Я не умею писать воспоминания. К тому же, как бы мы ни были дружны с Грачом много лет, были и такие стороны его личности, которыми он был больше повернут к другим, мало знакомым или вообще незнакомым мне людям. Уже ушла из жизни Нонна, ушли не только старшие друзья, но и ровесники: И.Н.Хлопин, И.Б.Брашинский, В.П.Алексеев, другие. Получилось так, что Грач даже не удостоился нормального

некролога в профессиональной прессе. Только благодаря усилиям В.П.Дьяконовой и Д.Г.Савинова была опубликована небольшая заметка о его жизненном пути в «Тезисах Среднеазиатско-Кавказских Чтений». Несмотря на мое обращение сначала к В.П.Алексееву, когда он стал директором института, потом к В.М.Массону, так и осталось неотмененным позорное решение совета о непереизбрании Грача на новый срок в 1973 г. Конечно, он не нуждается в научной реабилитации, но совесть должна требовать отмены решения совета. Я хочу обратиться к тем, кто близко знал Грача. Напишите о нем то, что вы знаете. Ведь только так сохранится память о человеке и о той обстановке, в которой прошли последние годы его жизни. Многие ли сейчас помнят, как выглядели и какими были людьми П.П.Ефименко, М.И.Максимова, С.И.Руденко, С.В.Киселев, Е.И.Крупнов, А.Л.Монгайт и все, кто ушел. Теперь ходят легенды о пребывании С.И.Руденко в заключении на Беломорско-Балтийском канале, но правды никто не знает. О С.В.Киселеве пишут как о страдальце от большевиков, а А.Л.Монгайта кое-кто считает проповедником марксизма. Хотя, мягко говоря, все было «несколько иначе». Все они оставили о себе вечную память в виде научных открытий, книг и статей, но их живой человеческий облик можно увидеть разве что на парадной фотографии в застегнутом пиджаке и галстуке.

Д.Г.Савинов (Санкт-Петербург)

МЕЖДУ ДВУМЯ ЭКСПЕДИЦИЯМИ

В жизни Александра Даниловича Грача было две больших академических экспедиции, навсегда связавших его с Тувой: Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ТКАЭ) и Саяно-Тувинская экспедиция (СТЭАН). Блистательным завершением первой явились раскопки неграбленных курганов скифского времени в высокогорной долине Саглы (1961 г.). Именно в это время я познакомился с А.Д.Грачом.

Так получилось, что сначала я услышал, а только потом увидел Александра Даниловича. Было это так. Мы с моим другом Борисом Пяткиным, тогда студенты III курса, пришли в Институт. В Дубовом зале был погашен свет — шло заседание. На огромном светящемся экране четко просцировались графические изображения (тогда еще не было цветных диапозитивов) коллективных захоронений в камерах-срубках — с кинжалами, чеканами, зеркалами, предметами искусства, выполненными в зверином стиле. Великолепный поставленный голос из темноты рассказывал об этих удивительных раскопках — курганах с мерзлотой могильника Саглы-Бажи II... После окончания заседания мы подошли к Александру Даниловичу и попросились к нему в экспедицию. Грач назначил встречу на следующий день у него в камералке в МАЭ. Мы с Пяткиным договорились предварительно встретиться на набережной, но Борис не пришел. И я пошел один. С этого начались наши близкие отношения с Грачом, особенно в период до 1965 г., о которых я хочу рассказать; естественно выборочно и о том, что касалось лично меня.

Камералка Грача — узкая длинная комната — помещалась в подвале, со стороны внутреннего двора Кунсткамеры. Напротив двери, по длинной стене, находился стеллаж с аккуратно разложенными и уже знакомыми мне по его докладу находками из саглыных курганов. Слева от двери стояло древнетюркское каменное изваяние. Голова другого изваяния, которое Грач особенно любил, лежала на подоконнике. Когда я пришел, в камералке сидели и пили чай двое — Александр Данилович Грач и Георгий Францевич Дебец. Не прерывая разговора о чем-то интересном, Грач налил мне стакан чая. И дальше я сидел и слушал, пока не ушел Дебец. После этого А.Д. быстро собрался, и мы пошли пешком к нему домой, в знаменитый дом на Крюковом канале, где я потом бывал очень часто. На Граче было длинное светло-коричневое пальто с поясом и такого же цвета меховая шапка-пирожком. Разговор “крутился” вокруг каменных изваяний и возможной связи с ними оленных камней. Говорил больше я. Александр Данилович кивал, соглашался, или не соглашался. В тот раз мы в дом не вошли, попрощались на набережной. «Я позвоню», — сказал Грач, имея в виду мое участие в экспедиции. И не позвонил. Вернее позвонил, но гораздо позже, весной, когда я уже договорился о поездке с Я.А.Шером в Киргизию, на Сон-Куль.

Теперь мы шли в камералку Грача с Я.А.Шером. Был проливной дождь. Шер шел молча, закутанный в дождевик. На этот раз А.Д. был в камералке один, и они долго решали, приводя разные аргументы, с кем мне следует ехать. Победил в этом споре Грач. Я поехал с ним впервые в Туву — это был полевой сезон 1962 г. Интересно, что

через 5 лет ситуация перевернулась на противоположную. Когда в 1967 г. я был уволен из Саяно-Тувинской экспедиции, то именно Я.А.Шер предложил мне поехать с ним на Енисей, в Каменку, и я до сих пор, через тридцать с лишним лет, благодарен ему за это!

С самого начала Грач произвел на меня очень сильное впечатление. Человек удивительного обаяния, красивый и молодой, великолепный рассказчик, Александр Данилович мог сразу расположить к себе собеседника, тем более, если речь шла о далекой, таинственной и тогда еще малоизученной Туве, которую он действительно беззаветно любил. В его рассказах постоянно мелькали имена сотрудников первой Тувинской экспедиции (со многими из них я познакомился позже), но это нисколько не вызывало раздражения, а, наоборот, делало тебя соучастником событий, о которых так образно и остроумно рассказывал А.Д. Улыбка опережала взгляд и глаза “зажигались” особенно ярко, когда ему самому было интересно и весело. Потом я видел Грача и очень серьезным, сосредоточенным и даже хмурым, но первое впечатление было именно таким. Ходил Александр Данилович немного наклонившись вперед, слегка “загребая” ногами и тувинское имя Адыг (медведь), несмотря на спортивную фигуру, ему очень подходило.

Полевой сезон 1962 г. был разделен на две части. Первая — разведка и составление археологической карты зоны будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС (с этого начинается история СТЭАН); вторая — демонтаж одного из саглыных срубов с целью доставки его в Эрмитаж. Состав экспедиции был небольшой: кроме Грача, Сергей Никитич (Сереза) Астахов, художник Михаил Александрович Петухов (почетное экспедиционное имя — Князь), водитель Самуил (Семен) Абрамович Шамаш, чем-то проштравившийся до этого в экспедиции М.К.Каргера, и я. Шамаш, рыжий и тяжеловатый в общении дядька, был значительно старше Грача, относился к нему по-отечески и в шутку иногда называл его “феодал”, возможно, взглядом многоопытного человека разглядев то, что потом, к сожалению, стало проявляться в характере А.Д.Грача. В Саглы к нам присоединилась Рита Пшеницына, с которой мы подружились еще в Байкальской экспедиции М.П.Грязнова, в 1959 г.

Над картой памятников зоны будущего водохранилища мы работали больше месяца. В качестве типового был выбран огромный могильник (по сути дела — могильное поле) у подножия хребта Аргалыкты на левом берегу Улуг-Хема, где впоследствии в течение многих лет работал Ю.И.Трифонов. План могильника, включавшего не меньше сотни объектов, снимали мы вдвоем, с М.А.Петуховым. Это была очень трудная работа из-за изнуряющей жары, раскалившей неподвижный воздух, окружающие выходы скал, камни под ногами. В такую же жару, когда нельзя было ступить на асфальт, мы делали разведку с С.Н.Астаховым в окрестностях Хайыракаана. Грач обычно вставал раньше всех, но не завтракал, оставался в лагере, работал за раскладным столиком у палатки или уезжал по делам.

Памятники по правому берегу Улуг-Хема исследовались следующим образом. Не помню откуда у нас появилась дощатая лодка, которую конечно называли Васисуалий. Вместе с этой лодкой Шамаш забрасывал нас на машине (обычно Грача, Петухова и меня) выше по течению, откуда мы выходили на стремнину (рулевым веслом при этом служила лопата) и дальше спускались вдоль правого берега. Весь берег был поделен на участки. На каждом из выделенных участков двое шли по берегу, а третий (больше в лодку и не вмещалось) протоками перегонял лодку к установленному месту. Так были открыты многие известные ныне могильники: Демир-Суг, Ортаа-Хем, Эйлиг-Хем и др. Конечно, иногда не обходилось без “приключений”. Так, однажды была гроза, нас вынесло на косу (около Чаа-Холя) и мы долго (с песнями!)

под грозой тащили лодку по мелководью. Один раз меня буквально “вышибло” из лодки лежащим поперек протоки, глубокой и быстрой, деревом, но в какую-то последнюю долю секунды я успел ухватиться за корму и притянуть лодку к берегу. А на носу, под передней банкой, лежала полевая сумка А.Д. (сумка начальника — святая святых каждой экспедиции) со всеми документами, снятыми планами, деньгами... А.Д. так никогда и не узнал об этом.

Работа по составлению карты зоны будущего водохранилища была целенаправленной и тщательно продуманной. С самого начала Александр Данилович, имевший большой опыт исследований в южной Туве, ориентировал нас на визуальное определение типов и возможного возраста курганов в составе каждого из могильников. Так формировалась программа будущих исследований, нацеленных на раскопки памятников различных исторических эпох — от палеолита до этнографической современности — основное стратегическое кредо Саяно-Тувинской экспедиции.

В этом сезоне, а также позже на Туране в 1963–1964 гг., мы жили с Грачом в одной палатке. Объяснялось это не тем, что не было другой палатки — для меня или “палатки начальника” — а скорее всего внутренней необходимостью к общению со стороны самого А.Д. Уже лежа в спальнях мешках и закуривая одну сигарету за другой, мы вели нескончаемые и чрезвычайно интересные, во всяком случае для меня, разговоры об археологии, о жизни, о том о сем, пока окончательно не наступала ночь.

Зону будущего водохранилища — от Хайыракаана до начала Саянской “трубы” — мы исследовали практически полностью, хотя конечно многие памятники были открыты и позже. Тогда еще стояли в неприкосновенности старые города Шагонар и Чаа-Холь. Между ними шла ровная прямая дорога, в конце которой, за мостом, находился Будда — известное скальное святилище Чурумал-Бурханныг-Хая. Однажды к нам приехали М.П.Грязнов и Г.А.Максименков. Александр Данилович, к всегда выбритый, в белоснежной рубашке водил их по курганам на Аргалыкты, а вместе мы ездили к Будде. Однажды Грач купил целое картофельное поле, и мы несколько раз ездили убирать свою “плантацию”. Обстановка в отряде была очень дружественной и непринужденной. Из поселка Ак-Туруг мы привезли древнетюркское каменное изваяние с необычным образом стилизованной бородой (Грач называл его “Кошатка”). Одно время оно стояло у нас в лагере, а потом мы “перезахоронили” его до будущего лета.

Вторая часть сезона проходила в Саглы, откуда Грач должен был по поручению М.И.Артамонова привезти для экспозиции в Эрмитаж один из срубов скифского времени, исследованных в предшествующем году. Александр Данилович очень гордился поручением Артамонова и много раз рассказывал, как он пришел к Михаилу Илларионовичу, принес с собой “саглынскую лошадку” (см. изображение на обложке), как Артамонов высоко оценил эту находку и выделил на демонтаж и доставку сруба 1 тысячу рублей.

Осенние (а потом уже и зимние) Саглы — одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Чистый морозный воздух, хребет Цаган-Шибету со сверкающей шапкой льдов, граница которых (к зиме) опускалась все ниже и ниже, вереницы идущих яков, грифы (“стерегушие золото грифы”!), сидящие на могильных камнях. На могильник Саглы-Бажи II мы ездили на машине, проезжая при этом через огромный курган (Улуг-Хорум). Грач называл его “тувинский Чингиз-хан” и уже тогда мечтал раскопать этот памятник (курган был раскопан А.Д.Грачом в 1968–1969 гг.). По дороге заезжали в юрты, пили прохладный кислый хойтпак. Александр Данилович прекрасно ориентировался в тувинской этнографии, знал порядок расположения людей и вещей в юрте, любил и охотно пел тувинские песни. Кроме того, он хорошо

водил машину, сам работал на рации, умел разговаривать с начальством и вообще делать все, что необходимо исследователю в поле. Еще Грач любил различного рода импровизации. Так, с Михаилом Александровичем (Князем) они объяснялись на своеобразном диалекте — гекзаметром и так увлеклись этой игрой, что долго не могли от нее отказаться.

Работа по извлечению со дна 4-метровой ямы целого сруба из промерзших лиственничных стволов была тяжелой и небезопасной. По технологии, разработанной А.Д.Грачом и М.А.Петуховым, углы сруба выпиливались и армировались марлей, пропитанной воском. Марлю мы брали у медсестричек в Хандагайты, а воск плавил из свечей. Поднималось все это по отдельности — углы и стенки сруба — на тросе машиной. Грач сам спускался в яму, крепил трос, страховал тяжелые бревна, которые, будучи стянуты в одном месте, все время норовили развернуться и прижать кого-то из нас к стенке ямы. В книге Александра Даниловича “Древние кочевники в центре Азии” есть несколько фотографий этого процесса... Сруб благополучно доехал до Ленинграда и после длительной реставрации был выставлен в Эрмитаже со всем “содержимым” — на фоне сильно увеличенной фотографии хребта Цаган-Шибету. К сожалению, потом эта экспозиция была разобрана.

Сезон 1961 г. (и это составляло значительную часть нашей жизни) был мифологизирован Грачом. Он много рассказывал о том, как топили лед в камерах-срубах, о поджоге лагеря, о том, как пытались возбудить уголовное дело против экспедиции и о том, как все это кончилось. Именно тогда родилась песня на мотив песни “Пират, забудь про небеса...”, которую я привез с Байкала:

Коль ты попал в Саглы-Бажи,
Забудь про отчий дом.
Здесь убивают наповал
И жгут тебя огнем.
Ха-ха!
Курганы скифские лежат
Объяты вечным льдом... и т.д.

Однажды утром я вышел из палатки и встал, как вкопанный: выпал снег и все вокруг — горы, терраса, на которой стоял наш небольшой лагерь, сами палатки — все было покрыто сплошным искрящимся и чуть розовым под солнцем снежным покровом. Уезжали мы уже в октябре и торопились пройти через Саяны, пока не перекрыло перевалы.

Перед самым отъездом произошел интересный случай. Мы сидели у костра и вдруг из темноты неслышно выступил (иначе не скажешь) всадник — старик в белом тоне (зимней шубе) с белой бородой и на белом коне. Они долго разговаривали с Грачом. Оказалось, что это бывший лама, который сумел сохранить в тайнике свои культовые принадлежности (в период репрессий их в массовом порядке уничтожали) и хочет передать их с нами в музей. На следующее утро мы рано встали, завели машину и собрались ехать искать тайник. Но появился лама и оказалось, что ехать никуда не надо: тайник (небольшая ниша, закрытая каменной плитой) находился прямо над нашим лагерем. Мы сотни раз ходили мимо этого места.

Трудно поверить, но в это время Грач был еще совсем молодым человеком — ему только что исполнилось 34 года. Тем не менее популярность его в Туве была уже очень велика. Одинаково заинтересованно, доброжелательно и умно общался Александр Данилович с людьми самых разных профессий и социального положения. Но были у него и наиболее близкие друзья, с некоторыми из которых я познакомился в 1962 г.: отставной прокурор М.М.Ангырбан из Шагонара, дядя Ваня на чаданской заправке, старшина Луцкий и его очаровательная жена Шурочка на заставе в

Хандагайты. И конечно, в первую очередь, семья Саши Самбу, удивительного человека и постоянного спутника А.Д.Грача, жена которого — Алексеевна — буквально боготворила Александра Даниловича. В этих домах его ждали, любили и были ему самым искренним образом рады. Естественно, у Грача были с ними свои дела, но за стол садились все вместе и мы тоже становились друзьями его друзей. Грач умел сказать хозяевам приятное, был в курсе семейных дел, привозил с собой сделанные раньше фотографии и лица хозяев светились гордостью за такого веселого и именитого гостя. Только потом, уже будучи старше Грача тех лет, я сумел по-настоящему оценить организаторские и человеческие качества А.Д.

О популярности Грача говорит следующий эпизод, правда относящийся к более позднему времени. В конце сезона 1971 г. я с тремя студентами перешел через хребет Чихачева (уже потом это стало “накатанной” дорогой) из Алтая в Туву. Когда мы подошли к первым тувинским юртам, то очень трудно было объяснить кто мы такие, зачем и откуда пришли. Я показал свой Открытый лист. Старик-тувинец, очевидно неграмотный, долго крутил его в руках, потом подумал и спросил: “Кра-а-чи знаешь?”. Я знал. Это было как пропуск, как мандат на право находиться в Туве.

Время между сезонами 1962 и 1963 г. было очень насыщенным. Александр Данилович защитил кандидатскую диссертацию (банкет, многолюдный и шумный под “председательством” М.К.Каргера, проходил в столовой Дома Ученых) и перешел на работу в ЛОИА (ныне ИИМК РАН). Шла острая дискуссия между А.Д.Грачом и Л.Р.Кызласовым по поводу семантики древнетюркских каменных изваяний; интерес к этой теме в основном определился в это время благодаря работе А.Д. Виделись мы чуть ли не каждый день. Когда я по каким-то причинам пропадал, Грач звонил и говорил нараспев: “Па-га-ворить бы надо!” И все возвращалось “на круги своя”. Миша Петухов и я часто бывали у него дома, сидели часов с 5–6, за рабочим столом А.Д. или в уютной проходной гостиной. Говорили в основном об археологии, планах на лето и о событиях в Институте. Позже приходили мама Александра Даниловича — Лидия Михайловна (из театра) и жена — Нонна Леонидовна (из Эрмитажа), рассказывали о своих новостях и разговор каждый раз поворачивался в новую сторону. Расходились поздно, около 12.

Зимой 1963 г. в нашей компании появился Юра Трифонов, учившийся на кафедре археологии младше меня на I курс, а весной я привел к Грачу Славу Филиппова (из Мухинского училища), ставшего потом художником Саяно-Тувинской экспедиции.

Полевые сезоны 1963–1964 гг. проходили на Туране (точнее — у подножия горы Туран на Енисее), где отряд А.Д.Грача (в составе Красноярской экспедиции М.П.Грязнова) исследовал могильники тагарской культуры, названные Туран I и II. На Туране Грач отрабатывал модель будущей большой экспедиции. Связь с Тувой не прекращалась. До начала сезона мы из Кубеково (отделение академической автобазы под Красноярском) своим ходом (в 1963 г. начал работать любимый водитель Александра Даниловича — Ваня Васильев) шли через Саяны в Туву, где забирали тувинских школьников (во главе с И.У.Самбу), которые и работали на Туране (прообраз будущего молодежного археологического лагеря “Аныяк Тува” — “Молодая Тува” в Саяно-Тувинской экспедиции). Грач постоянно вел с ними воспитательную работу, по вечерам собирал в большой палатке и рассказывал (без всякой подготовки, с именами и датами) о древних тюрках, кыргызах, о Чингиз-хане и вообще об истории Центральной Азии. Судьба этих ребят оказалась различной. Многие из них потом продолжали работать в Саяно-Тувинской экспедиции, но профессиональным археологом стал только один — Володя Монгуш.

Сезон 1963 г. был на редкость удачным. Стояла прекрасная погода. Мы с Юрой Трифоновым, в какой-то степени соревнуясь, вели параллельно два кургана (а потом и следующие) на могильнике Туран I. Грач ежедневно бывал на раскопках, фотографировал, придирчиво проверял чертежи. Выбранные им курганы — интуитивно, но очень точно — оказались неграбленными. Тогда это было большой редкостью, так как считалось, что большинство тагарских могильников ограблены еще в древности. Грач явно гордился этим и всячески подогревал у сотрудников, особенно у школьников, чувство “тувинского патриотизма”. Тогда появилась отрядная песня (на мотив популярного гимна космонавтов):

Пришли из-за Саяна мы,
Пришли к горе Турану мы.
Здесь новые курганы
Мы раскопать должны.
Должны мы сделать дело
И чтобы не краснела
Монгун-Тайга седая
И снежная Саглы.

Потом стали петь “Так чтобы не краснела...”, но это не меняет сути дела. Даже каменное изваяние, стоявшее у отрядного флага (Грачу всегда нравился “армейский порядок” установки лагеря) было привезено из Тувы.

С Тураном связана одна история, которая вполне могла бы стать сюжетом для рассказа в “шукшинском стиле”. Нашим ближайшим соседом был пастух Василий Пантелеймонович со знаменитой фамилией Абалаков. Домик его стоял на полпути от лагеря в с. Бирю (от Бири, около 3 км). Грач называл его “Васка-чабан”. Был он невысокий, лет сорока с лишним, весь какой-то искалеченный, слепой на один глаз. И кобыла, на которой он ездил, по имени Халда, была ему под стать — рыжая, худущая и наверное очень старая. Пантелеймоныч почти ежедневно приезжал на раскопки и мог часами, зацепившись ногой за стремя и зависнув над ямой, не выпуская самокрутки, смотреть как идет расчистка погребений, как мы находим бронзовые вещи. Он часто бывал у нас в лагере и однажды пригласил к себе в гости. В подвале у него был оборудован самогонный аппарат. Сидели мы довольно долго и к концу вечера разговор принял неожиданный оборот. “Лясандра Дранилыч, — кричал Васка-чабан (так он называл Грача), — отпусти Митрия (т.е. меня) на Туран медные колеса искать!” “Какие колеса?”, — спросил Грач. Слово за слово выяснилось, что когда наш сосед был маленьким, отец рассказывал ему, что в Туране закопаны медные колеса. “А зачем тебе медные колеса?”, — опять спросил Грач. “А у меня мечта есть, — ответил битый-перебитый жизнью, войной, а может быть и лагерями Абалаков, — запрягу свою Халду в медные колеса и до Бири доеду *быстрее всех!*” На Туран мы конечно не пошли и медных колес не искали, но позже у Н.М.Ядринцева я нашел сведения, что действительно в пещере на горе Тепсей (а не Туран, но они очень похожи) некто Титов нашел “два высоких колеса из корней дерева с медной втулкой”. Сам Ядринцев видел кусок одной втулки у священника о. Стефания Смирнова из с. Абаканского (в 25 верстах от Турана). Возможно, что свидетелем этой находки был дед Василия Пантелеймоновича, рассказавший об этом сыну, а тот своему сыну, который и поведал нам об этом в надежде, что мы, археологи, поможем ему найти легендарные колеса и быстрее всех доехать до Бири.

Конец этой истории печальный. В этот вечер мы с Ваской обменялись подарками: я ему подарил бинокль, а он мне шерстяную тельняшку. Этот бинокль сослужил ему плохую службу. Рассказывали, что он вообще перестал пасти свой скот, забирался на горку, смотрел в бинокль и отсыпался. В результате весь скот покрали, а самого его посадили. В 1967 г. я останавливался в его домике — все было поломано, разрушено и пусто.

Но вернемся к нашим делам. В этом году первый раз приехал в экспедицию маленький Сева Грач. Пешком из Краснотуранска пришел молодой и красивый Слава Филиппов. В чемодане у него лежали “Жизнь двенадцати Цезарей” и бутылка водки. В выходные дни мы несколько раз ездили в соседний отряд Я.А.Шера (в Каменку), а они к нам. Вообще Грач любил праздники, умел их организовывать и проводить.

Вспоминаю один день в середине сезона. Мы ехали на машине по знакомой до каждой выбоины дороге с места раскопок в лагерь. Ослепительно светило солнце, переплавляясь в сверкающее полотно Енисея. Мы с Юрой стояли на подножках под теплым встречным ветром справа и слева от кабины (тогда у нас был ГАЗ-63), держа в одной руке навесу по коробке с находками. Грач сидел в кабине, раздетый до пояса, загорелый и веселый, что-то рассказывал Ване и оба они дружно смеялись. Мне кажется, что тогда (конечно, не только тогда, но в эти минуты наиболее явно и ощутимо) он был по-настоящему счастлив. Позади была уже сделанная работа по археологической карте зоны, впереди — долгожданная большая экспедиция, а сейчас (вот здесь!) — великолепные находки, солнце и курганы, оправдавшие все его ожидания.

Был и такой случай. Александр Данилович хотел сделать панорамный снимок всего могильника в расчищенном виде; поэтому, хотя большая часть погребений была уже вскрыта, во многих могилах вещи оставались на своих местах. Я оставался дежурить на могильнике. Было чудесное тихое утро. Неожиданно из Краснотуранска приехали два автобуса со школьниками (человек 40–50) — на экскурсию. Рассказывать всем приезжающим и интересующимся о наших работах являлось обязательным правилом экспедиции. Так было и на этот раз. Но проходя с большой группой школьников по курганам, я вдруг с ужасом обнаружил, что в одной из могил, которой я уже рассказывал, пропали бронзовые вещи. В одной, второй, третьей...! Экскурсия была остановлена. Я сказал, что до приезда начальника никто — ни школьники, ни их руководители — с могильника не уйдет. Через некоторое время приехал Грач и, узнав о случившемся, построил всех “в каре”. Начался долгий и жесткий разговор. Ситуация осложнялась тем, что, как потом оказалось, многие мальчишки, испугавшись, побросали вещи в расположенное рядом и неубранное еще поле. Они простояли так четыре часа под жарким уже солнцем пока все до единой вещи не были найдены, возвращены и положены на свои места. Больше идея общего панорамного снимка как-то не возникала...

Осенью, когда раскопки закончились и мы уезжали с Турана, ветер вдруг поднял листы крафта, которыми закрывались погребения и которые от солнца стали совсем белыми, покружил их в пустом и безоблачном небе и унес, как незаполненные листы человеческой памяти, за гору, уже красно-желтую от осенней листвы.

Потом мы отвезли ребят в Туву и возвращались обратно двумя машинами по Усинскому тракту. Я ехал в машине Д.Я.Кузнецова, толстого и веселого, чем-то похожего на Тараса Бульбу (в 1965 г. он был водителем в моем отряде). Всю дорогу мы пели песни. Вообще на дальних маршрутах, сидя впереди на шоферском ящике с великолепным и постоянно сменяющимся видом — на горы, тайгу и всю окружающую окрестность — мы пели всегда и самые разные песни. Когда песня была очень громкой, вроде того же “Пиратика...”, Грач, сидевший в кабине оборачивался и мы видели в окошко его смеющееся лицо.

Усинский тракт того времени — это целая эпопея. По нему осуществлялось все снабжение Тувы (и частично соседней Монголии) с Союзом. Грузные пультманы и бензовозы спускались по серпантинам на большой скорости, так как шоферы получали с выработки, т.е. по числу сделанных рейсов. Было много аварий, особенно

осенью. Наиболее опасными считались перевалы Кулымыс и Веселый. Сама профессия саянского шофера была легендарной и престиж каждого из водителей исчислялся количеством рейсов. Не знаю, сколько их было у Александра Даниловича — наверное очень много. Остановившаяся на перевале машина и Грач, вылезавший из кабины в своей традиционной синей куртке с меховым воротником — один из наиболее запоминающихся “кадров” при наших поездках через Саяны.

В тот раз мы опаздывали на самолет — при таких переходах точное время рассчитать трудно. А.Д. связался с аэропортом (у него вообще было много друзей среди летчиков и пограничников). Рейс задержали и мы подъехали по пустому полю к одиноко стоявшему самолету — прямо к трапу. Трудно передать то чувство гордости, которое я испытывал тогда за Адыга.

О сезоне 1964 г., там же на Туране, когда раскапывался могильник Туран II, рассказывать не буду, так как был только в самом его начале: в этом году я окончил Университет. Вместе с А.Д. на защиту пришла Нонна Леонидовна и, что меня особенно поразило, с цветами. Уже из экспедиции Александр Данилович отправил меня в Москву поступать в аспирантуру; правда, безрезультатно. Осенью этого года я обрабатывал в Петропавловской крепости коллекции из раскопок Грача у здания Кунсткамеры в 1952 г. перед передачей их в Музей истории города. Еще раньше, в ноябре 1963 г., Александру Даниловичу было поручено найти и раскопать захоронение С.П.Крашенинникова, надгробная плита от которого была случайно обнаружена на территории Благовещенской церкви на Васильевском острове. В этих работах (опять в зимних условиях !) принимала участие наша команда (Миша Петухов, Юра Трифонов и я) и М.Н.Пшеницына. Захоронение “Кроша”, так называл его Грач, было обнаружено в результате планомерных поисков в течение нескольких дней. Была создана специальная комиссия по идентификации. На место раскопок приезжали Б.Б.Пиотровский, М.М.Герасимов, М.П.Грязнов. Грач очень увлекся этой работой (она как бы вернула его к старым интересам, связанным с историей русской науки XVIII в.) и потом опубликовал об этом превосходную статью в журнал “Советская этнография”.

Отмечу одну интересную деталь, связанную с раскопками погребения Крашенинникова. Непосредственно его зачисткой занималась Рита Пшеницына. Мы стояли на краю ямы и шутили: “Если это археология, то где же керамика?” “А это что!” — тут же ответила Пшеницына и указала на фаянсовую чашечку с синей росписью, стоявшую в головах погребенного — явно восточного происхождения и, возможно, любимую вещь С.П.Крашенинникова.

В 1965 г. начала свою работу Саяно-Тувинская экспедиция, тогда самая крупная новостроечная экспедиция в стране. Был утвержден штатный состав экспедиции. На заседании Ученого совета Грач яростно отстаивал (и отстоял) право молодых сотрудников, в данном случае — Ю.И.Трифонова и меня, исполнять обязанности начальников отрядов вновь созданной экспедиции. В апреле мы летали с ним в Туву. Тогда я впервые увидел Кызыл ранней весной: чистый, как будто дрожащий, воздух; рыжие, без снега горы; пастельные тона пустого, без листьев, парка; свинцовая вода Улуг-Хема. И низенький (еще старый) голубенький столбик с надписью “Центр Азии”. Жили мы у Саши Самбу, назначенного заместителем начальника экспедиции. А.Д.Грач с самого начала добивался, чтобы в работах экспедиции принимали участие ленинградские и тувинские исследователи. В руководящий состав экспедиции с тувинской стороны в 1965 г. входили И.У.Самбу, С.М.Биче-оол и М.Х.Маннай-оол; с ленинградской — А.Д.Грач (начальник экспедиции), С.Н.Астахов, А.М.Мандельштам, Ю.И.Трифонов и я.

В конце мая небольшим составом во главе с А.Д.Грачом мы выехали в Кызыл для подготовки базы экспедиции. Юры Трифонова с нами не было — в этом году он защищал диплом. Попутно отмечу, что Грач сделал для него тогда невозможное — кооперативную квартиру и ленинградскую прописку. База — огороженное пространство с небольшим домиком при входе и ангарами вдоль забора на Советской ул., 20 — до этого скорее всего была чем-то вроде угольного склада. Во всяком случае, целыми днями мы (главным образом, Слава Филиппов и я) вывозили с территории кучи мусора, угля, каких-то железных деталей. В этом году Грач впервые привез магнитофон (в то время это была еще редкость) и целыми днями из открытого окошка в домике, где мы жили, неслись песни, главным образом Визбора, которого Грач очень любил. Потом еще много лет, собираясь вместе, мы (Юра Трифонов, Слава Филиппов и я) пели эти песни. Слава сделал тогда трафарет и на фронтоне над входом появился тюркский козел, до этого украшавший дверцы машин во всех экспедициях А.Д.Грача и ставший эмблемой Саяно-Тувинской экспедиции.

Потом приехал Борис Шишло — в желтой майке и какой-то американской кепочке с длинным козырьком. Они ходили с Грачом по «территории», Шишло, забегая вперед, заглядывал Грачу в лицо — «Правда, Александр Данилович?». А.Д. смеялся и это вызывало у нас молчаливую и вполне осознанную ревность.

Начало экспедиции было тревожным. Грач и я поехали встречать вновь прибывающих в Красноярск (машины, еще раньше пришедшие на базу, остались ждать в Абакане). Сначала самолет задерживался, потом нам сказали, что с этим рейсом что-то случилось при посадке в Горьком. Напряжение этого часа (или двух?) трудно передать словами. В самолете находился весь состав экспедиции, в том числе и родные нам люди. Грач ушел в диспетчерскую и сам сидел на рации, постоянно связываясь с Горьким. В конце концов оказалось, что действительно что-то произошло, но не с нашим рейсом, а с другим, но из-за этого задержали наш рейс. Но кончательно отлегло только тогда, когда сообщили, что на борту находится большая группа из Ленинграда «во главе с длинным руководителем» (А.М.Мандельштам). Среди приехавших была и Г.В.Длужневская, один из самых верных сотрудников Саяно-Тувинской экспедиции, потом возглавившая наиболее трудные работы по исследованию памятников в Саянской «трубе».

Обратно через Саяны впервые шел «караван машин», о котором мечтал А.Д.Грач. Но и здесь не обошлось без «приключения». В кузове одной из машин от искры папиросы (или махорки) загорелась ветошь, лежавшая в ящике шофера (такие ящики всегда находились у переднего борта). В ветошь были завернуты патроны с картонными гильзами. К счастью, дым вовремя заметили, машины остановились и все кончилось благополучно, но чего это стоило А.Д.Грачу в преддверии большого и такого ответственного сезона! По возвращении на базу Грач устроил общее собрание — хурал (как показательный процесс) с целью изгнания «курильщика» из экспедиции. Но я взял его в свой отряд «на поруки». Пожалуй, это было наше первое разногласие с А.Д.Грачом. Мы еще какое-то время находились на базе и разъехались по отрядам довольно поздно. Начался первый полевой сезон Саяно-Тувинской экспедиции.

В дальнейшем наши отношения складывались по-разному: было много хорошего, кое-что хотелось бы изменить. Приведу только один эпизод, относящийся к осени 1971 года. Конечной целью маршрута из Алтая в Туву, о котором я упоминал выше, была так хорошо мне знакомая база на Советской, 20. Когда мы (я и трое студентов, впервые попавшие в Туву: Валя Горбачева, Володя Стаценко и Саша Давыдов) добрались туда, Грача на базе не было. Усталые, сняв наконец с себя рюкзаки со спальными мешками, палаткой и прочими вещами, мы сели в сторонке и стали ждать. Все было так и не так. База та же, но ворота новые, «козлы» переехали на ворота, все

чисто, покрашено. К крыльцу все время подъезжали какие-то люди и, узнав, что Грача нет, хлопнув дверцами, уезжали. Наконец на «газике» приехал Грач. Вышел подтянутый, в кожаном пальто, не оглядываясь прошел в дом. Принял он меня очень сдержанно и велел отправить нас к нему в лагерь. Но мне уже не хотелось ехать туда, и мы с Д.Я.Кузнецовым, который в тот день оказался на базе, утром отправились в отряд к Ю.И.Трифонову... Больше с А.Д. в Туве мы не виделись. Грач никогда не вспоминал об этом эпизоде, но я знаю, что он помнил о нем и тоже переживал, так как встретились мы потом в Ленинграде особенно, даже подчеркнуто, сердечно.

Можно было бы еще очень много рассказать и о событиях после 1971 года, но венчает все — сегодня и навсегда — очень дорогая для меня надпись, сделанная рукой Александра Даниловича на книге «Древние кочевники в центре Азии» —

Дорогой друг моему
Александру Даниловичу
на добрую память о совместных
справочных занятиях — 3 11/816.

Александр

194
11/80

Г.В.Длужневская (Санкт-Петербург)

С ГРАЧОМ И БЕЗ ГРАЧА (ПОЛЕВЫЕ СЕЗОНЫ 1971 И 1972 ГОДА).

С Грачом — потому, что в тот давний 1971 год мне довелось работать дублером Александра Даниловича. Его прежний дублер Наталья Буравик (*ныне член правительства РФ Н.Л.Дементьева*) не смогла поехать в поле, ожидая рождения сына Миши.

Без Грача — потому, что в 1972 г. самому Александру Даниловичу врачи не разрешили выехать в поле, и он вынужден был жить на даче в Рошино, безумно переживая как идут дела в экспедиции. Ведь Саяно-Тувинская для него была не просто экспедицией — это было его детище, его жизнь, его боль, его судьба.

Обычно прилетая в Туву, мы звонили знакомым и говорили просто: “Грачи прилетели”. В 1972-м эта фраза звучала иначе: “Мы прилетели, а Адыга (*медведь — по-тувински*) не пустили врачи”.

Одной из любимых у А.Д. была ставшая для него полупророческой песня:

Если я заболею, к врачам обращаться не стану.

Обращусь я к друзьям, не сочтите, что это в бреду.

Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом.

В изголовье повесьте упавшую с неба звезду.

Итак, с Грачом — 1971 год. Огромный отряд в палаточном городе в устье Хемчика. Флотилия из 5 лодок. Летний лагерь “Аныяк Тыва” с мальчишками — тувинцами и русскими, жившими дружно и весело. Подъем, завтрак, в 8 часов — “хурал” с обязательным подведением итогов предыдущего дня и расстановкой сил на начинающийся. Затем “перекочевка” на левый берег устья Хемчика, где в тот год проводились работы на кыргызском могильнике Хемчик-Бом II (он раскапывался специально “под меня”), алдыбельских курганах Хемчик-Бом III и V, кургана с трупосожжением гунно-сарматского времени и других. К 18 часам нас перевозили “домой”. Купание, обед, и далее весь вечер мальчишки посвящали песням.

Лето было весьма насыщенным событиями. Были землетрясение в 6 баллов, когда земля гудела и пошли осыпи с гор, наводнение, когда за ночь Енисей поднялся на 6 метров, причинив А.Д. много “неприятностей” впоследствии (*в прокуратуре Дзержинского района было заведено дело на Грача, который не сумел сохранить оборудования на 500 рублей тех денег. Прокуратура обычно не рассматривала дела о растратах государственного имущества на суммы менее 5000 рублей, но здесь уж очень было надо найти повод*). В начале сентября был поход на Большой Порог, а в самом начале сезона тремя лодками А.Д.Грач, С.Н.Астахов и Я.А.Шер решили пройти “трубу” насквозь — от лагеря I отряда в устье Хемчика до ГЭС в Карловом створе Енисея — и вернуться тем же путем.

В самом конце июня лодки ушли в “трубу”, оставив нас ставить лагерь и, если успеем, начать археологические работы. Организацию быта А.Д. считал одним из самых важных моментов достижения успеха. “Только тогда, — говорил А.Д., — можно требовать от людей работы. Их надо накормить и спать уложить”. И это при том, что сам он мог сутками не есть, по два-три дня кряду не спать, а плавать он любил, хотя в то время и не имел особого опыта. Дождался луны и плыл домой, на Хемчик, который он вообще очень любил.

“Отцы-командиры” уплыли. Три дня вниз по течению и четыре вверх, для представительства на Майне еще пара дней. Мы ждали А.Д. обратно 5 июля, в день, когда ему исполнялось 43 года. Но ни 5-го, ни 6-го не было никаких известий. 7-го в середине дня снизу пришла лодка с ГЭСовцами, которые сообщили, что А.Д. перевернулся в Большом Пороге. Сам А.Д. приплыл к вечеру и был не таким как обычно. Только осенью, когда мы увидели Порог, стало более-менее понятно — что такое Большой Порог в Саянском каньоне, с множеством памятников погибшим в нем, и что значит перевернуться в Пороге и остаться в живых. При подъеме А.Д. предложили перетащить лодку по берегу. Не знаю, что еще можно было предложить ему с тем же успехом... Уже на самом выходе из Порога встречная волна подбила и перевернула лодку. С этого момента А.Д. был единственным человеком на Земле, который видел и мог рассказать как выглядит изнутри Порог: три камня — черный, красный и белый — и подпорожица, сама по себе стоящая любого порога. Порог, просуществовавший к тому моменту не одну тысячу или даже миллион лет, не простил этого “видения” Человеку. “Так просто это не кончится, Порог не получил жертву. Порог не любит раскрывать свою тайну”, — говорил потом А.Д.

Перед проходом Порога А.Д. надел слабо надутый спасательный жилет, что позволило ему в какой-то мере руководить своими действиями. По счастью — при перевороте его не затянуло под лодку, при выбросе — не сильно ударило о камень, а его собака Агашка, бывшая с ним в лодке, просто обняла его передними лапами за шею. А.Д. не потерял самообладание, по счастью... Все случилось “по счастью”. Ушел на дно чемодан с личными вещами, приемник, спальный мешок, фотоаппарат, бинокль, мотор и т.д. Но “счастье” оказалось недолгим — через десять лет Адыга не стало. Не исключено, что роковой удар в Пороге стал причиной зарождения мозговой опухоли, а последующие негативные жизненные события “вскормили” ее — их в последние годы было немало...

Надо сказать, что А.Д. был весьма ревнивым человеком. Не знаю, права я или очень идеализирую образ А.Д. — это теперь не имеет значения. Ревность, определенно, была одной из причин, почему он не отпускал нас после сезона в Туве в другие экспедиции. Он хотел, чтобы мы полюбили Туву, также как он любил эту страну, и много сделал для этого. В конце второго сезона работы экспедиции, в сентябре 1966 г. он устроил для нас поездку “по местам боевой славы”: от Кызыла до самого западного поселка Тээли; с ночевкой в верховьях Хемчика, где берега сплошь поросли облепихой; с возвращением в Чадан и оттуда на юг, в Хандагайты, где он когда-то обследовал наскальные изображения; потом снова на запад, вдоль монгольской границы (по нашей территории, это не то, что по Монголии; это — пять перевалов, на одном из которых сотрудник, на всякий случай, высадили из машин) до поселка Саглы и долины, где в начале 60-х гг. А.Д. раскапывал срубы с вечной мерзлотой.

А.Д. исподволь многому учил сотрудников экспедиции, например, тому, как надо делать доклады: “Говорить надо так, чтобы было понятно одновременно и пионерам, и академикам. На вопросы следует отвечать без часовых раздумий, а доклад следует делать в темном платье или костюме”. Ты приходишь к нему домой с конкретным вопросом, за долгим ночным чаепитием забываешь о нем и, выходя от А.Д., сначала думаешь, что не получил ответа, а спустя какое-то время понимаешь, что не только узнал ответ, но и еще много-много важного и интересного. А.Д., например, очень много и добро рассказывал об А.Н.Бернштаме, которого мы уже не застали в живых.

В том же 1971 году М.П.Грязнов и М.Х.Маннай-оол начали исследования кургана Аржан в Турано-Уюкской котловине. Женская часть отряда была отпущена в Кызыл, мне повезло больше всех — вместе с Н.М.Ермоловой, которую М.П.Грязнов просил направить к нему для определения конских костяков, А.Д. отпустил меня на Аржан. Впечатление от памятника было, конечно, колоссальное. С краткосрочным отпуском связан “спектакль на воде”. В роли режиссера выступал А.Д. и абсолютно четко построил действие, каждая картина которого была рассчитана на психологию опреде-

ленной участницы. Суть его сводилась к тому, что мужчины, оставшись без сотрудниц, якобы пригласили в гости двух местных учительниц и позволили себе “расслабиться”. Роли “учительниц” исполняли Андрей Ургант и Дима Васильев (*ныне Д.Д.Васильев, заведующий крупным отделом в Институте востоковедения в Москве*). Все было рассчитано точно, однако режиссер был огорчен из-за того, что сотрудницы поверили в возможность подобного происшествия. А.Д. потом не любил вспоминать об этом, мы иногда вспоминаем, а я — каждый раз, когда вижу на экране телевизора теперь уже взрослого и хорошо известного артиста Андрея Урганта.

Трудовое лето 1971-го заканчивалось походом в “трубу”, раскопками небольшого сооружения на устье Уса, и никто тогда еще не знал и не мог предположить, что это будет последнее лето СТЭАН с Грачом.

Без Грача — лето 1972 года. В самом начале экспедиции А.Д. сказал, что никогда в СТЭАН ни одна женщина не будет руководить отрядом. Он был не совсем прав, поскольку еще в 1965 г. начальником VII этнографического отряда была Светлана Монгушевна Биче-оол. Судьба распорядилась так, что в 1972-м меня, с подачи самого А.Д., назначили начальником его отряда.

Если лето 71-го было солнечным, то лето 72-го — довольно холодным и дождливым, тогда как Ленинград изнывал от жары. В отряде больше 60-ти человек, четверо студентов кафедры археологии ЛГУ, снова флотилия, для которой необходимы мотористы, бензин, запчасти. Палаточный город был построен “по образу и подобию”. Не ожидая беды, в 1971 г. задачи на следующий год не ставились. Было совершенно ясно, что работы будут продолжаться в “трубе”. Понятно было, что должны быть завершены раскопки кыргызского могильника, а дальше... Каждый из студентов был поставлен руководить своим объектом: Сева Грач копал курганы, изначально принятые нами за тюркские, но странной квадратной формы, на что А.Д. писал, что “квадратных курганов древнетюркского времени за всю свою жизнь не встречал в ‘уве ни разу’”. Они действительно оказались монгольского времени. Люба Рогова была “приставлена” к довольно глубокому кургану скифского времени (потом выяснилось — с абсолютно ограбленным срубом на дне). Наташа Алексеева исследовала курган алды-бельской культуры, о котором А.Д. знал, но “брат” его не предполагал. Он советовал раскопать другие курганы, подобные Хемчик-Бому III или V. И не потому, что не хотели их копать, а потому, что опыта по поиску курганов среди осыпей или сильно задернованных было маловато, мы выбрали увиденный. Женя Рогов был отправлен на раскопки кургана в устье р. Ургунь, километрах в 15-ти ниже устья Хемчика. Сооружение имело “архитектуру”, но не принесло каких-либо находок. Чем, в отличие от раскопок А.Д., в дальнейшем были характерны все мои работы в “трубе”: перепахивалось много, а находок — спичечный коробок. Большой опыт и какое-то особое чутье подсказывали А.Д. не только время сооружения объекта, его “качество”, но и где, и что будет лежать в погребении. Этим он не единожды поражал корреспондентов, навещавших СТЭАН. Накануне расчистки погребения алды-бельской культуры А.Д. четко мог предсказать состав инвентаря и его местонахождение.

В тот год А.Д. превратился “в заслуженного деятеля эпистолярного творчества, т.к. сроду столько не писал писем”. Их было десять. “Знали бы Вы, что мой самый трудный враг сейчас — часы. Ночью просыпаюсь и думаю — у них подъем. Потом — пошли на работу. Потом — как-то они отдыхают? И т.д. и т.п. все время. Единственная отрада — книга, которую пишу запоем. Вот теперь-то я прочувствовал на собственной шкуре, что ощущает Адыг, когда его сажают на цепь! Поклон от меня всему отряду, Князю (*М.А.Петухов, художник*) — персонально. Пусть все будут здоровы и веселы”, — писал А.Д. из Рожино 8 июля 1972 г.

“Сначала о главном — об археологии. Прежде всего — никакой паники об «исчерпанности» Хемчик-Бома. Помимо сделанного и добываемых кыргызов — там пропасть разного добра. Делать надо следующее:

1. «Не жалеть патронов» на отыскание надписей несомненно имеющих под землей южнее от шлейфа кыргызских курганов.

2. Среди каменных осыпей на отрогах-языках возле Хемчик-Бома III притаились алды-бельцы. Сооружения вытянуты вдоль отрогов. ...на окончании мыска, за кустами, возле которых трапезовали — каменное сооружение — его надо расчистить и «брать» (Так когда-то говаривал Михаил Александрович — дорогой Князь).

Далее. На правом берегу Хемчика, если идти вдоль реки от могильника Хемчик-Бом I, на одном из языков-отрогов опять же притаились алды-бельцы. Есть там, примерно насупротив домиков чудный экземпляр — даст неграбленные, даст гребешочки — найдите его с Князем и — с Богом — брать.

3. Возле кургана Натальи-маленькой (*Н.В.Алексеева*) под зеленоватыми пятнами — кок-эльцы. То же — над стоянкой на правом берегу Енисея (здесь глубина залегания могил до 1 м, расположено кладбище в пределах зелено-темного пятна. На аэрофото видно хорошо — насколько мне помнится). Это — на запас. Вот Вам и простор на сезон. Более чем достаточно по-моему.” Это письмо от 12 июля. Насколько все было в памяти у А.Д., настолько мы были неопытны и не смогли найти названные памятники. А к письму была приложена схема их местонахождения!

Далее — советы относительно жизни в лагере, снабжения продуктами, отношений с сотрудниками... И... “отдать можно все вплоть до жизни, только не СТЭАН. В нынешнюю эпоху нашей археологии только СТЭАН даст всем своим питомцам право на жизнь настоящую — больше никто и ничто”. И “...эти строки — дорогому моему сердцу 1 отряду — всем вместе и каждому в отдельности”. Действительно, не был забыт ни млад, ни стар — ни мальчишки, которых А.Д. знал по прежним сезонам, ни шофера, ни мотористы, ни “среднее поколение” — художники, археологи, фотолетописец Володя Терещенин (*известный теперь фотограф В.С.Терещенин*). “Всем желаю счастья, отличных находок, радости и добра”.

Через неделю — в приложении к письму для меня — “Дорогие мои мальчишки! Будьте терпеливы на расчистках — это очень нужно для науки. Надо помнить, что не всякая работа весела как джаз. ...помните — здоровье не роскошь, а суровая необходимость. Хочу, чтобы Галина Вацлавна была довольна Вами. Итак — не робеть, не пищать — Тува за нами!” И мне: “Все мои новости — чистейшая наука. На этих днях вышел к Волге — переварил и обмозговал все, что касалось Памира, Ферганы, Тянь-Шаня, Семиречья, Приаралья — все тексты написаны. Как мышь натаскал на дачу книг (вчера приволок груз в 25 кг — мозги в порядке как будто; увидел бы меня Лев-лекарь — наверно накостылял бы по шее). ... О делах хемчик-бомских. Понимаю, что все не так просто, как кажется на первый взгляд. К тому же, хотя и говорят, что лиха беда начало — сезон ведь надо и кончить (это всегда вдесятеро труднее ...)”.

“Вы пишете о том, чтобы я посмотрел по карте, откуда начинается Хемчик, откуда к вам идут дожди... На карту мне для этого смотреть не надо — я там был на лошадях когда-то в далекие и тоже нелегкие годы (1953–1955 г.) и видел как из трех крохотных ручейков среди мрачнущих уступов Шапшала начинается наш Хемчик и как через километров 5 это — уже солидная река. Так что карта — ни к чему”, — отвечал А.Д. на письмо с жалобами на погоду (23 июля 1972 г.). “Пишите чаще — мне это очень нужно”.

1 августа 1972 г.: “...я отлично понимал как Вам придется, понимал также и то, что поначалу все покажется несколько попроще и полегче, чем оно обычно обстоит на самом деле. К сожалению, законы нашего дела таковы, что самое сложное на поверку — это оказывается не только наука, не только чистые раскопки (это само собою разумеется), не только добрые отношения (это тоже должно само собою разумеется), это не только вкусная еда, не только хлеб вовремя и каждый день, это не только интерес людей к совершаемому — самое сложное в том, чтобы все это было вместе.

Что делается тут? Меня долечивают, доводят до тапочной кондиции (тапочки имеются в виду белые)... По очень важному делу вызвали в Ленинград. Дело оказывается в том, что я должен спасти работы г. Мандельштама, угробливая все остальное. Ши-

лов, получив письмо от Ю.И.Потемкина кинулся в Москву к Б.А.Рыбакову и подсунил академику на подпись проект, содержащий некоторые резкости. А письмо должно было идти за двумя подписями — Бориса Александровича и моей... Три дня меня уламывали поставить свою подпись под рыбаковской — конечно, не поставил. Вообще ситуация с финансированием на 1973 год крайне сложна.”

3 августа 1972 г.: “С Вами не соскучишься... Пожалуйста, дарга, Вы уж опишите мне все как-нибудь единообразнее. (Имелось в виду, что письма из Тувы были то с тревожной информацией о делах отряда, то “лучезарные, наполненные счастьем, радостью и полным довольством”) ...об археологии. Про курган Наташи-маленькой, пишете Вы, я забыл, «ибо не пометил его на схеме». Я про него не забыл, но брать не предполагал, потому на схеме капитана Флинта он и не проставлен. Что получится — поглядим. Буду с интересом ждать Вашей информации об этом объекте.

Честно говоря, большие подозрения касательно тюркистости «четырёхугольного» кургана... Что выйдет — поглядим. Нашли ли Вы алды-бельца из копилки на правом берегу за Хемчик-Бомом I. Напишите, пожалуйста. ...я был бы несказанно рад, если бы Ваш зам. сподобился бы еще на один подвиг — написал бы папе письмо № 2, нашел бы для этого минут этак 15 времени. Золотой звезды я за это деяние ему, правда, не гарантирую, но мне лично это было бы очень приятно.

Кстати о воде — ...никакого румпеля не имеющему прав. Вообще говоря я не одобряю «массовой» подготовки мотористов. Вам нужны трое, ну четверо мотористов — и все. Ведь Вы не собираетесь соперничать флотом с великими морскими державами?”

Небольшие пояснения к следующим письмам — от 11 августа и 4 сентября. Поскольку руководство ЛОИА было очень “обеспокоено” делами и “морально-психологическим климатом” в СТЭАН, с проверкой в экспедицию приехали сначала Р.Ф.Итс, а затем В.П.Шилов. С Рудольфом Фердинандовичем, в один из дней его пребывания в Туве, мы с Севой плавали вверх по Хемчику, до Порога. Поездка не была чисто увеселительной, мы, как нам казалось, нашли неизвестные А.Д. курганы: скифского времени на левом берегу реки и тюркские оградки над Порогом. На Пороге произошла ситуация, которая абсолютно четко показывает разницу мужской и женской психологии. Дойти до Порога и не пройти его может женщина, но не мужчина. Сева стал просить разрешения на это у меня, как у начальника, что вполне естественно. Столь же естественно, что я не разрешила. Тогда Итс отозвал меня в сторону и сказал: “Разреши. Иначе парень не почувствует своей силы, и ты себе этого никогда не простишь”. Более, чем скрепя сердце, я согласилась. С лодки были сняты все вещи, а Сева был “обряжен” в спасжилет. Проход Порога оказался “минутным” делом. Я не сразу поняла, что он уже вернулся, но впервые в жизни увидела как за минуту человек “сбрасывает вес” в несколько килограммов. Самой мне показалось, что подпорожица и на Хемчике куда страшнее, чем собственно Порог. И второе. К моменту приезда В.П.Шилова раскопки на Ургуни уже шли полным ходом, а так как мы должны были показать ему все работы, то мы с Р.Ф. и Севой, отправив лодку за директором ЛОИА, пошли вниз по Енисею. Ургунь — замечательная звонкая горная речка с водопадом, посмотреть на который нас повел Сева. За это время В.П.Шилов с Ермолаевичем, механиком из Чаа-Холя — старшим мотористом отряда, успели добраться до пункта назначения. О том, что в экспедиции находится Р.Ф.Итс, Валентин Павлович то ли не знал, то ли сделал вид, что не знает. Мне было интересно и не совсем понятно, как произойдет эта встреча. Вышло все следующим образом: естественно Р.Ф.Итс не мог позволить “даме” переходить реку вброд, да и река, там где ее можно было преодолеть, была глубоковата. С начальником отряда на руках профессор Итс вышел из прибрежных кустов, а затем протянув руку Валентину Павловичу сказал: “Ба, Валентин Павлович, какая глушь, какая встреча”, на что Шилов, несколько растерявшись, ответил “Здравствуй, Рудик”. Как мне потом объяснил Р.Ф., они никогда раньше не были на “ты”. Приезд и одного, и другого “инспекторов” не выявил особых недочетов в работе экспедиции.

До окончания работ отряда оставалось еще около месяца.

11 августа: "... о хемчикской проблеме. Я с интересом прочитал о Вашей с Сеовой контрольной езде по Хемчику и его террасам. Места эти я знаю по аэроработам и, многие точки — наземно. Честно говоря — неграбленных «скифов» там не припоминаю, а забыть мог наврядли. Там есть интересные памятники, однако я не думаю, чтобы в этом году стоило начинать там работы... Притом — проблемы доставки... Нет, явно не стоит.

Насколько помню, писал Вам о сомнительности подчетыреугольного кургана на «тюркистость», очень жаль, что эти сомнения оправдались. ...странно, что не нашелся алды-белец на правом берегу Хемчика. Допускаю, что я мог как-то ошибиться в метраже, но это не значит, что квартиранты оттуда отбыли на Луну — поищите с Сеовой еще разок.

Вероятно, небезинтересны и «непонятные» в районе Х.-Б. V. Одним словом — усилия покомпактнее и не робеть. Однако, я не хочу сковывать Вашей инициативы — Вам ведь на месте виднее. Все, что я высказал — только мнения и советы — не более.

Насчет отношений с сотрудниками... Между нами говоря это самое сложное, особенно учитывая процент женщин — это ведь само собою создает проблемы часто довольно непростые. ... Кроме того Вы ведь знаете, что товарищи подчиненные чаще всего не чувствуют того, что товарищ руководитель тоже человек и отличается от подчиненных ему только масштабом взваленного на него бремени ответственности за общее дело и, кстати, за доброе настроение тех же подчиненных. Что делать — такова жизнь.

...хотел сказать Вам еще об одном. Пусть Вас не удивит возникновение (очень возможное) некоторых трудностей с товарищами в сентябре месяце, может быть уже в конце августа. К концу сезона обычно начинает иссякать зимний голод по полю, в действие вступает усталость, нервишки и тому подобное. Преодолеть все это предельно несложно, но знать об этом заранее — не мешает. Всем товарищам от меня — сердечный привет и пожелания самые наилучшие. Вам желаю спокойствия и уверенности. Всего доброго, Ваш всегда А.Грач”

4 сентября 1972 г.: “Скажу Вам со всей откровенностью, друг мой, ничего неожиданного в великих потрясениях, время от времени распивавших 1-й отряд, не оказалось. ...поначалу (особенно на готовых в общем рельсах) все кажется легким и неожиданно быстроходным. Потом, когда выясняется необходимость сооружения рельсовых путей дальше, все столкновения куда будничнее и пасмурнее. Это старая как мир истина — еще со времен Иисуса, который на своем опыте, на кресте доказал, что такое роль лидера. Это не громкие слова — это истина...”

Каковы главные итоги на сегодняшний день? В.П.Ш. вернулся в Питер ни с чем — саквояж, в котором он рассчитывал привезти мою голову, оказался пустым... он вполне реалистично, если не сказать «весомо, грубо, зримо» предупрежден всеми теми, к кому он имел неразумие обратиться с жалобами и наветами по нашему вообще и моему лично адресу (С.К.Тока, Т.Ч.Норбу, Н.А.Сердобов, Ю.Л.Аранчин — более подходящих лиц для затребования моей седой башки он не нашел). Второе — прибыв в Ленинград, он вызвал меня для того, чтобы сквозь зубы признать, что А.М. копает «частично» не в зоне (впрочем при этом он был идеально вежлив... В.С.Сорокин... сказал мне, что смерть — это личное дело каждого и что экспедиция будет существовать после моей кончины...).”

Никакие комментарии, наверное, не требуются к этим письмам Учителя к ученице. Кроме одного — письмо о кончине Михаила Илларионовича Артамонова приводится здесь полностью.

“Рощино, 3 августа 1972 г.

Дорогая Галочка!

Такой невыразимо печальный день сегодня — нет больше с нами Михаила Илларионовича. Я очень любил и искренне почитал — да, да — именно почитал этого выдающегося человека. Он прожил удивительно яркую и, я бы сказал, удивительно завершенную жизнь. Он много, очень много сделал для людей и для науки вообще и при всем при том, оставил после себя такой личный вклад, с которым может стоять рядом лишь оставленное Теплоуховым, Толстовым, Бернштамом, да, пожалуй, еще Пиотровским. Всё — больше никто не сравним в моих глазах с Артамоновым. И ко всему этому Михаил Илларионович обладал непререкаемым качеством выдающегося человека вообще — он умел радоваться открытиям других как своим собственным, радоваться неподдельной чистой радостью. По праву поэтому жизнь дала Михаилу Илларионовичу счастье увидеть завершенность его существования — главные труды, все основные свершения увидели свет пока он был еще жив. За два дня до легкой своей смерти он выступал перед абитуриентами кафедры, не стало его в течение сорока минут. Убила его питерская нынешняя жара.

Когда то Артамонов помог мне спасти саглыньские срубы и, если бы не знаменитая тогда в нашей среде «артамоновская тысяча», Эрмитаж не имел бы саглыньских коллекций и сруб «двух братьев» не видели бы сейчас люди в эрмитажном зале. Так поступал этот выдающийся директор.

Невосполнима эта утрата еще и потому, что это один из немногих людей нашего археологического мира, бывших, думается мне, моральной сдерживающей зло и вырождение силой — силой, вступавшей в действие, невзирая ни на что и ни на кого.

Что будет теперь с нашей кафедрой? Вообще говоря представить себе это довольно затруднительно. Хватит ли разума понять, что дело важнее личных распрей? Или разыграется братоубийственная бойня как у нас в родном ЛОИА? Дай Бог, чтобы все обошлось к лучшему.

Передайте от меня, пожалуйста, привет всем сотрудникам нашего I отряда — обитателям Хемчик-Дома. Желаю всем коллегам доброго здоровья, каждому счастья, каждому радости.

С уважением,

Ваш всегда А.Грач”

Ю.И.Потемкин (Саяногорск, Майна)

АРХЕОЛОГУ АЛЕКСАНДРУ ДАНИЛОВИЧУ ГРАЧУ*

Когда в Саянском створе стройка века
Заговорила громко над рекой
Мы встретили в каньоне человека
Ушедшего в науку с головой.

В профессию влюбленный археолог
Призываем одаренный у Невы
Он в поисках стоянок как геолог
Прошел от Красноярска до Тувы.

Суровые Саянские отроги
Дремучая сибирская тайга
К искателям приветливы — но строги
Ошибок не прощают никогда.

Во власти волн бушующей громады
Он с Енисеем говорил на "ты"
И покорял все водные преграды
Во имя воплощения мечты.

В урочищах притоков Енисея
В застывшем мире бронзовых веков
Он высветил символику культуры
В кочевой жизни древних ходоков.

И нам сегодня забывать не надо
Что был в Саянах творческий актив
Когда посланцы из Москвы и Ленинграда
Работали с Грачом в Сибири рядом
Делами прославляя коллектив.

Проникли вглубь загадочных курганов
Познали предков старческий обряд
Где языком надгробных великанов
Немые камни с богом говорят.

Но жизнь — есть жизнь, в ней радость и утраты
Все есть, и нам не следует скорбить.
Ведь Грач пронес свой крест по жизни свято —
— Святое невозможно позабыть.

В глухой тайге, в горах и на равнине,
В жилых домах и в юртах с давних пор
Его, как друга, помнят и поныне
Хакас, тувинец, русский и монгол.

И пусть в Туве не меркнет Одиссея
И море пусть волнуется у ног
Нам память сохранит у Енисея
Палаточный веселый городок.

В нем археологи шагнув в бассейн
Науке отдавали свою страсть
И не спроста под боком Енисея
Там Ленинградской улица звалась.

И не беда, что здесь застою вет
И не горит под выпелом свеча
Наступит день и мы еще сумеем
Душевым словом помянуть Грача.

* Ю.И.Потемкин — давний друг Александра Даниловича, директор строительства Саяно-Шушенской ГЭС в те годы, когда А.Д. руководил СТЭАН.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А.Д.ГРАЧА

Лица, изображенные на снимках, перечисляются слева направо; особые случаи отмечены отдельно. Снимки представлены Д.Г.Савиновым, М.Н.Пшеницыной, В.П.Дьяконовой и фотоархивом ИИМК РАН.

1. Раскопки в Таможенном переулке в Ленинграде. Весна 1952 г.
В траншее — А.Д.Грач рассматривает находки. См. А.Д.Грач. *Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.: Л., 1957.*
2. А.Д.Грач в Нимфейской экспедиции (нач. экспедиции Н.Л.Грач). Керчь, 1972 г.
3. А.Д.Грач и геолог Головачев в разведке в Западной Туве. 1958 г.
4. Разведка в Западной Туве. 1957 г.
5. Владимир Очур (научный сотрудник ТНИИЯЛИ), А.Д.Грач, В.П.Дьяконова. Монгун-Тайга. 1957 г.
6. На раскопках в долине р. Каргы. У кургана А.Д.Грач, Л.П.Потапов, художник Петр Баландин. 1957 г.
7. Угощение горных духов на перевале в Западной Туве — А.Д.Грач, Л.П.Потапов, П.И.Каралькин. 1957 г.
8. А.Д.Грач и старик-тувинец у палатки. Монгун-Тайга. 1957 г.
9. А.Д.Грач на перевале Адар-Тёш (дорога Кызыл — Чадан). 1957 г.
10. “Вторичное захоронение” тюркского изваяния. А.Д.Грач и Д.Г.Савинов. Центральная Тува. 1962 г.
11. Во время приезда в Туву сотрудников Красноярской экспедиции: У “Будды” в скале Чурумал-Бурханниг-Хая Г.А.Максименков, А.Д.Грач, М.П.Грязнов. Центральная Тува. Лето 1965 г.
12. А.Д.Грач и Д.Г.Савинов на Эйлиг-Хемском пароме. Центральная Тува. 1962 г.
13. А.Д.Грач у палатки. Разведка 1962 г. в Центральной Туве.
14. А.Д.Грач и Сева Грач на раскопках кургана в урочище Биче-Оймак. 1965 г.
15. На советско-монгольской границе, у пограничного столба № 58: А.Д.Грач, Д.Г.Савинов, повариха Света, шофер С.А.Шамаш. Саглы. 1962 г.
16. У юрты А.Д.Грач, М.Н.Пшеницына, начальник Саглынской погранзаставы В.Соколянский. Саглы. Октябрь 1962 г.
17. У экспедиционной машины: шофер С.А.Шамаш, повариха Света, жена начальника погранзаставы Шурочка Луцкая, М.Н.Пшеницына, А.Д.Грач, И.Луцкий, тувинец из пос. Саглы. 1962 г.
18. А.Д.Грач у старого памятника “Центр Азии”. Кызыл. 1965 г.
19. У экспедиционной машины во время поездки в лагерь Я.А.Шера: художник М.А.Петухов, Ю.И.Трифонов, Сева Грач, студентки училища им. Мухиной — художницы отряда А.Д.Грача и Д.Г.Савинов. Хакасия. 1963 г.
20. А.Д.Грач и чабан В.П.Абалаков. Хакасия. 1963 г.
21. Сева Грач у флагштока и древнетюркского каменного изваяния. Лагерь у горы Туран. Хакасия. 1963 г.
22. А.Д.Грач с сыном Севой у памятника “Центр Азии”. Кызыл. 1963 г.
23. “Дорожный указатель” в лагере А.Д.Грача в Хакасии. 1963 г.

24. Коллективный снимок сотрудников отряда. Стоят — тувинские школьники, в центре А.Д.Грач, четвертый справа — Ю.И.Трифонов. Сидят: И.У.Самбу, Сева Грач и шофер И.Васильев. Хакасия. 1963 г.

25. База СТЭАН в г. Кызыле на Советской улице, дом 20. 1965 г.

26. Лагерь I-го отряда СТЭАН в урочище Биче-Оймак (долина р. Эйлиг-Хем). Центральная Тува. 1965 г.

27. День археолога, 15 августа 1965 г. Участники экспедиции в лагере I-го отряда. А.Д.Грач подводит итоги работы.

28. Участники экспедиции перед авиаразведкой: Ф.А.Третьяков, И.У.Самбу, В.А.Чистяков, А.Д.Грач, И.Васильев. Центральная Тува. Долина р. Эйлиг-Хем. 1965 г.

29. Колонна машин СТЭАН на Усинском тракте во время переезда из Абакана в Кызыл в 1965 г.

30. Г.А.Максименков, А.Д.Грач и тувинские школьники. Центральная Тува. 1965 г.

31. А.Д.Грач, художник М.А.Петухов и шофер С.А.Шамаш грузят на машину лодку "Васисуалий Лоханкин". Разведка 1962 г. в Центральной Туве.

32. М.А.Петухов и А.Д.Грач во время разведки 1962 г. в Центральной Туве.

33. Шофер С.А.Шамаш, С.Н.Астахов, А.Д.Грач у древнетюркского каменного изваяния. Центральная Тува. 1962 г.

34. А.Д.Грач в Туве. Устье р. Хемчик. 1968 г.

35. Генеральный секретарь Тувинского Обкома КПСС С.К.Тока, С.Н.Астахов, А.Д.Грач. Кызыл. 1969 г.

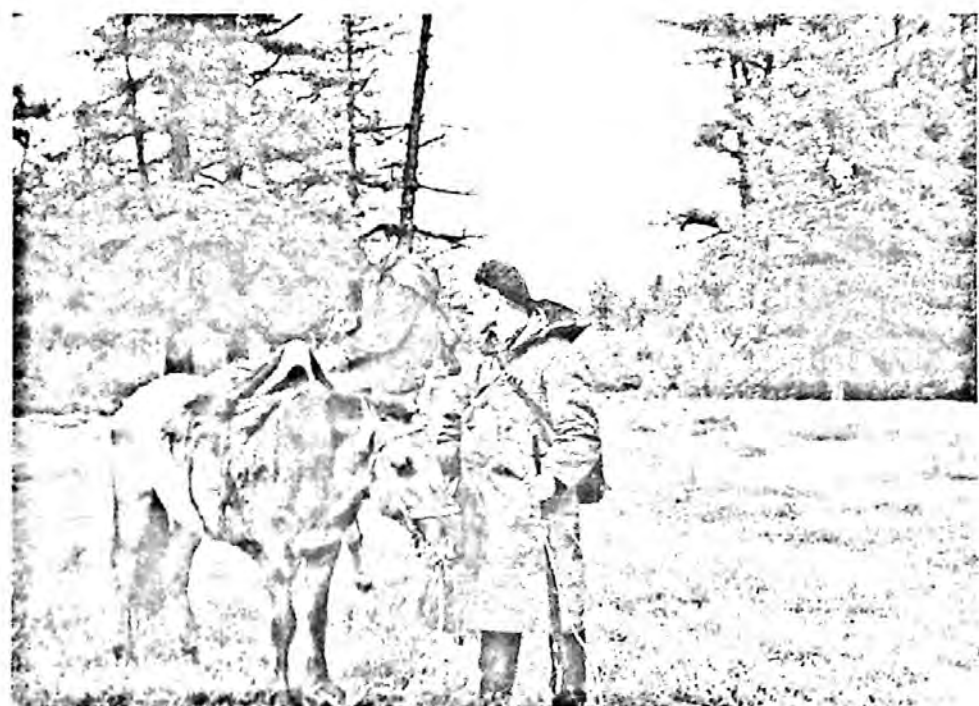
36. Участники работ 1965 года — археологи Тувы и Санкт-Петербурга — через тридцать лет на берегу Тувинского моря, места работ Саяно-Тувинской экспедиции. Справа налево: д.и.н. С.Н.Астахов, к.и.н. Г.В.Длужневская, к.и.н. И.У.Самбу, д.и.н. Д.Г.Савинов, к.и.н. В.Т.Монгуш. Слева — К.В.Чугунов. 23 сентября 1995 г.

1.

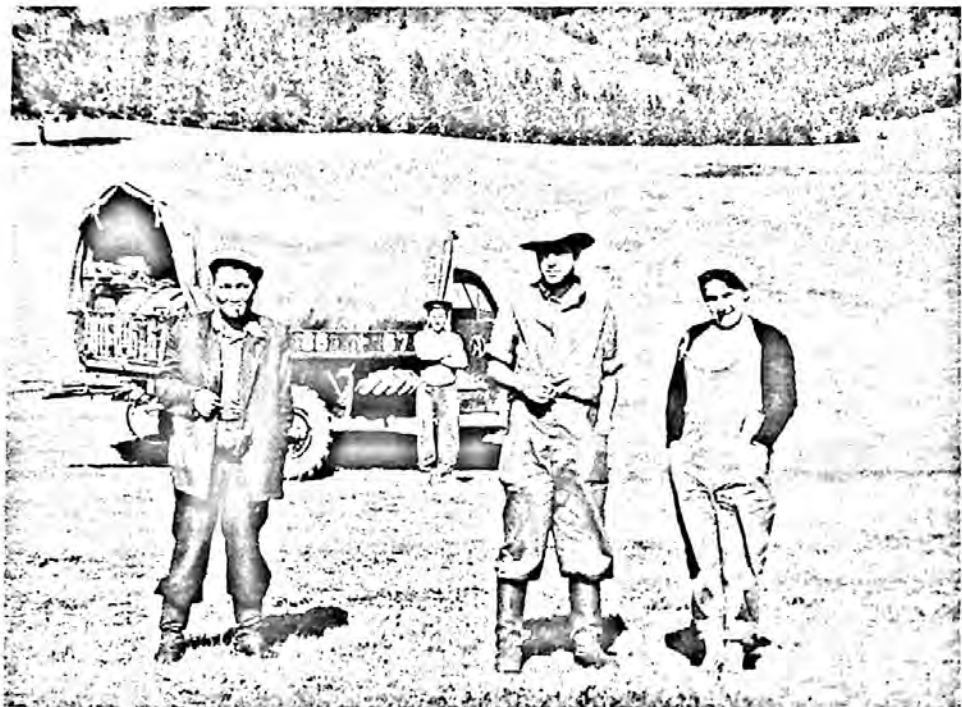
2.

3.

4.

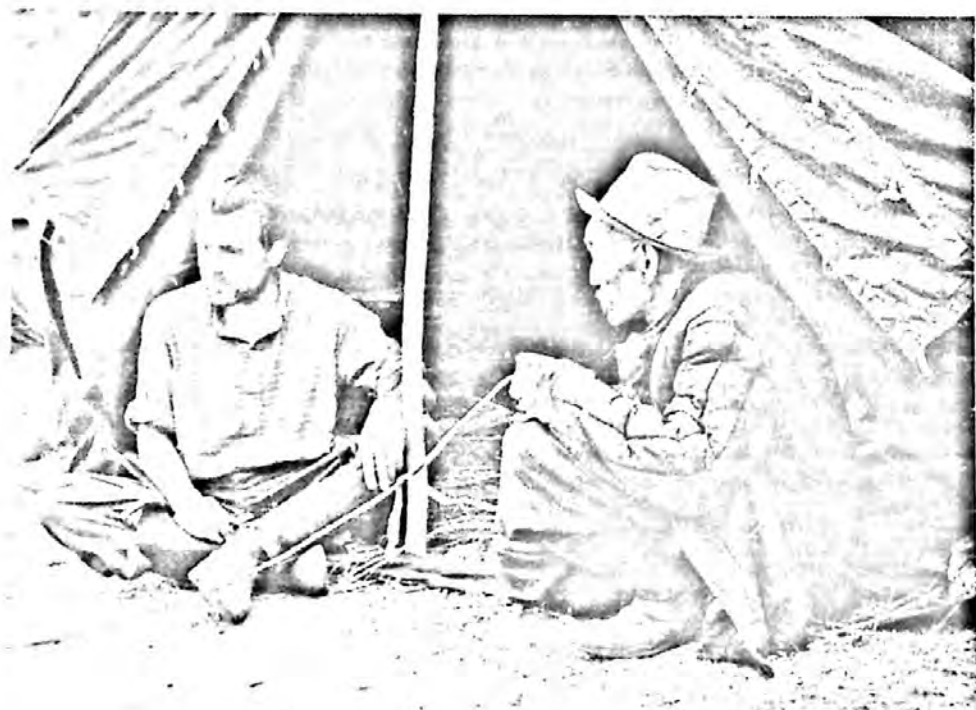
5.

6.

7.

8.

9.

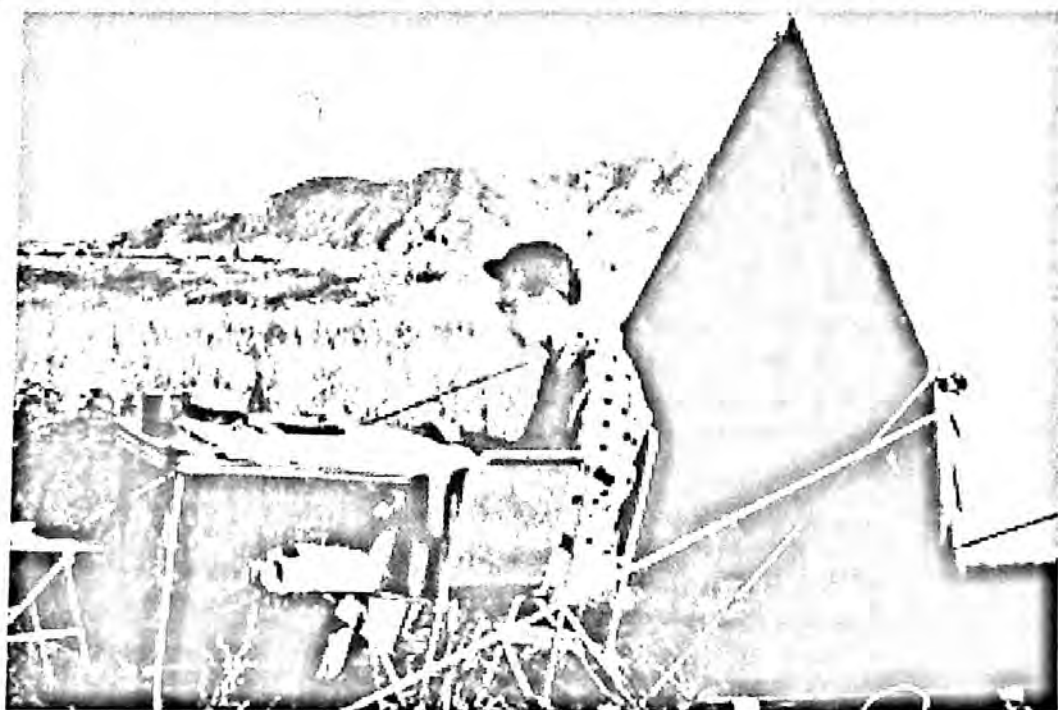
10.

11.

12.

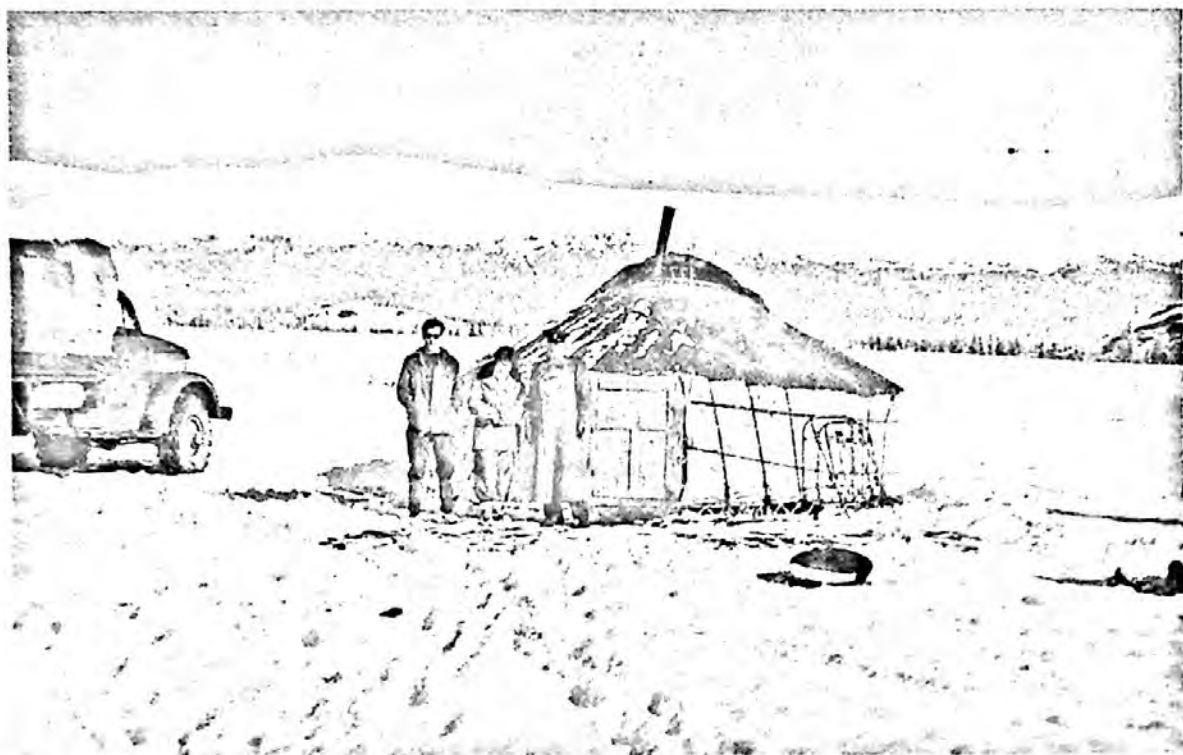
13.

14.

15.

16.

17.

18.

19.

20.

21.

22.

23.

24.

25.

26.

27.

28.

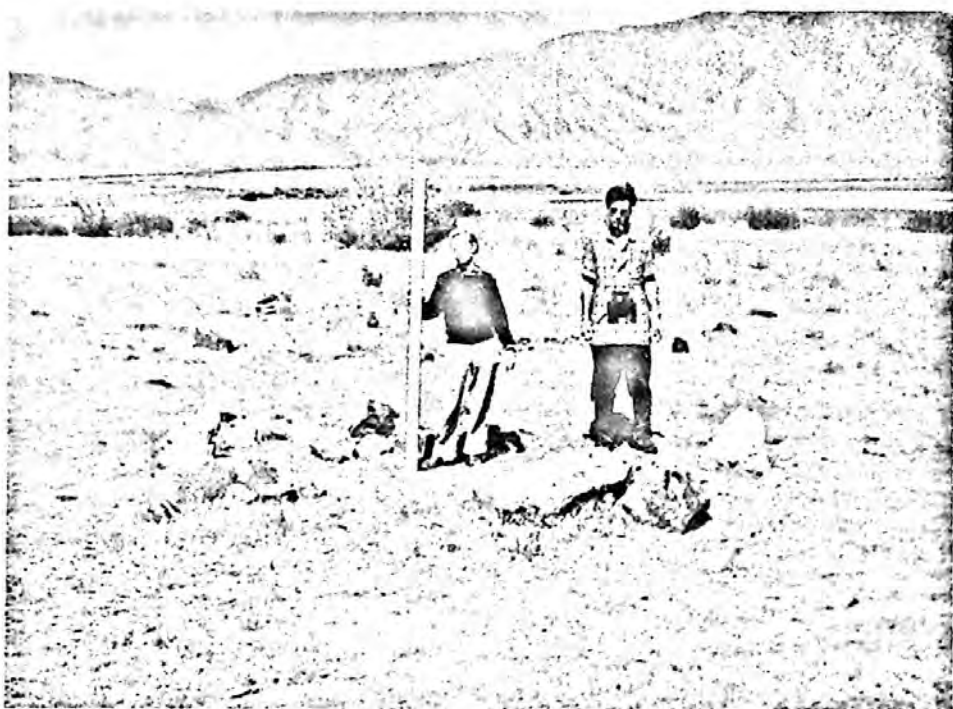
29.

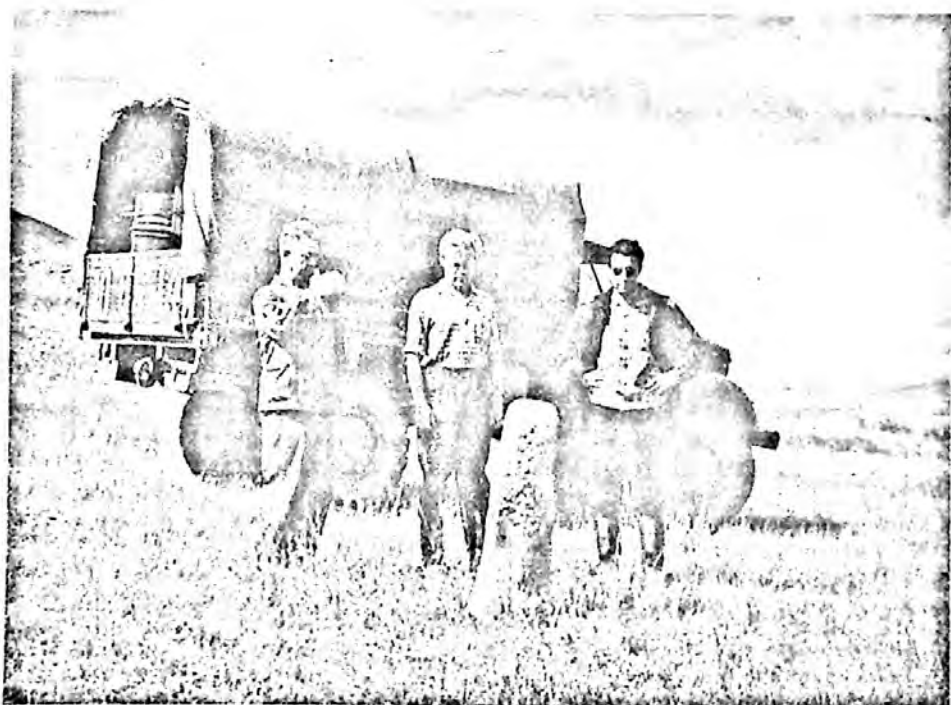
30.

31.

32.

33.

344.

35.

36.

Центральная Азия — огромная и загадочная страна, открытая великими русскими путешественниками во второй половине XIX века — всегда поражала исследователей обилием памятников древности, свидетелей прошлой яркой и высокой культуры. Курганы и древние степные святилища, каменные изваяния и скопления наскальных изображений, наряду со снежными хребтами, межгорными котловинами и голубыми бурными реками, всегда составляли неотъемлемую часть исторического пейзажа этих мест. Наибольшее количество их открыто и изучено на территории Саяно-Алтайского нагорья, в первую очередь на Алтае и в Туве, археологическому изучению которой посвятил свою жизнь Александр Данилович Грач. Открытые им многочисленные погребения с великолепными находками, большая серия древнетюркских каменных изваяний, новые местонахождения петроглифов не только обогатили существующие представления о культуре и искусстве древнего населения Тувы, но и обрели второе рождение — теперь уже в качестве исторического источника — благодаря исследованиям А.Д.Грача. Будучи одним из пионеров археологического изучения Тувы, А.Д.Грач мечтал вывести (и практически достиг этого) “формулу неграбленности” курганов. Полученные материалы (в широком хронологическом диапазоне — от скифского до монгольского времени включительно) рассматривались им в контексте общих культурно-исторических процессов, происходивших на обширных пространствах Центральной Азии и сопредельных территорий. История и археология в трудах Александра Даниловича Грача неразделимы.

ПАЛЕОЛИТ ТУВЫ (некоторые итоги)

Более тридцати лет назад автор, занимаясь палеолитом Енисея, особенно стоянками на Афонтовой Горе, решил искать истоки его в южных районах, в частности в Туве, которая тогда была белым пятном на палеолитической карте. В это же время произошла определившая мою судьбу встреча с А.Д.Грачем, искавшим кадры для будущей экспедиции в зоне Саянской ГЭС. У нас оказалось много общего, и я начал участвовать в создании предстоящей гигантской экспедиции в центре Азии. Было все — и бесконечные часы с расчетами и планами, и картирование памятников на основе аэрофотопланов, и разведки с минимальными средствами крохотной группой, состоявшей из А.Д.Грача, Д.Г.Савинова, М.А.Петухова, автора и шофера со смешной фамилией Шамаш. К тому времени о палеолите Тувы было известно только то, что он есть, судя по одному местонахождению и очень интересным находкам А.Д.Грача архаичных изделий в Саглынской долине. Именно это и манило — неизведанность и возможность обнаружения древнего пласта, пока неизвестного в Сибири, не считая пещерной стоянки Усть-Канская, определенной автором как мустье с леваллуазской традицией (Астахов 1966).

Но приходилось начинать с кропотливой работой в Тувинской котловине и Саянском ущелье Енисея. Прошли годы, и в 1993 г. автор представил работу, в которой описал и систематизировал найденные им и сотрудниками экспедиции десятки палеолитических стоянок, начиная с ашеля (не считая неолитических). Район исследований охватывал разнообразные ландшафтные зоны. Это порождало не только трудности поиска, но и анализа обнаруженных комплексов, как правило, не имеющих стратиграфической привязки из-за особенностей климата Тувы, входящей в зону полупустынных и степных ландшафтов Азии с преобладанием активной денудации, разрушавшей рыхлые отложения. В результате культурные остатки были спроецированы на прочные цоколи, и создавались памятники, состоящие из комплексов артефактов, расположенных на поверхности.

Древний палеолит. Ко времени опубликования монографии о палеолите Тувы (Астахов 1986) был уже открыт и средний палеолит. Позднее, в 1987 г. на левом берегу р. Торгалык к юго-востоку от поселка того же названия была найдена палеолитическая мастерская с примесью сильно эродированных изделий, а в 1988 г. автор нашел обширное древнепалеолитическое местонахождение (Астахов 1992). Памятник находится севернее оз. Убса-Нур, в 3 км к югу от пос. Торгалык. Торгалыкская котловина не затопливалась озером Убса-Нур даже при максимальной трансгрессии. На ней развиты только субазральные и пролювиально-аллювиальные отложения, верхняя часть которых образовалась, по мнению А.Ф.Ямских, в среднем плейстоцене. Раннепалеолитическое местонахождение поверхностного типа приурочено к террасам высотой 18–21 и 16–17 м. Это не первоначальная позиция, артефакты были спроецированы на дефляционную поверхность, образованную в результате сильных ветров на стадии максимума и деградации оледенений, в данном случае, вероятно, Самаровского (R1); этому времени в Европе соответствует средний ашель. Изделия

встречались на протяжении около 600 м вдоль края террас и до 50 м вглубь. Была собрана небольшая, менее 400 экземпляров, коллекция, из них 280 можно отнести к нуклеидным формам. Более четкие нуклеусы: 26 односторонних плоских одно- и двухплощадочных в разной стадии использования, 2 близких к леваллуазским, есть многоплощадочные. Ядрища, как правило, довольно крупные, им соответствуют отщепы до 15 см длиной, пропорции их в основном удлинённые, площадки гладкие, угол скалывания тупой, ударные бугорки крупные. Орудийный набор — всего 30 предметов, но среди них есть 7 бифасов. Бифасы выглядят незаконченными, индекс, характеризующий степень отделки, только у трех более 2,35. Трудно судить о степени их действительной примитивности, тем более, что и ближайшие монгольские образцы отличаются от европейских ручных рубил такой же "незавершенностью". Двусторонняя техника проявляется и в отделке других изделий, среди которых скребло с плоской чешуйчатой оббивкой. Остальные 5 скребел обычные, есть двойные, нож с ретушированным обушком, 2 массивных треугольных в сечении острия и 2 скребка на удлинённых отщепах, края которых частично подработаны. Имеются выемчатые орудия. Некоторые сделаны на конце удлинённых отщепов, где выемками выделены широкие короткие острия. Два орудия напоминают клювовидные формы. Обобщенно комплекс характеризуется следующими чертами: техника расщепления достаточно развитая, преобладает скалывание с уплощенных нуклеусов, изредка близких к леваллуазским, но есть и примитивное бессистемное расщепление. Вторичная обработка представлена оббивкой, иногда плоской, и крупной лицевой ретушью. В целом и техника расщепления, и типология изделий не противоречат датированию комплекса нижним палеолитом и отнесению его к ашельскому типу индустрии. Относительно большой процент орудий склоняет в пользу понимания памятника как стоянки или серии стоянок. До сих пор такой комплекс с рубилами является уникальным для всей Азиатской России. В соседней Монголии известны древнепалеолитические памятники со сходным инвентарем, такие как Уэнч I, Дно Гоби. Но кроме того, в Монголии есть и другая разновидность древнего палеолита, галечного варианта (ашель с чопперами?), пока не найденная в Туве.

Средний палеолит Тувы представлен индустриями мустьерского облика с применением леваллуазской и реже радиальной техники расщепления, наличием скребел, выемчатых и зубчатых орудий и единичных уплощенных бифасов. Имеется немногочисленная группа памятников с преобладанием клектонской техники расщепления и чопперов в наборе орудий. Среднепалеолитические памятники известны в центральной Туве, но в основном на юге, в долине р.Саглы, и в низовьях рек Чаза, Торгалык, Ирбитей, Тес-Хем. Всего найдено 7 местонахождений в центральной Туве, 38 — в долине Саглы и 11 между оз.Убса-Нур и хр.Танну-Ола. Один из пунктов, а именно Торгалык Б, найден, но еще не исследован. Он представляет серию памятников полосой в 2,5 км вдоль гряды между двух русел р. Торгалык. Площадь распространения изделий на изученных стоянках варьирует, составляя в среднем для саглынской группы до 2000 кв. м, для торгалыкской — до 5000 кв. м, для центральной группы при сильном разбросе до 7000 кв. м. Почти половина стоянок занимает сравнительно небольшие участки. Преобладают коллекции до 36 экз. (62%); коллекций более 100 предметов 7,2%. По степени дефляции поверхности орудий коллекции, кроме единичных случаев, однородны. Преобладание таких ансамблей, своего рода эталонов, предоставляет возможность объединения местонахождений со сходным инвентарем в один хронологический пласт и вместе с комплексами мустьероидного типа служит основанием для определения этих памятников как среднепалеолитических, с разными технико-типологическими характеристиками. Все

памятники разделены на две неравные по количеству группы. Более многочисленная характеризуется наличием леваллуазской техники расщепления. К ней относятся саглыньские и большая часть торгалыкских местонахождений. В саглыньских коллекциях среди нуклеусов, которые составляют 4,4% от общего количества артефактов, больше всего уплощенных одноплощадочных односторонних — 30%, чаще для леваллуазских пластин. Такие нуклеусы с выпуклой рабочей стороной примыкают к подпризматическим. Многогранники и дисковидные формы единичны. Почти половина ударных площадок пластин и отщепов гладкие, фасетированных только 9,5% — индустрия не фасетированная. Из выборки в 28 коллекций лишь 14% имеют индексы леваллуа технические от 20 до 29, в целом индустрия не леваллуазская. Нельзя не отметить одну особенность большинства среднепалеолитических комплексов Тувы, а именно: в составе леваллуазских сколов абсолютно преобладают пластины. Этот феномен проявляется на многих памятниках Внутренней Азии. Возникает проблема корректности сравнения комплексов по индексу леваллуа. По-видимому, кроме индекса, введенного Ф. Бордом и принятого многими, следует указывать и параллельные: индекс леваллуа подлинный, индекс леваллуа для пластин и индекс для острий. Возвращаясь к технике расщепления, укажем, что в составе всех сколов отщепы составляют около 90%. Инструментарий памятников Саглы не слишком разнообразен, хотя орудия составляют 27% от всех находок, что подчеркивает их характер как стоянок. Комплекс саглыньской группы включает скребла — 24,3%, скребки — 7,7%, резцы атипичные — 1,3%, выемчатые и зубчатые орудия — 23,6%, с выделенным ретушью режущим элементом на углу — 5,8%, пластины с ретушью — 7,3%, отщепы с ретушью — 22,4%, сколы с подтеской — 5,4%, чопперы — 0,3%, бифасы — 0,6%. Комплексы саглыньской группы относятся к так называемому леваллуа-мустье. Торгалыкская группа стоянок демонстрирует тот же тип индустрии — техника расщепления и набор орудий, включая единичные бифасы, практически идентичны. Сравнение индексов массивности саглыньской и торгалыкских групп указывает на большую примитивность (древность?) последней. Материалы пункта Торгалык Б выделяются более крупными заготовками и массивными бифасами, он, возможно, древнее (в пределах среднего?). От леваллуа-мустьерских комплексов резко отличаются памятники, характеризующиеся применением галек как для нуклеусов, так и изготовления орудий. Орудия представлены чопперами, чоппингами, скреблами-чопперами, скреблами, грубыми скребками, отщепами с ретушью. По некоторым соображениям подобные комплексы отнесены также к среднему палеолиту. Определить временные границы среднепалеолитических памятников Тувы можно по аналогии с соседними алтайскими (типа Усть-Канской), монгольскими и среднеенисейскими мустьерскими материалами. Памятники Тувы принадлежат к обширному пласту индустрий, хронологические рамки которых достаточно широки, а именно от конца Казанцевского (R/W) межледниковья и до Каргинского (W2), но основной массив среднепалеолитических комплексов Тувы как будто не выглядит очень ранним. Можно предполагать для среднего палеолита Тувы, учитывая эпизодические находки бифасов развитого облика, связь с древним палеолитом ашельской разновидности.

Поздний палеолит Тувы. Все стоянки этого времени в Туве подразделяются на группы, соответствующие географическим зонам: улуг-хемская, хемчикская и южная. В отличие от мустьерских, позднепалеолитические стоянки не всегда занимают компактные площадки — есть несколько как бы растянувшихся вдоль склона на расстояние до 500 м, например, Улуг-Хая 3, но преобладают стоянки до 3000 кв. м (82%). Количество изделий на стоянках обычно невелико, до 50 единиц (62%).

Улуг - хемская группа. Памятники расположены по обоим бортам долины Енисея, или Улуг-Хема. Один тип местонахождений — компактные с однородным материалом, как Усть-Хемчик 6. В коллекции есть два атипичных скребла, концевой скребок на обломке пластины, скребок на остаточном плоском нуклеусе, отщепы с ретушью и подтеской. Техника расщепления призматическая. Иногда наблюдаются отдельные скопления изделий внутри большой площади распространения, например, Улуг-Хая 5. Техника расщепления, как и на других стоянках этой группы, характеризуется преобладанием отщепов как формы заготовки и микротехникой. Есть исключения, касающиеся последнего — Эжим 1 и 2. Обобщая, можно указать, что в памятниках улуг-хемской группы преобладают нуклеусы для отщепов, среди них есть уплощенные односторонние, обычны небольшие подпризматические нуклеусы для пластинок. Имеются микронуклеусы разных вариантов, вплоть до типичных клиновидных. Вторичная обработка представлена ретушью полукрутой и крутой, обычно однородной, и подтеской. Орудийный набор не слишком разнообразен, состоит из скребков, скребел разных вариантов, проколов на отщепах, выемчатых и зубчатых. Индустрия невыразительна, специфичность ее в значительной вариабельности форм орудий.

Хемчикская группа. Кроме десятка местонахождений с небольшими по количеству коллекциями имеется две представительные стоянки. Первая — Ийме, в ее коллекции обращает на себя внимание наличие остроконечников и овального бифаса. В коллекции стоянки Порог 1 в наборе орудий неожиданно много долотовидных, есть скребла на отщепах, резцы, скребки. Своеобразие комплекса заключается в широком использовании подтески, резцового скола и отсутствии микротехники. Стоянка Улуг-Бюк 2 также не имеет в инвентаре мелких микропластинок, хотя техника торцового снятия там представлена. Учитывая направленность техники расщепления хемчикских стоянок к призматической либо субпараллельной, можно сделать вывод об отличии этих комплексов от улуг-хемской группы.

Южная группа. Она известна прежде всего по материалам стоянок долины Саглы и новых памятников при слиянии рек Торгалык и Шалаша. Есть крупные коллекции — Саглы 14 и 15. Характерно наличие как на этих, так и других памятниках серий выемчатых орудий нескольких типов, в том числе с выделенным "носиком". Остальные стоянки близки по технике расщепления и набору орудий, но не столь велики по количеству. В коллекциях мало скребел и хорошо выражена пластинчатая часть инвентаря, при наличии, но не изобилии микропластинок. Этим они напоминают хемчикскую группу. Восточнее долины Саглы, у самого выхода из хр. Танну-Ола реки Торгалык имеется 4 местонахождения (первое было найдено геологом А.В. Поповым). Набор орудий напоминает саглыньские комплексы. В целом улуг-хемская группа отличается от хемчикской и южной, которые ближе к кокоревскому варианту. Что касается возможности хронологического расчленения внутри групп, то типологически более древними выглядят Порог 1, Ийме и Саглы, но и они вряд ли опускаются ниже конца Гыданской стадии Сартана (22–16 тыс. лет). В то время горы Тувы, вероятно, не были пригодны для обитания, исключая южные предгорья Танну-Ола.

Поздний палеолит Тувы, входящий в круг культур того облика, который традиционно называют сибирским палеолитом, неоднороден. Некоторые черты сходства в технике расщепления и орудиях позволяют считать Улуг-Хемские комплексы близкими по возрасту афонтовским и относить их к периоду 17–12 тысяч лет назад. Сравнение хемчикских и улуг-хемских материалов показывает, что и они, вероятнее всего, относятся к тому же периоду. Преобладание в инвентаре саглыньской группы выемчато-зубчатых форм, вероятно, является спецификой, частично зависящей от типа памятников, а не хронологическим показателем, поэтому представляется допустимым и

эту группу относить ко второй половине позднего палеолита. Таким образом, в Туве и Саянах позднепалеолитические памятники датируются второй половиной Сартанского оледенения (см. табл.). Такое определение возраста подкрепляется корреляцией с соседними датированными стоянками, прежде всего Нижним Иджиром 1 на р.Ус, всего в 55 км к северу от группы правобережных стоянок Улуг-Хема. Собственно весь памятник — одно жилище наземного типа с очагом посередине, по углю которого получена дата 17200 ± 70 л.н. Поздний палеолит рассматриваемого района представляет сложное и во многом еще непознанное явление. В определенной степени это зависит от неравномерной и недостаточной изученности территории. Особняком представлен почти неизученный тип памятников — мастерские по добычанию сырья из жильных, преимущественно кварцитовых выходов для изготовления орудий. Некоторые из этих мастерских относятся к позднему палеолиту.

Т а б л. Хронология основных памятников палеолита Тувы

		Тыс. лет	Альпы	Саяны	Тува южная	Тува центральная
П	Л	12	W 3	Сартанское оледенение	Шалаш 1-4 Саглы 14, 15, 25, 29 Чаза 1	Эйлиг-Хем 1 Улуг-Хая 1-5 Куйлуг-Хем 1-3 Улуг-Бюк 1-6 Ийме Порог 1 Усть-Хемчик 6
		22				
Е	Й	50	W 2	Каргинское межлед.	Саглы 1-10, 12,13,16-24 27,30,32-41 Чаза 2-4 Ак-Кара-Суг 1-4	Пестуновка I E13,14 (Чинге) Чинге-Даг-Ужу (Чадан)
		100	W 1	Мурукт. оледен.	Ирбитей ?	
С	Т	130	R/W	Казанцевск. межл.		?
		180	R 2	Тазовское олед.		Торгалык 1 ?
О	Ц	200	R1/2	Ширтинск. межлед.		
		260	R 1	Самаровское олед.		?
Н		380	M/R	Тобольск. межлед.		Торгалык А ?

Таковы самые общие черты палеолита Тувы. Открытие первых следов заселения Тувы, зафиксированное в ашельском местонахождении Торгалык А, позволяет датировать эту пока еще древнейшую индустрию концом Тобольского межледниковья

или внутрисамаровским оптимумом, то есть 300–200 тысяч лет назад. Средний палеолит Тувы представлен количественно неравными группами памятников двух вариантов индустрии. Преобладающая группа тяготеет к леваллуа–мустье Алтая и Гобийского Алтая. Генезис этой традиции предположительно происходил с участием местной ашельской индустрии. Вторая группа относится к галечной традиции, связанной с древнейшими культурами Азии. Преемственности между средним и поздним палеолитом Тувы проследить не удалось, возможно из-за неполноты данных. Взаимодействия культур позднего палеолита Тувы и сопредельных территорий представляются многовариантными.

Астахов С.Н. 1966. О путях первоначального заселения долины Енисея // Сб. VII Международного конгресса доисториков и протодисториков. М. С. 56–68.

Астахов С.Н. 1986. Палеолит Тувы. Новосибирск.

Астахов С.Н. 1992. Открытие древнего палеолита в Туве // Доклады Международного Симпозиума "Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и восточной Азии и Америки". Новосибирск. С. 40–43.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ САЯНСКОГО КАНЬОНА ЕНИСЕЯ

До начала в 1965 году широких раскопочных и разведочных работ Саяно-Тувинской комплексной археологической экспедиции о наличии памятников древней истории в Саянском каньоне р. Енисей — Енисейской “трубе” — у специалистов-археологов были весьма смутные представления. Основные маршруты исследователей пролегали в степной — западной части страны (А.В.Адрианов, С.А.Теплоухов, С.В.Киселев, Е.А.Евтюхова, Л.Р.Кызласов, С.И.Вайнштейн, Л.П.Потапов и др.). В результате было открыто большое количество памятников всех исторических эпох, что убедительно доказало значительную степень заселенности края в древности. Строительство ГЭС и связанное с этим затопление приречных долин и террас вызвало необходимость тщательного обследования ранее не посещавшихся археологами мест.

Первый рекогносцировочный маршрут по зоне будущего водохранилища с целью составления программы и плана работ намечающейся экспедиции был осуществлен в 1962 году, когда перед А.Д.Грачом и его сподвижниками (археологи С.Н.Астахов, Д.Г.Савинов, художник М.А.Петухов) встала проблема составить археологическую карту памятников, располагающихся в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС — по берегам Енисея и впадающих в него рек. Безусловно, за один сезон решить столь масштабную задачу оказалось невозможно, поэтому с самого начала полевых исследований Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР (далее — СТЭАН) данная работа велась с различной интенсивностью непрерывно, вплоть до подъема воды. В первый же год экспедиции С.Н.Астахов прошел всю “трубу” и зафиксировал значительное количество памятников различных эпох. Тогда же правобережная часть начала “трубы” (до устья р.Чинге и ниже) с целью изучения петроглифов была обследована Д.Г.Савиновым. В дальнейшем III отрядом под руководством С.Н.Астахова ежегодно обследовались определенные участки вдоль Енисея и его притоков, памятники тщательно фиксировались, составлялись их планы и проводились рекогносцировочные раскопки. Однако по плану работ СТЭАН этим отрядом исследовались, в основном, памятники эпохи камня.

В 1969–1970 годах А.Д.Грач предпринял редкий по масштабности и способу исполнения “маршрут”, совершив облёт на вертолете всей зоны затопления. В результате было обнаружено множество располагающихся на речных террасах курганных могильников, лучше всего заметных с воздуха. К сожалению, планов памятников при этом не составлялось, поэтому точное количество курганов,

ландшафтные и планиграфические закономерности их расположения и конструктивные особенности остались незафиксированными. Подобного рода разведка с воздуха так и осталась единственным примером обследования археологических памятников Тувы с борта вертолета¹. Вне каньона были обследованы: на левом берегу — все городища возле старого Шагонара, городище Бажин-Алаак, могильники Аргалыкты и Аймырлыг; на правом берегу — могильники Демир-Суг, Эйлиг-Хем, Куйлуг-Хем, Алды-Бель, Ортаа-Хем. Сохранились уникальные фотоснимки, на которых зафиксированы ныне затопленные памятники. По Енисейскому каньону А.Д.Грач пролетел от ур. Каравей через перевал Сары-Гол до устья р. Хемчик. Археологическим объектам, сосредоточенным в данном месте, было уделено особое внимание (именно здесь в 1969 году им были начаты исследования группы могильников Хемчик-Бом). Затем маршрут пролег вверх по долине Хемчика, где примерно в 15 км от его устья на обеих берегах были обнаружены крупные могильники скифского времени, так и не получившие наименования. Примерно в 5 км выше по течению был открыт частично раскопанный впоследствии могильник Улуг-Бюк, а также отмечен древнетюркский курган и оградка со стелой рядом с ним. Вернувшись к Енисею, А.Д.Грач сфотографировал сверху раскопки С.Н.Астаховым стоянки Е-15 напротив устья Хемчика, а затем обследовал приречные долины вниз по течению Енисея, особо выделив открытый в 1965 году могильник скифского времени в ур. Хем-Терек, как чрезвычайно перспективный памятник, поскольку он находился в зоне вечной мерзлоты и мог содержать в связи с этим уникальный материал. В следующем 1971 году А.Д.Грач прошел по воде 340 км Саянского каньона Енисея от его начала (урочище Каравей) до выхода реки в Минусинскую котловину. Был открыт ряд интересных памятников, в том числе большой могильник алды-бельской культуры в урочище Кулевуок, впоследствии исследованный И.У.Самбу.

В 1976 году группа I отряда СТЭАН в составе авторов данной статьи осуществила рекогносцировочный маршрут протяженностью около 100 км от начала "трубы" до устья р.Ус. Основной задачей при этом являлось составление подробных глазомерных планов могильников, как известных по предшествующим работам, так и вновь открываемых, с их привязкой, подсчетом количества сооружений, определением закономерности их расположения и конструктивных особенностей. Осмотрено 17 террас, то есть практически все имеющиеся на данном участке русла. В результате этих работ сняты планы 12 могильников, памятники описаны и нанесены на карту. Все вновь открытые могильники были сильно задернованы и содержали небольшие и невысокие каменные насыпи, поэтому с воздуха они не могли быть увидены.

1. Могильник из 34 каменных набросков на высокой правобережной террасе, напротив устья Хемчика. Группа состоит из относительно крупных каменно-земляных курганов, вероятно, скифского времени, непосредственно на террасе и 12 небольших каменных выкладок монгольского времени ритуального характера на конусах выноса. Сооружения первой группы местами образуют короткие цепочки.

¹ О применении авиации в археологических исследованиях А.Д.Грачом написана статья в оставшийся неизданным I том Трудов СТЭАН "Археология Центральной Азии" "Авиация в археологических исследованиях в разработке методики применения вертолета (аэровизуальные работы, аэрофотосъемка)".

2. Могильник из 5 сильно задернованных округлых насыпей двумя цепочками в распадке после перевала у тропы, идущей параллельно течению Енисея от Хемчик-Бома II к урочищу Йыр-Сайлах.

Крупный могильник из 86 каменных, почти не возвышающихся на поверхности сооружений, расположенных на ближней к Енисею плоской каменной гряде (некоторые цепочками от 3 до 9 насыпей) в немного сужающейся к северу неширокой долине на левом берегу Енисея в 0,6 км ниже устья Хемчика. Предварительная датировка — начало кыргызской экспансии в Туву. В конце гряды — 7 округлых каменных выкладок из крупных обломков горных пород. Еще один могильник, включающий погребения в каменных ящиках или грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами, в ложбине посередине долины. Так как в этом месте площадка усеяна камнями, сильно задернована и заросла кустами караганника, определить точное количество сооружений практически невозможно. Наконец, к концу долины обнаружен курган, возможно монгун-тайгинского типа, диаметром до 18 м из мелких плиток и валунов. В его центре — каменный ящик с сильно скругленными углами из вертикально поставленных плит.

4. Могильник из 2 курганов размерами 7–15 × 0,5 м в 100 м выше шиверы Кургол на первой правобережной террасе. Насыпи сложены из плит и уплощенных обломков горных пород.

5. Могильник, представленный 22 каменными курганами, сложенными из разномасштабных обломков горных пород на высокой правобережной террасе р. Ургунь. Курганы, диаметром 5–8 м и высотой 0,2–0,4 м, сильно задернованы и заросли караганником. В 1972 году один курган был раскопан.

6. Четыре могильника по обеим берегам р. Хем-Терек недалеко от ее устья:

Могильник Хем-Терек I. На сильно заросшей караганником левой приустьевой террасе р. Хем-Терек — 34 каменных, сильно задернованных сооружения диаметром 4–9 м и высотой 0,2–0,5 м.

Могильник Хем-Терек II. Открыт в 1969 году А.Д.Грачом. Состоит из 12 разнотипных (каменные выкладки диаметром 3 м, высотой 0,3 м и насыпи, диаметром до 20 м, высотой до 1,5 м) объектов, расположенных на правобережной приустьевой террасе р. Хем-Терек.

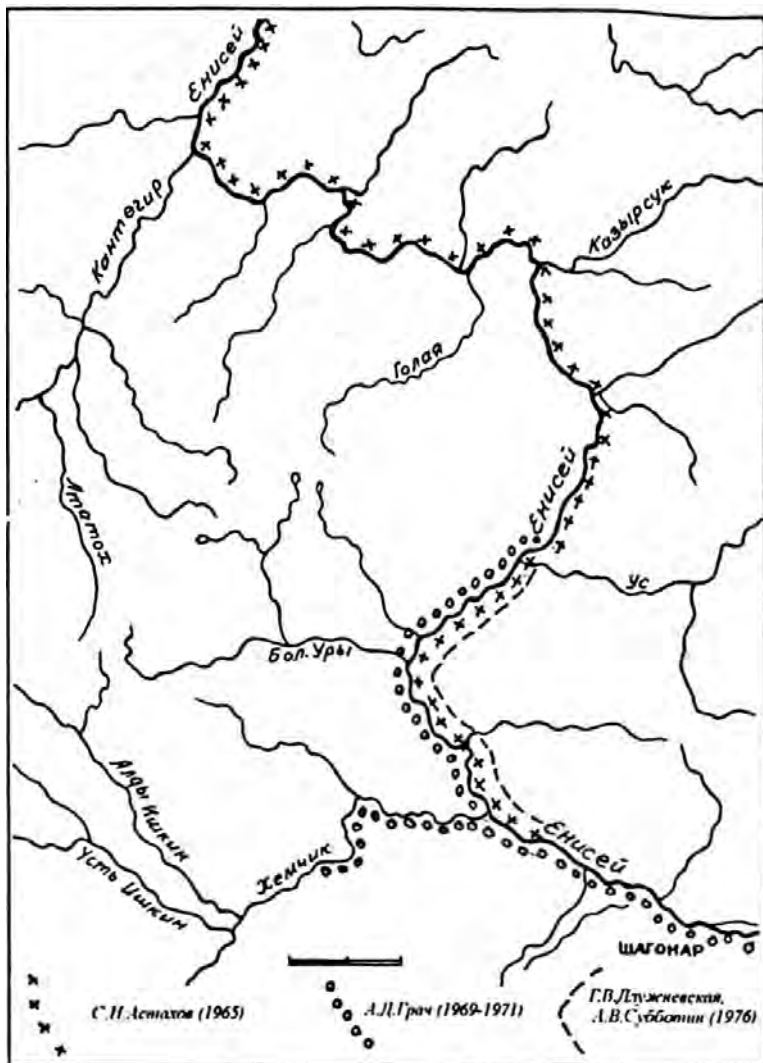

Рис. 1. Схема маршрутов по зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС.

Могильник Хем-Терек III. Обнаружен С.Н.Астаховым в 1965 году. Явно разновременная группа из 12 насыпей на высокой террасе Енисея в 1,5 км ниже устья р. Хем-Терек. Десять каменных некрупных сооружений сильно задернованы и поросли караганником. Два больших, слегка вытянутых подпрямоугольных кургана (длиной 12 и 30 м). На одном в центре — грабительская воронка, вершина другого — плоская.

На третьей террасе — 3 каменных, сильно задернованных округлых в плане кургана небольшого диаметра.

7. Могильник из 9 курганов на высокой приустьевой террасе р. Тозуннуг. Насыпи сложены из материковых валунов и массивных обломков горных пород. Курганы, диаметром 6–10 м и высотой 0,5–0,7 м задернованы и поросли караганником.

8. Около двух десятков очень небольших каменных выкладок прямоугольной формы размерами 1 × 1,5 м и высотой до 0,5 м к востоку от пологого древнего, составленного из крупных валунов конуса выноса на левобережной террасе р. Малые Уры в 850 м от ее устья. Памятник открыт С.Г.Кляшторным в 1972 году. По внешнему виду сооружения подобны поздним тувинским могилам, что косвенно подтверждается долгое время существовавшим на этой площадке зимником. Нет оснований утверждать, что данные каменные конструкции являются древними сооружениями.

9. Одиночный, вероятно, сдвоенный курган на левобережной террасе Енисея в устье р. Шиннета. Овальный в плане (размерами 22 × 12 м и высотой до 1 м) курган сложен из камней и валунов среднего размера.

Подводя некоторые итоги обследования каньона, можно констатировать, что к моменту затопления силами всех исследователей было открыто более 500 памятников разных исторических эпох. Примерно на 150 объектах по правому берегу и 120 по левому велись раскопки. Это составляет около 50% памятников, обнаруженных в Саянском каньоне.

Могильники были изучены неравномерно в силу различных обстоятельств. Полностью или почти полностью исследованы могильники Чинге, Хемчик-Бом I–II, Кулевуок, Шугур, Перевалка, Сарыг-Хая I–III и Урбюн I–III. Кроме того выявлены целые серии искусственно возведенных сооружений, не представляющих четко выраженной конструкции. Изредка при их разборке встречались кости животных, фрагменты керамических сосудов и угли. Подобные объекты можно назвать «каньонным вариантом поминальных сооружений», но определить их хронологическую и культурную принадлежность не представляется возможным. Они требовали скорее фотофиксации, нежели археологического изучения. Если учесть, что подобных памятников не менее 100, то можно говорить о весьма высокой степени изученности территории Саянского каньона — почти 70% от выявленных исследователями курганных объектов. Наибольшей потерей для археологической науки следует считать то, что «под воду» ушел так и оставшийся неизученным могильник Хем-Терек, обследованный в 1968–1970 гг. А.Д.Грачем. Этот памятник А.Д.Грач справедливо отнес к скифскому времени, что подтвердилось раскопками могильника Бедиг-Хорум в долине р. Эйлиг-Хем (Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская).

Картина освоенности, «обжитости» территории каньона, культурной и региональной принадлежности памятников выглядит следующим образом:

1. Карасукская оградка над святилищем Мугур-Саргол (Перевалка).
2. Памятники монгун-тайгинского типа (Чинге, Ургунь, Перевалка (Мугур-Саргол) и памятники в урочищах Каравей и Сары-Гол).
3. Курганы скифского времени: а) конструктивно близкие Аржану (Хадынских II); б) курганы алды-бельской (Комбужап-Аксы, Чинге, Шугур, Хемчик-Бом III–V, Хем-Терек III, Кулевуок) и саглынской культур (Чинге, Хемчик-Бом I, II, V, Урбюн III; на р. Ус — Иджир II).
4. Памятники гунно-сарматского времени (Комбужап-Аксы, Чинге), курганы-кладбища на могильнике Шугур, Хемчик-Бом IV).

5. Древнетюркских памятников в Саянском каньоне не обнаружено. Они исследованы в долине Мугур-Саргол, на спуске к святилищу, и в долине р. Хемчик (серия памятников в 20 км выше устья — раскопки Ю.И.Трифоновой и Г.В.Длужневской).

6. Памятники кыргызского периода (Перевалка, Хемчик-Бом II, Сарыг-Хая и Сарыг-Хая II).

7. Древнемонгольские объекты (ниже святилища Мугур-Саргол по течению Енисея в 1–2 км, Хемчик-Бом VI, Сарыг-Хая и Сарыг-Хая III).

Все перечисленные памятники имеют определенную северную границу распространения — устье р. Ус. Ниже его курганных объектов, несмотря на неоднократные разведки (в том числе аэроразведка А.Д.Грача и разведка авторов данной работы), не обнаружено. Между выходом Енисея в Минусинские степи и долиной р. Ус существовала довольно значительная лакуна (примерно 180 км). Этот участок реки использовался, видимо, только для сообщения, в качестве водного пути, в то время как небольшие коллективы постоянно обитали в южной части каньона. В скифское время каньон был освоен на всем его начальном участке (до р. Ус), позже население как бы отступало к более удобным для обитания центрально-тувинским степям и долине р. Хемчик.

Курганы, исследованные в каньоне, относятся к тувинскому кругу культур, к центральноазиатскому региону, хотя его обитатели были связаны как с населением Центральной Тувы и долины р. Хемчик, так и с населением Минусинской котловины. Контакты с последним, однако, незначительны.

Кроме курганных объектов в Саянском каньоне исследованы:

1. Памятники каменного века (С.Н.Астахов, Вл.А.Семенов, С.А.Васильев).
2. Уникальная многослойная стоянка Тоора-Даш (Вл.А.Семенов).
3. Петроглифические комплексы (Д.Г.Савинов, Я.А.Шер, М.А.Дэвлет, Вл.А.Семенов, М.Е.Килуновская).
4. Памятники рунической письменности на всем участке от долины Каравей до устья р. Ус (С.Г.Кляшторный, Д.Д.Васильев).
5. Береговая дорога на участке между Мугур-Сарголом и устьем р. Хемчик (Г.В.Длужневская, Б.Б.Овчинникова) и вал Омайтура на выходе Енисея в Минусинскую котловину (Г.В.Длужневская).

КОМПЛЕКС ПОМИНАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ

В 1979 г. автором производились раскопки открытой в 1973 г. С.Н.Астаховым многослойной неолитической стоянки Малые Уры I, расположенной в пределах Саянского каньона Енисея в 40 км ниже устья р. Хемчик. Культурные остатки были приурочены к участку I (9 м) террасы левого берега Енисея при впадении в него небольшой горной речки Малые Уры (Васильев 1986). В слое светло-серого тонкозернистого песка, залегавшего непосредственно под современной почвой на глубине 0,1 м, был исследован интересный комплекс поминальных сооружений.

В расположенных в средней части террасы раскопах 1 и 2 было вскрыто четыре подобных объекта. На кв. И-41–42 имелась яма округлых очертаний (размеры 80 × 95 см, все размеры даются по направлению ЗВ–СЮ), глубиной 60 см. В разрезе она представляла собой колоколовидное углубление с расширяющимися книзу стенками и плоским дном. Посредине ямы была наклонно (под углом 60°) вкопана сланцевая плита, ориентированная по направлению запад–восток, к северу от нее на небольшой высоте от дна лежал плоский камень. В заполнении ямы встречались мелкие обломки костей, фрагменты керамики и угольки. Севернее, на кв. И–К-42–43, располагалась вторая, меньшая по размерам, яма овальных очертаний (глубина 20 см, размеры 65 × 50 см). Стенки ее крутые, в центре была вертикально поставлена на один из углов ромбовидная плита, ориентированная по направлению запад–восток. Рядом с ней на дне ямы лежал небольшой камень. Другой камень был положен на западный край углубления. В заполнении ямы встречались крупинки желтой краски.

Восточнее имелись две другие ямы, удлиненно-овальной формы, ориентированные длинными осями по направлению северо-запад – юго-восток. Первая из них, на кв. Е–Ж-44, имела размеры 130 × 60 см, глубину 30 см. В разрезе яма была асимметрична, посредине нее была под углом 70° наклонно вкопана крупная плита. В заполнении встречались отдельные кости. Рядом, на кв. Е–Ж-45–46, имелась яма необычной, восьмеркообразной формы (размеры 150 × 90 см, глубина 25 см). Она имела вид выемки с пологими краями. В юго-восточной части ямы под углом 65° стояла наклонно крупная плита, подпертая горизонтально лежавшим камнем. У основания плиты были встречены угольки и обломок коры, а в заполнении был найден отщеп.

Еще три меньших по размерам ямы были вскрыты в раскопе 3, в 17 м к юго-западу от описанного выше комплекса, по другую сторону рассекавшего террасу овражка. На кв. Е–Ж-23–24 имелась овальная неглубокая (5 см) ямка с пологими краями, ориентированная с юго-запада на северо-восток. Размеры ее – 25 × 50 см. В заполнении лежало несколько камней. В 1 м к югу, на кв. Е–Д-23, располагалась округло-овальная в плане яма с плоским дном и крутыми бортами (глубина 15 см, размеры 60 × 50 см). На северо-западном и юго-восточном плечиках ее лежало по камню. Мелкие камни встречались и на дне ямы. В 1 м к юго-востоку, на кв. Д-24, была вскрыта узкая (40 × 27 см), глубокая (30 см) яма с крутыми краями. В ней

стояли две плиты, ориентированные по направлению северо-запад — юго-восток, заклиненные в центре плашмя лежавшим камнем. Одна из плиток несла следы искусственной обивки, рядом валялся отколотый от нее отщеп.

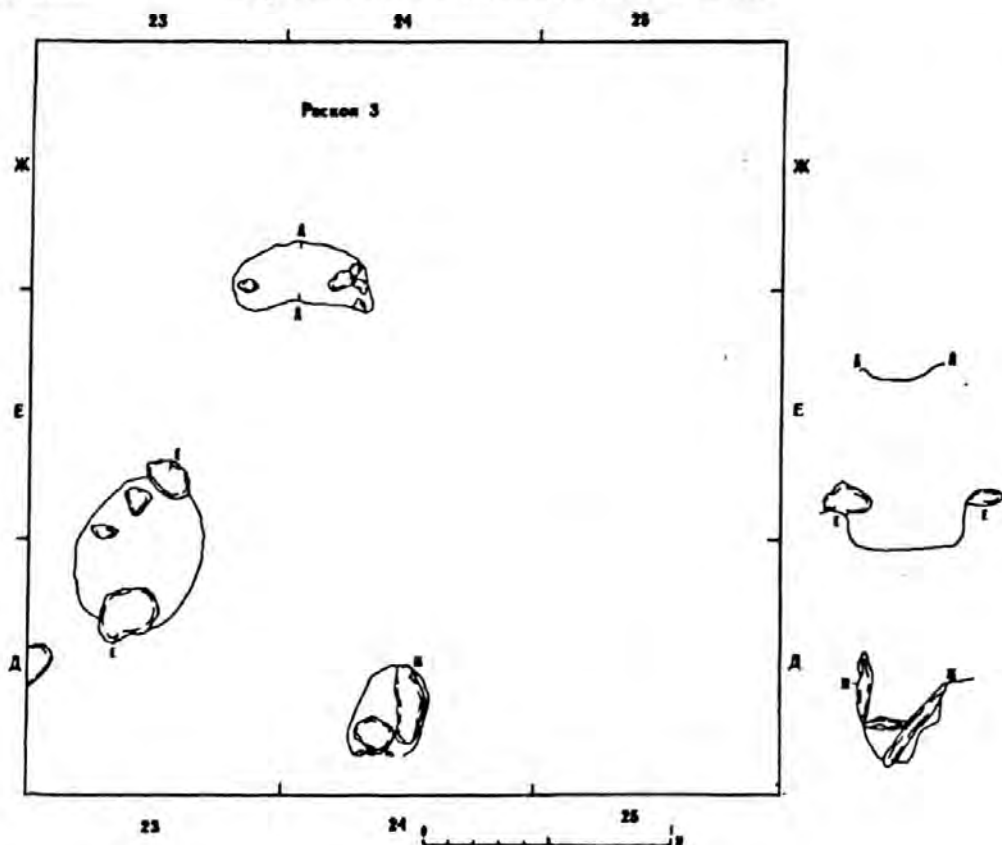

Рис. 1. Поминальные сооружения на стоянке Малые Уры I.

Следует отметить, что в сильно нарушенной промоинами и норами землероек верхней части отложений стоянки встречались многочисленные фрагменты поздней керамики. Это обломки красновато-коричневой лощеной и серой нелощеной неорнаментированной керамики, относимой к скифскому и гунно-сарматскому времени, а также несколько фрагментов серой кыргызской керамики.

В археологической литературе (Валецкая 1971; Кызласов 1975) можно найти аналогии изученному нами комплексу среди таштыкских поминальничков Минусинской котловины (I в. до н.э. — V в. н.э.). Последние представляют собой ряды вертикально вкопанных плит, рядом с которыми располагаются ямы с костями — следы жертвоприношений, иногда с сосудами. На левобережье Енисея плиты ориентированы в направлении восток—запад, что совпадает с ориентацией плит на Малых Урах. Однако в таштыкских поминальничках плиты обычно вкапывались рядом с ямой, а не внутри ее.

Результаты раскопок на Малых Урах, таким образом, позволяют расширить ареал распространения этих интересных памятников рубежа новой эры и на Саянский каньон Енисея.

Валецкая Э.Б. 1971. Поминальные камни таштыкских могильничков // КСИА. № 128. С. 33–36.

Васильев С.А. 1986. Неолитическая стоянка Малые Уры // Палеолит и неолит. Л.: Наука. С. 113–117.

Кызласов И.Л. 1975. Поминальные памятники таштыкской эпохи // СА. № 2. С. 30–47.

ДРЕВНЕЙШИЕ ДАТИРОВАННЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ (тип Наньшаньгэнь)

Сегодня можно считать завершившимся очередной этап дискуссии о происхождении скифского звериного стиля. Все последние годы ее предметом была датировка кургана Аржан и стилистический анализ "предскифских" древностей с целью определить преемственность изобразительной традиции. Сторонники "центральноазиатской" гипотезы использовали, пожалуй, все возможности для абсолютного датирования Аржана: с помощью сходных типов вооружения и элементов конской упряжи Аржан был привязан к черногоровским памятникам Причерноморья, которые, в свою очередь, датируются по проверенной центральноевропейской шкале, восходящей в конечном счете к хронологии Египта; была создана плавающая дендрошкала, привязанная к шкале абсолютной хронологии через радиоуглеродное датирование (см. Kossack 1986; Vokovenko 1996; Зайцева Г.И. и др. 1997; Марсадолов 1997). В то же время их противники, что наиболее ярко выразилось в последней монографии Н.Л.Членовой, совершенно справедливо указывают на сходство Аржана не только с черногоровскими, но и с более поздними новочеркасскими памятниками; происхождение же "черногоровских" черт в аржанском материале они с тем же успехом объясняют влиянием с запада: ведь типология сама по себе не может дать ответа на вопрос об исходной точке влияния (см. Членова 1997). Сомнению подвергнуты и результаты абсолютного датирования естественнонаучными методами. Н.Л.Членова указывает на большой разброс ^{14}C дат в зависимости от того, из какой части ствола были взяты пробы (Членова 1997: 5-7). Стойкое недоверие большинства археологов к точности радиоуглеродных дат (особенно с калибровкой) останется до тех пор, пока их невозможно проверить на материалах Центральной Азии, как это было сделано для Европы и Северной Америки. Привязка плавающей дендрошкалы к шкале абсолютной хронологии зависит от датировки "царских" курганов Алтая, а их дата может оказаться гораздо более поздней, чем это представляется, например, Л.М.Марсадолову (Bunker 1991). Попытки определить истоки скифского искусства путем стилистического анализа в отсутствие хронологических привязок в конечном счете зависят от априорных представлений исследователей о законах развития изобразительного искусства, о направлениях культурных контактов (см. Шер 1998 и Погребова, Раевский 1992; Переводчикова 1994). Не выдерживает критики и представление о ранней ("карасукской") датировке оленных камней монголо-забайкальского типа. В статьях 1986 и 1992 года (Ковалев 1986; Kovalev 1992: 75-87) мною уже было показано, что взаимовстречаемость признаков "скифской" и "монголо-забайкальской" традиций на оленных камнях Монголии и Тувы говорит в пользу синхронности обеих групп изваяний (последняя находка оленного камня с "разнотипными" изображениями в районе Аржана (Килуновская, Семенов 1993) еще более укрепляет этот вывод). С другой сто-

роны, многочисленные находки предметов, относящихся к выделенной мною в 1986 году культуре оленных камней (к этой культуре относятся, прежде всего, святилища с оленными камнями монголо-забайкальского типа, втульчатые топоры с петелькой на обушке, ножи с трапециевидными окончаниями, двойные крюки), в датированных комплексах на территории Китая говорят о ее бытовании начиная с VIII (IX) по V (IV) вв. до н.э.

Установить истину возможно только с помощью новой, независимой системы хронологических привязок для памятников скифо-сибирского звериного стиля. Самым простейшим выходом было бы создание абсолютной дендрошкалы на материалах засушливых регионов, таких как некоторые районы Саяно-Алтая или, что еще лучше, Турфанская впадина. Пока такой шкалы нет, остается второй путь — поиск опорных комплексов с предметами в скифо-сибирском зверином стиле, которые могут быть надежно датированы не по далеким западным аналогиям, а благодаря входящим в них китайским изделиям. Первым и пока единственным, кто использовал восточную хронологическую шкалу для датировки изделий раннего этапа скифского звериного стиля, был в 1983 году Шу Такахама (Shu Takahama 1983).

В верхнем течении реки Ляохахэ, на стыке АР Внутренняя Монголия, провинций Ляонин и Хэбэй, обнаружен ряд комплексов с предметами, украшенными изображениями в безусловно скифо-сибирском зверином стиле, характерными для ранней фазы культур ранних кочевников Саяно-Алтая. В комплекс, обнаруженный в 1958 году в могиле близ Наньшаньгэня (уезд Нинчэн, АР Внутренняя Монголия) входили кинжал, украшенный фигуркой лежащей пантеры, а также бронзовая пластинка с изображениями кабанов "на цыпочках" (рис. 1, 5) (Ли Юю 1959: рис. 2, 3, 5). В могиле Наньшаньгэнь M101 обнаружен бронзовый кинжал с изображениями оленей "на цыпочках" и свернувшихся в кольцо пантер, а также бронзовый нож, на дисковидном навершии которого отлита свернувшаяся в кольцо пантера (рис. 1, 3, 4) (Нинчэн сянь Наньшаньгэнь... 1973: табл. 6, 4: 9, 7). В комплексе, обнаруженном близ Сяохэйшигоу (уезд Нинчэн) в 1975 году, оказался бронзовый кинжал, рукоять и лезвие которого украшены изображениями лежащих пантер и кабанов "на цыпочках", а также бляшки в форме свернувшейся в кольцо пантеры (рис. 1, 2) (Сян Чуньсун 1983: 122, рис. 1). В инвентарь могилы Сяохэйшигоу 1985 года входили бронзовый кинжал с изображениями оленей "на цыпочках", бляшки в форме свернувшейся и лежащей пантеры, а также пластинка с изображением кабанов, идентичная найденным в комплексе Наньшаньгэнь 1958 года (рис. 1, 1, 6-8) (Сян Чуньсун, Ли Юю 1995).

В состав этих комплексов входят хорошо датированные китайские предметы.

В могиле Наньшаньгэнь 1958 года обнаружены два бронзовых клева "гэ" (рис. 1, 9, 10). Первый из них представляет собой проушной клевец с короткой бородкой "ху" с одним отверстием и центральной нервюрой на бойке. Боек и обушок располагаются перпендикулярно древку изделия. Этот тип клева восходит к оружию иньского времени и встречается в памятниках рубежа эпох Инь-Чжоу (XI-X вв. до н.э.), в более позднем контексте такие втульчатые клеветы неизвестны; комплекс с таким клеветом и сосудом с позднеиньской надписью найден в Сяохэнань (уезд Синлун, Хэбэй) (Варенов 1994: 44; 1996: 33-37; Чжэн Шаоцзун 1994: 107; Ван Фэн 1990: 57); еще один такой клевец найден в Сяохэйшигоу в 1985 году в комплексе с втульчатым топором культуры Чаодао-гоу (XIII-XI вв. до н.э.) (Бэйфан миньцзу 1995: № 54); из более ранних находок можно назвать предметы из иньского могильника Цзинцзецунь (уезд Линши, Шаньси (Тао Чжэнган и др. 1986: табл. 4, 2, 3), см также Варенов 1994: рис. 5 6, 7). Втулка клева из Наньшаньгэня была в древности сплющена, и на ней и обушке был отчеканен ряд фигурок животных (собак?). В связи с тем, что в публикации этого комплекса в 1959 году (Ли

Ию 1959) был дан рисунок этого предмета без указания на существование втулки, исследователи не привлекали этот предмет для датирования. Истинную форму этого кевца можно увидеть на фотографии в альбоме "Нэймэнгу чуту вэньу сюаньцзи"

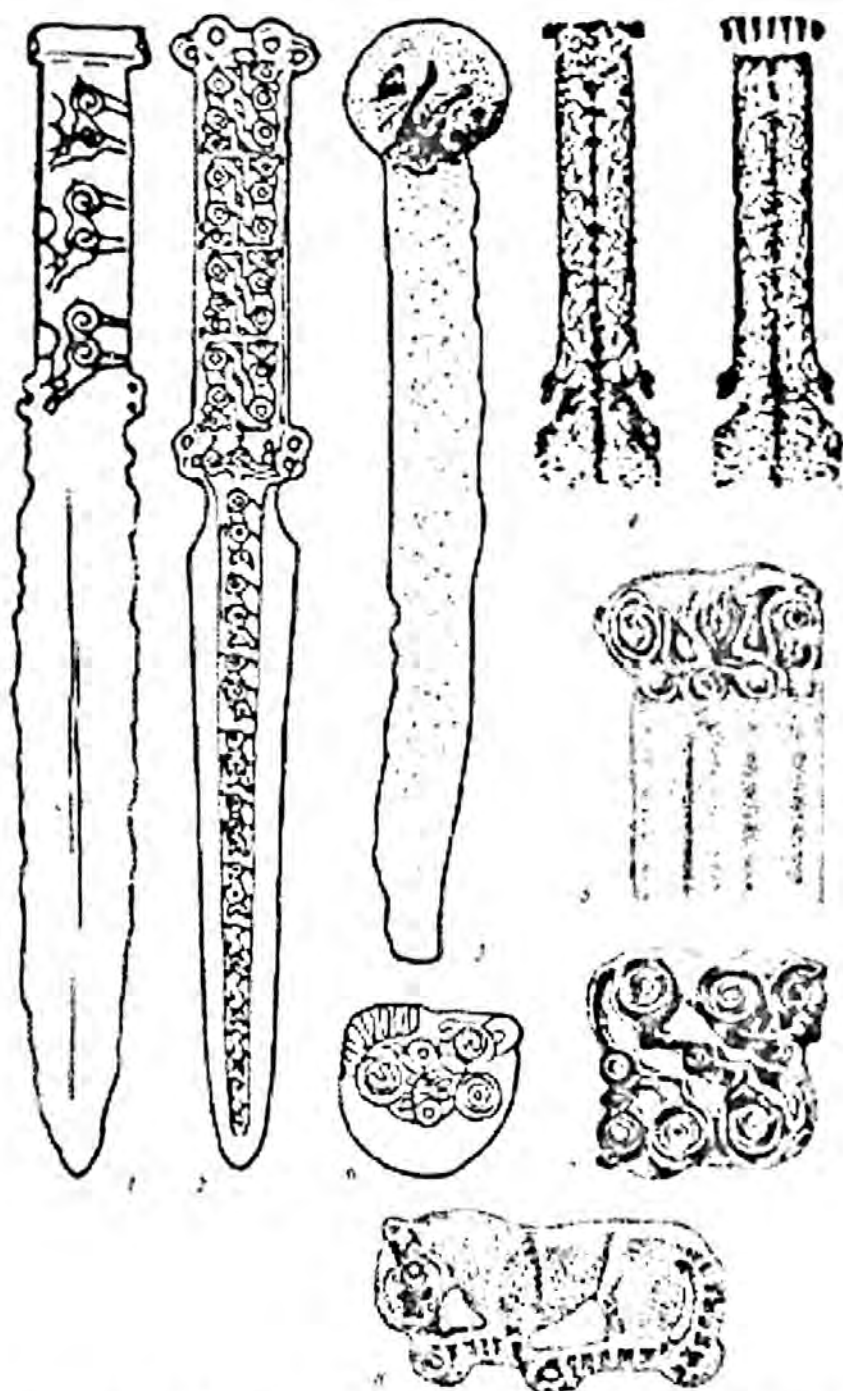

Рис. 1. Бронзовые предметы из погребений типа Наньшаньгэнь. 1 — кинжал из могилы Сяохэйшигоу 1985 года; 2 — кинжал из комплекса Сяохэйшигоу 1975 года; 3 — нож из могилы Наньшаньгэнь M101; 4 — рукоять кинжала из могилы Наньшаньгэнь M101; 5 — навершие рукояти кинжала из комплекса Наньшаньгэнь 1958 года; 6–8 — бляшки из могилы Сяохэйшигоу 1985 года

(Ли Ию 1963: рис. 32). Второй клевец с длинной бородкой и тремя прорезями традиционно датировался (в том числе и мной) эпохой Восточного Чжоу не ранее среднего периода Чуньцю (VII в. до н.э.) (Ли Ию 1963: 4; Watson 1971: 103, 106; Членова 1976: 64; Kovalev 1992: 63). В то же время этот клевец не находит себе прямых аналогий в памятниках Восточного Чжоу, поскольку его боек перпендикулярен древку, а такие изделия для Восточного Чжоу неизвестны. По общему контуру он близок клевцу из Суцунь (уезд Чэнгу, Шэньси) раннеиньского времени (Варенов 1990: 66–67). По форме бойка и бородки этот предмет может быть сопоставлен с изделиями "гэ" и "ци" среднего и позднего периода Западного Чжоу (Хаяси Минао 1972: рис. 38, 47; Комиссаров 1988: рис. 36, 44; Гао Сичэн 1994: рис. 4). По форме обушка с длинной прямоугольной прорезью этот клевец наиболее близок изделиям из могильника Шанцуньлин, датирующегося периодом до 655 года (Хаяси Минао 1972: 473–479; Комиссаров 1988: 47–48). Таким образом, второй клевец из комплекса Наньшаньгэнь 1958 года по меньшей мере нужно считать уникальным изделием, не дающим надежной хронологической привязки.

В могиле Наньшаньгэнь M101 обнаружены бронзовые клевцы с короткой бородкой, два из которых имеют треугольный боек, один — боек с горизонтальной нервюрой и обушок с круглым отверстием (рис. 1, 11–13) (Нинчэн сянь Наньшаньгэнь... 1973: табл. 7, 1–3). Все эти клевцы находят ближайšie аналогии в памятниках, датирующихся не позже раннего периода Чуньцю (Линь Шоуцзинь, 1963, с.54, Хаяси Минао 1972: 48–49). Клевцы с треугольным бойком являются надежным хронологическим индикатором для памятников конца Западного Чжоу — самого начала Чуньцю (IX–VIII вв.) (Комиссаров 1988: 65; Сунь Хуа 1995: 56). Кроме таких клевцов с надписями, относящимися к царству Северное Го, прекратившему существование в 655 г. до н.э., из уже упомянутого могильника Шанцуньлин, можно привести также клевец с надписью цзиньского гуна, датирующийся периодом с 840 по 746 гг. до н.э. (Ли Сюэцин 1993), три клевца из могилы цзиньского хоу в Тяньма (Сунь Хуа 1995: 56) и клевец из датированной концом Западного Чжоу по надписи на бронзовом сосуде могилы M1 из Сигаоцуньцунь (Лу Лянчэн, Ян Маньцан 1980: 4–6). В последний комплекс входил кинжал с изображением на рукояти четырех противопоставленных тигров с огромной пастью, совершенно аналогичных противопоставленным животным на рукояти одного из кинжалов, найденных в M101 (Нинчэн сянь Наньшаньгэнь... 1973: табл. 6, 7; Лу Лянчэн, Ян Маньцан 1980: 2). Кроме клевцов, форма которых является наиболее четким хронологическим показателем, в могиле M101 были найдены бронзовые сосуды "дин", "гуй", "у", а также наконечники стрел, относящиеся к концу Западного Чжоу, что в совокупности позволило авторам публикации датировать могилу IX–VIII вв. до н.э. (Нинчэн сянь Наньшаньгэнь... 1973: 37–39). Необходимо отметить, что С.А.Комиссаров, справедливо указав, что сосуды "гуй", "дин", "у" из M101 "входят в круг обычной западночжоуской ритуальной утвари", в следующем предложении без каких-либо обоснований говорит: "Они аналогичны находкам на памятниках VIII–VII вв. до н.э.", — то есть относятся почему-то к на сто лет более позднему времени (!?) (Комиссаров 1988: 89).

Наиболее точно датируются китайские изделия из могилы Сяохэйшигоу 1985 года. В этот комплекс входил один клевец "гэ" с треугольным бойком (Сян Чуньсун, Ли Ию 1995: 12) и 20 китайских бронзовых сосудов "дин", "гуй", "сюй", "лэй", "ли", "хэ", "цунь", "и", "тоу", форма которых относит их к середине — концу Западного Чжоу (рис. 1, 16–20, 22, 23) (Сян Чуньсун, Ли Ию 1995: 6–9). Однако наиболее важным, как будет показано далее, представляется то, что на одном из сосудов "гуй"

имеется надпись, относящая его к ритуальным сосудам небольшого владения Сюй на территории сегодняшней Хэнани, существовавшего в эпоху Западного Чжоу - начала Чуньцю (Сян Чуньсун, Ли Юю 1995: 21).

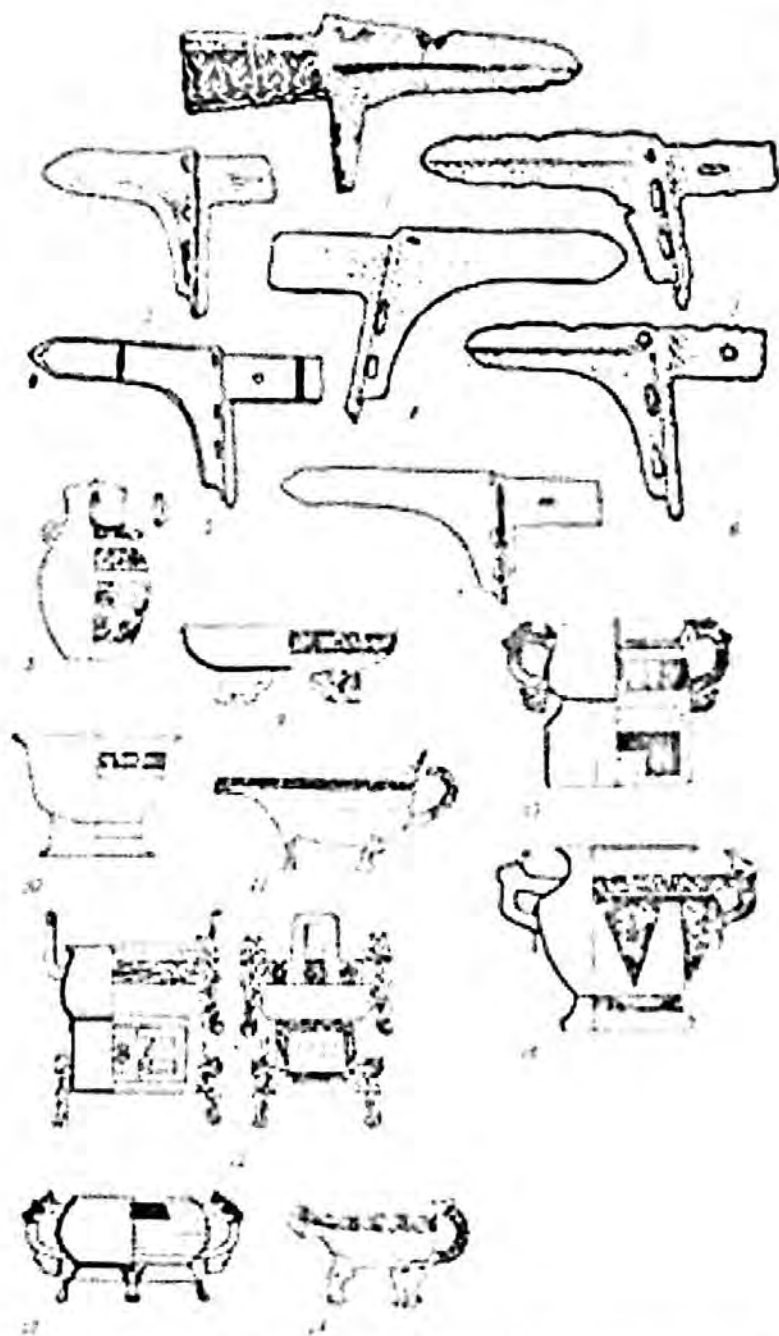

Рис. 2. 1, 2 — клевцы "гэ" из комплекса Наньшаньгэнь 1958 года; 3, 4, 6 — клевцы "гэ" из могилы Наньшаньгэнь M101; 7 — клевец "гэ" из могилы Дуньнаньгоу M6; 5 — клевец "гэ" из могилы Вафанчжун M791; 8-12, 14-16 — сосуды из могилы Сяохэйшигоу 1985 года (8 — "ху", 9 — "сюй", 10 — "гуй", 11, 14 — "и", 12 — "дин", 15 — "гуй" с надписью); 13 — сосуд "гуй" из могилы Сицзыбэйшаньцзуй M7501.

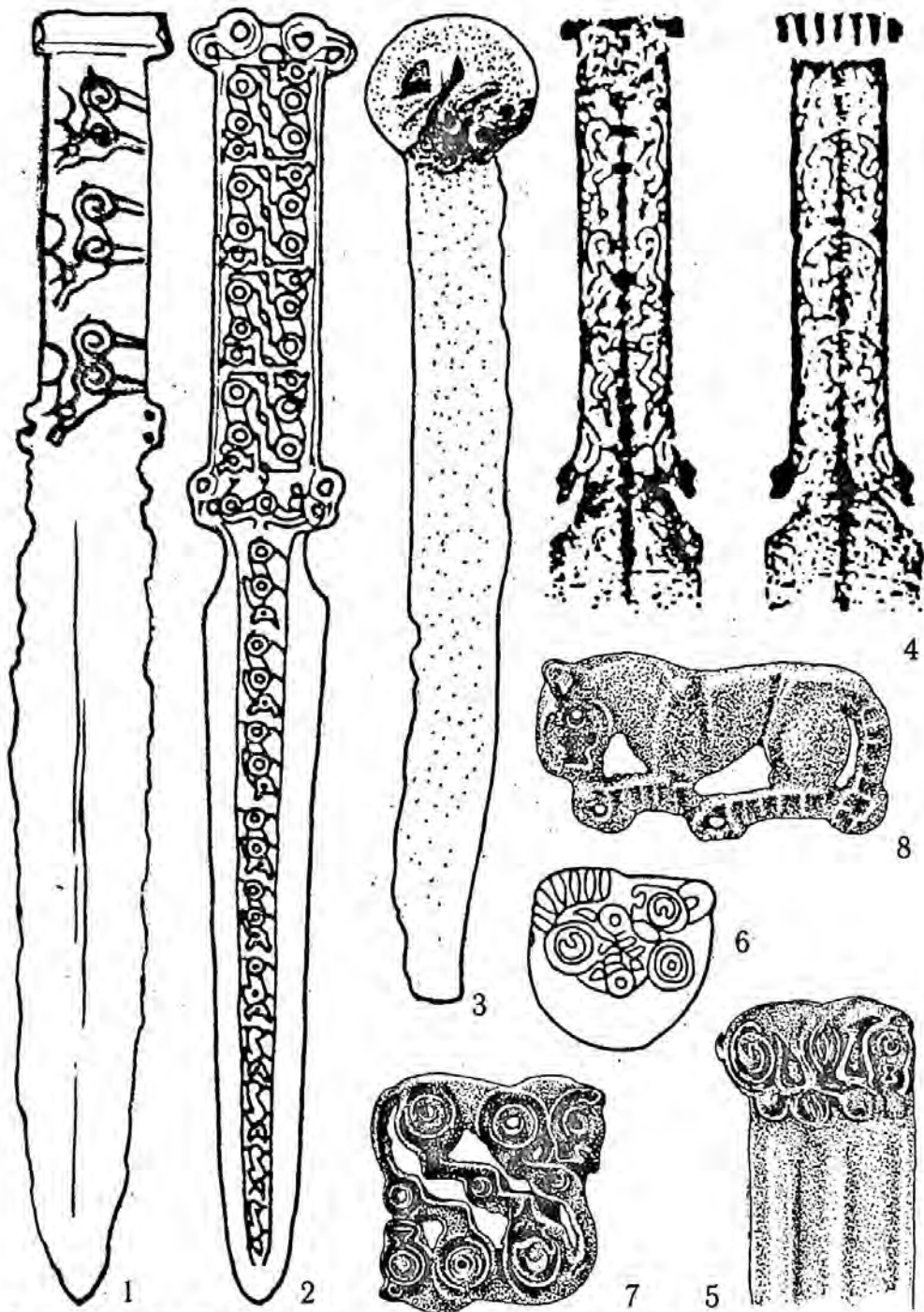
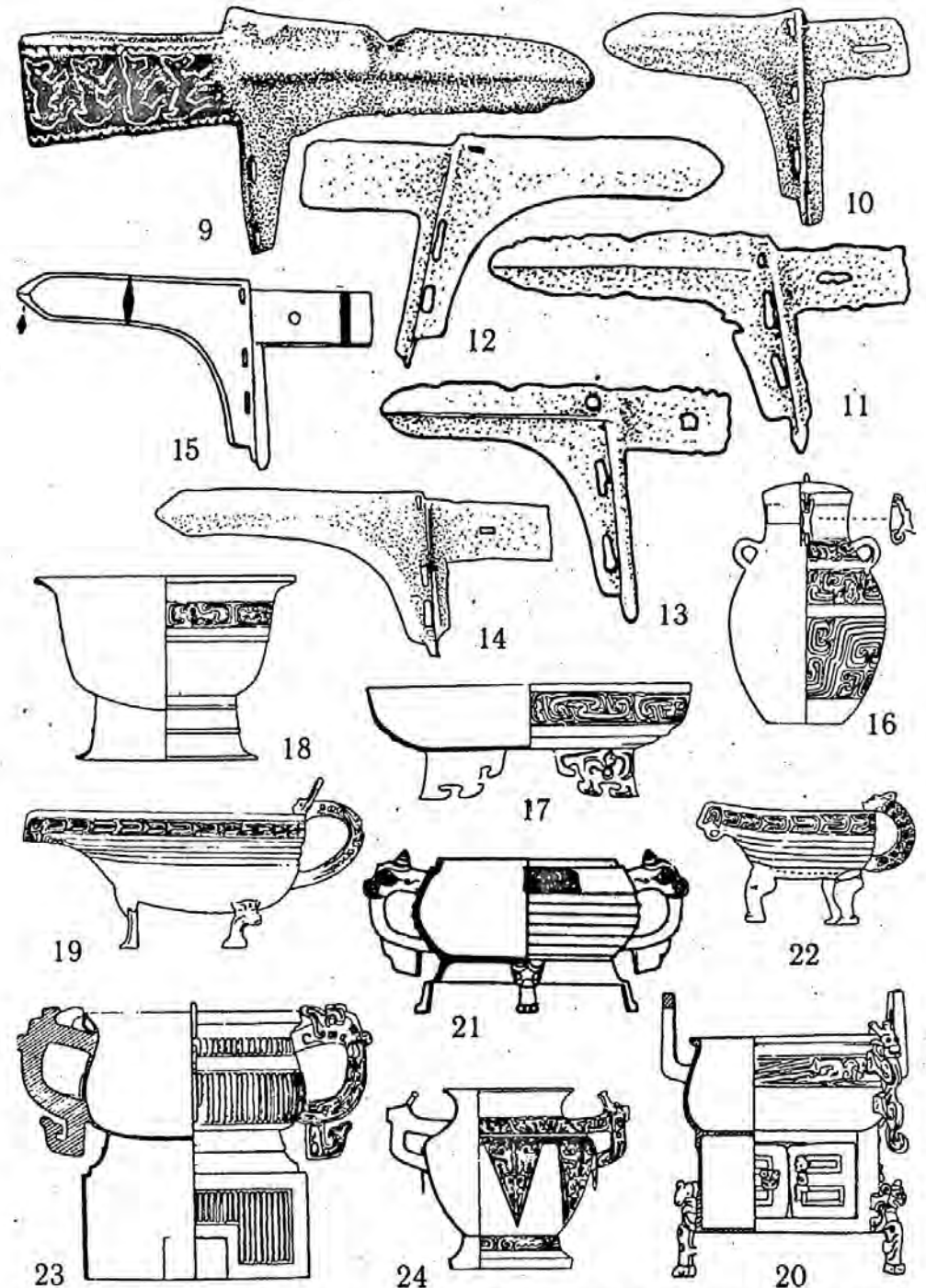

Рис. 1 к статье А.А.Ковалева «Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля...». 1, 6-8, 16-20, 22-24 - могила Сяохэйшигоу 1985 года (16 - «ху», 17 -

«суй», 18 - «гуй», 19, 22 - «и», 20 - «дин», 23 - «гуй» с надписью); 2 - комплекс Сяохэйшигоу 1975 года; 3, 4, 11, 12, 13 - Наньшаньгэнь М101; 5, 9, 10 - комплекс Наньшаньгэнь 1958 года; 14 - Дуньнаньгоу М6; 15 - Вафанчжун М791; 21 - Сицзыбэйшаньцзуй М7501 («гуй»)

Вышеописанные комплексы были отнесены китайскими учеными к т.н. "культуре верхнего слоя Сяцзядянь", представляющей на самом деле конгломерат территориально близких поселений и погребальных комплексов, типологически почти не связанных друг с другом (см., напр., Цзинь Фэнъи 1987; Чжу Юнган 1987; Комиссаров 1988: 83–95). В 1992 году (Ковалев 1992; Kovalev 1992: 68–69) мною были определена под названием "тип Наньшаньгэнь" группа памятников в верхнем течении Ляохэхэ, к которой относятся все вышеуказанные могилы. Эта группа погребений, на мой взгляд, принципиально отличается от близко расположенных памятников "верхнего слоя Сяцзядянь" типа грунтовых могильников на поселениях Чифэн II, Сяцзядянь и Наньшаньгэнь, могильника Чжоуцзяди и т.п. Опубликованные к настоящему времени материалы позволяют говорить о типологическом, хронологическом и территориальном единстве погребений с кинжалами с плоской рукоятью, без цельной утолщенной гарды и подрезкой у основания лезвия, бронзовыми шлемами с прямоугольными петельками, ножами с трапециевидным окончанием, дугообразнообушковыми ножами с уступом и отогнутым вбок навершием в виде планки с вертикальным отверстием или кнопки, конским снаряжением (чаще всего — для колесничной упряжки). Эти погребения обнаружены на площади примерно 100 × 100 км в уезде Нинчэн и прилегающих к нему уездах Пинцюань (Хэбэй) и Цзяньпин (Ляонин): Наньшаньгэнь 1958 года (шлем, кинжал, ножи) (Ли Юю 1959), Наньшаньгэнь M101 (шлем, три кинжала, шесть ножен, нож, строгие удила) (Нинчэн сянь Наньшаньгэнь... 1973), Наньшаньгэнь M102 (нож, удила) (Ань Чжимин, Чжэн Найу 1981), Дуньнаньгоу M6 (кинжал, нож) (Хэбэй Пинцюань... 1977), Шилишань M741 (шлем) (Цзинь Фэнъи 1983: 683), Сяохэйшигоу 1975 года (два шлема, кинжал, удила) (Сян Чуньсун 1983), Сицзыбэйшаньцзунь M7501 (шлем, двое ножен, удила), Вафанчжун M791 (шлем, кинжал, нож), Сяохэйшигоу M8061 (шлем), Тяньцзюйцюань M7301 (два кинжала) (все — Цзинь Фэнъи 1990), Сяохэйшигоу могила 1985 года (кинжал, шесть ножен, три ножа, удила) (Сян Чуньсун, Ли Юю 1995). Случайные находки ножей и кинжалов описанных типов, в случае если их местонахождение известно, также тяготеют к этой территории. Это нож (находка № 5) из уезда Цзяньпин (Цзинь Фэнъи 1983: рис. 13, 10), нож с изображением бегущих кабанов на рукояти, обнаруженный в Хоуфэнцзунь (знамя Аохань, АР Внутренняя Монголия) (Шао Готянь 1993: рис. 9, 5), ножи из Сюаньхуа и Канбао (Хэбэй) (Чжэн Шаоцзун 1994: рис. 46, 47), кинжал с изображениями оленей с подогнутыми ногами, найденный в Сяохэйшигоу в 1993 году (Бэйфан миныйцу 1995: № 5, 6).

Датируемые китайские вещи обнаружены не только в могилах Наньшаньгэнь 1958 года, Наньшаньгэнь M101 и Сяохэйшигоу 1985 года, но и в ряде других из вышеуказанных комплексов. В могилах Дуньнаньгоу M6 и Вафанчжун M791 обнаружены характернейшие образцы кувшинов "гэ" с треугольным бойком, о датировке которых уже говорилось (рис. 1, 14, 15) (Хэбэй Пинцюань... 1977: табл. 7, 1; Цзинь Фэнъи 1990: рис. 53). В комплексе Сицзыбэйшаньцзунь M7501 был обнаружен сосуд "гуй", относящийся к рубежу Западного и Восточного Чжоу (рис. 1, 21) (Цзинь Фэнъи 1990: 40, рис. 41).

Таким образом, все комплексы типа Наньшаньгэнь имеют не только очень ограниченную территорию распространения, но и очень узкую датировку. В них не встречено ни одного китайского предмета, относящегося (без учета вероятностного отклонения) ко времени позже VIII века до н.э. Это еще более укрепляет вывод о том, что обнаруженные в вышеуказанных могилах предметы с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле датируются IX — самое позднее началом VII в. до н.э.

Поскольку до сих пор обнаружено весьма незначительное число комплексов типа Наньшаньгэнь, необходимо дополнительное подтверждение столь узкой их датировки. Такое подтверждение могут предоставить письменные источники о варварских племенах этой эпохи на северо-восток от Центральной равнины.

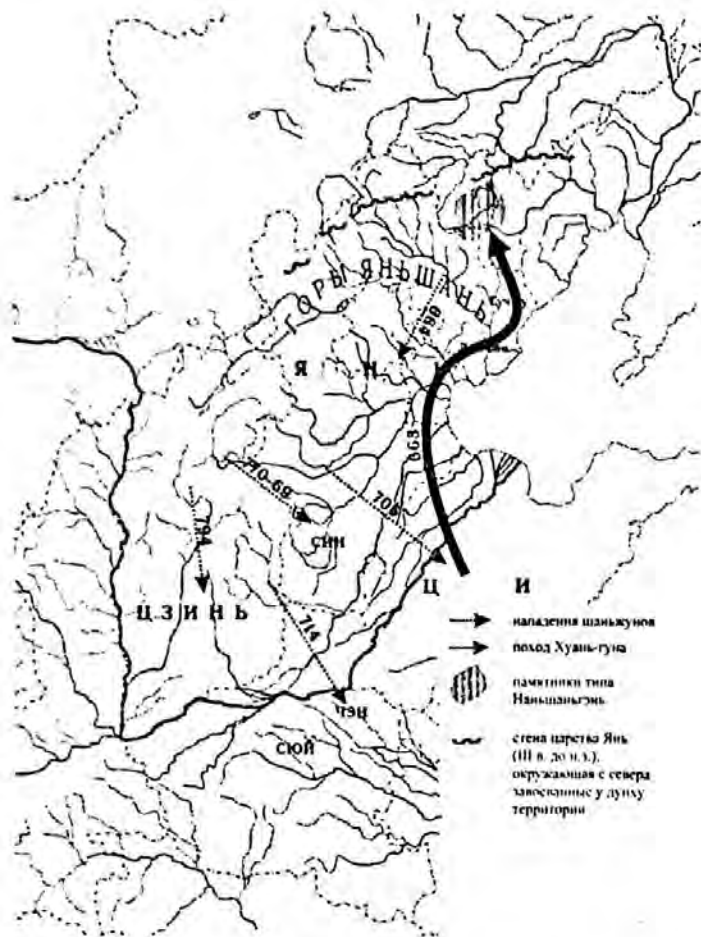

Рис. 3. Шаньжуны и китайские государства VIII–VII вв. до н.э.

На северо-восток от царства Янь в это время обитало племя шаньжунов (горных жунов). Как доказал Я.Прушек (Prusek 1971: 137–138), это племя появляется на исторической арене под именем "бэйжун" (северные жуны), напав, согласно сведениям "Хоу хань шу" на царство Цзинь в современной Шаньси в 794 году до н.э. Затем они нападают на княжество Син на юге современной провинции Хэбэй, от которого они потерпели поражение в 769 году. В соответствии с данными "Цзо чжуань" в 714 году они нападают на царство Чэн в современной Хэнань и на царство Ци в нижнем течении Хуанхэ (706 год). Правитель Ци с помощью соседних государств сумел отбросить бэйжунов. Борьба Ци с северными варварами отражена и в "Хронологических таблицах", входящих в состав "Ши цзи". Это сообщение передано Сыма Цянем по тексту хроники царства Ци в таком виде: "Шаньжуны напали на нас". Таким образом, заключает Прушек, названия "бэйжун" и "шаньжун" относятся к одному и тому же народу. В 664 году, согласно сведениям летописи "Чуньцю", шаньжуны нападают на царство Янь, занимавшее север Хэбэй до подножия гор Яньшань. Правитель Янь обращается за помощью к цискому Хуань-гуну, который летом 663 проходит через территорию Янь на север и побеждает шаньжунов, разбив по дороге владения Линчжи и Гучжу (об этом сообщают "Чуньшо", "Ши цзи" и "Го юй") (Prusek 1971: 143–144). После этого шаньжуны исчезают из письменных источников. Богатую историческую традицию о походе Хуань-гуна на север с беспрецедентной полнотой исследовал Г.Халоун (Haloun 1926: 40–105), который, вслед за китайскими источниками и комментаторами, локализует Линчжи в низовьях Луаньхэ, а Гучжу — на берегу Бохайского залива севернее Луаньхэ (Haloun 1926: 126–127). Халоун предположил, что шаньжуны — обобщающий термин для варварского населения владений Линчжи, Гучжу и Тухэ (Haloun 1926: 128), однако этот вывод не подкреплён материалом источников. Во всяком случае, шаньжуны, согласно всем сведениям о походе Хуань-гуна, должны были жить недалеко от Линчжи и Гучжу. В "Списке народов", являвшемся частью "Чжоу шу", при перечислении племен северо-востока, шаньжуны упоминаются на запад от Гучжу, однако не в непосредственном соседстве с этим владением.

Местонахождение памятников типа Наньшаньгэнь как нельзя лучше отвечает сведениям "Списка народов" (рис. 3). Датировка вышеописанных китайских предметов из наньшаньгэньских комплексов в точности соответствует периоду грабительских походов шаньжунов на государства Центральной равнины. Разгром шаньжунов войском Хуань-гуна в 663 году совпадает со временем исчезновения "наньшаньгэньских" погребений.

Памятники типа Наньшаньгэнь представляют исключительное явление для эпохи Чуньцю на территории севернее гор Яньшань по количеству найденных в них китайских изделий (другие известные мне погребения т.н. "культуры верхнего слоя Сяцзядянь" вещей с Центральной равнины вообще не содержат). Среди этих предметов множество ритуальных сосудов, которые не могли быть предметом торговли и являлись безусловно военными трофеями. Клевцы "гэ" с треугольным бойком из памятников типа Наньшаньгэнь, как уже говорилось, наиболее схожи с находками на территории сегодняшних провинций Хэнань и Шаньси, где, по историческим источникам, шаньжуны (бэйжуны) появлялись в VIII в. до н.э. Однако наиболее поразительным представляется совпадение археологических и исторических данных, связанных с взаимоотношениями шаньжунов и царства Сюй. Во время своих походов 714 и 706 годов шаньжуны не могли не пройти через территорию этого владения. В этот период ими и мог быть захвачен сосуд "гуй", принадлежавший жене сюйского хоу. Без дополнительных данных это было бы всего лишь предположением. Но если учесть, что именно правитель крохотного владения Сюй был единственным из союзников циского Хуань-гуна, который сопровождал его в опаснейшем походе против шаньжунов 663 года в горы, на пятьсот километров к северу (Prusek 1971: 137), это предположение обретает черты бесспорного утверждения. Как у правителя Ци были мотивы для отщепенности шаньжунам за разорение его государства в 706 году, тем более серьезные и личные мотивы должны были быть у правителя Сюй, государства, никогда ни до, ни после не участвовавшего в военных операциях за пределами своих границ.

Могилы типа Наньшаньгэнь, несмотря на свою узкую локализацию, содержат большое количество предметов, происходящих из различных районов Ляоси и Ляодуна, в том числе скрипковидные кинжалы, кинжалы с втульчатой рукоятью, кельты, ножи с выступами на черешке. Это можно трактовать только как признак господства "наньшаньгэньцев" над окружающими их племенами. Так новый смысл приобретает предположение Б.Халоуна о том, что "шаньжунами" назывались в совокупности все племена на северо-восток от Янь.

Цзинь Фэнъи (а вслед за ним большинство китайских археологов и С.А.Комиссаров) (см. об этом Чэнь Пин 1995) считает памятниками шаньжунов могильники на территории севернее Пекина и южнее гор Яньшань. Однако при этом он не опирается на исторические данные о походе Хуань-гуна и не учитывает того, что используемые ими материалы датируются периодом VII–IV вв. до н.э., то есть в большинстве своем временем, когда шаньжуны уже не упоминаются в источниках. "Культура верхнего слоя Сяцзядянь", с легкой руки Цзинь Фэнъи, стала идентифицироваться с дунху. При этом совершенно не принимается во внимание то, что дунху, согласно историческим источникам и материалам исследованных стен царства Янь, были еще неизвестны в начале Чуньцю и должны были занимать позже не земли Ляоси, а как раз вышеуказанную территорию южнее гор Яньшань, где Цзинь Фэнъи "расселил" шаньжунов. Используя несколько больше источников, чем Цзинь Фэнъи, Чжу Юнган и Линь Юнь (Чжу Юнган 1987; Линь Юнь 1996), отнесли имя шаньжунов к носителям "культуры верхнего слоя Сяцзядянь", опираясь при этом как раз на раннюю датировку китайских предметов из "наньшаньгэньских" комплексов. Однако они не сумели выделить из верхнесяцзядяньского конгломерата типологически единые группы памятников, которые и имело бы смысл датировать и атрибутировать.

Исходя из всего вышесказанного, необходимо признать, что памятники скифо-сибирского звериного стиля, обнаруженные в могилах типа Наньшаньгэнь, датируются со всеми допусками самое позднее 60-ми годами VII века до н.э. Поскольку саяно-алтайский вариант раннего звериного стиля не является ведущим в этих памятниках, а сами они по инвентарю резко отличаются от раннескифских погребений Центральной Азии, то появление исследуемых изображений следует отнести на счет контактов с центральноазиатскими племенами. Из этого следует, что такие образы звериного стиля, как олень и кабан "на цыпочках", свернувшаяся в кольцо и припавшая на лапы "пантера" сформировались гораздо раньше, то есть по крайней мере в VIII в. до н.э., и бытовали в это время на близлежащих к Внутренней Монголии территориях.

Варенов В.А. 1990. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск. С. 56–71.

Варенов В.А. 1994. Оружейный клад из Китая с "карасукским" кинжалом // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 39–47.

Варенов В.А. 1996. Древнекитайская археология, эпиграфика и история о конце эпохи Шан-Инь и начале Чжоу // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы IV Всероссийского научного семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И.Васильева. Новосибирск; Омск. С. 31–37.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., ван дер Плихт Х., Семенов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М. 1997. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и хронология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. Вып. 2. СПб. С. 36–44.

Килуновская М. Е., Семенов В.А. 1993. Олений камень — изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово. С. 88–103.

Ковалев А.А. 1986. О культуре оленных камней // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Ч. 1, М. С. 51–56.

Ковалев А.А. 1992. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб. С. 97–100.

Комиссаров С.А. 1988. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск.

Марсадолов Л.С. 1997. Проблемы уточнения хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и хронология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. Вып. 2. СПб. С. 45–51.

Переводчикова Е.В. 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства свразийских степей скифской эпохи. М.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1992. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.

Чжэн Шаоцун. 1994. Сообщение об открытии бронз северного стиля в Сяохэньцзе уезда Синлун провинции Хэбэй // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск. С. 106–108.

Членова Н.Л. 1997. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.

Шер Я.А. 1998. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. С. 218–230.

Bokovenko N.A. 1996. Asian Influence on European Scythia // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. III, 1. P. 97–122.

Bunker E. C. 1991. The Chinese Artifacts among the Pasyryk Finds // Source. Notes in the History of Art. Vol. X, №. 4. P. 20–24.

Haloun G. 1926. Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen überhaupt. 1. Teil. Leipzig.

Kossack G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranisches Tierstils // Skythika. München.

Kovalev A. 1992. "Karasuk-Dolche". Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Mäoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) // Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O.Hollmann und G.W.Kossack u. Mitarb., Mainz am Rhein.

Prusek J. 1971. Chinese Statelets and Northern Barbarians in the Period 1400-300 B.C. Dordrecht.

Shu Takahama. 1983. Early Scytho-Siberian Animal Style in East Asia // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. V. P. 45–54.

Watson W. 1971. Cultural Frontiers in Ancient East Asia. Edinburgh.

Ань Чжимин, Чжэн Найу. 1981. Могила с каменной обкладкой № 102 в Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия // Каогу. № 4. С. 304–308.

Бэйфан миншэ. 1995. Чжунго мэишэ фэньлэй шюаньци. Чжунго цингун ци шюаньци. 15. Бэйфан миншэ. Пекин. (Полное систематизированное собрание искусства Китая. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Том 15. Северные народы).

Ван Фэн. 1990. Клад бронзовых вещей эпохи Шан-Инь, обнаруженный в Сяохэнань, уезд Синлун // Вэнь. № 11. С. 57–58.

Гао Сичэн. 1994. К вопросу о раскопанных на территории округа Чжоюань бронзовых предметах вооружения нескольких видов, имеющих причудливый облик // Вэньбо. С. 28–37.

Ли Ю. 1959. Изучение бронзовых орудий, найденных в сейме Чжаоуда, Внутренняя Монголия // Каогу. № 6. С. 276–277.

Ли Ю. 1963. Нэймэнгу чу ту вэнь шюаньци, Пекин. (Каталог памятников культуры, раскопанных во Внутренней Монголии).

Ли Сюэцин. 1993. Собрание бронзового оружия, сокрытое в канцелярии Гу Юэге // Вэнь. № 4. С. 18–28.

Линь Шоуцзинь. 1963. О происхождении бронзовых мечей династии Чжоу // Вэнь. № 11. С. 50–55.

Линь Юнь. 1996. Изыскания по археологии дунху и шаньжунов // Хуань Бохай каогу гоци сюэшу таолунхуэй луньвэньци (Сборник трудов международного научного симпозиума по археологии региона Бохайского залива). Пекин. С. 174–181.

Лу Лянчэн, Ян Маньцан. 1980. Заметки об обнаружении циньских могил эпохи Чуньцю в Сигаошюаньшунь, уезд Баоцзи // Вэнь. № 9. С. 1–7.

Нинчэн сянь Наньшаньгэнь... 1973. Рабочая группа по культурному наследию сейма Чжаоуда, Ляонин, Северо-восточный археологический отряд института археологии Академии общественных наук Китая. Раскопки могилы с каменной обкладкой в Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн // Каогу сюэбао. № 2. С. 27–39.

Сунь Хуа. 1995. Несколько вопросов касательно могил циньских хоу // Вэнь. № 9. С. 50–57.

Сян Циньсун. 1983. Бронзовые вещи, обнаруженные в Сяохэйшигоу // Нэймэнгу вэнь каогу. Вып. 3 С. 120–122.

Сян Чуньсун, Ли И. 1995. Упорядочивающее сообщение об исследовании могилы с каменной обкладкой в Сяохэйшигоу, Нинчэн // Вэнь. № 5. С. 4–22.

Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ. 1986. Шанские могилы в Цзинцзешунь уезда Линши провинции Шаньси // Вэнь. № 11. С. 6–13.

Хаяси Минао. 1992. Тюгоку иньсю гудай-но буки. Киото. (Оружие Китая эпох Инь — Чжоу).

Хэбэй Пиншюань... 1977. Музей провинции Хэбэй. Бюро культурного наследия провинции Хэбэй. Могильник культуры верхнего слоя Сяцзядянь в Дунынаньгоу (Пиншюань, Хэбэй) // Каогу. № 1. С. 51–55.

Цзинь Фэнъи. 1983. Погребения эпохи бронзы и связанные с ними находки в уезде Цзяньпин, провинция Ляонин // Каогу. № 8. С. 679–694, 713.

Цзинь Фэнъи. 1987. Культура верхнего слоя Сяцзядянь и ее этническая атрибуция // Каогу сюэбао. № 12. С. 177–208.

Цзинь Фэнъи. 1990. Исследование могил культуры верхнего слоя Сяцзядянь, вновь обнаруженных в уезде Нинчэн, а также связанных с ними находок // Вэнь цзыляо цункань. Т. 9. С. 23–58.

Чнь Пин. 1996. Немного об этнической атрибуции "шаньжунской культуры" и связанных с этим проблемах // Хуася каогу. № 3. С. 63–76.

Чжу Юнган. 1987. Предварительное исследование культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Каогусюэ вэньхун луаньцзы. I. С. 99–128.

Чжэн Шаоцзун. 1994. Бронзовые ножи северных типов, обнаруженные в регионе Великой стены, а также связанные с ними проблемы // Вэнь чуньцю. № 4. С. 28–46.

Шао Готянь. 1993. Бронзовые предметы, обнаруженные в знамени Аохань, Внутренняя Монголия, а также соответствующие случайные находки // Бэйфан вэнь. № 1. С. 18–25.

Д.Г.Савинов (Санкт-Петербург)

КАРАСУКСКАЯ ТРАДИЦИЯ И «АРЖАНО-МАЙЭМИРСКИЙ» СТИЛЬ

Проблема происхождения скифо-сибирского звериного стиля остается во многом загадочной, потому что сторонники трех наиболее крупных концепций (переднеазиатской, центральноазиатской и полицентрической) так или иначе рассматривают феномен звериного стиля как явление цельное, возникшее в одном месте (вариант полицентрической теории — независимо в нескольких местах), что естественным образом ставит вопрос о поисках центра его формирования. Между тем, позитивные решения каждой из этих точек зрения показывают, что искусство звериного стиля — явление многокомпонентное, в сложении которого принимали участие разные изобразительные традиции, что касается не только особенностей стиля, но и отдельно взятых образов различных животных, инкорпорированных в скифский “пантерион”. Одна из таких традиций, наиболее осязаемая и давно отмеченная исследователями, — карасукская.

В свое время в изучении “скифских” древностей из восточной части Евразийских степей большое значение сыграло выделение майэмирского этапа культуры ранних кочевников Горного Алтая — VII–VI вв. до н.э. (Грязнов 1947). Отнесенные к этому этапу изображения (типа Бухтарминского зеркала или Майэмирского клада) в дальнейшем стали эталоном при определении иконографических особенностей ранних произведений звериного стиля, найденных в Казахстане (Чиликты и Тасмола), Средней Азии (Уйгарак и Тагискен), Туве (Алды-Бель) и др. После открытия кургана Аржан, откуда происходят наиболее ранние из подобных изображений, нижняя граница существования звериного стиля в восточных районах Евразии углубилась; соответственно, был выделен ранний этап звериного стиля, называемый также аржано-майэмирским (Шер 1980: 243–249; 1980а). Изображения, выполненные в этом стиле, несомненно, отражают одну долго живущую традицию, но вместе с тем осязаемо разделяются на две хронологические группы — раннюю и позднюю, что в целом соответствует выделенным М.П.Грязновым фазам развития культур скифо-сибирского типа — начальной (по М.П.Грязнову, аржано-черногоровской) — VIII–VII вв. до н.э.; и майэмирско-келермесской — VII–VI вв. до н.э. (Грязнов 1983).

Изображения ранней (или собственно аржанской) группы немногочисленны. В первую очередь к ним относятся фигуры горных баранов на бронзовых навершиях из Аржана (Грязнов 1980: рис. 25–26; 1983: рис. 3, 5–7) — тяжеловесные, с подчеркнута нерасчлененными формами, длинными изогнутыми рогами и глазами, переданными в виде выступающих кружков со сквозным отверстием посередине (рис. 1, 8, 9). Стилистически они еще несомненно продолжают традиции карасукских художественных бронз: выполненные таким же образом головки горных козлов и баранов украшают многие ножи и кинжалы, найденные в различных районах Центральной и Восточной Азии (рис. 1, 11–13). Из находок в погребениях, хронологи-

чески предшествующих Аржану, пожалуй, наиболее показательны золотые заколки для волос с бирюзовыми инкрустациями и скульптурными головками горных баранов из могильника Тэвш-уул в Центральной Монголии (рис. 1, 10). Э.А.Новгородова справедливо отнесла их к эпохе поздней бронзы, отметив, что “хотя наличие инкрустаций, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о более позднем, чем карасукское, времени создания украшений, техника литья и характерная изобразительная манера выполнения головок сближает эти украшения с навершиями карасукских ножей и кинжалов” (Новгородова 1989: 138). Имеются и другие доказательства карасукского возраста подобных вещей (Савинов 1994: 98). Аналогичный заколкам из Тэвш-уула предмет (также с бирюзовыми вставками) известен среди случайных находок из Ордоса (рис. 1, 14). Эти и другие подобные изображения относятся к эпохе поздней бронзы и указывают на истоки данной изобразительной традиции.

Из числа изображений, синхронных (или близких по времени) Аржану, можно отметить бронзовые навершия с фигурами лосей из Корсуковского клада (рис. 1, 7) (Зуев, Исмагилов 1995: рис. 2, 2, 4). Помимо стилистического сходства, одной из отличительных особенностей данной группы изображений можно считать прямоугольную форму втулки с дополнительным кольцом (на одном из наверший из Корсуковского клада и на навершиях из Аржана). Аналогичные навершия с фигурами горных козлов и квадратной формой втулки известны в Ордосе (Andersson 1933: pl. XV). Еще одно навершие с изображением двух стоящих друг над другом куланов (?) происходит из разрушенного погребения в Баян-Хонгорском аймаке в Северной Монголии (рис. 1, 6)¹. Обращает на себя внимание, что все находки подобного рода сконцентрированы в северных районах Центральной Азии. В более западных областях к ним можно отнести только выполненные в том же стиле, но, возможно, относящиеся к несколько более позднему времени, фигурки стоящих лосей на псалях из погребения в с. Штабка на Северном Алтае (рис. 1, 4), которые еще раньше А.П.Уманский сопоставил с ордосскими (Уманский 1970: 174).

Круг рассматриваемых изображений может быть расширен за счет рисунков оленевых камнях Монголии и Тувы, среди которых, несомненно, есть очень ранние синхронные Аржану. К таковым относится, например, олений камень из Дурульжийам (Монголия) с изображением цепочки идущих “снизу — вверх” оленей с четырьмя опущенными вниз прямыми ногами и некоторыми чертами “лосинообразности” в передаче головы и рогов (рис. 1, 5). Такая передача четырех прямо опущенных вниз ног (правда, переданных в более схематичном виде) была характерна еще для петроглифов карасукского времени в Южной Сибири (Пяткин 1977: 61–62; Савинов 1993: 67–69, рис. 1–5). Что касается изображения лосей (или “лосинообразности”), то создается впечатление, что образ лося вообще в репертуаре раннескифского звериного стиля предшествовал образу оленя.

Возвращаясь к вопросу о карасукской традиции, как одном из компонентов раннего этапа звериного стиля, необходимо отметить два существенных обстоятельства. Первое — видовой состав изображаемых животных. По обоснованному заключению О.Б.Варламова, основные персонажи раннескифского искусства — копытные (лось,

¹ Приношу глубокую благодарность С.Г.Клишторному за разрешение использовать эту интересную находку.

олень, кабан, козел, баран) и хищники (волк, тигр) — это фауна преимущественно не степных, а горнотасжных районов севера Центральной Азии (Варламов 1989). Из них к карасукской традиции могут быть отнесены горный козел, баран, лось и олень (если принять раннюю дату оленных камней монголо-забайкальского типа).

Рис. 1. Примеры изображений карасукского (10-14), аржанского (4-9) и майзмйрского (1-3) стиля: 1 - Бухтарминское зеркало (по М.П.Грязнову); 2 - Тянь-Шань, петроглифы (по В.М.Галопенко); 3 - Тува, петроглифы (по М.А.Дэвлет); 4 - с. Штабка, Северный Алтай (по А.П.Уманскому); 5 - Дурульжин ам, Монголия (по В.В.Волкову); 6 - Баян-Хонгор, Северная Монголия (рис. по фотографии С.Г.Кляшторного); 7 - Корсуковский клад (по В.Ю.Зуеву и Р.Б.Исмагилову); 8, 9 - Аржан (по М.П.Грязнову); 10 - Тэвш-уул, Центральная Монголия (по Э.А.Новгородовой); 11-13 - навершия карасукских ножей и книжалов (11 - по Э.А.Новгородовой; 12, 13 - по Н.Л.Членовой); 14 - Ордос, случайная находка (по Д.Андерссону).

Второе — проблема соотношения карасукской культуры, представленной памятниками Минусинской котловины, и т.н. карасукских бронз, имевших, как известно, гораздо более широкое распространение. Традиционно бытует мнение, что искусство

карасукской культуры, как местное локальное явление, могло сыграть свою роль только в формировании звериного стиля тагарской культуры (Артамонов 1966). Однако это не так. Как убедительно показано в работах А.А.Ковалева (Kovalev 1992) и С.В.Хаврина (Хаврин 1994), ареал распространения карасукских бронз (а с ними, в первую очередь, и связаны зооморфные изображения) значительно шире собственно карасукской культуры. Более того, подавляющее количество карасукских ножей и кинжалов с зооморфными навершиями найдено за пределами Минусинской котловины — в Забайкалье, Монголии, Северном Китае. Именно в этом контексте — карасукского компонента как одного из составляющих в арсенале изобразительных средств раннескифского звериного стиля вообще — следует рассматривать и стилистические особенности аржанских наверший.

Что касается карасукского наследия в зверином стиле тагарской культуры, то оно действительно наиболее осязаемо, но объясняться это может по-разному: или более ранней, чем принято считать, датой формирования тагарской культуры (Курочкин 1991); или, наоборот, длительным сохранением карасукской традиции в искусстве тагарской культуры — одной из наиболее северных культур скифского типа, занимавшей относительно обособленное положение. В пользу последней точки зрения свидетельствует отмеченная многими исследователями “лосинообразность” тагарских оленьих блях, сохранявшаяся на всем протяжении тагарской культуры.

Все сказанное позволяет выделить круг изображений наиболее ранней, собственно аржанской, изобразительной традиции, непосредственно связанной с карасукской (рис. 1, 4–9). Изображения, условно называемые майэмирскими, более изящны, “грацильны”, определенным образом стилизованы (рис. 1, 1–3). Промежуточное положение между ними занимают фигурки оленей на оленьем камне из Аржана: они еще вполне реалистичны, как аржанские; и в то же время уже стилизованы, как майэмирские. В изображениях майэмирской группы в основном представлены фигуры стоящих на “цыпочках” оленей и кабанов, а также изображения лежащих животных с подогнутыми, но несомкнутыми ногами. Появляются и новые мотивы — отдельные изображения звериных голов, “скребущие” хищники, вписанные фигуры животных типа “загадочной картинки” (Грач 1980: 77–80). Стилистически фигуры стоящих животных, несомненно, связаны с аржанскими, хотя четкую границу между ними провести трудно.

Изображения майэмирского типа имели более широкий ареал распространения, преимущественно в западных (начиная от Алтая и Тувы) областях скифского мира (Уйгарак), вплоть до Северного Кавказа, где они смыкаются с изображениями т.н. жаботинского стиля, характерного для искусства архаической Скифии. В этой связи вызывает возражение идея о едином процессе распространения изображений раннескифского звериного стиля с востока на запад (по линии: Аржан—Чиликты—Гумарово—Келермес), как свидетельство единовременной миграции его носителей (Курочкин 1989). В западные пределы Евразийских степей проникают изображения не аржанского, а майэмирского типа, некоторые из которых типологически связаны с аржанскими. Изображения аржанского стиля тесно смыкаются с карасукскими, а многие сюжеты и композиции майэмирского типа, ранее не известные в Центральной Азии (изображения отдельных звериных голов, “загадочные” картинки и др.), встречаются в Казахстане (тасмолинская культура), что не исключает возможности “встречного”, т.е. с запада на восток, движения их носителей. Но это тема отдельного исследования.

Артамонов М.И. 1966. К предистории скифо-сибирского звериного стиля // *Melanges offerts A.R.Michalowski*. Warszawa.

Варламов О.Б. 1989. К проблеме формирования скифо-сибирского звериного стиля // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе Музеев (ТД). Красноярск.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Грязнов М.П. 1947. Памятники майэмирского этапа ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII.

Грязнов М.П. 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.

Грязнов М.П. 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. ИЛАИ. Вып. 12. Кемерово.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. 1955. Корсуковский клад // Южная Сибирь в древности. СПб.

Курочкин Г.Н. 1989. Ранние этапы формирования скифского искусства (новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск.

Курочкин Г.Н. 1991. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири (ТД). Барнаул.

Новгородова Э.А. 1989. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.

Пяткин Б.Н. 1977. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. ИЛАИ. Вып. 8. Кемерово.

Савинов Д.Г. 1993. Изображения эпохи бронзы на плитах тагарских курганов юга Минусинской котловины // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово.

Савинов Д.Г. 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.

Уманский А.П. 1970. Случайные находки скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. № 2.

Хаврин С.В. 1994. Карасукская проблема? // ПАВ. № 8. СПб.

Шер Я.А. 1980. Петроглифы Центральной и Средней Азии. М.

Шер Я.А. 1980а. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство (Материалы I Всесоюзной археологической конф.). Кемерово.

Andersson J.G. 1933. Selected Ordos Bronzes // BMFEA. № 5.

Kovalev A.A. 1992. "Karasuk-dolche", Hirschsteine und die Nomaden der Chinesischen Annalen in Altertum // *Archaeologie*. Band 50.

Л.Л.Баркова (Санкт-Петербург)

БОЛЬШОЙ ВОЙЛОЧНЫЙ КОВЕР ИЗ ПЯТОГО ПАЗЫРЫКСКОГО КУРГАНА

В 1949 г. С.И.Руденко был раскопан Пятый Пазырыкский курган. На дне могильной ямы находилась погребальная камера в виде бревенчатого сруба. С северной стороны могильной ямы оставалось узкое пространство, в которое с трудом были уложены колесница в разобранном виде, кони с седлами и уздечками и два ковра, один из которых — войлочный, является объектом данного исследования (Руденко 1953: 34). Все это было буквально стиснуто. Поэтому, когда войлочный ковер был извлечен из земли, он оказался сильно измятым и изорванным.

После предварительной очистки на месте, крупные фрагменты ковра были подшиты на холст, а мелкие уложены в коробки и отправлены в Ленинград, в Эрмитаж. В лаборатории реставрации тканей эрмитажный реставратор Н.Н.Семенович в течение года вел очень большую и сложную работу, особо учитывая огромные размеры ковра (4,5 × 6,5 м) и его большой вес (20 кг). Вначале ковер был очищен от пыли. Для этого его расстелили на полу и на него накладывались влажные марлевые тряпки, через которые вручную выбивали пыль. Затем ковер дублировали, т.е. войлок наклеили на тюль 20% мучным клейстером. Потом войлок с лицевой стороны закрепили защитным слоем раствора (0,25% водно-глицерино-спиртовым раствором желатина с добавлением 0,5% мучного клейстера) (Семенович 1956: 144–147).

Основа ковра выполнена из белого войлока, который со временем приобрел серовато-бежевый тон. Войлок средней (катки) плотности, толщиной 3 мм. Исследования проведены в отделе научно-технической экспертизы Эрмитажа ст. н. с. Е.А.Миколайчук. Приношу ей большую благодарность. Ею применялись методы микроскопического и микрохимического анализов. Войлок сделан, в основном, из волокон пуха овцы (80–85%) и переходного волоса. Тонина волокон 12–42 мкм. При этом преобладают пуховые волокна тониной 18–20 мкм. Присутствуют также волокна ости и грубой ости тониной 84–120 мкм. Это грубые не эластичные волокна с широким каналом. Поверхность этих волокон сильно разрушена.

Процесс изготовления войлочного полотнища таких размеров (30 кв. м) было делом не простым. Предварительно нужно было настричь шерсть с большого количества овец. Так, по данным, сообщенным мне В.П.Курылевым, занимающимся этнографией народов Средней Азии, на изготовление войлочного полотнища, предназначенного на покрытие юрты, площадью в 20 кв. м потребовалась шерсть, настриженная со 100 овец. В алтайской песне валяльщика войлока говорится:

Шерсть пушистая густая —
60 овец остригли!
Плотный войлок мы скатали,
По краям узор пустили.

А.Бедюров

Таким образом, можно предположить, что на изготовление Пазырыкского войлока ушла шерсть, состриженная не менее чем со 100 овец. После того, как шерсть была очищена от примесей и грязи, была произведена катка войлочного полотнища. Встает вопрос: сколько времени потребовалось, чтобы сделать Пазырыкский войлок? К.И. Антипина в своей работе, связанной с изучением прикладного искусства у южных киргизов, сообщает, что на изготовлении одного войлока средних размеров (120 × 240 см) обычно были заняты 3–4 человека, работающие по 6–7 часов в день (Антипина 1962: 23). Исходя из этих данных, можно предположить, что на изготовление войлочного полотнища размерами 450 × 650 см, при работе 8 мастериц по 6 часов в день, ушла примерно неделя.

Интересен вопрос о назначении ковра. По мнению С.И. Руденко, ковер, несомненно, был настенный и украшал жилище. После смерти вождя ковер был использован в погребальном церемониале, им были покрыты колесница и четверка лошадей (Руденко 1951: 113). На взгляд М.П. Грязнова, ковер являлся частью погребального шатра, в котором держали труп вождя до момента захоронения. Как полагал М.П. Грязнов, основанием шатра служила конструкция из 4-х бревен с прорубленными в них отверстиями, в которые вставлялись длинные жерди. Заметим, однако, что диаметр жердей (4 см), служивших рамой шатра, не совпадает с прямоугольными гнездами, вырезанными в бревнах, являющихся основанием шатра.

М.П. Грязнов полагал, что верх шатра завершался четырьмя скульптурными войлочными фигурками лебедя (Галанина, Грязнов, Доманский, Смирнова 1966: 99–100). С.И. Руденко связывал эти фигурки с убранством колесницы.

Ковер украшен многокрасочной аппликацией. На однотонный фон пришиты крученой сухожильной нитью крупные фигуры, более 1 м в высоту, вырезанные из тонкого цветного войлока. Вся поверхность ковра делится на два широких горизонтальных фриза, обрамленных тремя орнаментальными бордюрами. На каждом фризе представлена одна и та же сцена: всадник, двигаясь справа налево, приближается к трону, на котором восседает женщина-богиня с цветущей ветвью в руке.

Рассмотрим отдельные детали этой композиции: лица людей, одежду, с помощью которых попытаемся выявить их расовую и этническую принадлежность (рис. 1). Фигура всадника повернута в профиль. У мужчины невысокий лоб, крупный, резко выступающий "орлиный" нос, глаз, повернутый в фас, с темно-синим зрачком. Густые широкие брови, плотно сжатый рот, над которым изображены красиво очерченные усы с загнутыми вверх концами, черная волнистая шевелюра. Глядя на изображение мужчины, становится очевидным, что перед нами не коренной житель Алтая. С.И. Руденко назвал этот тип человеческого лица "арменоидно-ассироидный", т.е. европеоидный (Руденко 1953: 322). Как нам кажется, это представитель тех потомков, предки которых переселились на Алтай, в Минусинскую котловину и в Туву еще в эпоху бронзы. Такой же тип европеоидного лица можно видеть на войлочном фрагменте другого ковра с изображением сфинкса, которым были покрыты стены погребальной камеры Пятого Пазырыкского кургана (Руденко 1953: 321). Такое же лицо и у охотника на золотом навершии из Балгазына в Туве (Н.Грач, А.Грач 1987: 134–144).

На всаднике облегающая короткая куртка, сшитая в талию, со стоячим воротником, узкими рукавами с манжетами. Край запаха (по-видимому, правая пола заходит на левую) украшен узором. По плечу и по нижнему краю куртки проходит орнамент в виде небольших кружков, вероятно, имитирующих нашивные бляшки. Как известно, в Пазырыкских курганах сохранились подлинные одежды. Одна из них, найденная во Втором кургане, представляет собой короткий (90 см в длину) кафтан, сделанный из

собольего меха. Сохранилась от него лишь спинка. Другая одежда из Третьего кургана представляет собой тоже короткий, но очень широкий кафтан из войлока (Руденко 1953: 107, рис. 57, табл. ХСII). На мужчине надеты узкие облегающие штаны с нашитой фигурной пластиной, возможно, из толстой кожи. Штаны заправлены в мягкие короткие сапожки с высоким задником. Подобный фасон штанов можно видеть на золотой скульптурке конного лучника и на лежащей фигуре с золотой бляхи, известной под названием "Отдых в лесу" из Сибирской коллекции Петра I (Руденко 1962: табл. VII, XXII). За спиной всадника развивается короткий плащ, украшенный крупными "горохами". Эта деталь одежды выглядит необычно и не имеет аналогий. В целом, подобный покрой одежды характерен для всего скифско-сакского мира, для кочевников, ведущих подвижный образ жизни.

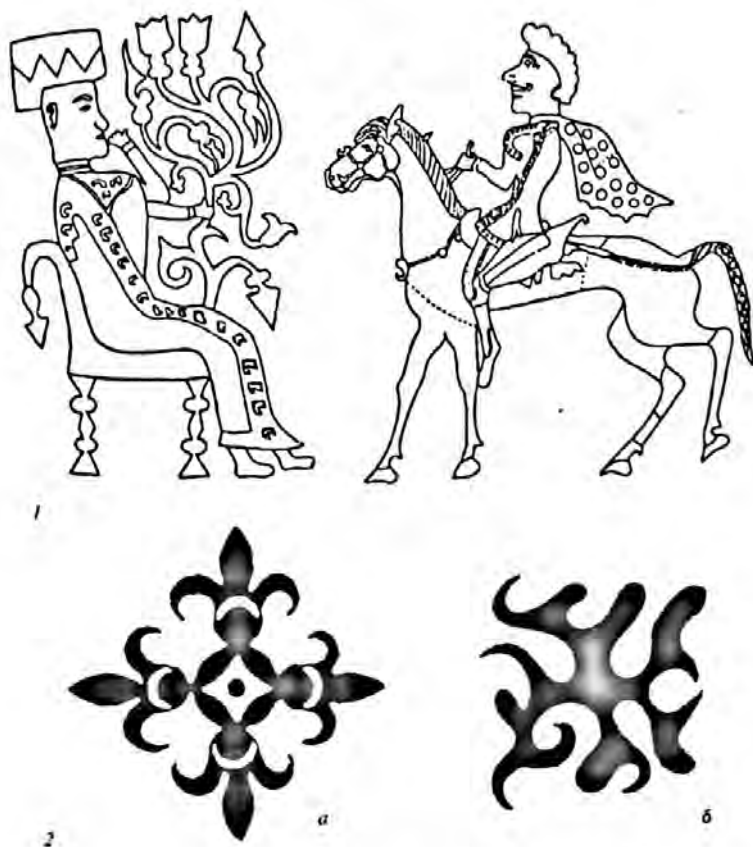

Рис. 1. 1. Сцена, изображающая женщину-богиню и предстоящего перед ней воина-всадника с войлочного ковра из 5-го Пазырыкского кургана. 2. Детали орнаментального бордюра: а — композиция из 4-х бутонов лотоса; б — композиция в виде стилизованного рога оленя.

На левом боку всадника подвешен горит с коротким скифским луком с изогнутыми концами. Манера ношения луков с левой стороны, как известно, является общескифской традицией и, вероятно, существовала у кочевников Горного Алтая. Мужчина-воин сидит на коне, который приближается к трону богини. Фигура коня несколько вытянута по горизонтали и дана в движении, в отличие от статичного изображения всадника.

Конь благородных кровей и напоминает тех высокопородных лошадей типа ахалтекинцев, которые были погребены в Пазырыкских курганах. Его челка и грива подстрижены, тщательно причесаны, а хвост, по-видимому, переплетен золотой лентой, как это имело место у коней из Второго Башадарского кургана (Руденко 1960: 67).

Всадник сидит на седле с высокой передней лукой. Позади всадника виден край фигурной седельной покрывки. Конская сбруя украшена круглыми бляхами, к наносному и нагрудному ремням прикреплены бляхи, имитирующие кабаньи клыки, что имело место на Алтае (Руденко 1960: 75). В целом, все убранство типично древнеалтайское (Руденко 1953).

Женщина-богиня неподвижная, прямая, восседает на кресле-троне. У нее большая безволосая голова с плоским затылком. На голову надет коронообразный убор прямоугольной формы жестких очертаний, по нижнему краю которого проходит орнамент в виде четырех треугольников. У женщины слегка выпуклый лоб, переходящий в крупный мясистый нос с опущенным кончиком. Плотно сжатый рот, тяжелый округлый подбородок, небольшой миндалевидный глаз с круглым зрачком-точкой показан в фас. Над ним изящно очерченная бровь. Ухо с проработанной ушной раковиной обращено "спереди назад". По мнению С.И.Руденко, то, что ушная раковина у женщины перевернута (повторяется на всех изображениях) не случайно. В этом кроется какой-то трудно объяснимый смысл.

На женщине надето длинное "до пят" платье с высоким стоячим воротником. Платье комбинированное из ткани двух цветов: спинка красная, передняя часть синяя. Плечи и запах украшены орнаментом в виде "клыка кабана". Аналогичным образом декорирован кафтан мужчины-воина. На ногах женщины мягкая сбруя. Изображенное двухцветное платье, безусловно, не является той одеждой, которую носили пазырыкские женщины. Судя по находкам, а их крайне мало, женщины носили меховые распашные кафтаны с узкими декоративными рукавами (Руденко 1953: рис. 50).

Неотъемлемой частью женского костюма была юбка. Впервые целая юбка была найдена во время раскопок могильника Ак-Алах. Особенность её состояла в том, что она была сшита из поперечных полос ткани, где чередовались белые и красные полосы (Полосьмак 1997: 10). По аналогии с выше названной тканью интерес представляет большое шерстяное полотнище из Второго кургана (Руденко 1968: рис. 57, 58), сшитое из узких красных полос и еще более узких пластин пестрой ткани. По-видимому, эта ткань предназначалась на юбку.

Женщина-богиня в длинном ниспадающем платье сидит на кресле-троне. Кресло имеет резные фигурные ножки, напоминающие по форме ножки столиков из Второго кургана и столбики-балясины, стоящие на платформе колесницы из Пятого кургана (Руденко 1953: 233, табл. XX). Спинка кресла неожиданно мягко изгибается и заканчивается фигурной стреловидной подвеской. Одной рукой женщина прикрывает рот, в другой — держит цветущую ветвь Древа жизни, которое как бы вырастает из ножки стула-трона. Стебель ветви изысканно изогнут и завершается 10-ю разнообразными цветами, которые образуют 4 идентичные пары.

Первый нижний отросток заканчивается стреловидным цветком с опущенным вниз острием. Симметрично ему располагается аналогичный цветок, свисающий со спинки стула, который создаёт определенный ритм и уравнивает всю композицию. На верхнем отростке стебля имеется еще один стреловидный цветок с устремленным вверх острием, замыкающий собой все построение.

Левый нижний отросток ветви имеет форму стилизованного рога животного. Именно из него как бы вырастает остальная ветвь. Поднимаясь вверх, она украшается

парой красных трехлепестковых цветов, из которых правый поднимается вверх, а левый опускается вниз. Далее ветви, изгибаясь, оканчиваются парой несимметричных цветков. Правый — в виде желтой лилии, левый — красный, сложной конфигурации.

Следующая пара цветков с опущенными вниз “головками”, с раздвоенными лепестками красного и синего цветов. Завершается ветвь двумя тюльпанообразными цветками, красным и синим. Перед нами удивительно гармоничное и красивое изображение, с четким определением верха и низа, левой и правой сторон, с ритмической повторяемостью цветовых акцентов.

Каково смысловое содержание данной сцены?

С.И.Руденко представленную на ковре композицию интерпретировал как сцену инвеституры, где богиня вручает вождю власть (Руденко 1952: 89). Этот сюжет, имеющий переднеазиатское происхождение, был известен во всем скифо-сакском мире (Ростовцев 1913: 140, табл. 11). А.Д.Грач, рассматривая антропоморфные изображения Тувы, естественно не мог обойти вниманием Пазырыкский ковер. Женщину, представленную на нем, он назвал Великой богиней, матерью всего сущего (Грач 1980: 67). А.И.Мартынов, занимаясь исследованием мировоззренческой основы искусства скифо-сибирского мира, приходит к убеждению, что на ковре изображена женщина-богиня плодородия и далее уточняет: “...это уникальное изображение алтайского варианта Митры” (Мартынов 1987: 16–19).

Мы присоединяемся к мнению выше названных авторов и считаем, что на ковре представлена женщина-богиня, держащая в руке цветущее мировое дерево. Эта женщина — Великое солнечное божество, от которого все произрастало, оплодотворялось, рождалось. Далее как бы идет повествовательный рассказ о том, как к трону богини приближается воин-вождь за получением благословения на трон. Приобретение царственности означало брак с богиней (Акишев 1984: 100). Вождь обращается к богине с предложением вступить с ним в брак. Богиня символическим жестом левой руки “отверзает уста”, давая положительный ответ на призыв “жениха”. У вождя на пояс горит с луком. Известно, что в обряде бракосочетания у многих народов, в том числе и у алтайцев (Кочо-Кан, культ которого характеризуется эротическими чертами), особую роль играла стрельба из лука (Шишло 1976: 151-155). Этот брак, дающий вождю право получить власть и царственность, делал его проводником божественной силы на земле.

С культом солнечного божества связаны солярные символы, которые включены в три орнаментальных бордюра. В каждом бордюре, в технике аппликации из цветного войлока, помещалось примерно по восемь фигур в виде “лотосовидной розетки”, скомпонованной из четырех бутонов лотоса — символа Мирового дерева (Акишев 1984: 23). В центре каждой “лотосовидной розетки” имеется квадрат с вогнутыми сторонами с “точкой” в центре. Обычно такой знак интерпретируется как солярный символ (Баркова 1985: 36).

В орнаментальном бордюре бутоны лотоса чередуются с квадратами, на которых изображены ветвистые стилизованные рога оленя (рис. 1, 2б), также являющиеся символом “Древа жизни” (Погребова, Раевский 1992: 144). Не последнюю роль в оформлении ковра играет цвет. Преобладают красные и синие тона. Красный цвет — символ жизни, крови, солнца, синий — небо, небеса (Акишев 1984: 132). Таким образом, культ Солнца, Древа жизни, Солярная символика, Цвет — все эти компоненты вместе звучат, как мощная солярная симфония.

- Акишев А. 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата.
- Антипина К.И. 1962. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе.
- Баркова Л.Л. 1985. Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. Л.
- Галанина Л.К., Грязнов М.П., Доманский Я.В., Смирнова Г.И. 1966. Скифия и Алтай. Путеводитель по залам Эрмитажа. Л.
- Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Грач Н.Л., Грач А.Д. 1987. Золотая композиция скифского времени из Тувы // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.
- Мартынов А.И. 1987. О мировоззренческой основе искусства скифо-сакского мира // Скифо-сибирский мир. Новосибирск.
- Погребова М.Н., Расвский Д.С. 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.
- Полосьмак Н.В. 1997. Пазырыкская культура, Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений. Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Новосибирск.
- Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. СПб.
- Руденко С.И. 1951. Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК. Вып. XXXVII.
- Руденко С.И. 1952. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.
- Руденко С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С.И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С.И. 1962. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. ДЗ-9. М.; Л.
- Руденко С.И. 1968. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М.
- Семенович Н.Н. 1956. Реставрация и экспозиция Большого войлочного ковра из Пазырыка // КСИИМК. Вып. 64.
- Шишло Б.П. 1976. Восточно-финские черты в культуре алтайских тюрок // Языки и топонимия. Томск.

ЗОЛОТАЯ ПЛАСТИНА ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ В СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПЕТРА I

Древние золотые предметы, найденные в послепетровское время на территории Сибири и украшенные изображениями в зверином стиле, принято причислять к Сибирской коллекции Петра I. Если места раскопок и сборов собственно Сибирской коллекции остаются не выясненными в полном объеме, то районы находок вещей ее круга известны. Это Средняя Азия, Тува, Хакасско-Минусинская котловина, Забайкалье... Они немногочисленны: в каждом из упоминаемых районов найдено по одному-два предмета. Исключение составляют курганы, раскопанные в 1980-е годы в Тюменской и Омской областях, где *in situ* найдены погребения с набором вещей круга Сибирской коллекции. В отличие от одиночных предметов VI–IV вв. до н.э., они относятся к III в. до н.э. — первым векам н.э.

Из ранней группы изделий наибольшую известность получила забайкальская поясная пластина, которая много раз была воспроизведена, но специально не изучена (Артамонов 1973: № 193; Руденко 1962: табл. IV, 2, XVII, 1 — оборотная сторона; Толстой, Кондаков 1890: 53, рис. 59 и др.). По сведениям бурята, доставившего ее в Петербург, она была обнаружена в Забайкалье, г. Верхнеудинске в 1844 г. (Zinas de Charles 1978: 252–253). В Эрмитаж пластина поступила от коллежского секретаря Сената Карла Варранда в 1846 г.¹ Хранитель Эрмитажа Г.Е.Кизерицкий описал ее в Каталоге I Отделения древностей вместе с предметами Сибирской коллекции Кунсткамеры, поступившими в Эрмитаж позднее². Она была выставлена для обозрения также вместе с Сибирской коллекцией. В каталоге выставки уточнено ее происхождение: “Бурят сказал Варранду, что этот предмет был привезен из Монголии его предками, когда они перешли в подчинение России”³. Можно предположить, что около столетия предмет хранился в семье находчика в Верхнеудинске (Бурятия была присоединена к России в середине XVIII века). Несмотря на противоречивые сведения о времени и месте ее находки (Забайкалье или Монголия), пластина относится к центральноазиатскому очагу искусства звериного стиля.

¹ Архив ГЭ “Об отчетах с 1843 по 1850 год по I отделению Эрмитажа и по его величества библиотеке и арсеналу”, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 5.

² Кизерицкий Г.Е. Каталог. Сибирские древности. Т. IV. — Рукопись на немецком языке. Хранится в ОАВЕС. № 1076-а.

³ Galerie des Objets Sibiriens, pp. 57, 59. — Рукопись на французском языке, переплетена, хранится в ОАВЕС. Ее название “Galerie des Objets Sibiriens” вытеснено золотом на корешке переплета. Забайкальская пластина была выставлена в витрине № 3, под № 8-а. На с. 57 сделана приписка карандашом: “8-а находился в Эрмитаже до получения вещей из Академии”.

a

b

Рис. 1. а. Поясная пластина. Забайкалье. Золото. V-IV вв. до н.э. (по рисунку к каталогу Г.Е.Кизерицкого); б. Прорисовка изображений на туловище фантастического зверя. Увеличено. (Художник Е.С.Матвеев).

Пластина ажурная, литая, представляет изображение идущего вправо фантастического зверя, в плечо которого вцепился спереди хищник кошачьей породы небольшого размера (рис. 1а). Главным персонажем композиции является фантастический зверь, наделенный деталями других животных. Основу фантастической фигуры составила низкорослая степная лошадь, голова которой заканчивается клювовидной мордой с подчеркнутой восковицей. У зверя остроконечное ухо с перемычкой в нем, круглый глаз обведен рельефным ободком. Голова украшена веерообразной ветвью рога оленя с семью отростками: пятью основными, направленными вперед, и двумя передними, направленными назад, навстречу остальным. Каждый из отростков заканчивается головой грифона на удлиненной шее с округлым ухом и глазом. Аналогичными головками грифонов завершается подстриженная грива коня и закрученный на конце тигриный хвост. Второй фигурой в композиции является маленький клыкастый хищник, который передней лапой схватил за ногу фантастического зверя. Его S-образно изогнутый хвост закинут на спину. Пластина представляет одну из пары пластин-застежек, предназначавшуюся для ношения на поясе с правой стороны.

Ее особенностью являются изображения, заполняющие свободную поверхность туловища фантастического зверя: на шее и груди — фигура орлиного грифона, в центре туловища — голова грифона, который в раскрытом клюве держит голову горного барана (рис. 1б). Вписывание голов и фигур животных в свободное пространство предмета является характерным приемом искусства Тувы скифского времени. Этот прием, названный А.Д.Грачом “загадочные картинки”, встречен на предметах алды-бельской культуры Тувы VII–VI вв. до н.э. А.Д.Грач справедливо считал его относящимся к искусству звериного стиля не только Тувы, но и всего центральноазиатского района (Грач 1980: 70–78).

Одну из загадок Сибирской коллекции представляет техника отливки изделий с позитивными отпечатками ткани на оборотной стороне. На исследуемой пластине хорошо видны отпечатки грубой ткани саржевого переплетения с плотностью нитей по основе и утку 6 × 10 в 1 кв. см (Миколайчук 1994: 82–85), на обороте также имеются две петли, вертикально установленные при формовке изделия перед отливкой и отлитых вместе с ним. На поясных пластинах из Сибирской коллекции подобные петли встречены на изделиях V–IV вв. до н.э. На забайкальской пластине более тщательно обработана оборотная сторона, все зазоры и наплывы металла вокруг отверстий убраны.

Пластина отлита в двустворчатой глиняной форме. В глине оттискивали модель (оригинал), которая была сделана, вероятно, из кости или дерева. Полученную таким образом лицевую створку формы высушивали и обжигали. Эта часть производственного процесса не вызывает сомнения. Объяснение дальнейшего процесса изготовления золотых изделий предложено Л.Йислом (Yisl 1961: 303–305) и Р.С.Минасяном¹. Для изготовления второй створки литейной формы, воспроизводившей оборотную сторону изделия, в полость матрицы укладывали ткань, затем забивали полость мягкой глиной, делали петли и ушки. Полученную таким образом вторую створку литейной формы (патрицу) обжигали. Негативные отпечатки ткани после отливки становятся позитивными. Л.Йисл считает, что ткань употребляли, чтобы предотвратить приклеивание глины к сухой матрице, во-первых, и для установления толщины изделия, во-вторых. По мнению Р.С.Минасяна, для получения нужной толщины изделия ткань могли складывать в несколько слоев. Литейную полость между створками формы можно создавать без воска, только с помощью ткани. В этом одно из расхождений Р.С.Минасяна с выводами С.И.Руденко, который представил наиболее полное описание процесса производства золотых изделий с тканевыми отпечатками на обороте (Руденко 1962: 26). С.И.Руденко считает, что ткань употребляли из экономии металла (золота) и для производства более легких изделий. С этим не согласен Р.С.Минасян. Так, вопрос о том, с какой целью употребляли ткань в литейном производстве, не имеет однозначного ответа.

Отмеченный способ производства не имел широкого применения, несмотря на то, что на других литых предметах могли употреблять вместо ткани кожу, которая не оставляет следов. Подтверждая правоту Л.Йисла в том, что этот способ не был тайной какой-либо литейной мастерской, следует заметить, что центр или центры литейного производства служили для отливок изделий Сибирской коллекции Петра I.

¹ Приношу глубокую благодарность Р.С.Минасяну за ценные консультации в области древней металлообработки.

Одиночные находки из центральноазиатского региона, выполненные в этой технике, являются аналогичными предметами круга Сибирской коллекции. Забайкальская пластина выполнена по этой же технологии, но другим мастером. Поэтому, кроме его навыков и использования золота более светлого цвета, в ней нашли отражение различия в сюжете, стиле и деталях. Как и изделия Сибирской коллекции Петра I, забайкальская пластина хорошо прочеканена с лицевой стороны.

Литейное производство с применением ткани было известно позднее, в эпоху средневековья: авары отливали в такой технике украшения из золота, а викинги — бронзовые фибулы скандинавского типа. Их производство, так же как и скифское, не получило широкого развития. Р.С.Минасян отмечает его полную независимость от скифской эпохи.

В скифскую эпоху определяющим было влияние вождя в жизни кочевнических племен. В связи с этим произошло уменьшение роли мифических существ, но их сверхъестественная сила была еще не утрачена (Грязнов 1950: 84). Азиатские племена саков и хунну, так же как европейские скифы и сарматы, жили в героическую, военную эпоху, когда слагались мифы о героях и фантастических существах, создавались поэмы и сказания, передаваемые устно из поколения в поколение (Грязнов 1961). Объяснения образам фантастических зверей стремились найти в реальной действительности. Античные авторы обратили внимание на полуживотное существо, которое греческие писатели (Аристотель, Теофраст) называли тарандом, а римские (Стефан Византийский, Плиний Старший) — тарандром (Латышев 1890: 1904). Образ таранда-тарандра известен в Скифии и Сарматии. В древности его наделяли чертами других реальных животных. Писатели расселяли его на широкой территории вплоть до границ с Азией.

Описание таранда находим у Аристотеля в книге “О чудесных слухах”. Другие античные авторы использовали это описание. Таранд напоминает телом быка, а складом головы — оленя, только больших размеров. Авторы подчеркивают его редкую встречаемость и удивительную способность менять цвет шерсти, смотря по месту, где он находится. Таранд наделен деталями по крайней мере четырех животных, главным из которых был, по-видимому, лось, который является нестадным животным, ведет скрытный образ жизни и его ловля затруднительна. Лось имеет защитную окраску шерсти, которая меняется в период линьки — в течение весны и лета. Не исключено также, что в содержании “Чудесных слухов” Аристотеля говорится о другом персонаже семейства оленей — о северном олене, сезонная смена окраски которого также поразительна: от бурого летом до бело-голубого зимой. Это дало повод Карлу Линнею в своей классификации середины XVIII века назвать северного оленя тарандом¹. Г.П.Сосновский употребил имя “тарандр” к одному из фантастических существ на поясной пластине из Дзрестуйского могильника в Забайкалье (Сосновский 1935). По-видимому, он понимал под словом “тарандр” всякое чудовище. Судя по изображению на исследуемой пластине, в восточном регионе существовала своя версия о тарандре, и потому вместо лося изображен конь местной породы с головой грифона, оленьим рогом, украшенным головками грифонов. Ветвистые рога на голове зверя могли

¹ Автор благодарит старшего научного сотрудника Зоологического института Е.Ф.Барышникову за ценную консультацию о семействе оленей.

вызывать ассоциацию с оленем. Современные ученые с именем тарандра связывают свои теории происхождения сарматов (Клейн 1976; Мачинский 1972).

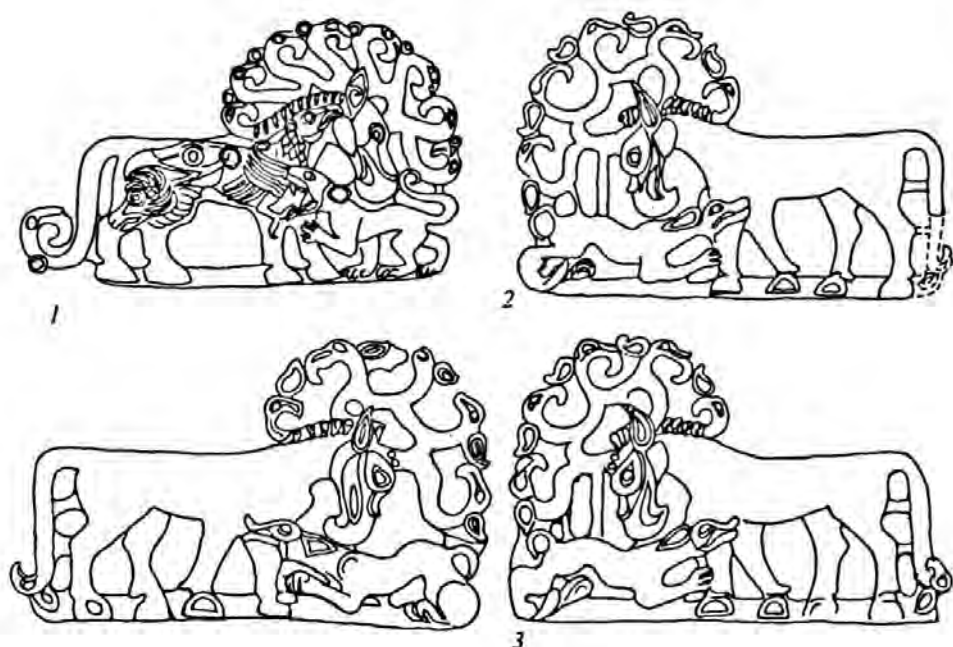

Рис. 2. Сравнительная таблица поясных пластин скифской и хуннской эпох из Забайкалья и Ордоса (1 — золото; 2, 3 — бронза).

Абсолютная датировка забайкальской пластины затруднительна ввиду ее уникальности. Принадлежность пластины к скифской эпохе не вызывает сомнения. На это указывают способ литья с применением ткани и скифо-сибирский звериный стиль. В скифскую эпоху подобный способ литья применялся исключительно для изделий Сибирской коллекции Петра I (VI–IV вв. до н.э.) или однотипных предметов с территории восточного региона распространения скифо-сибирского звериного стиля. Аналогии позволяют конкретизировать датировку пластины. Наиболее близка изучаемой пластине бляха из Катаинского кургана V–IV вв. до н.э. (Марсадолов 1996: 57). Она представляет клювоголового лося, на которого спереди напал хищник небольшого размера. Длинный хвост зверя и отростки рога заканчиваются головками грифона. Забайкальской пластине близко изображение клювоголовых оленей на татуировке вождя из 2-го Пазырыкского кургана (Руденко 1953: 139, рис. 82–83). Определяемая для золотой пластины дата V–IV вв. до н.э. не противоречит датировке подобных пластин с отпечатками ткани на обороте из Сибирской коллекции Петра I.

Поясные пластины получили широкое распространение от Западной Сибири до Монголии только в хуннскую эпоху (Дэвлет 1980: 5, 18). Многие сюжеты и орнаменты Сибирской коллекции Петра I и ее круга стали излюбленными в хуннскую эпоху (Волков 1967: рис. 21, 1; Миняев 1995; *Animal Style Art...* 1980: № 124; Dalton 1964: 46–47; So, Bunker 1995: № 67). Сходство в искусстве разновременных племенных образований саков и хунну является результатом их этнического родства. В Южной Сибири и Забайкалье в эти периоды состав населения был пестрым (Алексеев, Гохман 1984: 70–71).

Хунну повторили форму забайкальской пластины, продиктованную сюжетом, а также зеркальность изображений на парных пластинах (рис. 2, 2, 3). Однако различий между ними довольно много: 1) поверхность пластины (туловище зверя) остается незаполненной дополнительными изображениями; 2) маленький хищник не кошачьей породы, как на золотой пластине, а типа волка; 3) застежка в виде пряжки с вертикальным стержнем вкомпонована в изображение на пластине; 4) все отростки рога (а их только четыре) направлены вперед; 5) имеются различия в более мелких деталях. Хуннские мастера, используя сюжеты предшествующей эпохи, передали их в новой изобразительной традиции.

Забайкальская золотая пластина, послужившая прототипом для бронзовых пластин хуннской эпохи, выполнена в скифо-сакском зверином стиле периода его расцвета.

- Алексеев В.П., Гохман И.И. 1984. Антропология азиатской части СССР. М.
- Артамонов М.И. 1973. Сокровища саков. М.
- Волков В.В. 1967. Бронзовый и раннежелезный век Северной Монголии. Улан-Батор.
- Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Грязнов М.П. 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.
- Грязнов М.П. 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. № 3.
- Дэвлет М.А. 1980. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в. н.э. // САИ. Д 4-7.
- Клейн Л.С. 1976. Сарматский тарандр и вопрос происхождения сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. 1890. Т. 2. 1904. СПб.
- Марсадолов Л.С. 1996. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.
- Мачинский Д.А. 1972. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. № 13.
- Миколайчук Е.А. 1994. Исследование отпечатков тканей на оборотной стороне изделий из Сибирской коллекции Петра I // Тезисы международной конференции по применению методов естественных наук в археологии, посвященной памяти Б.А.Колчина. СПб. 27–30 ноября 1994 г.
- Минаяв С.С. 1995. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования "геометрического стиля" в искусстве сюнну // АВ. № 4. СПб.
- Руденко С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С.И. 1962. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Д 3-9. М.; Л.
- Сосновский Г.П. 1935. Дзрестуйский могильник // ПИДО. № 1–2.
- Толстой И., Кондаков Н. 1890. Русские древности в памятниках искусства. Вып. III. Древности времени переселения народов. СПб.
- Animal Style Art from East to West. 1970. New York.
- Dalton O.M. 1964. The Treasures of the Oxus with other examples of early oriental metal work. London.
- Yisl L. 1961. K technice zlatých sibiřských plaket // Památky Archeologické, Rôčník LII. 1961, číslo 1.
- Zinas de Charles. 1978. Les origines de l'orfèvrerie cloisonné. Recherches. Vol. II. Paris.
- So J. and Bunker E. 1995. Traders and Raiders on China's frontier. Washington.

ВОИНСКИЙ КОМПЛЕКС САКСКОЙ ЭПОХИ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

В 1981 году Шульбинской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова исследовались различные памятники в Верхнем Прииртышье. Среди большого числа раскопанных объектов, относящихся к различным эпохам, представляет интерес один из комплексов сакского времени в могильнике Акчий III.

Могильник Акчий III расположен на высокой террасе правого берега Иртыша, в 3 км западнее с. Пролетарка (Трифонов, Ахинжанов 1987: 150). Он состоял из семи курганов, пять из которых вытянуты цепочкой по оси ЮВ – СЗ; два объекта находились западнее, на краю террасы. Один из них (№ 2) и представлял собой раннекочевнический комплекс.

Каменная ограда этого кургана была прямоугольной формы (7,4 × 6,4 м, ширина 0,55 м), сложена из крупной гальки и валунистика на высоту 25–40 см. В центральной части ограды было совершено три ярусных захоронения, верхние из которых были впускные и принадлежали средневековым кочевникам (Там же: 172–176). Нижнее было основным.

Могила 3 прямоугольной формы (0,75 × 2,9 м, глубина — 2,1 м), ориентирована длинными сторонами по оси СЗ–ЮВ. В нижней, придонной части могилы обнаружены крупные камни, скорее всего от перекрытия. На дне был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. У правого бедра был положен бронзовый чекан с деревянной рукояткой и бронзовым втоком (рис. II, 1–2). У левого бедра находились четыре стрелы с бронзовыми трехперыми наконечниками, на которых хорошо сохранилось крепление черешка к древку стрел в виде обмотки

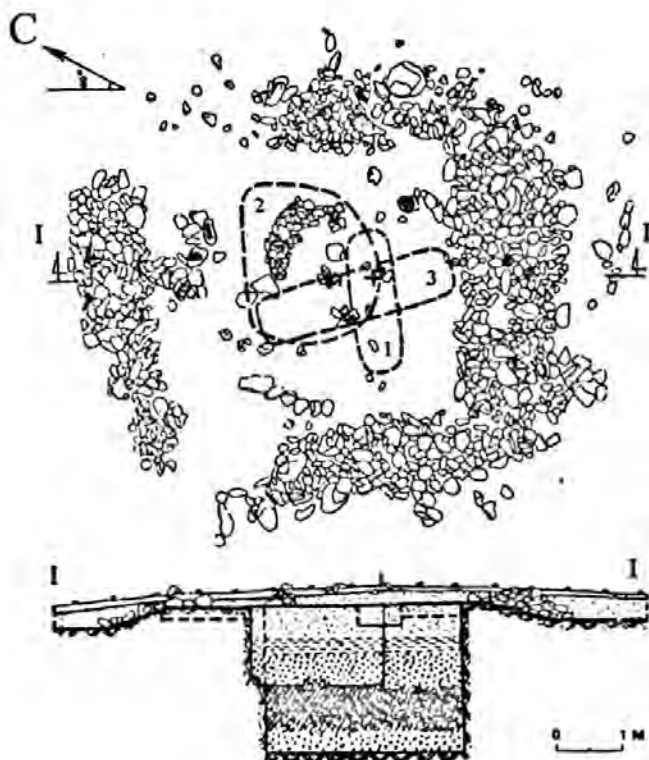

Рис. I. План и разрез кургана № 2 могильника Акчий III.

нитками (рис. II, 5–8). Рядом с ними — железный нож в железных ножнах и каменный оселок прямоугольной формы (рис. II, 3–4). Не исключено, что окислы железа настолько проникли в кожаные ножны, что полностью изменили их структуру. Подобные случаи встречаются в археологических комплексах с железными вещами.

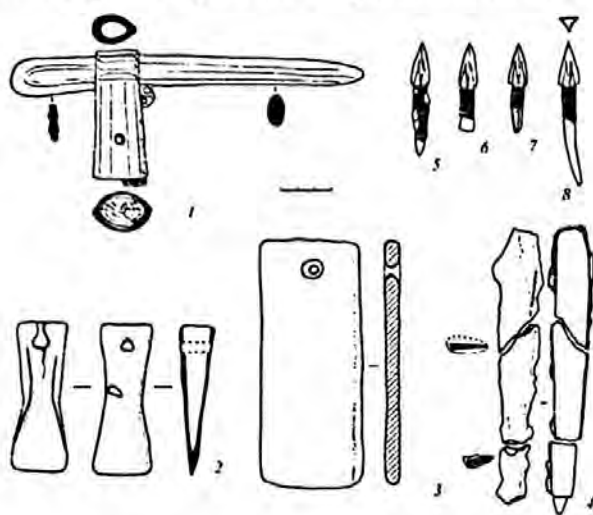

Рис. II. Инвентарь из погребения 3.

представлен (Самашев 1992: 163). Чеканы наиболее характерны для восточных регионов, где в большом количестве они представлены в тагарской культуре Среднего Енисея и алды-бельской Тувы. Близость определенных культурных компонентов этих регионов в скифскую эпоху отмечал А.Д.Грач (Грач 1975). Чеканы же с головкой хищной птицы между бойком и втулкой являются своеобразным типом этой категории предметов и, по мнению некоторых исследователей, маркируют продвижение на запад, вплоть до Ирана и Турции, конных отрядов центрально-азиатских кочевников в VIII–VII вв. до н.э. (Kossak 1987; Курочкин, Субботин 1993: 61; Bokovenko 1996: 121).

Таким образом, публикуемый комплекс является важным в историческом контексте соотношения восточных и западных ареалов распространения кочевых культур скифского типа в Евразии.

Грач А.Д. 1975. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск.

Курочкин Г.Н., Субботин А.В. 1993. Боевые чеканы (клевы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск. С. 59–64.

Самашев З.С. 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата.

Трифонов Ю.И., Ахинжанов С.М. 1987. Акчий III // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата. С. 168–176.

Членова Н.Л. 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск. С. 4–42.

Bokovenko N.A. 1996. Asian influence on European Scythia. In Ancient civilizations from Scythia to Siberian. Vol. III, 1. Leiden. P. 97–122.

Kossak G. 1987. Von der Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. Skythika. München.

Погребение по совокупности погребального обряда и сопроводительного инвентаря предварительно датируется VII в. до н.э. Этому не противоречит достаточно обширный круг аналогий из различных регионов Азиатских степей (Членова 1981: 7; Курочкин, Субботин 1993: 59).

Для Восточного Казахстана не совсем обычным является бронзовый чекан, хотя в наскальных изображениях этого региона в батальных сценах он, как боевое оружие,

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ ОЗЕН-АЛА-БЕЛИГСКОГО ЭТАПА

Памятники озен-ала-белигского этапа датируются выделившим этот этап С.И.Вайнштейном IV–III вв. до н.э. (Вайнштейн 1966: 173). Этой же датировки придерживался и А.Д.Грач, который подчеркивал, что только на озен-ала-белигском этапе появляются изделия из железа — кинжалы, чеканы, шпильки и др. По А.Д.Грачу, эти изделия из железа и изменения норм погребального обряда, господствовавшего на первом, саглыгском этапе, являлись основными временными реперами, на которые исследователи опирались при обосновании устоявшихся в науке датировок. При этом III в. до н.э. являлся как бы *a priori* конечным в развитии культур скифского типа на Саяно-Алтайском нагорье, что означало механический перенос хронологии, принятой для Европейской Скифии¹.

Во II в. до н.э., по А.Д.Грачу, в Туве складывается уже новая — улуг-хемская культура, для которой характерны погребения в каменных ящиках одного или нескольких погребенных, многоярусные захоронения, скорченные на боку, головой на запад. Инвентарь представлен железными вещами. Керамика не сходна с керамикой, находимой в камерах-срубках V–III вв. до н.э. (Грач 1971: 99). Веской причиной для такой датировки, да вероятно, и для выделения улуг-хемской культуры послужило открытие Д.Г.Савиновым захоронения в каменном ящике, впущенного в один из срубов могильника Урбюн III (Савинов 1969: 104–108). Вещи, найденные в этом захоронении, синхронны материалам тесинского этапа и находят аналогию в материалах Иволгинского городища, что не оставляло сомнений в более позднем возрасте памятника по сравнению со срубными погребениями, конечное бытование которых относилось к III в. до н.э.

Вслед за этим (1967–1968 гг.) были раскопаны погребения в каменных склепах на могильнике Аргалыкты I, также датированные II в. до н.э. (Трифонов 1976: 109–121). Ю.И.Трифонов датировал этот памятник на основании аналогий с материалами сунну и озен-ала-белигского этапа; однако отмечал, что часть ящиков может быть синхронна погребениям в срубках и открытых им склепах. О датировке части срубов II в. до н.э. неоднократно упоминал А.М.Мандельштам, не приводя, впрочем, для этого каких-либо вещественных доказательств.

Могильники Суглуг-Хем I, II и Хайыракан также относятся к озен-ала-белигскому этапу. Имеются все основания датировать их II в. до н.э. Достаточно отчетливо выступает здесь и синхронность погребений в срубках, в ящиках и сооружениях типа

¹ На алтайском материале положение о том, что культура скифского типа доживает до II–I вв. до н.э., впервые было обосновано Д.Г.Савиновым (Савинов 1978).

склепов, раскопанных на Хайыракане. Часть срубов Улангома также может быть датирована этим периодом. Прежде всего, отметим очевидную единокультурность всех рассматриваемых памятников, включая и могильник Суглуг-Хем I. Семь типов керамики, выделенные на основании 119 сосудов, одновременно присутствуют в срубе 26 Суглуг-Хема I. В разных сочетаниях эти типы представлены в срубах всех озен-ала-белигских памятников, а также в каменных ящиках и склепах (включая и могильник Аргалыкты I). Поскольку керамический материал остается самым массовым в погребальном инвентаре саглынской культуры, то пренебрегать этим обстоятельством мы не имеем права. Вместе с тем, длительное существование ведущих категорий инвентаря в погребениях скифского времени Тувы, появление железа не на озен-ала-белигском этапе, а уже в погребениях алды-бельской культуры, наличие четырех поздних типов зеркал в погребениях могильника Кош-Пей и, наконец, присутствие пережиточных типов бронзовых изделий заставляет обратиться к другим, более надежным хронологическим индикаторам.

Синхронность ряда отдельных комплексов устанавливается на основании специфических форм предметов, имеющих узко локальное распространение и ограниченных во времени началом гунно-сарматской эпохи. К ним относятся, в первую очередь, пятиколычатые ажурные бляшки, происходящие из сруба 128 Турана IV (раскопки С.А.Теплоухова), погребение в каменном ящике в г. Кызыле (раскопки С.И.Вайнштейна), погребения могильников Суглуг-Хем I, срубы 2, 16, 25, 26, 27, склеп 23; Суглуг-Хем II, сруб 6; Хайыракан V, срубы 3, 4, курган 5 погребение 1. Возможно, такая бляшка была найдена и в срубе 47 могильника Улангом. Происхождение бляшек этого типа остается не вполне ясным. Н.Л.Членова указывает на местонахождения их в Суйюане (Членова 1961: 140, табл. III, 34), что не противоречит появлению этих изделий в Туве при посредничестве сюнну (рис. I, 3).

В Суглуг-Хеме I, сруб 25 пятиколычатые бляшки находятся в комплексе с миниатюрными моделями котелков-подвесок (рис. I, 2). Котелки-подвески обнаружены также в срубах Суглуг-Хем I, сруб 13, Хайыракан IV, сруб 5, Хайыракан V, курган 1, погребение 1. Такие котелки-подвески надежно датируются комплексом Косогольского клада, в составе которого они были найдены (Дэвлет 1980). Это позволяет и курганы Суглуг-Хема I, срубы 25, 13, Хайыракана IV, сруб 5 и Хайыракана V, курган 1, погребение 1 отнести также ко II в. до н.э., равно как и все остальные комплексы, в составе которых были найдены пятиколычатые бляшки. В объекте Хайыракан V, сруб 4 пятиколычатые бляшки сочетаются с ажурными прорезными колокольчиками (рис. I, 4). Такие же колокольчики известны в Дырестуйском могильнике (Руденко 1962: 47). Таким образом, могут быть выделены три надежных хронологических индикатора: пятиколычатые бляшки, миниатюрные котелки-подвески, бронзовые колоколовидные ажурные подвески (рис. I, 1-4).

В срубе 2 могильника Суглуг-Хем I, наряду с кольчатой бляшкой, находились наконечники стрел с кольцевидной скрытой втулкой и прорезными лопастями (рис. I, 5). Аналогии им представлены в срубе 7 могильника Хайыракан V, а также в могильнике Улангом в срубах 23, 31, 33, 36 и 46. Подобные наконечники представлены в могиле 108 Иволгинского некрополя (Давыдова 1996: табл. 32, 8). Среди костяных наконечников стрел наиболее надежно к культуре сюнну могут быть отнесены наконечники десятого типа — треугольные в сечении с расщепленным насадом, происходящие из могильника Хайыракан V, курган 1, погребение 2 (рис. I, 6).

В срубе 8 могильника Суглуг-Хем II найдено 10 экземпляров трехлопастных черешковых наконечников стрел из железа, также имеющих аналогии в Иволгинском могильнике (рис. 1, 15). Из этого же сруба происходит бронзовая зооморфная бляшка в виде протомы козлов, соединенных дугообразно выгнутым рогом. Подобный прием известен по медалевидному зеркалу из сруба 128 могильника Туран IV и среди случайных находок в Минусинском крае (Завитухина 1983: 112–113). Из этого следует, что чисто “скифские” сюжеты, возникшие, возможно, в V–IV вв. до н.э., продолжают существовать в разных вариантах в течение всего II в. до н.э., а, вероятно, и дольше

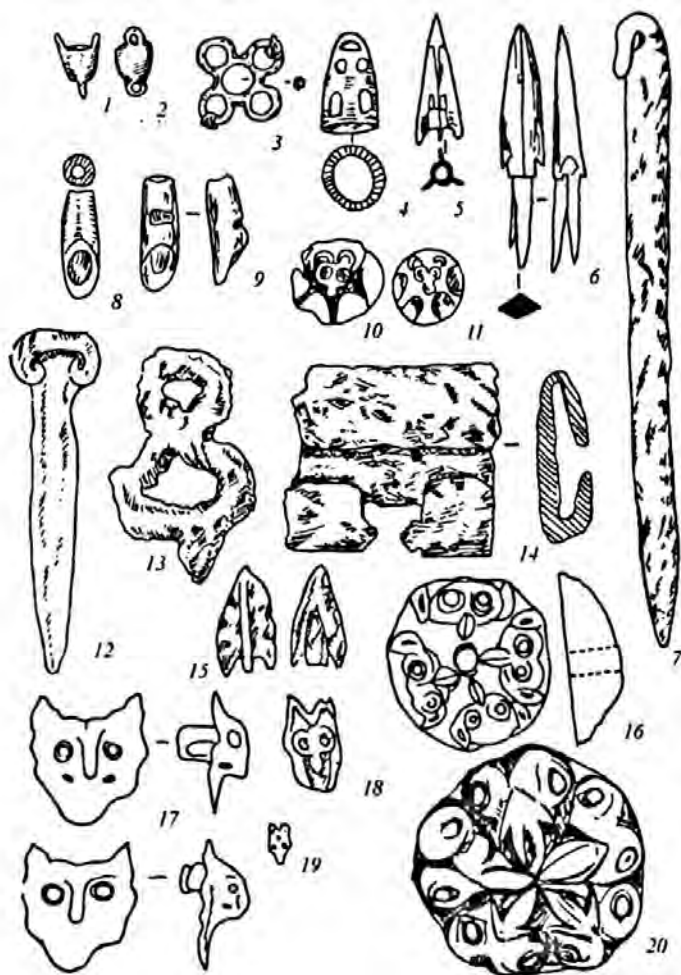

Рис. 1. Изделия из могильников Суглуг-Хем I, II и Хайыракан IV, V.

Обычными бытовыми предметами, широко представленными как в тесинских, так и суннских памятниках, являются костяные ложечковидные застёжки (рис. 1, 9). Данное название не совсем точно отражает назначение этих предметов. Они были обнаружены в срубах 1, 2, 5 могильника Суглуг-Хем II и в срубе 4 в Хайыракане V. В Улангоме они найдены в срубе 15 и в каменном ящике 4; на Суглуг-Хеме I — в срубах 2 и 25. Бронзовые аналогии им происходят из погребения могильника Хайыракан V, курган 5, погребение 1. Здесь сохранились части кожаного пояса, и эти бронзовые предметы использовались в качестве подвесок (рис. 1, 8).

В сюннуское время часто встречаются в качестве украшений бронзовые имитации раковин каури, которые проникают в “скифскую” среду, о чем можно судить по находке в каменном ящике 12 могильника Улангом. Отлитые из бронзы модели *Cypraea moneta* происходят из Дырестуйского могильника (Руденко 1962: рис. 41 з-е).

В срубках наряду с произведениями скифского звериного стиля встречаются и изделия сюннуского искусства. Так, из сруба 23 могильника Улангом происходит бронзовая пуговица с изображением анфас животного — предположительно, медведя (рис. 1, 10). Полную аналогию эта пуговица находит в погребении 138 Иволгинского некрополя, где датируется II в. до н.э. (Давыдова 1971: 93–105, рис. 9) (рис. 1, 11). Значение данной находки чрезвычайно велико, так как она датирует один из наиболее представительных комплексов Улангома, включающего керамические сосуды первых трех типов по нашей классификации, медалевидные зеркала первого типа, бронзовые поясные пряжки, железные поясные бляхи, аналогичные таким же из сруба 2 Суглуг-Хема I, железные чеканы и кинжалы, наконечники стрел первого типа (которые уже сами по себе датировали этот сруб сюннуским временем). Здесь же обнаружены две бронзовые бляшки-пуговицы с орнитоморфными масками-личинами. Острые выступающие уши, круглые глаза и подчеркнуто длинный нос позволяют сравнить их с золотыми орнитоморфными нашивками из сруба 9 могильника Суглуг-Хем II (рис. 1, 18). Орнитоморфные и зооморфные изображения анфас характерны, вероятно, именно для поздних этапов культуры скифского времени Тувы и имеют, скорее всего, юго-восточное, Ордосское происхождение. Весьма любопытной является бронзовая бляха-ворворка из сруба 27 могильника Улангом. Эта бляха декорирована четырьмя симметрично расположенными орнитоморфными масками-личинами, клювы которых сходятся в центре у круглого отверстия (рис. 1, 16). Аналогия этой ворворки найдена в Минусинской котловине (коллекция Лопатина) с тем лишь отличием, что минусинский предмет декорирован пятью безухими масками-личинами, но композиция и смысл совершенно идентичны (рис. 1, 20).

Новым сюжетом по отношению к скифскому звериному стилю является и бронзовая поясная пластина в виде яка. Животное изображено в профиль с четырьмя ногами, рога переданы в “перекрученной перспективе”, хвост задран вверх, из раскрытой пасти торчит высунутый язык, ноги покрыты легкими извилистыми штрихами, имитирующими шерсть животного. Образ яка широко представлен на известных ажурных пластинах гунно-сарматского времени и на Ноин-улинском ковре (як, сражающийся со львом). Ноин-улинское изображение наиболее близко яку из Суглуг-Хема II (рис. II). Данная аналогия позволяет уверенно отнести изображение из могильника Суглуг-Хем II к эпохе сюннуской экспансии в Центральной Азии.

В целом, хронологические индикаторы, выявленные в срубках Суглуг-Хема I и II, Хайыракана и Улангома, синхронизируют между собой 24 археологических комплекса, насчитывающих около 500 различных предметов.

На могильниках Суглуг-Хем и Хайыракан преобладает оружие из железа, хотя продолжают бытовать и типичные скифские бронзовые чеканы, кинжалы и наконечники стрел. Достаточно много и произведений, выполненных в скифском зверином стиле. Последнее относится к могильнику Суглуг-Хем, так как некрополь Хайыракана уже не содержит ни скифских зеркал, ни предметов скифского искусства. На Улангоме же, напротив, наряду с очень архаичными (карасукскими, по Н.Л.Членовой) формами оружия сосуществуют и предметы, датируемые гунно-сарматским временем. Вероятно, пережитки более ранних традиций долго удерживаются в материальной культуре, инспирируя попытки удревнения всего массива поздних памятников скифского времени.

Безусловно прямое попадание вещей сюннуской принадлежности в погребения саглынской культуры происходит не всегда и спорадически. Но наступление II в. до н.э. можно диагностировать не только на основании четких хронологических индикаторов, которых можно назвать более 10, а и по тем глобальным изменениям, которым подвергается культура скифского типа Тувы на ранних этапах Великого переселения народов. Во первых, железо в это время играет все более весомую роль, что хорошо видно по материалам могильников Суглуг-Хем и Хайыракан. Целые могильники являются практически бескурганными.

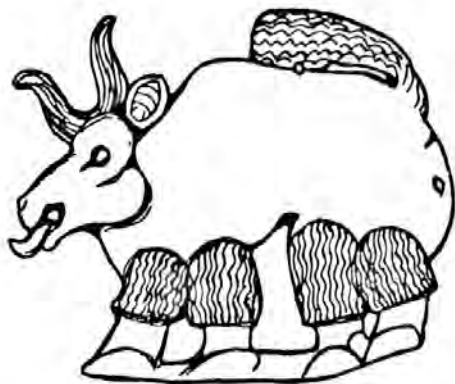

Рис.2. Бронзовая поясная пластина из могильника Суглуг-Хем II.

Положение и ориентация погребенных становятся более разнообразными, увеличивается процент захоронений в каменных ящиках, появляется расписная керамика. Наличие последней не только в Туве, но и к западу — на Алтае, а также в Синьцзяне свидетельствует о связях не только с восточными ордосскими культурами, но и с западными, возможно, простирающимися вплоть до среднеазиатского Семиречья, что отправляет нас к усуньской проблеме, частично уже затронутой в ряде более ранних публикаций (Семенов 1995: 157–165; 1992: 116–126).

- Вайнштейн С.И. 1966. Памятники казылганской культуры // Труды ТКАЭЭ. Вып. 2. М.; Л.
- Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Давыдова А.В. 1971. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. № 1. С. 93–105.
- Давыдова А.В. 1996. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб.
- Дэвлет М.А. 1980. Сибирские поясные ажурные пластины // САИ. Вып. Д 4-7. М.
- Завитухина М.П. 1983. Древнее искусство на Енисее. Л.
- Руденко С.И. 1962. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.
- Савинов Д.Г. 1969. Погребение с бронзовой бляхой мог. Урбюн III // КСИА. Вып. 119.
- Савинов Д.Г. 1978. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. Вып. 154.
- Семенов В.А. 1992. Военские погребения ранних кочевников Тувы // Археологические вести. СПб.
- Семенов В.А. 1995. Тува в эпоху переселения народов (начальный этап) // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 18. Кызыл.
- Трифонов Ю.И. 1976. Новый вид памятников раннего железного века в Туве // КСИА. Вып. 147.
- Членова Н.Л. 1961. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других "скифских" культур Евразии // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. IX. Кызыл.

В.И.Молодин (Новосибирск)

ЗАМЕРЗШИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ СИБИРИ И ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ КЛИМАТА. ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Открытие и исследование в Южной Сибири погребальных комплексов с мерзлотой обогатили науку уникальными данными, позволяющими на принципиально новом уровне производить историко-культурные реконструкции. В захоронениях со льдом были обнаружены не только замечательные, высокохудожественные предметы из дерева, ткани, войлока, кожи, по праву вошедшие в сокровищницу мирового искусства, но и осуществлены поистине уникальные наблюдения, по существу этнографического толка, позволяющие на принципиально ином уровне интерпретировать не только нюансы погребального обряда, но и другие стороны социальной и хозяйственной деятельности носителей культуры (см., например, Грязнов 1950; Руденко 1953).

Однако изучение замерзших захоронений не только дало в руки ученых колоссальные интерпретационные возможности, но и поставило перед ними комплекс проблем, связанных, прежде всего, с разработкой современной полевой и камеральной методики, реставрацией и консервацией органических остатков и биологических объектов, извлечением максимально исчерпывающей информации на уровне мультидисциплинарного подхода; а также с решением ряда этнических вопросов, особо обострившихся в регионе в связи с известными политическими событиями в стране.

Александр Данилович Грач относится к той группе исследователей, которым пришлось на себе испытать всю сложность работы с замерзшими погребальными комплексами в Туве, где им и его коллегами из Тувинской экспедиции были безукоризненно исследованы погребения саглынской культуры эпохи раннего железного века (Грач 1980). Полученные методические разработки, введенные в научный оборот (Там же: 18–19), используются в современных исследованиях подобных объектов.

Изыскания последних лет, проведенные силами двух археологических отрядов Института археологии и этнографии СО РАН на плоскогорье Укок в южной части Горного Алтая (Республика Алтай, Россия), дали существенные результаты в плане изучения погребальных комплексов пазырыкской культуры, замечательные прежде всего открытием нескольких курганов с мерзлотой. Так, Н.В.Полосьмак обнаружены и исследованы курганы со льдом на памятниках Ак-Алаха-1, Ак-Алаха-3 и Ак-Алаха-5 (курган № 1) (см., например: Полосьмак 1996), В.И.Молодиным — курганы № 1, 2, 3 памятника Верх-Кальджин-II (Молодин 1996; Molodin 1996).

Естественно, что одной из главных сопутствующих задач, стоящих перед отрядами, было решение проблемы образования мерзлотных линз в погребальных камерах, которая в условиях Укока (да и в целом Алтая) решается далеко не так просто, как ее интерпретировали наши предшественники, исследовавшие замерзшие памятники в условиях Алтайской горной страны. С этой целью на Укоке были начаты специальные геофизические исследования, результаты которых будут опубликованы в ближайшее время.

К сожалению, в настоящее время все научные исследования на плоскогорье запрещены. Сделано это исключительно в угоду националистическим амбициям с целью “сохранения археологических памятников для потомков”; последние, по мнению инициаторов этого деяния, будут вооружены такой совершенной техникой, которая позволит эффективно исследовать памятник, не разрушая его. Необходимо подчеркнуть, что ни один предмет, полученный при раскопках пазырыкских памятников на Укоке, не только не утрачен, но и в настоящее время надежно законсервирован, а в значительной степени уже и отреставрирован. При изучении всех этих материалов и биологических объектов в том числе, применяется мультидисциплинарный подход, для осуществления которого в Сибирском Отделении Российской Академии наук созданы самые благоприятные условия.

Не собираясь далее обсуждать здесь эту непростую проблему, хочу поделиться своими опасениями, касающимися существа вопроса, а именно — сохранения для человечества бесценных сокровищ пазырыкских курганов с мерзлотой.

Готовясь в 1990 г. к реализации советско-японской программы “Пазырык”, я объехал и осмотрел практически все известные в Горном Алтае большие курганы пазырыкской культуры, где теоретически может быть мерзлота. До нашего времени сохранились несколько десятков таких объектов, основная часть которых сконцентрирована в центре Алтая, в Онгудайском районе, где уже проводили исследования М.П.Грязнов, С.В.Киселев и С.И.Руденко. Именно здесь, в долине р. Каракол, находится сосредоточение гигантских усыпальниц, принадлежавших, возможно, пазырыкским “царям” или, говоря точнее, социально значимым членам этого сообщества. Здесь имеют место конструкции, которые по своим параметрам превосходят раскопанные курганы Пазырыкского, Башадарского и других могильников. Современное состояние этих памятников оставляет желать лучшего. С них снимается камень для строительных работ, в насыпях курганов устраивают свалки и скотомогильники. Тем не менее, попытка провести исследование одного из таких курганов в урочище Соору неподалеку от хорошо известного Башадара с последующей музеефикацией всего комплекса в Горно-Алтайске вызвала активный протест определенных кругов алтайской интеллигенции и настроенных соответствующим образом жителей села Кулада.

Представим себе маловероятное — к этим, действительно уникальным историческим объектам, будет проявлен государственный подход — их не будут разбирать на опоры для мостов и кошары, их очистят от свалок, и в таком виде они будут дожидаться исследователя XXI, а, может быть, и XXII века, который начнет изучать их при помощи неведомой машины. Однако даже в таком случае, как это ни парадоксально, замерзшим конструкциям, а, следовательно, всему уникальному набору хранящихся там предметов по-прежнему угрожает серьезная опасность.

Речь идет о глобальном потеплении климата на нашей планете, которое уже началось. Более того, проведенные исследования показывают, что есть все основания предполагать возможность значительного потепления климата при увеличении концентрации парниковых газов в атмосфере Земли (Балобаев 1997: 90). Как на этот процесс отреагирует мерзлота? Государства, территории которых расположены в зоне высоких широт, весьма обеспокоены этой проблемой. Изучением вероятных последствий потепления на планете занимаются научные коллективы разных стран и России в том числе.

Позволю себе привести лишь несколько примеров, касающихся поставленной в данной статье проблемы. Так, по данным С.Е.Гречищева, глобальное потепление климата приведет в зоне вечной мерзлоты к изменению теплообмена на земной поверхности и в результате к сдвигу физико-химического равновесия во всей толще многолетне-мерзлых пород (Гречищев 1997: 59). По некоторым данным, площадь вечной мерзлоты в России сократится более чем вдвое (Anisimov 1989: 285–293). В ближайшие 25 лет, т.е. к

2025 году, полное оттаивание вечной мерзлоты, со всеми вытекающими отсюда последствиями, ожидается в зоне шириной порядка 100 км (Гречишев 1997: 65). Исследователи подчеркивают, что неприятной особенностью глобального потепления является еще и то, что оно будет происходить очень быстро. Ожидаемый темп изменения температуры на 4–5° за 100 лет может привести к катастрофическим катаклизмам (Балобаев 1997: 88). Нетрудно представить себе, что в таком случае может произойти со значительным количеством замерзших курганов — мерзлота в них растает, а все хранившиеся в погребениях более двух тысяч лет уникальные предметы просто погибнут.

Важно подчеркнуть, что подобное явление, когда мерзлота первоначально была в погребальной камере, а затем в силу определенных обстоятельств лед растаял и большинство предметов оказалось утраченными, мы имели возможность воочию наблюдать при раскопках на Укоке. Так, курган № 1 памятника Верх-Кальджин-I явился наглядным примером влияния имеющего место потепления. С его раскопками мы опоздали, по-видимому, на несколько лет, поскольку в срубке, где лежал человек, лед растаял полностью. В результате до нас дошли лишь отдельные деревянные предметы. О том, что лед был в камере, наглядно свидетельствует разорванное на куски деревянное блюдо — явление, неоднократно зафиксированное в камерах со льдом. Об этом же говорит замерзший костяк лошади рядом со срубком, на котором частично сохранилась шерсть, и, по-видимому, почти все предметы из дерева (украшения узды, псалии) и ткани (попона, подпружный ремень) (Молодин 1995: 292–293).

Мерзлота, несомненно, была и в кургане Кутургунтас, исследованном Н.В.Полосьмак. Об этом свидетельствуют чудом сохранившиеся деревянные украшения на костях лошади и слои замороженной почвы в заполнении погребальной камеры (Полосьмак 1994). Ясны и причины, в результате которых разморозились именно эти курганы. Они заключаются в характере почвы (аллювиальный песок на Кутургунтасе), солнечной экспозиции и небольшой глубине могилы на Верх-Кальджине-I).

Из всего сказанного следует очень серьезный вывод: запрещение раскопок потенциально замерзших курганов пазырыкской культуры может нанести непоправимый ущерб науке и культуре. Мы рискуем потерять уникальный, совершенно невозполнимый пласт исторических и художественных ценностей, не говоря уже о бесценной научной информации, содержащейся в подобных объектах. Хотелось бы надеяться, что реальную опасность этого явления осознают не только представители общественности, по понятным причинам негативно относящиеся к археологическим исследованиям “не своих археологов” на территории Горного Алтая, но и руководители Республики, да и в целом России, от которых во многом зависит разработка необходимой программы для производства по существу охранных раскопок на памятниках с мерзлотой.

Балобаев В.Т. 1997. Глобальные изменения климата земли и мерзлота // Наука и образование. 2 (6). Якутск.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Гречишев С.Е. 1997. Прогноз оттаивания и распределения вечной мерзлоты и изменения криогенного растрескивания грунтов на территории России при потеплении климата // Криосфера Земли. Т. 1. № 1.

Грязнов М.П. 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.

Молодин В.И. 1995. Исследования кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин-II // АО 1994 г. М.

Молодин В.И. 1996. Исследование в Горном Алтае и Барабе // АО 1995 г. М.

Полосьмак Н.В. 1994. Стерегущие золото грифы. Новосибирск.

Полосьмак Н.В. 1996. Погребение знатной пазырыкской женщины // ВДИ. № 4.

Руденко С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., Л.

Anisimov O.A. 1989. Changing Climate and Permafrost Distribution in the Soviet Arctic // Physical Geography. 10 (3).

Molodin V. Un kourgane gele d'Époque Scythe dans le Sud-ouest de l'Altai // Dossiers d'Archeologie. № 212. Paris.

БЫКИ КАРА-БУЛУНА

Самые древние наскальные изображения, зафиксированные в Туве, относятся к эпохе бронзы. С этим временем связываются изображения личин-масок, грибоголовых человечков и быков. Фигуры быков были встречены в различных регионах Республики — в Барун-Хемчикском в урочище Чурук-Малдыг-Хая (Грач 1957: 396–398) и Бижиктиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык (Грач 1957: 400–401; Дэвлет 1990: 85–102), в Саянском каньоне Енисея на святилищах Мугур-Саргол (Дэвлет 1980), Алды-Мозага, Мозага-Комужап (Дэвлет 1990; 1993а) и Бижиктиг-Хая (Дэвлет 1993), на “дороге Чингиз-Хана” (Дэвлет 1982: 32, 42), на плите, обнаруженной на горе Хайыракан около пос. Хандагайты (хранится в Кызыльском краеведческом музее) (Дэвлет 1990: 85–102), в урочище Ямалык в Эрзинском районе (Килуновская 1990), на горе Догээ около слияния рек Бий-Хем и Каа-Хем (Килуновская, Семенов 1995) и в урочище Кара-Булун в Кызылском районе в 15 км от пос. Баян-Кол.

Петроглифы в урочище Кара-Булун были обнаружены в 1996 г. Тувинской экспедицией ИИМК и РосНИИ культурного и природного наследия под руководством Вл.А.Семенова. Местонахождение находится на правом берегу Улуг-Хема в 4,5 км от реки в узком ущелье. По этому ущелью проходит кочевая тропа в долину реки Иджим. Рисунки нанесены на отдельных вертикальных плоскостях слоистых скал, обращенных на ЮВ–В. Здесь четко различаются фигуры быков (всего 16 фигур), поверх которых нанесены тюркские рунические знаки (3 надписи — две вертикальные по 3 строки и одна горизонтальная в 1 строку) и тамги в виде креста с “луницей”. Кроме того здесь выбиты четыре фигуры козлов, одной лошади и двух оленей. Писаница выполняла роль путевого ориентира вплоть до нашего времени. Петроглифы постоянно подрисовывались с помощью резной техники, внутренняя поверхность фигур процарапывалась и шлифовалась. Скалы вокруг петроглифов покрыты современными надписями. Таким образом, в культуре кочевников это место было отмечено с древних времен и до наших дней. Это может объясняться тем, что ущелье ведет на перевал и проходящая здесь тропа существовала уже в эпоху бронзы.

С этим временем можно связать некоторые фигуры быков (рис. I, 1). Они выполнены в технике точечной выбивки. Две такие фигуры помещены в левой части скопления на отдельной скале. У них показаны массивное туловище с треугольным выступом на животе — препуцией, длинный опущенный вниз хвост, четыре вытянутые ноги. На концах ног проработаны копыта. Морды опущены вниз. На голове выбито два лировидных рога, развернутых в фас (или в “перекрученной перспективе”).

Другие фигуры быков выбиты менее глубоко с разметкой контура и шлифовкой внутренней поверхности фигур (рис. I, 3–6). Но у всех показаны аналогичные лировидные рога в фас. Выбиты две ноги, передняя направлена вперед, задняя присогнута, концы ног заострены. Линия живота плавная, без выступов. На спине — невысокий горб. Хвост длинный, свисающий вниз, морда приострена и направлена вперед. По технике выбивки с предварительной разметкой контура, плавной модели-

ровке силуэта фигур эти рисунки сопоставляются с изображениями скифского времени, но по деталям (маленькая морда, массивное туловище, лировидные рога, длинный хвост) они относятся к изображению эпохи бронзы. Особенно выделяется фигура № 5 из правой группы (рис. I, 5), перекрытая рунической надписью. Она более “изящная” — очень четкий контур рисунка, плавная линия спины, пропорциональные туловище и морда, ноги приостренные на концах (животное как бы стоит на кончиках копыт), поджарый живот. Все эти стилистические признаки характерны для рисунков копытных скифо-сибирского звериного стиля. По-видимому, этот рисунок мог появиться на скале в скифское время.

Две фигуры быков из правой группы (№ 4 и 6) были первоначально выбиты в точечной технике и по глубине выбивки сопоставимы с первыми двумя фигурами. У них были массивные туловища с плавным горбом на спине и препуцией на животе. К ним в более позднее таштыкское время пририсованы в технике глубокой резьбы металлическим предметом ноги в позе “размашистой рыси”, фигуры обведены по контуру, морды удлинены, хвосты процарапаны и на концах показаны кисточки, внутренняя поверхность между резными линиями была слегка прошлифована. Еще позднее на морде, рогах и ушах проведены глубокие косые линии. Фигура № 6 (рис. I, 12) находит очень близкие аналогии в изображениях животных на деревянных планках из могильника Тепсей III (Грязнов 1980: рис. 59–61), которые датируются первыми веками н. э. и относятся к таштыкской культуре. Фигура № 4 — самая крупная в скоплении (35 × 25 см) (рис. I, 11). В ней более четко прослеживается первоначальный выбитый рисунок. Этого быка отличает оформление рогов и ушей — рога лировидные и между ними два листовидных уха. Интересно, что уши у него помещены так же “неправильно” относительно рогов, как на окуневских изваяниях (Подольский 1997: 185). На всех других фигурах быков видны следы подновления, но они хаотичные, внутренняя поверхность фигур просто слегка поцарапана, частично снята корка загара, по-видимому для того, чтобы рисунки были лучше видны.

Несколько выделяются четыре фигуры быков, которые выполнены техникой шлифовки камня (рис. I, 7–9). Глубина их выбивки столь незначительна, что они не поддаются копированию перетиранием на специальную бумагу. Их даже очень сложно снимать на прозрачный полиэтилен. В отличие от других фигур у них показано по два дугообразных рога и короткая приостренная морда, направленная вперед. Туловище подпрямоугольное, массивное, на спине плавный треугольный горб. Хвост длинный (спускается ниже скакательного сустава). Задняя нога присогнута в лытке, передняя прямая, расположена под прямым углом к туловищу. По проработке туловища, хвоста, ног и морды эти фигуры сопоставимы с быками, которых ведут люди в длинных одеждах, на писанице Бижиктиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык. Их различия в том, что у всех карабулунских быков рога показаны в фас, развернуты навстречу друг другу, а у животных на Бижиктиг-Хая показаны по два серповидных рога, параллельных друг другу, т.е. в профиль. Быки из Кара-Булуна аналогичны быкам в композиции с лучником в грибовидном головном уборе в местонахождении Мозога-Комужап (Дэвлет 1990: 84). Интересно, что у быков и лучника здесь показаны одинаковые хвосты с утолщением на конце. Бык с такими рогами и хвостом выбит в Алды-Мозаге (Дэвлет 1993а: рис. 1).

Некоторые фигуры быков из урочища Кара-Булун соотносятся с изображениями эпохи бронзы (два быка на правой грани, на левой грани фигуры № 1а, 2, 3, 5, в центральной группе — № 1, 5, 8, 10, отдельная фигура без головы). Аналогии им известны среди изображений Тувы, Минусинской котловины, Алтая и Монголии. Лировидные рога, развернутые в фас, изображены у быка из Мугур-Саргола, на стеле

из с. Озерного на Алтае и на Калбак-Таше (Кубарев 1988: рис. 69, 75, табл. VIII). Серповидные рога в фас изображались у быков в Монголии (Новгородова 1980), на Мозога-Комужапе и Алды-Мозага в Туве (Дэвлет 1993а: рис. 1). Однако обычно рога у быков воспроизводятся в профиль — оба рога параллельны и направлены вперед. Фигур быков с рогами, развернутыми в фас, опубликовано по сравнению с профильными

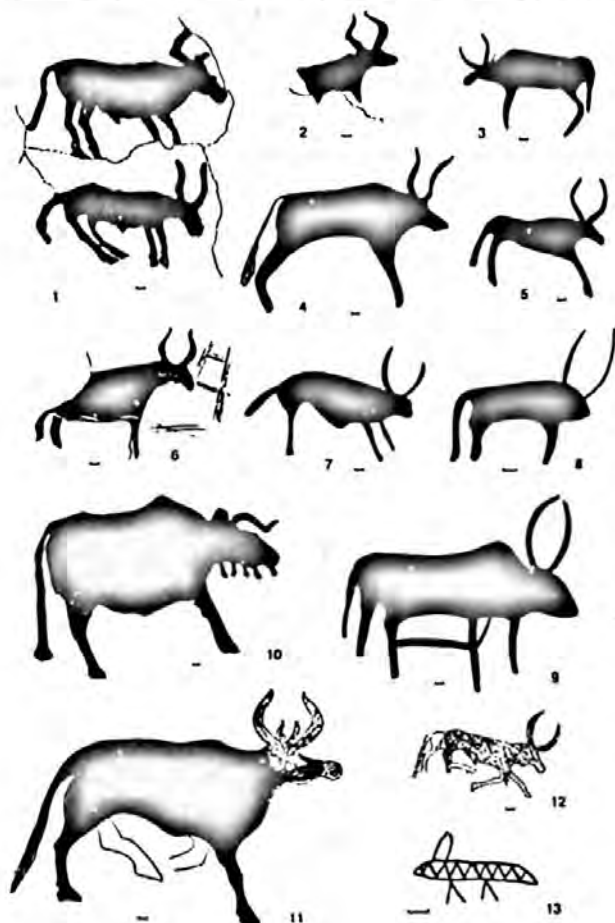

Рис. 1. Наскальные изображения быков из Тувы: 1-9, 11-13 — урочище Кара-Булуи; 10 — гора Догээ.

очень мало. Такие изображения есть во Внутренней Монголии и Индии (Дэвлет 1993а: рис. 3, 3-6). Развернутое изображение рогов характерно для личин-масок. У них показаны как лировидные, так и серповидные бычьи рога (Дэвлет 1997: табл. II). М.А.Дэвлет считает, что форма рогов у быков не может быть хронологическим признаком, так как в одних и тех же композициях встречаются быки с разными рогами, варианты которых зависят от формы рогов у реальных быков (Дэвлет 1990: 92; 1993а: 75). Нам представляется, что рога могут быть важным стилистическим признаком, так как рисунки животных на скалах являются знаковым выражением определенных идей и все элементы в структуре изображения являются признаками этих идей, тем более рога. Как правильно указал М.Л.Подольский, “изображалось не конкретное животное (его “портрет” не имел бы смысла), а мифологическое эталонное” (Подольский 1997: 185). В данном случае среди петроглифов Кара-Булуна лировидные и серповидные рога соответствуют двум разным стилистическим канонам. Эти рисунки различаются и по технике выбивки.

Интересно еще одно изображение быка в Кара-Булуне. Оно самое маленькое (6 × 3,5 см) и схематичное (рис. 1, 13). Выгравировано по контуру металлическим предметом (довольно глубоко). Прямоугольное туловище заполнено внутри орнаментом в виде зигзага (или треугольников). Ноги показаны схематично в виде двух линий, сходящихся под углом. Рога — две смыкающиеся наверху дуги. Фигура является пиктограммой. Такие изображения характерны для шаманской магии и реквизитов (бубнов, одежды, утвари и т.д.) и могли возникнуть уже в эпоху средневековья. Подобные резные орнаментированные рисунки зафиксированы на скалах в сочетании с воинами в доспехах, всадниками, которые датируются кыргызским временем. В основе их лежит прямоугольник с процарапанными внутри него треугольниками, зигзагами, линиями. Для шаманского искусства характерно воспроизведение зооморфных и антропоморфных образов в виде пиктографических схем.

На примере писаницы Кара-Булун можно говорить о том, что образ быка являлся почитаемым с эпохи бронзы до этнографической современности. В данной ситуации быки изображены на кочевой тропе, которая играла и играет большую роль в жизни местного населения. Она связывает две большие долины. В этой связи можно отметить, что образу быка в индоевропейской мифологии предавались важные “переходные” функции (Маковский 1996: 85–86; Керлот 1994: 102–103). Бык — связующее звено между небом и землей, между посюсторонним и потусторонним мирами. Если рассматривать природный ландшафт как мифологический локус, в котором каждая гора, перевал, река соответствуют определенным мифам, с ними связываются легенды и представления о населяющих их духах и божествах (Василевич 1992: 533). В этом контексте переход из одной долины в другую мог рассматриваться как переход из одной мифологической зоны в другую.

На кочевой тропе, проходящей по распадку горы Догээ (около Кызыла) нами было обнаружено изображение быка. Эта тропа соединяет долину р. Бий-Хем с долиной, которая выходит к Улуг-Хему. Здесь на скале ущелья, обращенной поверхностью на ОЗ, техникой глубокой точечной выбивки нанесена силуэтная фигура быка (размеры 33 × 23 см) (рис. 1, 10). Как и быки на Кара-Булуне, он идет слева направо. У него две ноги с проработанными копытами, передняя слегка направлена вперед, задняя приогнута. Туловище очень массивное с большим горбом. Длинный свисающий ниже скакательного сустава хвост с утолщением на конце. Подтреугольная морда с небольшим округлым ухом и одним направленным вперед лировидным рогом. Намечен глаз. Показаны пять подшейных складок или длинные волосы на шее. По многим деталям рисунка (массивное туловище с горбом, длинный хвост, морда, лировидной формы рог, форма ног) эту фигуру можно отнести к эпохе бронзы. Однако бык с Догээ отличается строгой силуэтичностью (две ноги, один рог и ухо). В этом он аналогичен крашеным рисункам быков с местонахождения Ямалык в Эрзинском районе, которые также оставлены скотоводами эпохи бронзы (Килуновская 1990: рис. 2).

“Переходные” функции быка переключаются с жертвенными. С помощью жертвы осуществляется связь с божественным миром. Принесение быка в жертву выражало проникновение мужского элемента в женский, огненного во влажный (Маковский 1996: 85–86). Также быка можно рассматривать как объект ритуального поклонения, связанного с религиозным экстазом, как предмет молитвы (на латыни “vox” — заклинание, голос, “ох” — бык). Интересно, что по данным лингвистики слово бык в индоевропейских языках связано с яйцом, которое является первопричиной всего сущего (Маковский 1996: 221–225). Личины-маски окуневского времени, которые часто воспроизводятся с бычьими рогами, можно так же сопоставить с мировым яйцом (Леонтьев 1997: 233; Дэвлет 1993: 75).

Таким образом, на скалах Кара-Булуна и Догээ фигуры быков могут рассматриваться как зафиксированные жертвы, священные животные — ыдыки, которые должны были донести просьбы и восхваления людей, возможно, переходящих перевал, до божеств или духов. При этом изображался не какой-то конкретный бык, а универсальный концептуальный образ, который был призван воплотить душу животного, его “тонкое” тело, которое только и может вознестись или спуститься в потусторонний мир. Различия в изображениях могут быть продиктованы тем, что их создавали разные люди и в разное время. Все фигуры в местонахождениях воспроизводятся по отдельности, вне композиций. Те, кто создавали эти петроглифы, стремились главным образом “назвать”, обозначить то существо, к которому они обращались. Однако кроме медиативной функции рисунки быков на скалах могли быть воплощением сверхъестественных существ, божественного начала. По закону партиципации Л.Леви-Брюля, изображение может являться одновременно оригиналом и обладать свойствами божества (Килуновская 1996: 149–153). В индоевропейской мифологии бык является воплощением и лунных, и солнечных божеств, а также мужского оплодотворяющего начала (Иванов 1987: 203; Керлот 1994: 102–103). Эта его полифункциональность объясняется древностью поклонения данному образу. Более древние лунные культы сменились солнечными, но образ при этом сохранил некоторые изначальные функции. М.Элиаде считает, что бык олицетворяет оплодотворяющее небо и отождествляется с атмосферными божествами. Рев небесного быка — это раскаты грома. М.А.Дэвлет приводит представление тувинцев о том, что при принесении быка в жертву на оваа предсмертный рев животного услышит и благосклонно воспримет дух-хозяин местности и в награду пошлет изобилие и благополучие (Дэвлет 1990: 95–96). Во время камлания шаман подражал реву быка, выражая свою мощь. Почитание быка как божества и священного животного имеет очень древние корни и было широко распространено на Евразийском континенте. Его отражение мы находим и в наскальном искусстве Центральной Азии — от эпохи бронзы и до наших дней.

Василевич Г.М. 1992. Тунгусо-маньчжурская мифология // Мифы народов мира. М. Т.2.

Грач А.Д. 1957. Петроглифы Тувы. I (проблемы датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сб. МАЭ. Т.XVII.

Грязнов М.И. 1980. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.

Дэвлет М.А. 1980. Петроглифы Мугур-Саргола. М.

Дэвлет М.А. 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.

Дэвлет М.А. 1990. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл.

Дэвлет М.А. 1993. Изображения на скалах Бижиктиг-Хая // Памятники наскального искусства. М.

Дэвлет М.А. 1993а. О наскальных изображениях быков в Туве // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово.

Дэвлет М.А. 1997. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. СПб.

Иванов В.В. 1991. Бык // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. М.

Килуновская М.Е. 1990. Наскальные святилища Южной Тувы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.

Килуновская М.Е. 1996. Наскальные изображения как элемент религиозно-мифологических представлений кочевников Центральной Азии (по материалам Тувы) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Кубарев В.Д. 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск

Керлот Х.Э. 1994. Словарь символов (Мифология. Магия. Психоанализ). М.

Леонтьев Н.В. 1997. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. СПб.

Маковский М.М. 1996. Язык — миф — культура. Символы жизни и жизнь символов. М.

Новгородова Э.А. 1989. Древняя Монголия. М.

Подольский М.Л. 1997. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. СПб.

Kilunovskaya M., Semenov V. 1995. The land in the heart of Asia. СПб.

М.А.Дэвлет (Москва)

ПЕТРОГЛИФЫ И ПЕРВОБЫТНАЯ МАГИЯ

В 1967–1968 гг. я принимала участие в работах Первого отряда Саяно-Тувинской экспедиции под руководством А.Д.Грача, и мне довелось расчищать насыпи двух разновременных, но частично перекрывающих друг друга курганов на могильнике Куйлуг-Хем I. Огромные степные пространства Тувы давали возможность найти место для захоронения усопших практически на любом расстоянии от могильных сооружений предшественников, но в данном случае пришельцы предпочли погребать сородичей рядом с прежними обитателями этой территории, наложив часть новой курганной насыпи на уже существовавшую. А.Д.Грач с большим вниманием отнесся к хронологическим и семантическим аспектам изучения взаиморасположения разновременных погребальных памятников. Сразу же в процессе раскопок на могильнике Куйлуг-Хем он сформулировал свою точку зрения на подобную стратиграфическую ситуацию. Впоследствии он писал: “Нарушители покоя древних усыпальниц были, конечно, иноплеменниками, захватившими данные территории в результате военного вторжения. Чрезвычайный интерес представляет в связи с этим серия фактов перекрывания курганами алды-бельской культуры более древних погребений монгун-тайгинского типа в Туве. На могильниках Куйлуг-Хем I, Ортаа-Хем II, III, Чинге I курганы алды-бельцев как бы подавляют собою памятники предшествовавших им обитателей Центральной Азии. На разных могильниках отмечен один и тот же прием перекрывания — алды-бельские курганы перекрывают монгун-тайгинские краями. Факты эти можно трактовать как своего рода символику победы и завоевания территории” (Грач 1980: 60–61). В данном случае в действиях пришельцев наблюдалась некая агрессивная направленность, превалировал, как отмечал А.Д.Грач, мотив подчинения. Сложилась ситуация сходная с той, о которой писал С.А.Токарев: “В общей сложности мы видим, что источником развития веры в злую магию была боязнь врага-чужеплеменника...” (Токарев 1990: 451).

В восточных горно-таежных районах Тувы с древнейших времен проживали монголоиды, в центральных районах население было преимущественно европеоидным, хотя в его составе фиксируется небольшая монголоидная примесь (Алексеев 1984: 15). “Сегодня нельзя с уверенностью ответить на вопрос, — писал И.И.Гохман, — какой из этих компонентов, европеоидный или монголоидный, был, если можно так выразиться, местным. Привычно представление о прищлости европеоидов. Но если опираться на косвенные соображения: численное преобладание расового типа в последующие эпохи, в частности в скифское время, то пришлыми надо считать монголоидов, постепенный приток которых и привел к формированию, на мой взгляд, в процессе метисации центрально-азиатской расы” (Гохман 1980: 30). Во время работ в местности Аймырлыг в Центральной Туве, где раскопано огромное количество курганов скифского времени, было обнаружено несколько погребений эпохи бронзы с инвентарем окуневского типа. В монографии “Антропология Азиатской части СССР”

В.П.Алексеев и И.И.Гохман писали, что черепа из этих погребений не сходны с черепами из погребений окуневской культуры в Минусинской котловине. Они долихокранны, массивны, с широким, высоким, сильно профилированным лицом и выступающими носовыми костями. “Эти черепа дают представление о выраженных европеоидах, морфологически похожих на те, которые описаны по материалам из могильника ранний Тулхар в Таджикистане” (Алексеев, Гохман 1984: 38).

Рис. 1. Палимпсесты: 1, 4 — Бижиктиг-Хая в бассейне р. Хемчик; 2-3, 5 — Мугур-Саргол.

Мне неоднократно приходилось беседовать с антропологами относительно возможности определения “расовой принадлежности” антропоморфных персонажей, представленных в наскальном искусстве Саянского каньона Енисея. Специалисты уклонялись от ответа на поставленный мною вопрос. Наиболее категорична была точка зрения В.П.Алексеева, полагавшего, что определять расовый тип людей по изображениям, к тому же столь стилизованным, как рисунки на скалах, слишком рискованное дело. Вполне закономерна осторожность большого ученого. И все же на сугубо примитивном, заведомо непрофессиональном уровне можно попытаться в первом приближении провести сопоставление некоторых личин: с одной стороны, верхнеенисейских, с другой — дальневосточных из Сакачи-Аляна в низовьях Амура. В первом случае акцент делается на нарочитой узколицести, что могло быть в какой-то мере признаком европеоидности персонажей, во втором — утрированно подчеркнуты черты, которые условно можно рассматривать как монголоидные — раскосые узкие глаза, округлый овал лица. Думаю, закономерно высказать предположение, что творцы

петроглифов на святилищах Саянского каньона и Бижиктиг-Хая в бассейне р. Хемчик стали в некотором роде обобщенными прототипами антропоморфных ликов, выбитых на скалах, ведь человечество зачастую творило божества по своему образу и подобию. Не исключено также, что создателями петроглифов были люди, захороненные недалеко от скал с петроглифами в безы Inventарных курганах монгун-тайгинского типа могильников Чинге I, Ортаа-Хем, Куйлуг-Хем, исследованных в результате работ Саяно-Тувинской экспедиции, и в других погребальных памятниках, еще не раскопанных. На упомянутых выше могильниках в процессе раскопок была отмечена одна и та же особенность: курганы скифского времени частично перекрывают насыпей курганов бронзового века. В искусстве петроглифов Тувы нашли отражение те же приемы злокозненной магии, оказывающие воздействие на иррациональные пласты мышления человека архаической эпохи, что и в погребальном обряде. Исследователи отмечали теснейшую внутреннюю связь между искусством и магией, которая, превращая искусство в свое орудие, поднимала его значение в глазах общества (Иорданский 1982: 190).

В скифскую эпоху для пришельцев антропоморфные божества предшественников: духи-предки, духи-хозяева местности (гор, вод, скал и др.), материализованные в личинах-масках Саянского каньона, являлись персонифицированным злом, силами опасными и непредсказуемыми. Новое население, как бывает в подобных случаях, видело в них предметы, наделенные возможностью к самостоятельным действиям, и могло их опасаться (Грачева 1977: 228). Чтобы противодействовать им, обезвредить, нейтрализовать их могущество и враждебный потенциал, пришельцам надо было принять предохранительные меры, защититься магическими средствами. “Магия так же древна, как и сам род человеческий; она так же широко распространена, как и сами люди”, — писал известный исследователь ближневосточных цивилизаций Оливер Герни (Герни 1987: 43). Для людей архаической эпохи предметы, наделенные действенной силой, продолжали обладать ею лишь до тех пор, пока сохраняли в неприкосновенности свою форму. Ее изменение делало предмет другим, лишало прежних свойств, следовательно, и ранее присущей ему силы (Иорданский 1982: 90). “Древние вовсе не стремились к дифференциации различных сторон опыта, — писал исследователь месопотамской религии Торкильд Якобсен, — тогда как мы испытываем в этом настоятельную потребность. Для древних явления суть то, чем они кажутся, и соответственно вызывают непосредственную, не подвергаемую анализу, захватывающую все существо ответную реакцию. Уяснив это, мы можем обнаружить наличие сходных, не допускающих анализа реакций и в самих себе. Предположим, кто-то попытался разорвать у нас на глазах фотографию любимого нами человека. Мы вряд ли сможем удержаться от гнева и негодования, вызванного не столько самим поступком (что, в самом деле, значит кусок простого картона?), сколько неясным, но предельно возмущенным чувством того, что посягательство на портрет есть в каком-то смысле и посягательством на того, кто на нем изображен. Сходным образом при сильном эмоциональном волнении такое ощущение внутреннего единства специфического содержания и специфической формы могло формировать мышление древних” (Якобсен 1995: 31–32).

Изображения божеств предназначались для того, чтобы длительное время обеспечить божественное присутствие. Повреждение или уничтожение подобного изображения лишало его таинственной, непознанной, но действенной силы. Если нужно было удалить жизнь, душу или духа из изображения, в которое он вселился, сибирские аборигены уничтожали его: стирали, как поступали, к примеру, эскимосы, или сжигали, подобно бурятам (Иванов 1954:

2
Рис. II. Петроглифы у подножия горы Бош-Даг: 1 — общий вид скалы; 2 — силуэтная фигура оленя.

749). Подобные магические действия можно отметить по отношению к памятникам наскального искусства в сравнительно недавнем прошлом со стороны русского духовенства. Так, в конце XIX — начале XX в. на писаной скале в бухте Саган-заба на Байкале был вырезан крест, который повредил древнюю антропоморфную фигуру. “Это, очевидно, — писал А.П.Окладников, — работа невежественных монахов Посоль-

ского монастыря, которые таким способом хотели нейтрализовать и уничтожить «бесовскую силу» священной в глазах бурят-шаманистов писаной скалы» (Окладников 1974: 21, табл. 8; 13). Такие же действия в отношении древних петроглифов мы наблюдаем на Бесовом носу на Онежском озере, где в XIV или в XV в. монахи Муромского монастыря выбили поверх фигуры «Беса» крест и монограмму Христа (Формозов 1969: 127). Видимо, подобная ситуация сложилась и в случае с личинами на скалах Саянского каньона. «Обезвреживание» пришельцами прежних святынь заключалось в том, что на скалах были повреждены именно семантически особо значимые петроглифы бронзового века: изображения антропоморфных личин, быков, фантастического животного с ярусной головой, домов небожителей. Выбитые поверх них фигуры на основании стилистических особенностей надежно датируются скифским временем. Причем вновь созданные изображения не полностью перекрывали более древние, а лишь частично, как бы символизируя не полное уничтожение святынь предшественников, а лишь подчинение заключавшихся в них таинственных сил (рис. 1).

Древние петроглифы на скалах Тувы бывают подновлены — повторно забиты или затерты. Очевидно, в сознании людей традиционных обществ, вернее, на уровне подсознания, где-то подспудно, продолжают жить осколки магических воззрений. Подновляя изображения, покрытые загаром и ставшие вследствие этого слаборазличимыми, люди пытаются активизировать скрытую в них действительную силу. В этом отношении показателен следующий случай. Высокохудожественные петроглифы у подножия горы Бош-Даг — две крупные силуэтные фигуры оленей (рис. 2, 2), были последовательно закрашены, видимо, в два приема с интервалом в год, сначала зеленой, а затем белой краской. Этот акт, судя по почерку, совершил один и тот же человек, увековечивший на скале зеленой и белой краской даты своих посещений — 5.VII.1978 г. и 5.VII.1979 г. (рис. 2, 1). Для этого он должен был по меньшей мере достать несмываемую краску и дважды пройти неблизкий путь до этой уединенной местности. Очевидно, он считал для себя этот акт обязательным и не считался ни со временем, ни с затратами, подчиняясь, надо полагать, внутреннему древнему инстинкту и силе традиций. Как ни парадоксально, неизвестный посетитель, должно быть, местный житель, совершил этот проступок, руководствуясь, судя по всему, самыми благими намерениями — желанием отметить годовщину, хорошо памятную тувинским археологам и другим участникам Саяно-Тувинской археологической экспедиции, — день рождения Александра Даниловича Грача.

Алексеев В.П. 1984. Краткое изложение антропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антропо-экологические исследования в Туве. М.

Алексеев В.П., Гохман И.И. 1984. Антропология Азиатской части СССР. М.

Герни О.Р. 1987. Хетты. М.

Гохман И.И. 1980. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. СМАЭ. Т. 36. Л.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Грачева Г.Н. 1977. Традиционные культуры нганасан // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб. МАЭ. Т. 33. Л.

Иванов С.В. 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. // Сб. МАЭ. Т. 22. М.; Л.

Иорданский В.Б. 1982. Хаос и гармония. М.

Окладников А.П. 1974. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск.

Токарев С.А. 1990. Ранние формы религии. М.

Формозов А.А. 1969. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изделия эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.

Якобсен Т. 1995. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М.

С.Г.Кляшторный, Д.Г.Савинов (Санкт-Петербург)

ПАЗЫРЫКСКАЯ УЗДА. К ПРЕДЫСТОРИИ ХУННО-ЮЕЧЖИЙСКИХ ВОЙН

Среди предметов конского убора, найденных в Первом Пазырыкском кургане, давно привлекают к себе внимание исследователей пять антропоморфных деревянных подвесок, точнее — модели человеческих голов, на узде одного из коней погребенного вождя (Грязнов 1950: табл. XVIII). Они представляют собой округлые пластины, диаметром около 10 см, на внешней стороне которых в невысоком рельефе вырезаны изображения человеческих лиц (рис. 1). Две таких же подвески украшают нагрудник боевого коня. Все изображения, с учетом индивидуальных особенностей исполнения, передают определенный изобразительный канон. Это округлое лицо с широкими скулами, коротким носом, толстыми губами и крупными миндалевидной формы глазами с четко оформленной складкой верхнего века под нависающим низким лбом. Нижняя часть лица покрыта густой бородой, заканчивающейся на скулах спиральными завитками. Выше завитков, уже на висках, находятся округлые как бы вывернутые наружу уши, между которыми показаны короткие торчащие волосы. Как семантически значимую деталь, следует отметить, что лбы у всех антропоморфных ликов были позолочены (Грязнов 1950: 34). Все изображения передают, по всей вероятности, монголоидный и в то же время несколько фантастический тип лица (как будто накладные бороды с завитками и “звериные” уши). Более реалистично выполнено изображение на центральной подвеске, но и оно не выходит за рамки установленного канона.

Отсутствие точных аналогий и в целом необычный характер рассматриваемых изображений вызвали неоднозначную оценку их со стороны исследователей. М.П.Грязнов просто назвал эти изображения “антропоморфными чудовищами”, не вдаваясь в более детальное рассмотрение сюжета. М.И.Артамонов определил их как “деревянные подвески-личины” (Артамонов 1973: 279). С.В.Киселев и С.И.Руденко рассматривали иконографические особенности этих изображений как результат влияния западных (среднеазиатских) художественных традиций и привели им аналогии в изображениях Беса из Аму-Дарьинского клада (Руденко 1953: 319–320; Киселев 1951: 373). О функциональном назначении подвесок, кроме самых общих определений (украшения, маски), никто из этих исследователей не писал.

После длительного перерыва к анализу пазырыкских подвесок, как серии изображений человека, “незаслуженно оставленной без внимания как автором находок, так и последующими исследователями”, обратились Л.Л.Баркова и И.И.Гохман, рассмотревшие, в первую очередь, антропологические особенности изображенных лиц (Баркова, Гохман 1994). По авторитетному заключению И.И.Гохмана, “на всех шести личинах, как и на носовой, изображены люди с доминированием признаков монголоидной расы”; при этом сочетание некоторых из этих признаков “характерно для центральноазиатских монголоидов с европейской примесью”. Такая характеристика “соответствует той, которая получена при изучении палеоантропологических матери-

алов из курганов” (Там же: 31). На этом основании и развивая мысль М.П.Грязнова о приношениях Аржанскому “царю” со стороны подвластных племен, авторы справедливо полагают, что “композиция ликов человека из узды и нагрудника несла не только декоративно-эстетическую, но и социально-политическую нагрузку” (Там же: 32).

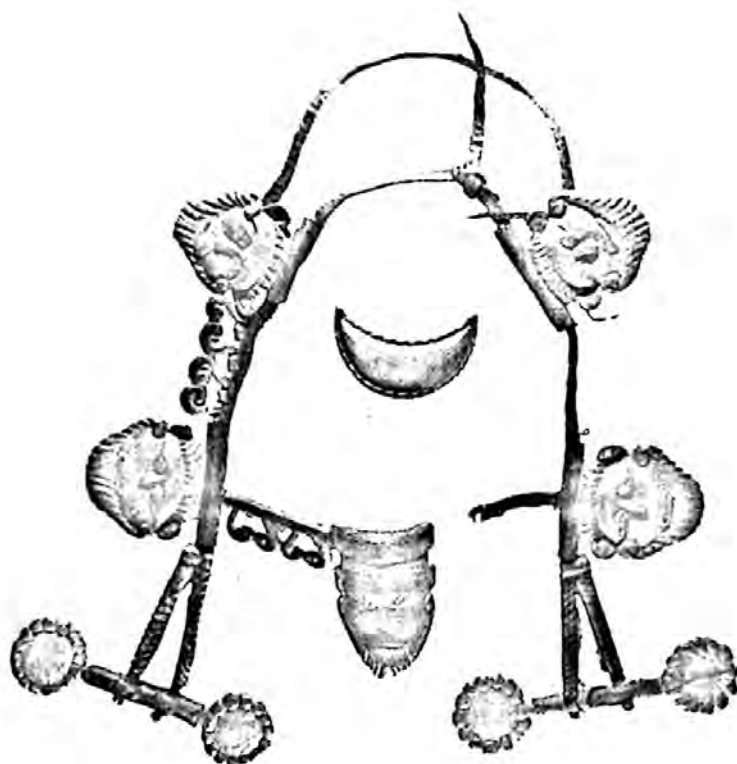

Рис. 1. Пазырыкская узда (Фото В.С.Трещенина).

Не вдаваясь в проблему антропологической характеристики населения пазырыкской культуры, находящуюся за пределами нашей компетенции, отметим, что окончательное суждение по этому поводу еще так и не высказано. В свое время о преимущественно европеоидном облике пазырыкцев писал Г.Ф.Дебец (Дебец 1948: 144–145). В обобщающей работе В.П.Алексеева и И.И.Гохмана указывается, что в пазырыкской серии представители центральноазиатских монголоидов составляют меньшинство. “Что касается европеоидного элемента, принимавшего участие в формировании населения Горного Алтая эпохи железа, то он, по-видимому, имеет местное происхождение и восходит к местному европеоидному населению эпохи бронзы” (Алексеев, Гохман 1984: 68). Немаловажен и тот факт, что в раскопанных в последние годы курганах пазырыкской знати на Южном Алтае (плато Укок) были обнаружены представители чисто европеоидного антропологического типа (Балуева 1994). Очевидно, население пазырыкской культуры было смешанным в антропологическом отношении и включало как метисные, так и европеоидные типы. Весьма показательным, что здесь же, на Южном Алтае (курган Кутургунтас) были обнаружены и деревянные антропоморфные подвески к конской упряжи с изображениями лиц монголоидного типа — второй случай после пазырыкских находок (Полосьмак 1994: рис. 114). Это свидетельствует, во-первых, о том, что практика подвешивания моделей человеческих голов к конской узде имела в пазырыкской среде, по-видимому, достаточно широкое распространение; во-вторых, что имеются все основания рассматривать их как изображения иноплеменников, скорее всего, противников пазырыкцев.

Обычай сохранения головы (черепа или скальпа) убитого врага для скифского времени наиболее подробно описал Геродот. “Когда скиф убивает первого врага, — сообщается в IV книге его знаменитой “Истории”, — он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе — нет”. Или: “Выделанной кожей скифский воин пользуется как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается доблестным мужем”. В других случаях черепа убитых врагов, но не всех, как указывает Геродот, а “только самых лютых (т.е. “сильных” — С.К., Д.С.) скифы специальным образом покрывали изнутри позолотой и употребляли как чаши” (вспомним позолоченные лбы на пазырыкских подвесках!). Точно также поступали скифы со своими родственниками, с которыми по каким-либо причинам находились во враждебных отношениях: “При посещении гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел” (Геродот 1972: 202–203). Нельзя не видеть внутренней связи между этими двумя обычаями скифов, конкретные формы проявления которых зависели от значения и социального положения побежденного. Головы (скальпы) рядовых врагов, за которых воин получал свою часть добычи, красовались на уздечке его коня, и из черепов наиболее знатных противников победители делали чаши.

Такие же обычаи зафиксированы несколько позднее и в восточных областях скифского мира. Как сообщает Сыма Цянь, у хуннов “тот, кто в сражении отрубил голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется кубком вина, ему же отдают захваченную добычу” (Таскин 1973: 41). При заключении мира между представителями Ханьского двора и Хуханье шаньюем, “используя как чашу череп правителя юечжи, разбитого шаньюем Лаошанем, они выпили вино в знак заключения договора, скрепленного кровью” (Там же). Лаошан Цзиюй, сын Маодуня, разбил юечжей в 165 г. до н.э. Следовательно, все это время (около 100 лет) череп юечжийского правителя сохранялся как реликвия. В этом рассказе о чаше, сделанной из черепа правителя юечжи и та долго хранившегося у хунну, на наш взгляд, кроется понимание смысла изображений моделей голов на пазырыкской узде. Впервые такая линия сопоставлений была предложена в работе 1989 г. С.Г.Кляшторным (Кляшторный 1989: 245–246). Близкой точки зрения при интерпретации подвесок из Кутургунгаса придерживается Н.В.Полосьмак (Полосьмак 1994: 80–87), ссылаясь при этом на исследования зарубежных авторов (Ю.Лернер и К.Робинсон, работы 1991 г.). Однако исследования в этом направлении могут и должны быть продолжены.

Памятником каких исторических событий являются модели отрубленных голов на уздечке из Пазырыка? Кто были реальные противники, победу над которыми одержали пазырыкцы? Ответы на эти вопросы во многом зависят от определения этнической принадлежности населения пазырыкской культуры и времени сооружения Пазырыка.

В литературе уже довольно устойчиво сложилось мнение о возможности сопоставления населения пазырыкской культуры с юечжами, предложенное С.И.Руденко. При этом границы расселения юечжей С.И.Руденко очерчивал достаточно широко — “в Монгольском и, возможно, Советском Алтае и южнее до Бей-Шаня” (Руденко 1960: 176, рис. 108). Известно, что до середины II в. до н.э. юечжи жили в районе Восточного Туркестана и были разгромлены хуннами в 165 г. до н.э. (Крюков 1988: 236–241), что по времени совпадает с исчезновением больших Пазырыкских курганов на Алтае. Западнее Дуньхуана исследован могильник Алагоу пазырыкско-саглынского типа с вещами, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле (Дебэн-Франкфор 1989; Погребова, Раевский 1988: 182–189). Упомянутые выше погребения пазырыкской

знати на Укоке, типичных европеоидов, находятся уже в пределах Монгольского Алтая. Легкая высокая колесница из Пазырыка V с упряжкой четверки лошадей не могла возникнуть и использоваться в условиях алтайского высокогорья, и ее следует, вероятно, связывать с открытыми степными пространствами более южных областей, где, очевидно, происходили основные события политической истории пазырыкцев (Савинов 1993: 132–133).

Исходя из всего сказанного, отождествление юечжей с племенами пазырыкской культуры может быть принято, но при условии широкого понимания границ распространения памятников пазырыкского типа, включающих территории южных районов Саяно-Алтайского нагорья, Западной Монголии и Восточного Туркестана. Именно так рассматривал их в своих ранних работах А.Д.Грач. “Ареал курганов пазырыкского типа, — писал А.Д.Грач, — включает не только территорию Алтая, но и обширные территории Центральной Азии и Восточного Казахстана. На всех этих территориях представлены памятники пазырыкского типа, оставленные племенами, которые, по-видимому, составляли весьма могущественный союз” (Грач 1967: 225). Таким могущественным союзом могли быть, в первую очередь, юечжи, что не исключает иных точек зрения в поисках археологических “эквивалентов” юечжам письменных источников (Заднепровский 1997: 73–79).

Датировка больших Пазырыкских курганов определяется в пределах второй половины V в. до н.э. (Первый курган, откуда происходят антропоморфные изображения, является вторым по времени сооружения в пазырыкской цепочке); причем, сейчас наблюдается тенденция к удревнению памятника (Марсадолов 1988: табл. 3; Марсадолов, Зайцева, Лебедева 1994: табл. 2). Однако это мнение не является единственным. Так, К.В.Чугунов, возвращаясь к старой дискуссии о датировке Пазырыкских курганов и суммировав сведения о найденных здесь восточных и западных импортных изделиях, определяет время их сооружения концом IV — началом III вв. до н.э. (Чугунов 1993). Такое хронологическое определение полностью соответствует предлагаемой ниже интерпретации, но пока не может быть принято в качестве аргумента. Поэтому, оставляя в стороне вопрос об абсолютных датах, обратимся к той исторической обстановке на севере Центральной Азии, когда изображения поверженных противников, явных монголоидов, могли появиться на узде в погребении пазырыкского вождя.

Как уже говорилось, основным объектом нашего внимания в данном случае оказываются юечжи. Юечжи, могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников, известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских государств, в III–II вв. до н.э. (Hulsewe 1979: 119–123). Но к этому времени юечжи уже были давними обитателями Внутренней Азии — “данные об юечжах, усунях и сэ (саках) свидетельствуют о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юечжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н.э., скорее всего, не позже VII–VI вв. до н.э.” (Грантовский 1975: 80).

Хотя Сыма Цянь располагает коренную территорию юечжей в конце III в. до н.э. “между Дуньхуанем и Циляншанем”, т.е. севернее Нань-шаня, в юго-западной части провинции Ганьсу (Hulsewe 1979: 120), более широкий анализ источников позволил Кадзуо Еноки утверждать, что здесь находились лишь основные центры юечжей, привязанные к древней трансасиатской торговой трассе. Реальная власть юечжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарию, Тяньшань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ (Еноки 1959: 230–231).

Глухие и неясные сведения о юечжах и их стране появились в Китае еще в доханьской литературно-историографической традиции. В несколько иной иероглифической транскрипции (юйши, юйчжи) этноним упоминается уже в трактате “Гуаньцзы” (V–IV вв. до н.э.) как название народа и страны, где в горах добывают нефрит. Позднее китайские комментаторы текста объяснят, что “юйши есть название северо-западных варваров” (Haloun 1937: 316). Страна Юйчжи упоминается в другом древнекитайском трактате, “Повествование о Сыне Неба Му”. Трактат, записанный на бамбуковых дощечках, был найден в 279 г. до н.э. в разграбленной княжеской могиле, вместе с летописью (“Бамбуковые анналы”), доведенной до 299 г. до н.э. (Кривцова 1992: 354–363). Страна Юйчжи, согласно той реалистической части маршрута путешествия Сына Неба Му, которая в точности соответствует маршруту похода Чжаоского государя Улинь-вана (325–299 гг. до н.э.), находилась в пяти днях пути к западу от нынешнего горного прохода Яньмэнгуань, на севере Шаньси, восточнее излучины Хуанхэ. Упоминается она в связи с “Нефритовой горой”. Китайские транскрипции названий юйши, юйчжи и юечжи адекватно передают одну и ту же исходную форму этнонима.¹

Другой аспект юечжийской проблемы — этнолингвистическая идентичность носителей этого имени. Столь крупные исследователи древней Внутренней Азии как Намио Эгами и Кадзуо Еноки, вслед за Г.Хэллоуном, решительно связывают юечжей со скифо-сакской этнокультурной общностью (Haloun 1937: 316; Enoki 1959: 227–232). Не менее распространена и другая позиция, согласно которой юечжи являются тем самым народом, который в античных и индийских источниках именуется тохарами. Такая идентификация серьезно подкреплена текстами середины и второй половины I тыс. н.э., обнаруженными в Восточном Туркестане, и связывает юечжей с тохарами Таримского бассейна, говорившими и писавшими на диалектах очень архаичного индоевропейского языка (тохарский А и тохарский Б) (Иванов 1967: 106–118). Опыт реконструкции этапов тохарского продвижения на восток и возможных тохаро-китайских языковых связей, предложенный Э.Пуллбланком, основательно подкрепляет гипотезу о тождестве юечжей с тохарами (Pulleyblank 1966: 9–39; 1970: 154–160).

Более определенное суждение об этнолингвистической принадлежности юечжей, казалось бы, возможно получить в результате анализа тех языковых материалов, которые представлены памятниками среднеазиатских потомков юечжей, создателей кушанской империи. Благодаря эпиграфическим и нумизматическим находкам выяснилось, что кроме греческого и санскрита, в кушанской официальной языковой практике использовался иранский язык, несомненно связанный с территорией древней Бактрии и получивший название “бактрийского” (Лившиц 1974: 312–313). Какой же язык принесли в Бактрию предки кушан, юечжи-тохары? По мнению В.А.Лившица, речь может идти только о “сакском диалекте кушан” (Лившиц 1969: 48), прямо связанным с хотано-сакскими диалектами Восточного Туркестана. Сакский язык кушан, подобно языку парфов в Парфии, исчез в результате ассимиляции пришельцев местной иранской средой (Гам же). Напротив, В.В.Иванов не исключает тохарской принадлежности первоначального языка тохар-кушан, имея ввиду тохарский диалект Кучи (Иванов 1992: 19–20).

¹ Консультация С.Е.Яхонтова, которому авторы обязаны подробным комментарием приводимых сведений китайских источников.

Рис. 2. 1 — модели человеческих голов на пазырыкской узде (по С.И.Руденко); 2, 3 — изображения хуннов из погребального комплекса Хо Цюй-бина. Прорисовки и эстампаж (по З.Такачу).

Вместе с тем, именно В.В.Иванов сформулировал гипотезу об этнической неоднородности юечжийского племенного союза, в который “на определенном этапе наряду с тохарами входили и восточноиранские племена” (Иванов 1992: 17). Учитывая, что во II в. до н.э. отнюдь не все юечжи покинули Внутреннюю Азию (согласно китайским источникам в Ганьсу и Восточном Туркестане остались “малые юечжи”), В.В.Иванов допускает “факт откочевки на запад, в Среднюю Азию, именно восточноиранского компонента этого (юечжийского — С.К., Д.С.) племенного объединения, пользовавшегося, наряду с другими, также этнонимом тохар” (Иванов 1992: 17).

Тезис об этнополитической неоднородности юечжийского племенного союза получил неожиданное подтверждение в результате петроглифических находок в юго-западной Монголии, где на скалах ущелья Цагангол (Гобиялтайский аймак), среди наскальных рисунков, помещался комплекс тамговых знаков (Вайнберг, Новгородова 1976: 69–73). Б.И.Вайнберг исследовала возможные связи цагангольских тамг и показала их единство

по начертанию и происхождению с весьма специфической группой тамг Средней Азии и Причерноморья — с тамгами на монетах царей Хорезма, Согда и Бухары, а также с сарматскими тамгами (Там же). Еще ранее ею было установлено, что родственные династии Согда, Бухары и Хорезма II—I вв. до н.э. вышли из среды кочевых племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии, но, вместе с тем, они никак не были связаны с кушанской династией (Вайнберг 1972: 146–154). Б.И.Вайнберг именует их “юечжами дома Чжаову”. Именно с этим “домом”, согласно китайским источникам, связаны все правящие “дома”, созданные юечжами к северу от Бактрии.

Очевидно, что та ветвь юечжийских племен, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее — в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юечжей. По своим генетическим связям северные юечжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья, аналогичные цагангольским тамги которых были зафиксированы для III—I вв. до н.э. (о сарматских связях юечжей см. также: Мандельштам 1974: 194–195). Цагангольский комплекс тамг свидетельствует о расселении в юго-западной Монголии, по крайней мере в пределах Монгольского и Гобийского Алтая, “во второй половине I тыс. до н.э. группы иранских племен” (Вайнберг, Новгородова 1976: 71). Тем самым, именно цагангольские тамги надежно подтверждают гипотезу о юечжийской принадлежности “пазырыкцев”, выдвинутую С.И.Руденко, и, более того, об их сарматских (восточноиранских) связях.

Этнополитическое разделение юечжийских племен и их “владельческих домов” во II—I вв. до н.э. на северную и южную группы отражает распад, после тяжелых поражений конца III в. до н.э., юечжийского (тохарского) многоплеменного объединения, создавшего до того во Внутренней Монголии архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов (Hulsewe 1979: 119–120). Об этом периоде юечжийской истории Сыма Цянь пишет: “В прежние времена (юечжи) были могущественны и с презрением относились к сюнну” (цит. по переводу: Крюков 1988: 237). Более того, хунны находились в политической зависимости от юечжей, понуждавших их посылать ко двору правителя юечже заложниками сыновей шаньюя. Последним таким заложником был Маодунь, который став шаньюем, нанес юечжам первое военное поражение и вторгся на их коренные земли в Восточном Туркестане (Hulsewe 1979: 120–121). Но лишь через несколько десятилетий наследник Маодуня “сюннуский шаньюй Лаошан убил правителя юечжей и сделал из его головы чашу для питья” (Крюков 1988: 237). После 165 г. до н.э. начался великий исход большей части юечжей на запад.

Таким образом, и прямо, и косвенно китайская историография свидетельствует о долгой истории хунно-юечжийских войн, двух периодах в истории хунно-юечжийских отношений. До конца III в. до н.э. юечжи имели явное военно-политическое превосходство над хуннами (“с презрением относились к сюнну”), которого они лишились на грани III–II вв. до н.э.¹

Когда и где стали возможными первые контакты между юечжами и хуннами? Сыма Цянь упоминает сюнну в связи с их набегами на царство Чжао (403–222 гг. до н.э.). Царство Чжао занимало южную часть провинции Хэбэй, восточную часть провинции Шаньси и земли к северу от Хуанхэ до Хэнани (Таскин 1969: 124). Под контролем Чжао

¹ О возможном происхождении и истоках культуры сюнну см. работы С.С.Миняева: Миняев 1985; 1990; и др.

находились земли севернее Ордоса, столь ценные кочевниками монгольских степей. Для противодействия им было создано несколько военных округов. Главным противником Чжао на севере и стали хунну. В середине III в. до н.э. командовал этими округами самый опытный полководец Чжао, Ли Му. В течение многих лет он противостоял хунну и даже нанес тяжелое поражение самому шаньюю. Лишь в 244 г. до н.э. он был отозван с границы (Сыма Цянь 1966: 259–260).

Много раньше на территории Внутренней Монголии, близкой к Ордосу, появились юечжи, что засвидетельствовано и археологически. Как показала Эмма Банкер, только с юечжами можно соотнести многочисленные находки во Внутренней Монголии блях с изображенными на них сценами борьбы мифических хищников, вполне пазырыкского облика, хорошо датируемых IV в. до н.э. (Bunker 1993: 99–116; 1997: 41–74). Юечжи вели активную военную политику не только на западе от Алтая, о чем свидетельствуют некоторые “трофеи” пазырыкских вождей, но и на далеком востоке Великой Степи. Здесь они встретились с очень несхожими по внешнему облику племенами.

Были ли хунны монголоидами? Антропологически подтверждаемая материалами из хуннских погребений Монголии, эта монголоидность нередко принималась с той оговоркой, что “ни изображений, ни описаний наружности хуннов и дунху мы не имеем” (Руденко 1960: 177). В отношении хуннов эта оговорка, однако, не вполне корректна. Имеется вполне убедительный иконографический материал, позволяющий найти изобразительный контекст ликам на подвесках пазырыкской узды.

В 121 г. до н.э. император Уди назначил прославленного воина Хо Цюй-бина “военачальником сильной конницы”, предназначенной для подавления хуннов на их же территории. Действия Хо Цюй-бина были столь успешны, что несмотря на скорую кончину (117 г. до н.э.), он сумел нанести хуннам невосполнимые потери. Особенно прославила его победа над хуннами у гор Цилян, на земле “малых юечжи”. Над могилой Хо Цюй-бина “был насыпан холм, по форме напоминающий гору Цилян” (Таскин 1960: 94). А на мраморе гробницы были вырезаны барельефом несколько групп его противников и сцены триумфа. В 1936 г. венгерский антрополог Золтан Такач посетил погребальный комплекс Хо Цюй-бина и снял эстампажные копии той группы, которая носила название “Кони топчут сюнну”. В 1938 г. эстампажи и прорисовки были опубликованы Такачем в Пекине (Takacs 1938: 275–277), но великолепный иконографический материал остался вне внимания исследователей. Между тем, результаты работ Такача имеют эталонное значение, и мы пользуемся случаем использовать его рисунки именно в этой функции.

Иконографически изображения хуннов из гробницы Хо Цюй-бина наиболее близки загадочным ликам на пазырыкской узде: те же признаки монголоидности выдающиеся скулы, низкий лоб, толстые губы, короткий приплюснутый нос, борода и т.рчащие вверх прямые жесткие волосы (рис. 2, 2, 3). Таким образом, имеются все основания утверждать, что позолоченные головы на пазырыкской узде, украшавшие парадный убор коня одного из юечжийских вождей — это головы убитых им воинов-хуннов, из черепов которых были сделаны золоченые чаши, свидетельство жестоких хунно-юечжийских войн IV–III вв. до н.э. В ходе этих войн, надолго задержавших западную экспансию хуннов (гуннов), юечжи создали во Внутренней Азии свою кочевническую империю и, по оценке Сыма Цяня, “достигли расцвета”. Свидетельством гегемонии юечжей в Великой Степи, когда юечжийские князья, похороненные на Алтае, сражались далеко на востоке ради власти “над народами, натягивающими лук” (Таскин 1960: 43), и стала пазырыкская узда. Прошло менее двух веков и на Алтае утвердились новые владыки Великой Степи, сделавшие золоченые чаши из черепов вождей своих прежних сюзеренов — юечжей.

- Алексеев В.П., Гохман И.И. 1984. Антропология Азиатской части СССР. М.
- Артамонов М.И. 1973. Сокровища саков. М.
- Балуева Т.С. 1994. Антропологическая реконструкция пазырыкцев Бертекской котловины // В кн. Н.В.Полосьмак "Стерегиущие золото грифы". Новосибирск.
- Баркова Л.Л., Гохман И.И. 1994. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.
- Вайнберг Б.И. 1972. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. // Буддийский культовый центр в Кара-тепе в Старом Термезе. М.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.
- Геродот. 1972. История в девяти книгах. Л.
- Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М.
- Грач А.Д. 1967. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени // СА. № 3.
- Грязнов М.П. 1950. Первый Пазарыкский курган. Л.
- Дебец Г.Ф. 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ, нов.сер. Т. IV. М.
- Дебэн-Франкфор К. 1989. Саки в провинции Синьцзян // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Иванов В.В. Языковые данные о происхождении Кушанской династии и тохарская проблема // НАА. № 3.
- Иванов В.В. 1992. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.
- Заднепровский Ю.А. 1997. Древние номады Центральной Азии. СПб.
- Киселев С.В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Кляшторный С.Г. 1989. Гуннская держава на востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // История древнего мира. Упадок древних обществ. М.
- Кравицова М.Е. 1992. "Жизнеописание Сына Неба Му". Вопросы и проблемы // ПВ. Вып. 2.
- Крюков М.В. 1988. Туркестан в III в. до н.э. – VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.
- Лившиц В.А. 1969. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.
- Лившиц В.А. 1974. Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М.
- Мандельштам А.М. 1974. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М.
- Миняев С.С. 1985. К проблеме происхождения сюнну // МАИКЦА. Инф. бюлл. Вып. 9.
- Миняев С.С. 1990. Азиатские аспекты "гуннской проблемы" // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул.
- Марсадолов Л.С. 1988. Дендрохронология Больших курганов Саяно-Алтая в I тыс. до н.э. // АСГЭ. № 29.
- Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М. 1994. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для Больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1988. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.
- Полосьмак Н.В. 1994. Стерегиущие золото грифы. Новосибирск.
- Руденко С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С.И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Савинов Д.Г. 1993. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // Историческая этнография ("Проблемы археологии и этнографии", вып. 4). СПб.
- Сыма Цянь. 1996. Исторические записки. Т. VII. / Перевод с китайского Р.В.Вяткина. М.
- Таскин В.С. 1968. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М.
- Таскин В.С. 1973. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М.
- Чугунов К.В. 1993. Датировка больших Пазырыкских курганов — новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул.
- Bunker E. 1993. Significant changes in iconography and technology among ancient China's north-western pastoral neighbors (IV-I B.C.) // Bulletin of the Asia Institute, vol. 6 (1992) — Bloomfield Hills.
- Bunker E. C. 1997. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York.
- Enoku. 1959. The Jueh-Seythians identity. A hypothesis // International Symposium on history of Eastern and Western Cultural contacts. Tokyo.
- Pulleyblank E.G. 1966. Chinese and Indo-Europeans // Journal of the Royal Asiatic Society.
- Pulleyblank E.G. 1970. The Wusun and Saka and the Jueh-chin migration // Bull. of the School of Oriental Studies, vol. 33.
- Takacs, Z. de. 1938. On the Hsiung-nu figure at the tomb of Huo Cha-ping // Monumenta Serica, t. III, fasc. 1. Peiping.
- Haloun G. 1937. Zur Uetsi Frage // ZDMG, Bd. 91.
- Hulsewe A.F.P. 1979. China in Central Asia. Reiden.

Е.Г.Фурсикова (Санкт-Петербург)

СИММЕТРИЧНЫЕ КОМПОЗИЦИИ НА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПЛАСТИНАХ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Большая часть репертуара образов бронзовых поясных пластин хуннской эпохи из Сибири, Монголии и Ордоса — это парные изображения животных в статичных позах. Определение их семантики весьма затруднительно из-за отсутствия сюжета или хотя бы движения. Тем не менее такие композиции многократно воспроизводятся на разошедшихся на огромной территории изделиях. Очевидно, что они имели определенное значение в рамках культуры, их породившей.

В данной работе предпринята попытка не буквальной расшифровки парных изображений на пластинах, а прослеживания их связей с корпусом памятников более древних, принадлежащих скифскому времени. Такое исследование не даст ответа на вопрос, что именно должны были представлять пары быков, баранов, лошадей и т.д., но исключит их интерпретацию в духе “реалистических” природных зарисовок.

Симметричные композиции — особенность не только хуннской художественной культуры. Они были распространены на значительной территории степной Евразии в гунно-сарматское время. Поскольку нас интересует принципиальная черта в искусстве, а не проблема датировки и культурной принадлежности конкретных вещей, то рассмотрение в одном ряду хуннских бронзовых пластин и предметов из Сибирской коллекции Петра I представляется оправданным. Тем более, что вопрос точного времени создания и места происхождения последних пока не решен, а в формально-изобразительном плане часть золотых изделий из Петровского собрания имеет много общего с достоверно хуннскими вещами: набор и трактовка образов и сюжетов, характер декора и орнаментального обрамления, особенности размещения фигур в изобразительном пространстве.

Значительное число бронзовых пластин имеют следующие характеристики: прямоугольное поле, абсолютная идентичность персонажей слева и справа, почти полное отсутствие дополнительных элементов, фигуры занимают все пространство. Из подобных изделий наиболее интересна для нас пластина с двумя баранами (рис. 1, 1).

Известно, что бронзовые пластины тиражировались путем оттиска оригинала в глине и повторной отливки в полученную форму. Благодаря этому возможно установить, что исходный образец для изображения на упомянутой вещи существенно от него отличался. В первоначальном варианте животных было три (рис. 1, 2). Впоследствии, видимо, центральный персонаж был удален на глиняной матрице и получена новая композиция — парная. Что последовательность была такова и перед нами не просто похожие предметы, свидетельствуют “остатки” рогов среднего барана в листве. Если бы не эта деталь, то по декору, идущему по краю пластины, трудно было бы заподозрить, что произведено изъятие части изображения.

Не исключено, что сходный прототип имелся и для другой бляхи с парой баранов (Дэвлет 1980: рис. 2, б). Две фигурки, данные почти в том же развороте, что и на предыдущей, и не связанные действием, кажутся приставленными друг к другу. Учитывая эти факты, можно внимательнее изучить пластины с двумя быками или яками. Некоторые из них (Дэвлет 1980: рис. 1, 1, 7), вероятно, такими и были изначально. На других (Там же: табл. 5) над шеями животных прослеживаются остатки, судя по всему, ветвей, как будто растущих по направлению из центра. Очевидно, в первоначальную композицию был включен еще один элемент, позже изъятый; возможно, дерево.

Что такие операции не были случайностью, а производились сознательно, подтверждает и пример из Сибирской коллекции. В ее состав входят золотые пластины с изображениями пар драконов, большие и малые (Руденко 1962а: табл. IX, 6–8). Они могут и не быть одним набором, но бесспорно, их декор восходит к единому образцу. Малые бляшки лишь представляют его “сокращенный” вариант, так как растительный побег (предположительно соответствующий мотиву “мирового древа” в общеазиатской традиции) удален. Существа оказались слепленными друг с другом пасть в пасть, а в самой сцене исчезла всякая повествовательность и возможность ее соотнесения с какой-либо мифологической схемой¹. Технологически такая же манипуляция была проделана и с другими предметами, близкими хуннским бронзам, хотя результат и несколько отличается от описанного выше. Речь идет о золотых пластинах со сценой терзания тигром верблюда из Сибирской коллекции (Руденко 1962а: табл. V, 2, 3). По счастливому совпадению, в это собрание попал и экземпляр, полученный путем дублирования их широких частей. Получилось, что двухглавый монстр-тигр борется с парой верблюдов (рис. 1, 3)².

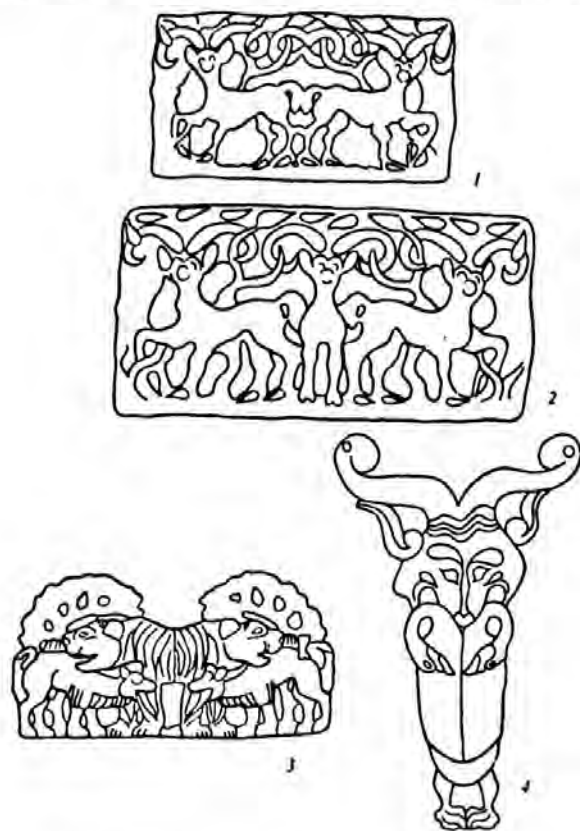
Описанные изменения исходных композиций могли быть сделаны с целью подражания предметам инокультурного происхождения. Само по себе это частое явление в истории искусства. Но для понимания причины такой ориентации необходимо установить, что являлось образцом и какое значение имели изображения-прототипы в родной им культурной среде.

Композиционная схема из двух зеркально отраженных фигур восходит к произведениям скифского звериного стиля. Едва ли не основная масса декора вещей в культуре скифской эпохи — это сдвоенные фигурки и головы животных и птиц. Лучше всего проясняется их семантика на примере находок из Пазырыка. Ключом может служить налобная бляха из кургана V (рис. 1, 4). В пасти рогатого грифона находится птица, но эта несложная сцена передана необычно. Голова зверя составлена из двух профилей, половинки нижней челюсти лежат по бокам, а птица состоит из двух фигур, имеющих, однако, общую пару ног и один хвост и соединенных по линии спины. Все изображение является плоскостной разверткой трехмерных объектов. Исходя из смысла данной композиции, мы должны интерпретировать сдвоенное изображение как представляющее одно существо.

¹ Право на их сравнение с хуннскими бронзами дает не только характер декора, но и сам персонаж — ср. с изображением на цилиндре из Суджинского или на пластине с борьбой животных из Иволгинского могильника. В свою очередь, он может сближаться с вариантами иконографии Бай-ху в китайском искусстве.

² Интересно, что симметричная развертка этого монстра дана на вышитой завесе из Ноин-Улы (Руденко 1962: табл. XLIX, L, Z).

Среди алтайских находок это не единственный образец использования данного изобразительного приема. В качестве примеров можно указать известные пряжки с головами лосей из коллекции Фролова (Руденко 1953: табл. LXXXI, 5, 9); украшения лук седел из II Пазырыкского кургана с головой кошачьего хищника, данного в такой же симметричной развертке, и с

же симметричной развертке, и с головами лосей, соединенных между собой (Руденко 1953: табл. XLVIII, 1, 2, LIII, 1); и многие другие. Характерные особенности изображений на всех этих предметах — абсолютное зеркальное совпадение правой и левой части, отсутствие между ними свободного пространства и дополнительных объектов; соединение левой и правой фигуры или их частей, хотя бы в одной точке. Очевидно, что указанный прием воссоздания объема на плоскости достаточно условен, однако он является одной из основных характеристик скифо-сибирского звериного стиля¹. Причем, в данном случае можно говорить не просто о своеобразии художественной традиции, как внешней особенности стиля, но о глубоко обусловленном психологически способе передачи предметов.

Рис. 1. 1 — Бронзовая бляха. Ордос (по М.А.Дэвлет); 2 — Бронзовая бляха. Ордос (по М.И.Артамонову); 3 — Золотая пластина. Сибирская коллекция (по С.И.Руденко); 4 — Налобная роговая бляха. Пазырык, курган V (по

культур, в которых они существуют, посвятил отдельное исследование К.Леви-Стросс (Леви-Стросс 1985: 216–240). В числе последних могут быть названы цивилизации индейцев Северной и Южной Америк, древнекитайская цивилизация, некоторые культуры эпохи бронзы на территории Евразии.

В большинстве случаев (например, тотемные столбы индейцев Северо-Запада, китайские бронзы, окуневские стелы, произведения скифо-сибирского искусства) симметрично развернутое изображение мыслится единым с вещью. Оно не отделяется рамкой, для него не создается особое поле. Воспроизведенное таким образом существо входит в само тело предмета. Можно думать, что изображение еще не стало неким абстрактом, знаком животного, явления или понятия, а отождествлялось с ним. Поэтому, например, борьба,

¹ Я.А.Шер называет билатеральную манеру изображения кошачьего хищника одним из наиболее ранних элементов скифо-сибирского звериного стиля (Шер 1992: 40).

шедшая на погребальных уборах коней из Пазырыка, могла представляться реальной, имевшей действительную силу, а не только символизировать ее. Видимо, при таком подходе для перевода объекта из объемной формы (телесной, естественной) в плоскостную (абстрактную относительно первой) требовалось его разложение на составляющие с последующим синтезом в “скульптурное” целое при восприятии. С известной долей допущения можно назвать такой способ видения вещей более архаичным.

Вероятно, у хуннов сохранились лишь его реминисценции. То, что сами симметричные композиции на пластинах гунно-сарматского времени являются производными от образцов скифского искусства, у нас не вызывает сомнений, но затруднительно утверждать, что воспринимались они также. Скорее, в хуннскую эпоху парные изображения становятся более иконографической схемой, нежели манерой передачи трехмерных объектов. Об этом говорит и заключение двойных образов в рамку, ограничивающую изобразительное пространство, и возможное добавление второстепенных деталей, и нарушение слитности фигур, и анфасные изображения обеих частей. Но очевидно, что хунны понимали отличие зеркально-симметричных образов от геральдических композиций “классического” типа, распространенных на Востоке, и сознательно стремились переделать последние в подобие первых, возможно, из подражания искусству скифских племен.

Черты геральдической композиции В.Н.Топоров определяет так: “Ее важнейшей особенностью было выделение **центрального** места, занимаемого мировым деревом, и двух соседних мест — **одного справа, а другого слева**, — занимаемых обычно копытными или человеческими изображениями. В принципе же горизонтальная композиция была открытой, о чем свидетельствуют, например, древние фризы Двуречья или Индии. Семантика центрального элемента горизонтальной композиции определялась противопоставлением двум смежным элементам: **объект почитания** (цель ритуального действия) — **участники ритуала**” (Топоров 1972: 94).

Ясно, что зеркально-симметричные образы не подчиняются этим условиям. Между их составляющими не возникает никаких взаимоотношений и нет никаких критериев для их разграничения. Более того, они имеют тенденцию слияния в единый персонаж. Затем, зеркально-симметричные композиции замкнуты, включение третьего элемента без ущерба их смыслу не представляется возможным. Кроме того, отсутствует какое-либо представление о пространстве, что исключает возникновение соподчиненности, взаимозависимости элементов, благодаря которым была бы возможность перевести изображение в вербальные символы, “рассказать”.

Несомненно, что перечисленные особенности обоих видов композиционных построений отчетливо осознавались мастерами гунно-сарматской эпохи, поэтому с некоторых бронзовых пластин и удалялись центральные части. Неясно только, как сосуществовали близкие к симметрично-развернутым и геральдическим изображения, какие из них были приоритетными и зачем надо было отливать вещь, чтобы позже ее переделать. Однако все же мы имеем комплекс изображений, в корне отличных от подобных им внешне переднеазиатских (шире — древневосточных) и сознательно им противопоставлявшихся. Генезис симметричных композиций хуннских бронз от скифо-сибирской художественной традиции, хоть и не будучи глубоко обусловлен психологически, намечает линию последовательного самостоятельного развития степного искусства, не связанную с изобразительной культурой более развитых цивилизаций Древнего Востока.

- Артамонов М.И. 1973. Сокровища саков. М.
- Дэвлет М.А. 1980. Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н.э. — I в. н.э. // САИ. Д 4-7. М.
- Левин-Стросс К. 1985. Структурная антропология. М.
- Руденко С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.
- Руденко С.И. 1962. Культура хуннов и Ноннулинские курганы. М.; Л.
- Руденко С.И. 1962а. Сибирская коллекция Петра I. // САИ. Д 3-9. М.
- Топоров В.Н. 1972. К происхождению некоторых позитических символов // Ранние формы искусства. М.
- Шер Я.А. 1992. Луристан, Зивие и скифо-сакский звериный стиль // Культура Востока: проблемы и памятники. Кр. тезисы докладов науч. конференции. СПб.

Д.А.Мачинский, К.В.Чугунов (Санкт-Петербург)

АТРИБУТЫ ЖЕНСКОГО КУЛЬТА В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ САЯНО-АЛТАЯ

(пути генезиса, археологический и семантический аспекты)

В своей последней монографии А.Д.Грач первым обратил внимание на своеобразные подвески, встречающиеся среди сопроводительного инвентаря саглыных погребальных срубов. В литературе они получили наименование “колоколовидные”, так как действительно имеют некоторое сходство с колокольчиками. Эти предметы имеют трехчастное деление: верхняя часть с отверстием для подвешивания, под ней перехват, часто оформленный в виде рельефных горизонтальных полос, ниже — конический раструб. Подвески изготавливались как из бронзы, так и из кости или рога. Изделия, выполненные из более мягкого материала, часто украшены дополнительными гравировками или более сложным рельефным узором. Одна из обнаруженных в могильнике Саглы-Бажи II подвесок (рис. 1, 19) имела вместо отверстия в верхней части изображение человеческого лица с прической, завершающейся ниспадающей косой. А.Д.Грач, проанализировав эти предметы, пришел к выводу, что они являются женскими амулетами, посвященными “Великой богине — матери всего сущего”, культ которой имеет переднеазиатское происхождение (Грач 1980: 66–69).

Новые материалы, полученные в результате исследований последних лет, позволяют вновь вернуться к открытой А.Д.Грачом теме и несколько пересмотреть проблему генезиса образа, легшего в основу женских подвесок скифского времени из Тувы.

В настоящее время “колоколовидные” подвески найдены в Туве не только в саглыных памятниках, но и в могилах алдыбельской культуры. Они происходят из детских погребений, половая принадлежность которых не устанавливается. Тем не менее, в одном случае (могильник Когто, курган 2, могила 4 — раскопки К.В.Чугунова 1996 г.) (рис. 1, 13–15) можно предположить, что три костяные орнаментированные подвески были помещены в могилу девочки, так как в состав инвентаря входила бронзовая пектораль, аналогичная найденной в женском погребении этого комплекса.

В уюкско-саглыных памятниках рассматриваемые подвески встречены как в женских, так и в детских могилах. В одном случае (могильник Догээ-Баары II, курган 21, могила 2 — раскопки К.В.Чугунова 1990 г.) также по сопутствующим вещам можно предположить, что они сопровождали девочку.

Во всех случаях, где это зафиксировано, “колоколовидные” подвески найдены в районе пояса. В одном женском погребении могильника Догээ-Баары сохранились ремни, за которые они были подвешены к кушаку (рис. 1, 16). Отметим также, что, как правило (за редким исключением), эти предметы находятся в могиле в нескольких экземплярах.

Археологическая ситуация нахождения “колоколовидных” подвесок в памятниках ранних кочевников Тувы поразительно совпадает с ситуацией находок известных костяных пластинок с изображением женского лица и каменных головок в могилах окуневской культуры (рис. 1, 1–6) в Хакасско-Минусинской котловине (далее ХМК). Они также обнаружены в женских и детских захоронениях и обычно тоже по несколько экземпляров в одном погребении.

Однако утверждать генетическую связь культовых предметов, отстоящих друг от друга по временной шкале почти на тысячелетие, было бы рискованно, не заполнив лагуну соответствующим материалом. Связующим звеном здесь является культурный комплекс карасукского поселения Торгажак, где найдена большая серия орнаментированных галек (рис. 1, 10–12), в основе изображений на большинстве из которых лежит женский образ (Савинов 1996: 38–45). Отметим, что орнаментированные камни, восходящие к той же изобразительной традиции, найдены на стоянках эпохи бронзы в Туве (Семенов 1992: рис. 1, 9) и на Алтае (Кунгурова 1991: рис. 6–7).

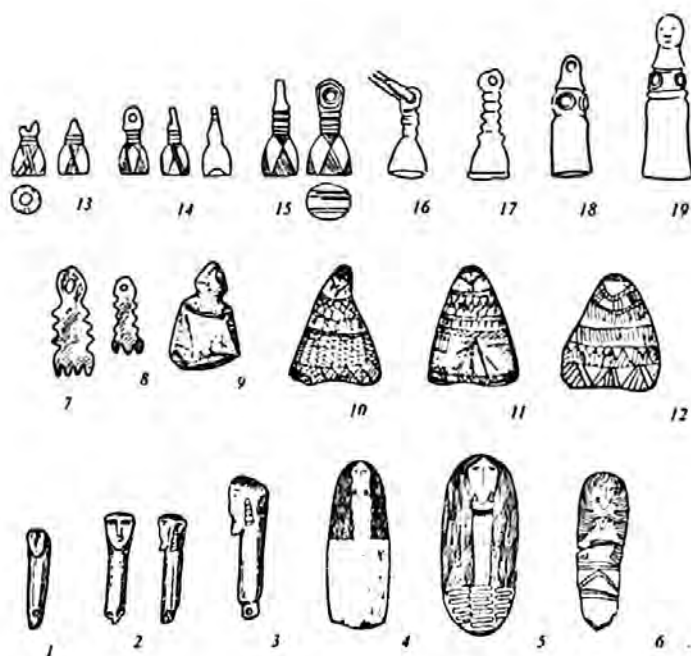

Рис. 1. Атрибуты женского культа: 1, 2 — Верх. Аскиз I, к.2, м.11; 3, 5, 6 — Черновая VIII, к.9, м.7; 4 — Черновая VIII, к.8, м.13; 7, 8 — Аскиз, к.8; 9 — Торгажак, жил. 2; 10 — Торгажак, яма 28; 11 — Торгажак, жил. 6; 12 — Торгажак, жил.7; 13–15 — Копто, к.2, м.4; 16 — Догээ-Баары II, к.17; 17 — Элдик-Кежик-Аксы, к.1, м.2; 18, 19 — Саглы-Бажи II, к.9. (1, 2 — по А.А.Ковалеву; 3–5 — по Э.Б.Вадецкой, Н.В.Леонтьеву, Г.А.Максименкову; 7, 8 — по Н.Л.Членовой; 9–12 — по Д.Г.Савинову; 13–16 — по К.В.Чугунову; 17 — по М.Х.Маннай-оолу; 18, 19 — по А.Д.Грачу. 1–3, 13–15, 18, 19 — кость; 4–6, 9–12 — камень; 7, 8, 16, 17 — бронза).

На то, что традиции окуневской культуры были живы у населения, оставившего Торгажак, указывает находка в жилище I каменного блока с простейшей окуневской личиной (Савинов 1996: 29, рис. 5). Не исключено, что гравированные гальки Торгажака генетически связаны с костяными пластинами из окуневских могил.

Еще одна находка из Торгажака — каменная антропоморфная фигурка (Савинов 1996: 28, рис. 4, 1) — напоминает “колоколовидные” подвески скифского времени из Тувы: характерен перехват в верхней части, отделяющий “голову”, под ним горизонтальная линия и гравированный узор вдоль плоского основания (рис. 1, 9). Не исключено, что такая форма родилась еще в окуневское время, если справедливо предположение Э.Б.Вадецкой о том, что стеатитовые стержни с головками имели “одежду” из органического материала, иногда вышитую бисером (Вадецкая 1980: 71).

Кроме того, в карасукской культуре широко представлена категория вещей, имеющих аналогичную изобразительную схему. Это так называемые лапчатые подвески (рис. 1, 7, 8), находимые, как правило, в женских могилах и изображавшие, по мнению ряда исследователей, женщин (Липский 1956: 128; Новгородова 1970: 144–146). Действительно, эти предметы по сути воспроизводят в плоском изображении тувинские “колоколовидные” подвески. Различное количество выступов- “лапок” в основании предмета позволяет предположить, что важно было показать не сами выступы, а промежутки между ними, образующие орнаментальный ряд, аналогичный гравированным треугольникам в нижней части костяных изделий из Тувы и галек из Торгажака, изображающих женщин.

Итак, традиция изготовления женских антропоморфных изображений имеет в Саяно-Алтайском регионе глубокие корни. Кратко очертим основные этапы ее развития.

Этап I. Воздвижение в ХМК огромных (до 4,68 м) стел, начавшееся, как убедительно показано, еще до сложения окуневской культуры (Шер 1980: 229; Кызласов 1986), вероятнее всего, в период существования афанасьевской культуры (Мачинский 1995; 1997а; 1997б). Из этих стел одиннадцать имеют пластически выявленные девичьи груди и по сумме признаков определяются как изображения сакрализованных рогатых дев. Видимо, большинство других стел также представляют образ девы. Лишь одна стела может быть достоверно определена как изображение сакрализованного “мужа”. На многих стелах изображена поднимающаяся вверх из середины “черепа” одна или несколько линий, иногда скомпонованных в виде сужающегося “коридора”, внутри которого как бы движутся вверх все более упрощающиеся лики; на самом верху линий или коридора иногда изображен максимально упрощенный лик, напоминающий детское лицо. Напомним, что такие стелы в подавляющем большинстве стояли в непоколебленном состоянии с III тысячелетия до н.э. до начала тагарской культуры (VIII–VII вв. до н.э.), несомненно пользовались почитанием и оказывали воздействие на религиозные представления жителей ХМК, несмотря на изменения этнического состава населения. Отметим в рамках этой же традиции наличие “портативных” изображений в виде каменной яйцевидной трехглазой головы (Липский 1970: рис. 11, 12).

Этап II. В окуневской культуре ХМК, судя по всему, продолжается традиция создания стел с трехглазыми ликами, однако они уменьшаются в размерах, а изображения схематизируются и упрощаются. Наряду с этим возникает собственно окуневская традиция изготовления каменных женских головок и костяных пластин с изображением молодого женского лица, находимых в женских и детских могилах. На каменных головках наблюдается та же уплощенность свода черепа, что и на черепах окуневцев (Мачинский 1997а: 271, табл. I, 5–7), которую антропологи объясняют намеренной деформацией, возникавшей в младенческом возрасте, в результате помещения ребенка в очень короткую и жесткую колыбель с подкладыванием под голову некоего предмета (Беневоленская, Громов 1997: 293). Из этого следует, что окуневские каменные ящики воспроизводили форму колыбели¹.

Этап III. Карасукская культура, где “женская тема” представлена лапчатыми подвесками. Однако на поселении Торгажак, относящемся к завершающему этапу карасукской культуры (радиоуглеродные даты попадают в интервал 954–758 гг. до н.э.),

¹ Подробнее об этом см.: Соколова 1995.

обнаружено большое количество галек с гравированными изображениями, среди которых отчетливо выделяются два изобразительных мотива — женская фигура с угловатым лицом в богато орнаментированной одежде и фигура запеленутого младенца (Савинов 1996: 38–45).

Этап IV. Фиксируется смещение традиции в Туву, где в алдыбельских и уюкско-саглыньских погребениях (женских и детских) обнаружены описанные выше “колоколо-видные” подвески. В это время в ХМК при сооружении тагарских могил начинается массовое использование ранних “афанасьевских” стел.

Рис. II. Изображения на римских монетах II–III вв. н.э. По Radet (1909).

Все это позволяет сопоставить археологически прослеженные факты с данными письменной античной традиции о северо-восточных гиперборейях и тесно связанных с ними аримаспах (подробнее см. Мачинский 1995; 1997а; 1997б).

1. Посольства гиперборейских дев, отправлявшихся ежегодно из-за Рипейских гор

на Делос с “начатками плодов” в храм богини-девы Артемиды (позднее — и Аполлона), прекратились в эпоху ранних кочевников, уже во времена Геродота, который видел на этом острове их почитаемые могилы (Herod., IV, 32–35). Поскольку Артемида и Аполлон, а также архаический поэт Олен, сочинявший гимны в честь гиперборейянок, имеют малоазийское происхождение, естественно предположить, что первоначально посольства отправлялись в некое малоазийское святилище богини-девы. Напомним, что одним из образов многоликой Артемиды была Артемида-родовспомогательница.

2. Единственный глаз аримаспов “на прекрасном челе” соответствует третьему глазу афанасьевско-окуневских “рогатых” изображений и связан с мотивом борьбы аримаспов с сакральными стражами-грифами за обладание золотом, воплощавшим в мировоззрении ираноязычных этносов Скифии божественный огонь и свет (Мачинский 1996; 1998).

3. По Эсхилу, рогатая дева Ио достигает на востоке области аримаспов и грифов, после чего поворачивает на юг.

4. В соответствии с “гиперборейским мифом”, зафиксированным в псевдоплатоновском диалоге “Аксиох”, посмертным странствованием душ руководит “элевсинская богиня”, то есть Кора-Персефона, по изначальной сути своей, выраженной в ее первом имени, являющаяся божественной девой (Шейнман-Топштейн 1988).

Добавим к этому, что, по мифологии иранцев, хозяйкой мужского семени была горная богиня-дева Ардвисура-Анахита, первоначальный культ которой естественнее всего связать с Алтаем (Мачинский 1997б; 1998). Никакой специальной “богини материнства и плодородия” в древнеиранском пантеоне не отмечено.

Видимо, в эпоху ранних кочевников происходят существенные изменения в религиозной традиции приалтайских областей, в том числе и ХМК: прекращаются “посольства гиперборейских дев”; возникает учение Заратуштры, которое сложилось в областях, лежащих к юго-западу от Алтая, но, как можно предполагать по археологическим данным,

затронуло и ХМК (Кузьмин 1994: 33); складывается специфическое мировоззрение ранних кочевников, выраженное в “зверином” стиле. С этими изменениями можно связать и использование ранних “трехглазых” стел при строительстве тагарских курганов, и смещение некоторых элементов религиозной традиции ХМК в Туву и на Алтай.

Перенос центра традиции произошел, конечно, не одновременно. Об этом говорят находки в Туве орнаментированных галек в комплексах с окуневской керамикой. Кроме того, здесь известны две лапчатые подвески, одна из которых найдена в ограде раннетагарского облика (Дэвлет 1995: 177). Вероятно, определенные культурные инновации, связанные с женским культом проникают в Туву уже в окуневское время. То, что окуневские традиции сыграли заметную роль в погребальном обряде алдыбельской культуры, уже отмечалось (Мандельштам, Стамбульник 1980: 53; Савинов 1994: 82). Распространенные в Туве наскальные изображения “масок” мугур-саргольского типа созданы носителями окуневских традиций, утратившими полное понимание первоначального образа (Чугунов 1997: 239). Некоторые из них, возможно, датируются уже раннескифским или переходным периодом. В то же время, характерных для ХМК изваяний с трехглазыми ликами в Туве неизвестно. Это говорит о том, что традиция их изготовления была неизвестна носителям местной культуры окуневского типа.

Чрезвычайно продуктивно указание А.Д.Грача на регион Передней Азии, как исходный при сложении традиции изготовления “колоколовидных” подвесок и, в частности, на “курильницы”, изображаемые на предметах доахеменидского и ахеменидского искусства как их прообраз. Представляется вероятным, что сами “курильницы” являются упрощенным изображением богини (Грач 1980: 67).

В связи с этим укажем на территориально удаленную аналогию тувинским подвескам (в их антропоморфном и геометризованном вариантах) — изображение великой малоазийской богини из Сард (древняя Лидия), вобравшей в себе образы Хозяйки зверей, Артемиды и Анахиты (Radet 1909: 104, pl. I, IV). Эти изображения представлены на римских монетах II–III вв. н.э., но воспроизводят (как это подтверждается и сообщением Павсания, III, 63) древнейший образ богини, некогда воплощенный в ксоане архаической эпохи (VIII–VI вв до н.э.). Статуя-ксоан богини изображена на монетах в более антропоморфном и в более геометризованном вариантах (рис. II). Четыре кружка, помещенные ниже “головки”, на подвесках из кургана 9 Саглы-Бажи II (рис. 1, 18, 19) могут соответствовать двойному ряду кружков-грудей (многогрудая Артемида) на антропоморфных изображениях богини из Сард.

Дальнейшую судьбу женского культа в Саяно-Алтайском регионе подробно рассмотрел в своей работе А.Д.Грач (Грач 1980: 69). В связи с этим интересно приведенное Э.А.Новгородовой сопоставление карасукских лапчатых подвесок с украшениями праздничного головного убора незамужних девушек у дархатов Монголии (Новгородова 1970: 146). Трансформация культа на протяжении его существования, конечно, весьма вероятна. Об этом говорит изменение формы подвесок. В уюкско-саглыньских комплексах наряду с “колоколовидными” подвесками встречены и другие, выполненные в виде слабоизогнутого рога, орнаментированного горизонтальными резными линиями или ступеньками. При этом раструб у этих предметов полый, так же как и у большинства “колоколовидных”. Не исключено, что эта емкость использовалась для разбрызгивания какой-либо жидкости в качестве жертвоприношений божеству, так же как у современных тюркских народов применяются специальные ложки-девятиглазки.

Думается, что рассмотренный круг археологических реалий имеет отношение к культу богини-девы и ее служительниц, священных дев, вероятно, посвящавшихся богине с детских лет, а также к темам существования души после “выхода из тела” (при экстазе и смерти) и реинкарнации. Эта религиозная традиция имела давние и глубокие корни в сакральном центре ХМК, а позднее и в Туве, но одновременно получала дополнительные импульсы из Передней Азии, а позднее и из Эгеиды.

- Беневолинская Ю.Д., Грязнов А.В. 1997. Морфология затылочной-теменной области черепов окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Вадецкая Э.Б. 1980. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.
- Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Дэвлет М.А. 1995. Погребение эпохи поздней бронзы в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Кызыл.
- Кузьмин Н.Ю. 1994. Курган у деревни Новомихайловка. СПб.
- Кунгурова Н.Ю. 1991. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Кызласов Л.Р. 1986. Древнейшая Хакасия. М.
- Липский А.Н. 1956. Археологические раскопки в Хакасии // КСИИМК. 64.
- Липский А.Н. 1970. Енисейские изваяния. Абакан.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. 1980. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
- Мачинский Д.А. 1995. Минусинские "трехглазые" изображения и их место в эзотерической традиции // Проблемы изучения окуневской культуры (сборник докладов конференции). СПб.
- Мачинский Д.А. 1996. Земля аримаспов в античной традиции и "простор ариев" в Авесте // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб.
- Мачинский Д.А. 1997а. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Мачинский Д.А. 1997б. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV — середине I тыс. до н.э. // Stratum. Структуры и катастрофы. I. СПб; Кишинев.
- Мачинский Д.А. 1998. Страна аримаспов, "простор ариев" и "скифские" зеркала с бортиком // История и культура древних и современных обществ. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М.И.Артамонова. СПб. (в печати)
- Новгородова Э.А. 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.
- Савинов Д.Г. 1994. Тува раннескифского времени "на перекрестке" культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс. СПб.
- Савинов Д.Г. 1996. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.
- Семенов Вл.А. 1992. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.
- Соколова Л.А. 1995. Погребение в колыбели окуневского могильника Уйбат V // АВ. № 4. СПб.
- Чугунов К.В. 1997. Новые находки личин в верховьях Енисея // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Шейнман-Топштейн С.Я. 1988. Восточные влияния в платоновских текстах // Античность как тип культуры. М.
- Шер Я.А. 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.
- Radet G. 1909. Cybebe. Etude sur les transformations plastiques d'un type divin. Paris.

В.П.Дьяконова (Санкт-Петербург)

КУЛЬТОВАЯ СКУЛЬПТУРА МОГИЛЬНИКА КОКЭЛЬ

Антропоморфные фигурки на могильнике Кокэль были обнаружены в курганах-кладбищах гунно-сарматского времени. Начало исследования памятника относится к 1959 г. Это был третий полевой сезон Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (далее ТКАЭЭ) Ленинградской части Института этнографии АН СССР (ныне МАЭ "Кунсткамера" РАН). Археологический отряд ТКАЭЭ (руководитель А.Д.Грач) сначала произвел разведывательный маршрут в бывшем Сут-Хольском районе Республики Тыва. Разведкой было охвачено левобережье р. Хемчик от Хор-Тайги до р. Алаш и отрогов хребта Кызыл Тайга. Для исследования конкретных могильных комплексов решением начальника экспедиции проф. Л.П.Потапова отряд был разделен на две группы. Группе под руководством С.И.Вайнштейна А.Д.Грач поручил исследование могильника Кокэль. Визуальное состояние могильника было удручающим. Практически все каменные насыпи курганов подверглись разрушению из-за использования камня для хозяйственных и дорожных работ местными организациями.

Могильник Кокэль раскапывался несколько полевых сезонов в 1959, 1960 и 1962 гг. под руководством С.И.Вайнштейна; с 1963 по 1966 гг. — В.П.Дьяконовой (Тр. ТКАЭЭ 1966, 1970). Уникальные по объему и сохранности материалы археологических комплексов могильника Кокэль в значительной степени уже введены в научный оборот как в России, так и за рубежом.

Все шесть женских фигурок из дерева были обнаружены в индивидуальных мужских захоронениях курганов-кладбищ (термин, введенный В.П.Дьяконовой). Пять мужчин захоронены по обряду трупоположения, кроме одного (КЭ, № 11, мог. L), где имеет место трупосожжение. Четверо находились в гробах (ориентировка СЗ), двое в колодах (с ЮЗ ориентировкой); все были снабжены воинским, бытовым инвентарем ритуальной пищей. Фигурки в большинстве случаев располагались слева у бедра и руки (КЭ, № 8, мог. XX; КЭ, № 11, мог. L, CVI, CXXXI, CXXXIII) и только в одном случае справа, у локтя руки (КЭ, № 11, мог. CXX).

Случаи находок антропоморфной скульптуры, а не подвесок, при погребенных в могильниках еще довольно малочисленны. Наиболее ранней из известных является фигурка в мужском захоронении № 130 Оленеостровского могильника (Гурина 1956: 244–246). Исследовательница полагала, что фигурка носилась погребенным на поясе, уложенная в мешочек, и, наравне с тремя другими антропоморфными изделиями, свидетельствует о наличии у оленеостровцев элементов религиозных представлений, связанных с культом предков (Гурина 1956: 246).

Исполнительская манера статуарной деревянной скульптуры из могильника Кокэль характеризуется больше различиями, чем сложившимся каноном (рис. 1). Однако общим приемом на фигурках обозначены признаки пола — выпуклый лобок со щелевидной прорезью и небольшая грудь. Ноги у всех фигурок поставлены прямо, заметно расставлены. На одной из них хорошо проработаны ступни ног, опущенные

кончиками пальцев вниз. Для всех фигурок типично несоблюдение пропорций тела, отсутствие некоторых его частей. К особенностям стилистики в одном случае (КЭ, № 11, мог. СХХ) можно отнести скульптуру с палкообразным торсом, укороченными руками в виде выступов, округлой по форме головой, с уплощенным лицом на высокой шее (рис. 1, 2). Такие изображения находят прямые соответствия в религиозной скульптуре алтайцев, кумандинцев, частично хантов (Иванов 1970: 155, рис. В, 78). Для другого типа изображений характерны слитность рук с торсом, крупная округлая голова, плоское лицо с узкими прорезями глаз, сходящимися к длинному носу, маленький овальной формы, чуть приоткрытый рот (КЭ, № 8, мог. ХХ; КЭ, № 11, мог. СVІ, СХХІІІ и др.) (рис. 1, 1, 3). Изображения данного типа стилистически весьма близки каменным изваяниям древнетюркского времени, а по приему изображения головы и лица — ликам на рукоятках алтайских бубнов.

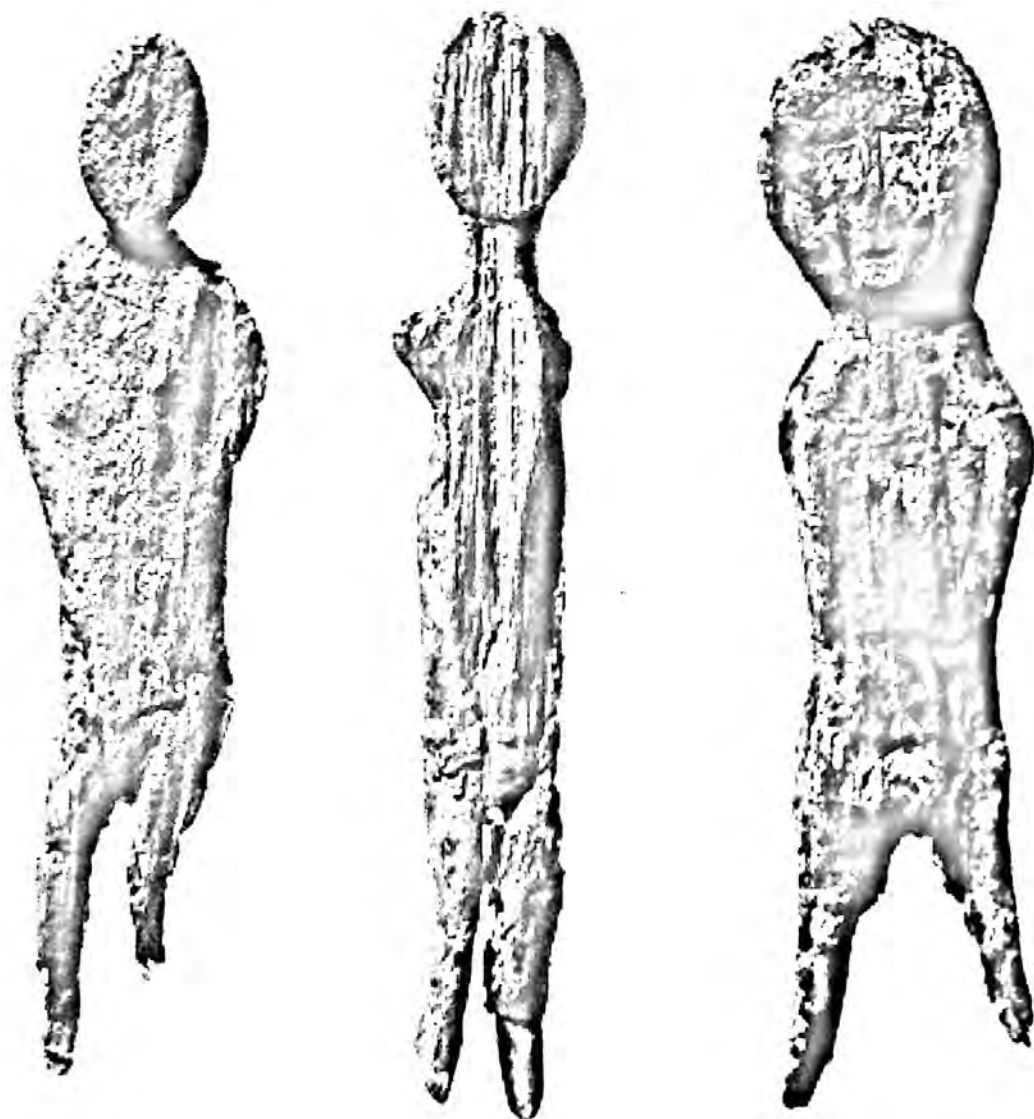

Рис. 1. Деревянные женские фигурки из могильника Кокзель: 1 — кург. 11, мог. СVІ; 2 — кург. 11, мог. СХХ; 3 — кург. 8, мог. ХІХ.

Говоря об отнесении кокзельской религиозной скульптуры к женским изображениям, отметим, что все они имеют признаки пола (лобок, грудь). В этнографической скульптуре народов Сибири и Севера половые признаки изображались довольно редко. Чаще всего женский образ создавался благодаря функциональной направленности, названию, элементам костюма, причёске, косметическим особенностям изображения лица. Однако сами приемы обозначения половых признаков на кокзельских фигурках сопоставимы с подобного рода изображениями у некоторых народов Сибири и Севера. В частности, можно сослаться на редкий экземпляр женского изображения шалыга у кумандинцев (Иванов 1979: 182, рис. 176). По религиозным представлениям кумандинцев, мужские и женские шалыги (обычно их изображали супружеской парой) относятся к категории чистых духов, обитающих на земле; "жили" они в доме, оберегали семью от злых духов, приносили удачу в охоте (Сатлаев 1974: 148). Аналогично кокзельским, подчеркнуты признаки пола на изображениях духов земли в образе дочерей горы Абу-кан у алтайцев. В шаманизме алтайцев женские духи гор являлись хозяйками всех зверей, особую благосклонность они проявляли к охотникам, вступали с ними в интимную связь, приносили удачу на промысле (Иванов 1979: 72, рис. 77). Акцент на признаки пола, по типу кокзельской стилистики — лобок, грудь, присутствует в изображениях юнхов в культуре южных хантов, лозях у селькупов (Иванов 1970: рис. 11, 103). Женские юнхи олицетворяли собой посредников между людьми и злым началом, а также были помощниками на охоте, владели животными и рыбами. Женские лози нарымских селькупов относились к сонму духов — хозяев природы, домашним покровителям. Причем, селькупы отдавали предпочтение женским, а не мужским предкам, что составляло главную идею их представлений о потенциале женских духов природы — аккумуляторов жизни, рождения и смерти.

Этнографический материал дает возможность достаточно достоверно раскрыть семантику женских фигурок из Кокзеля. Доминирующее значение женской религиозной скульптуры проецируется на систему религиозных представлений с пантеоном духов-божеств, от благодати которых зависела животворящая природа и сам человек. Органическая связь природы и человека по образцу земной жизни, по представлениям кокзельцев, была необходима и в загробном мире (Дьяконова 1975). В этой связи истолкование назначения кокзельских фигурок как вместилищ женских душ, которые сопровождали умерших мужчин в загробный мир в качестве жен (Вагнштайн 1974: 39), вряд ли правомерно.

В историческом контексте хуннской эпохи мифология и религия достаточно полно воссозданы рядом исследователей (Руденко 1962: 87–102; Кляшторный, Савинов 1994: 81–88), и нет основания могильник Кокзель, даже на его маргинальном уровне, исключать из этого контекста. Наличие развитого культа предков у хунну достаточно полно, по данным китайских хроник, показал С.И.Руденко. Но наличие у них изображений, связанных с культом предков, тотемов, для него было не совсем ясно. Возможно, поэтому он очень осторожно изображение человеческой фигурки из 23 кургана Ноин-Улы отнес к изображениям предков (Руденко 1962: 88). А.Д.Грач эту находку, как и серию своеобразных костяных женских подвесок саглынской культуры, связывал с культом плодovitости (Грач 1980: 66–69). Показателен и факт местонахождения этих изображений, а именно только в женских захоронениях. А.Д.Грач полагал, что саглынские женские трехмерные подвески сопоставимы с амулетом из Ноин-Улы. По мнению исследователя, они были связаны не только с культом плодovitости (может быть, плодородия — В.Д.), но и с культом божества Умай, системно оформившегося в древнетюркскую эпоху. Однако следует иметь в

виду, что иконография богини Умай, одного из главных божеств-небожителей древних тюрок (Кляшторный, Савинов 1994: 83) ассоциирована только с изображением на валуне из могильника Кудыргэ. У тюркоязычных народов Саяно-Алтая, где этот культ был развит, иконография Умай отсутствует или представлена знаковыми признаками.

Рассмотрение назначения и стилистики религиозной скульптуры могильника Кокэль еще потребует дальнейших уточнений. В то же время иконографическую и скульптурную пластику, технику исполнения, материал кокэльских находок можно считать хронологическим отсчетом появления и развития тех религиозных представлений, которые широко представлены в духовной культуре народов Центральной Азии, Сибири и Севера.

Вайнштейн С.И. 1974. История народного искусства Тувы. М.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии.

Гурина Н.Н. 1956. Оленостровский могильник // МИА. № 47. М.; Л.

Дьяконова В.П. 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.

Иванов С.В. 1970. Скульптура народов Севера и Сибири. Л.

Иванов С.В. 1979. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 1994. Степные империи Евразии. СПб.

Руденко С.И. 1962. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.

Сатлаев Ф. 1974. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск.

Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 1966. Т. II. М.; Л.; 1970. Т. III. Л.

ЛИЦЕВЫЕ ПОКРЫТИЯ ПОД ТАШТЫКСКИМИ МАСКАМИ

Обычай покрывать чем-либо лицо умершего универсален. Этнография народов Сибири и Дальнего Востока иллюстрирует различный смысл лицевых покрытий. Простейшие среди них констатировали смерть и ограждали живых от вредного воздействия мертвых. С этой целью использовали платок (селькупы, кеты, аларские буряты), кусок ткани (сибирские татары, ульчи, орочи), распущенные волосы самого покойника (кеты, сибирские татары), зашивали голову в капюшон (чукчи) или в шубу (алтайцы) (Семейная обрядность народов Сибири — далее СОНС: 93, 103, 120, 157, 169, 183, 190, 205). Лицевые покрытия клали также при обрядлении покойника либо похоронах. Нанайцы после смерти человека клали на его лицо кусок ткани, который заменяли при обрядлении специальным покрывалом, сшитым из мелких кусочков ткани (СОНС: 178). Известны комплекты из покрытий разного значения. Негидальцы клали на глаза мертвого сшитые из ткани "наглазники", поверх них — небольшой кусок ткани, а затем все лицо закрывали покрывалом или занавеской (СОНС: 188). У нивхов наглазниками служили палочки багульника, поверх которых лицо закрывали белой тканью, иногда с отверстиями для глаз и рта (СОНС: 195). Этим последние покрытия схожи с теми, на которых символически обозначены детали лица человека, в силу чего их иногда называют "масками". Они известны у самодийцев и обских угров. Самодийцы закрывали лицо мертвого куском сукна (ненцы), замшевой, суконной, меховой повязками (иганасаны, энцы), поверх которых на месте глаз пришивали бисеринки, бусины, пуговицы (СОНС: 145, 149, 152). Ханты и манси на некоторые платки, куски ткани либо оленьей шкуры нашивали не только глаза, но и рот, а иногда нос, уши. Имитировали детали лица бусинками, бляшками, даже монетами (СОНС: 128).

Этнографические сибирские покрытия реликтовые. Об этом свидетельствует обычай хантов и манси открывать лицо мертвого при прощании с ним (СОНС: 133), хотя по замыслу покрытие должно было изолировать его от контакта с живыми, обезопасить их. Но, главное, типы вышперечисленных покрытий имеют древние аналоги в Западной Сибири, Приуралье, Восточном Туркестане и Китае. Древние покрытия различаются между собой, но в то же время по тем или иным мотивам сопоставляются в литературе с таштыкскими масками. Особо акцентируется при этом внимание на возможность генетической связи между таштыкскими масками, с одной стороны, и лицевыми покрытиями древних угров, а также турфанцев, с другой.

В Томском Приобье в могилах угров и селькупов XIV–XVIII вв. найдены лицевые повязки с нашитыми на месте глаз и рта металлическими пластинами (могильники Басандайка, Тискинский). Они имеют определенное сходство с более ранними покрытиями, широко представленными разноэтническими могильниками, в том числе угров, VI–XIV вв. в Волго-Камье. Покрытия состоят из двух частей: ткани, преимущественно шелковой, и пришитых сверху на нее серебряных и золотых личин, полуличин, а также отдельных наглазников с наротниками. Нашивки разделяются на 15 типов; среди наглазников, в

частности, есть с прорезями и без них. По наличию матерчатой основы волго-камские покрытия генетически связывают с более поздними угорскими, а под влиянием версии о том, что ранние таштыкцы были якобы древними уграми, и с более ранними таштыкскими (Кызласов 1960: 166–177; Казаков 1985: 58–59).

В рядовых погребениях Турфанского оазиса IV–VII вв. (Восточный Туркестан) обнаружены шелковые покрывала с пришитыми к ним металлическими наглазниками. В центре наглазников вместо прорезей просверлены группы точек. Пришиты наглазники не сверху покрывала, как волго-камские и другие угорские, а снизу его и поэтому лежат на лице покойников. Сами покрывала состояли из двух сшитых тканей — нижней из гладкого шелка и верхней из полихромного шелка, но окаймленного гладким шелком. Покрывала привязывались завязками к затылку покойника. Среди случайных находок известно покрытие другого типа — пришитая на шелковую ткань железная золоченая личина с отверстиями для глаз и рта (Лубо-Лесниченко 1995: 354). Согласно письменным источникам и единичным находкам, обычай покрывать лицо мертвого шелковым покрывалом (с завязками под подбородком) был распространен в Китае в эпоху Хань и еще ранее. Для прикрытия глаз употребляли квадратные кусочки ткани, соединенные шнурком (Лубо-Лесниченко 1995: 353–354). Отсутствие в Китае металлических личин и наглазников, с одной стороны, и их наличие в разные исторические периоды на обширной территории западнее Китая (Средняя Азия, Северное Причерноморье, Кавказ, Средний и Ближний Восток), с другой, позволили Е.И.Лубо-Лесниченко высказать суждение о том, что в Турфанском оазисе произошло смешение двух различных погребальных традиций: китайской (погребальные покрывала) и центральноазиатской (употребление металлических масок и наглазников). Для изучения же проблемы происхождения подобных масок, по его мнению, особое значение имеют сибирские маски, в особенности таштыкские (Лубо-Лесниченко 1995: 357–358).

Как ни приятна столь высокая оценка сибирских материалов, она основана на неверных предпосылках. Таштыкские маски не являются ни масками-накладками, ни лицевыми покрытиями. Они представляют собой моделированную гипсом почти целую голову трупа, погребальной куклы или полый бюст-урну. Возникновению масок способствовала местная погребальная традиция производить захоронения спустя значительный срок после акта смерти, а для этого приходилось мумифицировать покойного. Гипсовое лицо и используемые при его изготовлении накладки и покрывала составляют единую часть местного способа мумифицирования. Тем не менее, на все изобразительное искусство таштыкцев, включая погребальное, оказало существенное влияние турфано-китайское. Не являются исключением и разнообразные таштыкские лицевые покрытия, в которых смешаны местные и китайские обычаи.

Для их изучения существуют два источника. Первый — реальные куски ткани и кожи, встреченные в единственном грунтовом таштыкском могильнике Оглахты, где они сохранились по состоянию грунта. Находки преимущественно относятся к раскопкам А.В.Адрианова в 1903 г. Второй источник — отпечатки на обратной стороне масок, вне зависимости находились ли они на мумиях, трупах или головах кожаносоломенных манекенов, т. н. погребальных кукол. Четкость отпечатков объясняется тем, что они запечатлены на сыром гипсе. Это перспективный метод исследования, поскольку масок собрано много как из могил, так и из склепов. Однако реальные вещи приоритетнее, поэтому первые наблюдения основываются на них.

Лицевые покрытия мумий. Под масками А.В.Адрианов обнаружил кусочки зеленого шелка на глазницах и поверх рта. “Наглазники” и “наротники” были квадратной или прямоугольной формы, причем с прорезями, соответствующими линиям разреза глаз и рта (Адрианов 1903; архив ИИМК РАН № 33, 1903). Иными словами,

они имитировали глаза и рот. Ни в описях, ни в коллекциях музеев они не сохранились, но наличие прокладок на глаза и рот подтверждают внутренние отпечатки масок, на которых я остановлюсь ниже.

Рис. 1. Лицевые покрытия под масками: 1 — Оглахты, могила 4, 1969 г.; 2 — Оглахты, могила 7, 1903 г.; 3 — Терский, могила 5; 4 — Тепсей, склеп 3; 5 — Оглахты, могила 1, 1903 г.; 6 — Терский, склеп 4; 7 — Тепсей, склеп 3.

Еще до раскопок А.В.Адрианова одна маска была снята с черепа благодаря зеленой ткани из шелка, торчащей из-под маски. Ткань вскоре истлела, от маски А.В.Адрианов смог приобрести лишь 4 куска. Но обычай закрывать лицо сплошной тканью подтвердился раскопками Л.Р.Кызласова в 1969 г. Под маской мужчины, хранящейся на черепе в Эрмитаже, имеется зеленая шелковая ткань. Сама маска красная с черными горизонтальными полосами поперек лица (рис. 1, 1). Маска была целиком закрыта

шкуркой соболя, пришитой спереди шапки, надетой на мумию (Коваленко 1972: 79). Таким образом, на мужчине было два покрытия: нижнее, шелковое, закрывающее лицо, и верхнее, меховое, закрывающее гипсовое лицо после обряжения покойника и изготовления маски. Вполне вероятно, что верхние покрывала в других случаях просто не сохранились.

Есть основание предполагать, что при мумификации использовали и более грубые, чем шелк, лицевые накладки. Благодаря им, очевидно, удалось снять маску с черепа подростка 10–12 лет, хранящуюся в ГИМе (мог. 7, 1903 г.). Для ее анализа мною использован рисунок и некоторые наблюдения, сделанные М.П.Грязновым. Маска красная, с черной нарисованной полосой выше глаз. Поверхность формована руками, так как видны отпечатки вдавлений пальцев и лоскутки кожи; очевидно, края обрезанных ногтей. При изготовлении маски в ноздри затек гипс, образовавший на обратной стороне нашлепку. Следов отпечатков поверхности лица нет, но ниже глаз и рта есть небольшие бугры, а местами отпечатки мягкого волокнистого материала. М.П.Грязнов предположил, что это отпечатки от сглаживания внутренней поверхности маски, но, вероятнее, это следы покрывала, положенного поверх накладок на глаза и рот. Наличием покрывала можно объяснить и условную моделировку носа (рис. 1, 2).

Отпечатки с обратной стороны маски подростка аналогичны маске, найденной мной в таштыкской грунтовой могиле у бывшего хутора Терский в 1989 г. Маску удалось снять кусками с черепа женщины 55–60 лет. Маска и отпечатки с ее обратной стороны зарисованы художником С.В.Горюнковым и позже дополнены Л.А.Соколовой. Накладки прямоугольной формы, из кожи или плотной ткани отпечатались на обоих глазах, четче на правом (3,3 × 4,2 см) и в области рта (8,5 × 4,4 см). Под ними отпечатались полуразложившиеся веки и полуоткрытый рот. Веки превратились в бесформенные впадины. Лицо поверх накладок было покрыто покрывалом из очень тонкой кожи, видимо, подрезанной под носом, так как при лепке маски гипс проник в ноздри (рис. 1, 3). Гипс провалился частично в глазницы, и с обратной стороны видны гипсовые утолщения. Очевидно, накладки и покрывало были использованы, чтобы вылепить маску на лице, уже начавшем разлагаться. Это подтверждается и обстоятельством погребения женщины, что отражено в Отчете о раскопках, но не было известно художникам. У мумии был естественно изогнутый позвоночник, на щиколотках сохранился тлен от ремня, которым они были перевязаны. В связи с этим было высказано предположение о погребении мумии в полуразложившемся состоянии.

При реставрации масок мумий из малого Тепсейского склепа 3 отпечатки обнаружены с обратной стороны у двух масок. Обломки одной не удалось склеить: они, видимо, происходят от разных частей маски. Однако на них видны очень четкие отпечатки мелкой ткани типа шелка, которым, очевидно, было закрыто все лицо под маской (ГЭ, кол. 2616 № 255). С обратной стороны другой маски имелись гипсовые утолщения против глаз, толщиной в 5 мм, и вокруг рта, толщиной в 1 мм, размером 6,5 × 1,7 см. Внутри этой овальной наклейки зафиксирован отпечаток, тоже овальной формы, но меньшего размера — 4,5 × 1 см, с прорехой. Помимо накладок у правого края маски сохранился след тонкого аккуратного шва. Все это вместе позволяет предполагать, что на рот покойника был положен кусочек ткани, обмазанный по краям гипсом, глазницы заполнены гипсом, а все лицо затем закрыто тонкой тканью (рис. 1, 4). Ранее гипсовые кружочки внутри черепа были обнаружены мной в склепе Дальняя Чая. Они ровные снаружи и выпуклые изнутри (Вадецкая 1981: 60). Впервые “возвышения из гипса в форме конусов на глазницах и в виде плитки в подносовой области” были отмечены К.Горощенко с обратной стороны детской маски из склепа на Тагарском острове (Горощенко 1900: 8). Вторичный осмотр маски подтверждает эти наблюдения (ММ, кол. 9744).

Использование вместо шелка и иной ткани гипсовых “наглазников” и “наротников” свидетельствует о том, что лицевые покрытия под масками не носили культового характера, а имеют отношение к мумификации трупов, следы которой в виде посмертной трепанации черепа обнаружены практически во всех могильниках со II–III вв.

Лицевые покрытия погребальных кукол. Уникальная голова куклы из раскопок А.В.Адрианова хранится в ГИМе. Она осмотрена в 1972 г. М.П.Грязновым и позже мной. Передняя половина соломенной головы обтянута кожей, сшитой из мелких кусочков аккуратными стежками, швом через край. Обозначены глазные впадины, впадина рта, скулы. Пришиты массивные кожаные брови и нос. Кожа с обратной стороны истлела, а осталась толстая полихромная ткань, производящая впечатление “чепчика из рисунчатой очень красивой материи” (Адрианов 1903). Кожаное лицо закрыто куском красного гладкого тонкого шелка, 20 × 19 см. Края резные, верхний и нижний присборены. Ранее под подбородком материя была стянута ниткой, как завязками на китайских покрывалах. Поверх шелка на уровне бровей нарисована черная горизонтальная полоса, а выше носа — небольшая вертикальная. Роспись схожа с красными масками того же Оглахтинского могильника (рис. 1, 2). Кроме рисунка, покрывало имело и вышивку. От нее сохранился след выше глаза, а часть вышивки осталась на обратной стороне покрывала. Вышивка выполнена тамбурным швом тремя шелковыми нитями: синяя в два ряда и желтая в один ряд. Лоб куклы первоначально закрывала меховая шапка, от которой сохранилась кромка (рис. 1, 5). Сходство покрывала по цвету и росписи с мужской гипсовой маской позволяет считать, что оно имитировало гипсовую маску. В то же время обращает на себя внимание, что оглахтинское покрытие похоже на турфанские — полихромная ткань сшита с гладкой таким образом, что могла бы служить верхней частью покрывала, а не обшивкой затылка куклы. Шелковое покрывало А.В.Адрианов не открывал с лица куклы при раскопках, “боясь разрушить этот драгоценный предмет, полуистлевший и непрочный” (Адрианов 1903). Осталось невыясненным, были ли под покрывалом накладки на глаза и рот куклы, так как при их изготовлении стремились достичь максимального сходства с мумиями.

Об этом свидетельствуют отпечатки с обратной стороны маски куклы, найденной мной в склепе 4 у хутора Терский. Маска обломана на уровне разреза глаз. Внутренняя поверхность имеет отпечатки хорошо выделанной кожи с аккуратными швами у правого и левого края. У левого шва видны отпечатки выбившегося из шва меха; следовательно, голова куклы сшита из кожи, мехом внутрь. В области носа куклы вставлена ровная палочка, от которой имеется четкий глубокий след. Рот имитирован овальной накладкой, 4,4 × 1,6 см. Самое главное, что поверх этой накладки был “наротник”; от него сохранился след в виде полоски ткани, 7,6 × 1,6 см. Ткань мелкого прямого плетения, типа шелка. Верхний и нижний края полоски загнуты, а боковые разлохмачены. Сверху над полоской есть остатки выбившегося меха, а ниже ее следы в виде ниток — вероятно, выбившейся изнутри куклы травы, незначительное количество которой сохранилось внутри маски (рис. 1, 6). Рисунок маски был выполнен художником С.В.Горюнковым и дополнен Л.А.Соколовой.

При визуальном осмотре масок кукол из Тепсейского склепа 3 М.П.Грязнов обратил внимание, что одна из них с обратной стороны имела отпечатки не кожи и швов, как обычно, а грубой ткани. В связи с этим он предположил, что, возможно, шили не только кожаные, но и матерчатые куклы (Грязнов 1979: 117). Удалось склеить нижнюю часть этой маски, на внутренней поверхности подбородка которой действительно видны отпечатки плетеной ткани, но, кроме того, глубокие складки изнутри шеи, которые могли образоваться в том случае, если не только голова, но и область шеи куклы были закрыты тканью. Значит, отпечаталось не лицо куклы, а ее покрывало (рис. 1, 7).

Все использованные мною материалы имеют датировку либо по тканям и бусам (III – первая половина IV в. для могильников Оглахты и могил у хутора Терский), либо по пряжкам (с V в. для склепа 3, Тепсей; Тагарский Остров; Дальняя Чея; Терский) (Лубо-Лесниченко 1994: 194; Вадецкая 1997: 22–24). Возникновение и прекращение похоронной практики употребления лицевых накладок под масками оставлено за пределами данной работы, выполненной в рамках проекта РГНФ (№ 97-01-00253).

Адрианов А.В. 1903. Оглахтинский могильник // Иллюстрированное приложение к газете "Сибирская жизнь". № 249 от 16 ноября 1903. № 254 от 23 ноября 1903 г.

Вадецкая Э.Б. 1981. Малый таштыкский склеп на речке Дальняя Чея // КСИА. Вып. 167.

Вадецкая Э.Б. 1997. Хронологические этапы таштыкской культуры // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск.

Горощенко К. 1900. Курганные черепа Минусинского округа. Минусинск.

Грязнов М.П. 1979. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.

Казаков Е.П. 1985. О средневековых погребальных масках Евразии и их истоках // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск.

Коваленко Т. 1972. Реставрация гипсовых погребальных масок // АСГЭ. Вып. 35.

Кызласов Л.Р. 1960. Таштыкская эпоха. М.

Лубо-Лесниченко Е.И. 1994. Китай на шелковом пути. М.

Лубо-Лесниченко Е.И. 1995. Погребальные маски и покрытия // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.

Семейная обрядность народов Сибири. 1980. М.

КОМПОЗИЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ТАШТЫКСКОЙ ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ

Таштыкское искусство необычайно разнородно – даже если отвлечься от петроглифов и каменных изваяний, атрибутируемых типологически, и ограничиться находками из склепов. Мелкая бронзовая пластика; наиболее многочисленны и оригинальны спаренные головки лошадей, литые или вырубленные из листа, – некоторые из них довольно изящны, но многие настолько грубы и схематичны, что производят впечатление скорее условного знака, нежели изображения. Натуралистические деревянные фигуры животных (правда, к числу произведений искусства они могут быть отнесены только в первоначальном смысле этого слова, как мастерски сделанные ремесленные вещи, практически без примеси художественности). Гипсовые маски, поразительной умиротворенностью и отрешенностью напоминающие лики бодисатв.

Наконец, гравировки на деревянных дощечках, найденных у горы Тепсей (Грязнов 1971; 1979) и в одном из склепов на окраине г. Абакана, рядом с Ташебинским чаата-сом¹. Стилистически и композиционно они едины, вплоть до буквальных совпадений. Но как художественное явление они сами по себе весьма противоречивы и разнородны, хотя можно уверенно говорить как о специфически таштыкской манере изображения людей и животных, так и о специфически таштыкских композиционных принципах.

Резчики² работали аккуратными, четкими и, вместе с тем, замечательно живыми линиями. Некоторые рисунки очень пластичны, особенно фигуры лошадей и быков. Но в целом изображение имеет плоскостной характер. М.П.Грязнов предположил, что дощечки раскрашивались (Грязнов 1971: 102–104). Если так, то раскраска была ис-

¹ Их прорисовки были опубликованы в Лейдене (Efimov, Pauls, Podolsky 1995) и, к сожалению, оказались недоступны нашему читателю. Благодарю Е.Д.Паульса за разрешение впервые опубликовать их фрагменты в русскоязычном издании. Предлагаемая работа развивает намеченные в лейденской статье соображения по поводу стилистической и композиционной специфики изображений на дощечках.

² Художник В.Р.Войнер, анализируя гравировки в процессе выполнения прорисовок, отметил, что резчики пользовались набором специализированных инструментов. Следовательно, это была вполне профессиональная работа. В.Р.Войнер высказал также предположение о связи таштыкских гравировок с изобретением в Китае ксилографии. Действительно, для ранней – обрешной – гравюры использовались, как и в таштыке, доски продольного распила из мягкой древесины. Торцовая гравюра на досках поперечного распила из твердой древесины появилась позднее (Ксилография 1959: 194). Однако, при широкой датировке таштыкских дощечек (вряд ли точнее, чем середина I тысячелетия) и разногласиях среди специалистов по поводу даты появления в Китае ксилографии – от VI до IX веков (Лю Го-цзюнь 1957: 45-47) доказать такую связь трудно.

ключительно локальной, а это давало дополнительный уплощающий эффект. Но, пожалуй, главная особенность гравировок – их потрясающий динамизм.

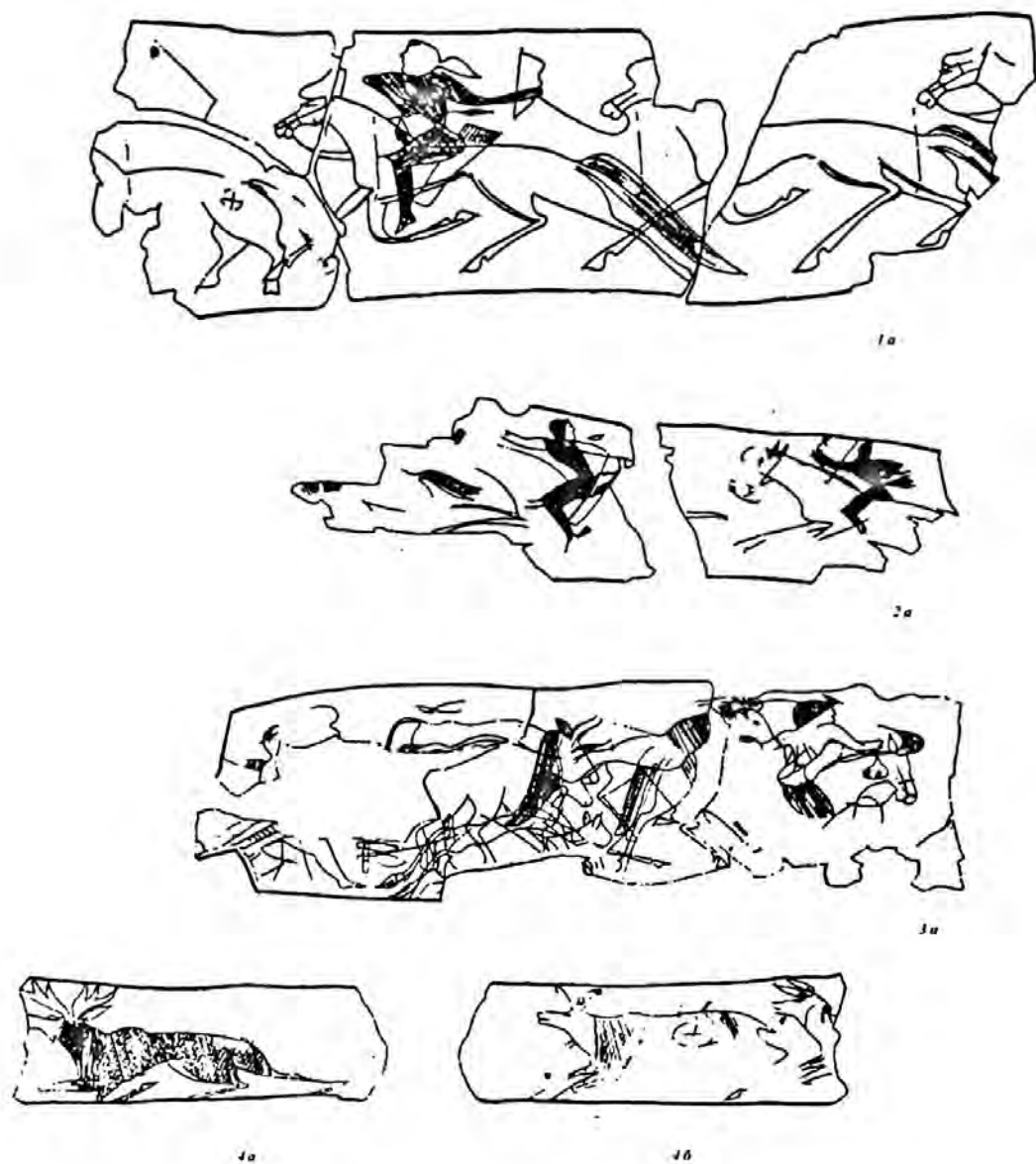

Рис. 1. Фрагменты дощечек с гравировками из ташкентского склепа (прорисовка В.Р.Войнера): а – лицевая сторона, б – обратная сторона.

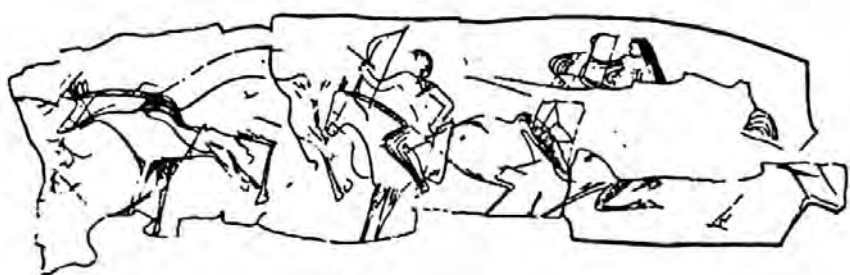
С этим напрямую связано противоречащее анатомии расположение задних ног у *всех* животных, отмеченное М.П.Грязновым (Грязнов 1971: 106): одно бедро сдвинуто по отношению к другому (Рис. 1, 1а). Этот прием, придающий образу динамику, даже если изображено стоящее животное, восходит к окуневской традиции, но здесь реализован несколько иначе. Утяжеление задней части туловища надо было нейтрализовать. В окуневских петроглифах это достигалось утрированием поджарости зверя, здесь –

16

26

36

3a

3б

удлинением тела. В первом случае динамика несколько гасится, во втором усугубляется. Но удлинение туловища тоже нужно было зрительно компенсировать — и лошади грациозно подгибают к животу одну из передних ног (на тепсейской дощечке то же самое делает бык в упряжке, на ташебинской — лось). Это уже чисто таштыкская находка, а в целом — великолепное творческое достижение. Образ обретает уравновешенность, легкость и стремительность. Повсеместно древние художники пред-

почитали рыси галоп – он легче поддается наглядному отображению на плоскости. Столь убедительно показанную быструю рысь нигде, кроме таштыкских гравировок, мы, пожалуй, не найдем.

Лоси, особенно ташебинский (Рис. I, 4а), даны в позах, формально похожих на лошадиные. Признаки стремительного бега вроде бы даже усилены: одна передняя нога выброшена далеко вперед, задняя до предела оттянута назад. Однако, в отличие от лошадей, фигуры лосей «втиснуты» в картину: рога подпирают ее верхнюю кромку, контур ног слегка выходит за нижнюю («небрежность», смягчающая чрезмерную жесткость обрамления). Создается противоречивое впечатление: лось то ли бежит, то ли проползает под низким сводом. Вписывание изображения в заданные рамки не характерно для таштыкских гравировок, но, вообще говоря, было широко распространено в постскифском декоративном искусстве – в частности, алтайском.

Фигуры оленей тоже противоречивы и эклектичны (Рис. I, 4б), Поза явно восходит к петроглифам скифского времени. Но там ноги либо попарно дублировали друг друга, либо были показаны только две из них. Здесь же передние ноги изображены по-скифски (олень как бы упирается ими), а задние – по-таштыкски. Движение одновременно и отрицается, и утверждается.

Удачно найденная манера изображения задних ног в беге породила штамп, применявшийся не всегда уместно. При галопе он приводит к тому, что бедра смещаются относительно друг друга не по горизонтали, а по вертикали (Рис. I, 1б). В этом есть некая наивная непосредственность, однако вывернутый круп галопирующей лошади выглядит как-то нелепо. Впрочем, общей экспрессии гравировок это не нарушает.

Фигуры людей, пожалуй, еще более динамичны. В распоряжении граверов был весьма ограниченный набор приемов. Торс, как это было принято в древности, изображался анфас, голова и ноги – в профиль. Но за счет различных наклонов туловища, поворотов головы, резких и зачастую утрированных до ненатуральности изгибов рук и ног достигалось практически неограниченное разнообразие чрезвычайно экспрессивных поз, почти как на гравюрах Хокусаи. Впрочем, можно найти аналогии и ближе по времени – к примеру, в росписях гробниц Когурё.

Противоречивость и разнородность гравировок более всего сказались на их композиционном строе. По компоновке это фризы. Но на фризах, классические образцы которых дает древнеегипетское искусство, присутствует опорная поверхность, показанная обычно горизонтальной линией. Здесь же фигуры как бы парят в воздухе, возникает та «легкость» композиции, которую отмечал М.П.Грязнов (Грязнов 1971: 105). Еще существеннее то, что отдельные персонажи, при всей своей внешней активности, практически не взаимодействуют между собой. Что это: сцены войны? или охоты? Но ведь у воина нет противников, с которыми можно было бы сразиться, у охотника – жертвы, которую он преследовал бы, у зверя – того, кто его преследует. На ташебинских гравировках люди ни разу не противостоят друг другу, на тепсейских – лишь в трех-четырёх случаях. Но и здесь нет ни малейшего намека не только на схватку, но даже на случайное столкновение.

С этим связано отсутствие в композиции какой-либо иерархии. Отсюда вовсе не следует, что все персонажи воспринимаются одинаково. Разнятся детали, которые могли играть роль этнокультурных признаков (Михайлов 1995: 18), различна манера исполнения. Некоторые человеческие фигуры прекрасно вписываются в габариты фриза, другие нарисованы столь размашисто, что его высота оказывается для них недостаточной. Но нет никаких указаний на их относительную значимость. На этом основании был поставлен под сомнение, казалось бы, очевидно эпический характер изображений – в них нет выделенного «героя-протогониста» (Грязнов 1979: 145;

Маршак 1992: 211). По этому поводу Ю.И.Михайлов предположил, что на тепсейских дощечках «...каждый отдельный образ мог выступать в качестве самостоятельной иллюстрации к ключевому моменту устного повествования», и, в ряде случаев, «...комплекс изображений передает физические и эмоциональные состояния одного и того же действующего лица» (Михайлов 1995: 17) – иначе говоря, использован изобразительный прием, для которого Д.С.Раевский предложил термин «мультипликация» (Раевский 1981: 49).

Для каждой фигуры выделен, как правило, отдельный участок поверхности, но с частичным наложением рисунков. У животных перекрываются, в основном, ноги и хвосты, у людей – руки. С попытками передать перспективу это никак не связано. Хотя граверы знали ее: в четверке быков, волокущих какое-то сельскохозяйственное (?) орудие, каждая фигура частично закрывает другую, расположенную за ней (Грязнов 1979: рис. 61, 2). Встречаются и специфические случаи наложения. Один из них – великолепный рисунок перекрещивающихся фигур лошадей (Рис. I, 5a). Компонентно он перекликается с бронзовыми спаренными лошадиными головками, но по своей изысканности с ними не сопоставим. Во втором случае одна гравировка просто нанесена поверх другой (Рис. I, 3 a). Это странно: если рисунок надо было заменить, то загладить деревянную поверхность особого труда не стоило.

На каждом фризе люди и звери движутся, в основном, в одном направлении. Это несколько напоминает «шествия», известные начиная с палеолита. В древних цивилизациях это был излюбленный вариант компоновки дворцовых и храмовых фриз. Но если спокойное и размеренное движение таких процессий композиционно вполне оправдано, то мотивировки *стремительности* нет и не может быть. Мы находим ее на ассирийских рельефах со сценами охоты. Но там композиция построена по принципу преследования, которого здесь, очевидно, нет – на таштыкских дощечках люди и животные зачастую просто «не замечают» друг друга. На тепсейской гравировке с лодкой (Грязнов 1979: рис. 61, 3) люди как бы в едином порыве движутся направо (только крайняя левая фигура развернута иначе). Их вереница разорвана лодкой с лучниками. Но и те, кто только приближается к ним, и те, кто уже проследовал мимо, не уделяют никакого внимания этому «эпизоду». Это, стало быть, не эпизод в повествовании. Лодка и стрелки в ней существуют в другом измерении, в *другом слое* картины, и лакуна в цепочке движущихся людей – всего лишь пауза, позволяющая туда заглянуть. Очевидно и в других случаях отдельные персонажи «не замечают» друг друга по той же причине – они пребывают в разных слоях изображения.

Для характеристики такой композиции термин «мультипликация» применим только в самом общем смысле этого слова, без той кинематографической окраски, которая обычно придается ему в современном языке. И мультфильм, и рассказ в картинках (комикс) – это серия последовательных кадров. Здесь же кадрировки нет категорически. В данном случае корректнее говорить о *многослойности* изображения. Но это – одно из основных свойств наскальных писаниц. Стало быть, таштыкские гравировки – явление эклектичное, основанное на сочетании принципов построения фриза, восходящих к древневосточному дворцово-храмовому декору, и традиций наскального творчества. С эклектикой такого рода мы сталкиваемся уже в писаницах типа Боярских (Дэвлет 1976) или, скажем, на сасанидских рельефах со сценами охоты (Луконин 1977: 186–187).

В наскальном искусстве многослойность композиции была логичным следствием неограниченности изобразительной поверхности (Подольский, 1997: 170; 1998: 85). Любая фигура несоизмеримо мала по сравнению с ней и потому может располагаться на ней произвольно. А отсутствие какого-либо обрамления картины давало возмож-

ность многократно дополнять ее и, в частности, накладывать рисунки один на другой. Разновременные фигуры можно (хотя и не всегда) «прочитать», фокусируя взгляд то на одной, то на другой. Дело в том, что наскальное художественное пространство существует не само по себе, но только в единстве с художественным образом. У каждого из образов свое пространство, но при этом общее для всех. При создании нового рисунка художественное пространство создавалось заново, хотя оно уже существовало раньше. При вычленении отдельного образа происходит обратное – вместе с ним вычленяется его пространство, его слой, который как бы отлипает от пространства общего.

Таштыкские гравировки ограничены двумя кромками – художник должен был вписывать каждый рисунок между ними. Здесь появился момент «насилия», которого не было в наскальном искусстве. На скалах лось или бык мог шествовать гордо и уверенно, покоря беспредельное пространство, предоставленное исключительно ему. У воинов и зверей на таштыкских дощечках его нет. И те и другие, появляясь из своего особого сюжетного пространства, должны привнести с собой какую-то его часть и вместе с ней утвердиться на плоскости картины. Отсюда их преувеличенная экспрессия и даже некоторая суетливость: только так они могут обрести здесь неотъемлемую от них пространственную *сферу влияния*. Сферы влияния соседствующих персонажей не образуют единого поля взаимодействия, но частично накладываются друг на друга, как и их фигуры. Это мультипликация – но не кадровая, а послонная. Иначе говоря, сфера активности отдельного персонажа – это и есть то особое измерение, тот слой картины, в которых он существует. Их наложение (и даже частичное наложение фигур) не мешает их обособленности – динамика позволяет преодолеть тесноту.

В многослойной композиции снимается вопрос об отсутствии выделенного героя-протогониста – он выделен уже тем, что изображен. Снимаются и некоторые другие вопросы. Хотя каждый из героев «живет» в своем слое картины, но все они соседствуют между двумя кромками фриза. Их надо было композиционно объединить. Это можно было бы сделать, придав им общую опорную поверхность, как на подлинном фризе. Но она связала бы их сюжетно и разрушила бы многослойный строй изображения. Ритмический вариант решения в этом отношении более деликатен. Движение по поверхности дощечки направлено, как и в классических шествиях, в одну сторону. Правда, его стремительность в сочетании с частичным перекрыванием фигур, усиливающим ритм, таит опасность утраты зрительной цельности картины. Может возникнуть впечатление, что люди и звери, как бы не выдержав тесноты, спешат покинуть пределы изобразительного поля. Общий поток надо было тормозить, прерывая его паузами – лодкой с лучниками, перекрещивающимися фигурами лошадей и т.п. Использовался и такой прием, как встречное движение на разных сторонах дощечки (на трехгранной планке, где он был бы совсем не эффективен, этого нет).

Своеобразие гравировок невозможно в полной мере оценить вне общего контекста таштыкского погребального ритуала, без учета специфики других находок из склепов. В тагарских курганах было много телесной конкретики, здесь же возобладали символика (Подольский 1981: 94–95), что объясняется, видимо, разной религиозной основой обряда. В могилу практически перестали класть утилитарные вещи. Нет оружия, мало керамической посуды и т.д. Зато часто встречаются миниатюрные модели удил, скрученные из железной проволоки, и бронзовые бляшки с лошадиными головками (возможно, имитация псалий). Те и другие могли символизировать *путь* – в частности, в иной мир. Среди костей животных, найденных в склепах, больше всего пятчатых (с астрагалами) овцы и коровы, а также фаланг лошади (тоже в сочленении). Вряд ли концы ног были мясной «долей» покойника в тризне (Грязнов 1979: 14), но с темой *пути* увязываются хорошо. Не противоречит ей и иконография

погребальных масок. В связи с этим, имея в виду новую религиозную концепцию жизни и смерти в таштыкском погребальном обряде, можно предположить, что проникновение в Минусинскую котловину манихейства началось не в кыргызское время (Кызласов, 1993: 108-109), а раньше. Таштыкские «лики» вполне согласуются с манихейским представлением о достижении просветления в момент смерти.

Как и в других элементах обряда, в таштыкских гравировках отражены, очевидно, новое мировоззрение и новые связи обитателей Минусинских степей. Сюжетно эти картины имели, судя по всему, вполне светский характер, однако в склепе играли, видимо, символическую и, отчасти, магическую роль¹. Следовательно, они не должны были противоречить общей теме *пути*. Скорее наоборот, они должны были представлять какой-то иной ее аспект, который в остальном инвентаре представлен не был. И тогда, с учетом композиционной и сюжетной специфики гравировок, само собой напрашивается их жанровое определение: это – *иллюстрированный кодекс степного рыцарства*. Он давал эпические поведенческие образцы, на которые полагалось ориентироваться. Это не иллюстрации, сопровождавшие устное повествование. Такие подсказки не нужны ни сказителю (разве что коту-склеротику из романа братьев Стругацких), ни слушателю. Вполне возможно, что изображения гравировали специально для погребения и помещали в склеп как вещественное свидетельство того, что похороненные в нем люди следовали при жизни *правильному пути*.

Грязнов М.П. 1971. Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.) // АСГЭ, вып. 13. Л.

Грязнов М.П. 1979. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.

Дзвлет М.А. 1976. Большая Боярская писаница. М.

Ксилография. 1959 – Ксилография // МСЭ, т. 5.

Кызласов Л.Р. 1993 Хакасия в эпоху феодализма (VI – первая половина XIX в.). Глава 5. Население и культура // История Хакасии (с древнейших времен до 1917 года). М.

Луконин В.Г. 1977. Искусство Древнего Ирана. М.

Лю Го-цзюнь. 1957. Рассказ о китайской книге. М.

Маршак Б.И. 1992. Воины в искусстве Согда и Центральной Азии // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. СПб.

Михайлов Ю.И. 1995 Семантика образов и композиций в таштыкской изобразительной традиции (опыт анализа тепсейских плакеток) // Древнее искусство Азии (петроглифы). Кемерово.

Подольский М.Л. 1981. Погребальный ритуал и представления о пути в загробный мир (по археологическим материалам Минусинской котловины) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Подольский М.Л. 1997. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник (культура, искусство, антропология). СПб.

Подольский М.Л. 1998. Интуиция бесконечности в наскальных изображениях // Теория и методология арханки. I. Своя и чужие культуры. II. Сознание. Искусство. Образ. СПб.

Расвский Д.С. 1981. Куль-Обинские лучники // СА. № 3.

Efimov V.G., Pauls E.D., Podolsky M.L. 1995. Ancient Knights of the Minusine Steppes on Engraved Plaques from Vault Burials // Ancient Civilizations, Leiden.

¹ Б.И.Маршак уже высказывал мысль о магическом (а не иллюстративном) характере орлатской пластины и других изображений с «индивидуализированными фигурами» (Маршак 1992: 210).

СЕМАНТИКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ОГРАДОК В САЯНО-АЛТАЕ*

Иррациональные представления, связанные с поминальным культом и воплотившиеся в различных видах ритуальных сооружений, начали распространяться в Южной Сибири с начала нашей эры. У древних тюрков погребально-поминальные церемонии приурочивались ко времени поздней осени или весны – “когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать” или “когда цветы начнут разверстываться” (Бичурин 1950: 230).

Для тюрков-тугю характерным в этом процессе являлось сооружение каменных оградок. Сегодня бесспорным является их поминальный характер. Известно, что поминальный обряд у древних тюрков являлся сложным ритуальным действием, при посредстве которого происходило общение с внеземным миром, а также проводы и обеспечение всем необходимым в дорогу предка, при посредстве которого и осуществлялось это общение. Такой ритуал подразумевал наличие конкретного места, где он должен был проводиться, и воздвижение какого-либо сооружения, в пределах которого протекал бы обряд поминовения. Таким объектом, несущим мемориальные и сакральные функции, была четырехугольная каменная оградка — своеобразное пристанище духа умершего на земле перед тем, как отправиться в верхний мир. Квадратная форма оградки, плиты, поставленные на ребро, все ограждение, несомненно играли важную роль в поминальном ритуале. Число плит варьирует, но можно отметить в большинстве случаев равное число плит с трех сторон ограждения и на одну меньше с четвертой — обычно восточной или западной стенки. У восточной стенки почти у каждой оградки в древности находилось изваяние или антропоморфная стела, от которой отходили ряды камней-балбалов.

Сооружение начиналось с установки стенок оград в канавки и закрепления их клиньями по способу забутовки. Заполнение внутреннего пространства происходило по способу забутовки или вымостки. Эта операция являлась частью ритуала при сооружении оградки. Иногда брошенный в оградку камень или привязанная к дереву лента, по мнению В.Кубарева, могли считаться жертвоприношениями (Кубарев 1978: 97), что подтверждается раскопками многослойных заполнений оградок, разным уровнем залегания находок, многослойностью рисунков на стеле из Нижней Соры (Васютин 1983: 91). Все это указывает на то, что объекты в ряде случаев могли использоваться неоднократно. Эта особенность ритуала, столь характерная для тюркских народов, фиксируется и по этнографическим данным.

* Работа выполнена при поддержке Министерства общего и профессионального образования РФ, грант № 38 в области гуманитарных наук.

По реконструкции исследователей, в центре оградки ставилось либо лиственничное дерево, либо столб, либо каменный “знак”. В качестве жертвы приносились лошадь или овца, предназначавшиеся для угощения души умершего, шамана и родственников. С северной стороны от оградки родственниками разводился костер. Из него горящие угли переносились в оградку. Посредством костра родственники кормили душу умершего, которая в этот момент, по повериям тюрков, находилась на лиственнице и питалась через дым. По окончании поминального ритуала шкура животного с головой вывешивалась на дереве или специально установленных жердях; костер и внутреннее пространство оградки закладывались плитами и камнями (Кубарев 1979). Через некоторое время устраивались вторые поминки, для чего снаружи пристраивался каменный или деревянный ящик, в который клали жертвенную пищу. Именно таким образом появились ящики в Кудыргинских оградках и пристройки к оградкам Аймырлыгского типа. Так происходил поминальный ритуал.

Полемика о назначении изваяний до сих пор продолжается. А.Д.Грач считал, что изваяние — это изображение главного врага, установленное для того, чтобы он мог прислуживать умершему в ином мире (Грач 1961: 79–81). Я.А.Шер предполагал, что изваяния и антропоморфные стелы изображали самого умершего (Шер 1966: 50–55)¹. Большинство исследователей, разделяя эту точку зрения, считают, что реалистичность изображения, стремление мастера выразить индивидуальные особенности, детали одежды и вооружения говорят за то, что это изображение тюркского воина, в честь которого и была сооружена оградка. Аналогом изваяния могли служить всевозможные стелы, оленные камни, валуны с реалиями, установленные с восточной стороны. Если вспомнить поминальные обычаи хакасов, тувинцев, казахов, то можно предположить, что смысл установки изваяния сводится к тому, что по представлениям древних кочевников в него на время поминок вселяется душа умершего и принимает участие в тризне и разговоре с сородичами — для этой цели в руках изваяния высекалось изображение чаши. В том случае, если устанавливалась стела, то у ее подножия с той же целью ставился сосуд (Кубарев 1984: 158). Возможно, каменные стоянки или стелы, установленные вместо изваяния на время поминального пира, облачали в одежду умершего (вспомним подобный обычай у казахов) — может быть, с этим связаны находки фрагментов ткани.

Немало споров возникало и вокруг назначения рядов балбалов, отходящих на восток от изваяния, установленного возле оградки. Опуская длительную полемику по этому поводу, отметим мнение В.Д.Кубарева, который заключил, что балбалы — это коновязные столбы. Свое предположение В.Д.Кубарев основывает на обычае алтайцев, казахов и якутов при похоронах рядом с могилами вкапывать коновязные столбы, которые предназначались для лошадей родственников и гостей, принимавших участие в поминальной церемонии. Одновременно балбал был и своеобразным знаком присутствия определенного человека на поминках по умершему. Этим объясняется наличие тамг на балбалах у орхонских храмов (Кубарев 1979: 96). Однако вряд ли с этим можно согласиться, и, вероятно, не стоит уходить от традиционно сложившейся точки зрения, основанной на китайских источниках: “Если он убил одного человека, то ставят один камень, у иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи” (Бичурин 1950: 230). По заключению А.Н.Бернштама, обычай установки балбалов — это попытка приумножить славу покойного душами побежденных и отправить их вместе с ним в иной

¹ Первым это положение наиболее доказательно аргументировал Л.Р.Кызласов (Кызласов 1964).

мир подчиненными (Бернштам 1946: 73). Очевидно, балбалы ассоциируются все же не с коновязями, а со вкопанными у могилы или поминального сооружения каменными стояками, как обозначением погибшего человека. Об этом свидетельствует и перевод Л.Н.Гумилевым надписи на Онгинском памятнике (Гумилев 1967: 271).

Кроме каменных "столбов", весьма распространенным является использование дерева, деревянного столба, лиственницы в поминальной оградке. Особенно хорошо это видно по оградкам на Южном Алтае, исследованным В.Д.Кубаревым. Причем, если устанавливалось дерево, то некоторое время оно стояло целым, укрепленное в специальной ямке; иногда вместо дерева в центре оградки устанавливался деревянный столб.

Семантика этого объекта расшифровывается наиболее определенно. Почитание деревьев было связано не только с культом производящих сил природы, но и с местными культами и с космогоническими представлениями о древе жизни, мировом дереве (Кызласов, Король 1990: 161). Образ дерева, как благодетеля людей и как родового священного дерева, известен и в южносибирском героическом эпосе (Маадай-Кара 1973: 46–47). Дерево являлось аналогом, воплощением идеи мирового дерева, организующего все три сферы мира — верхний мир, мир людей и мир нижний. Дерево — структурообразующее начало в тюркской картине мира, оно связывает все сферы бытия по вертикали и одновременно находится в центре пересечения горизонтальных структур (линий стран света). У многих народов дерево символизирует космическую ось и считается дающим жизнь и охраняющим род объектом (Традиционное мировоззрение: 43–63). По религиозным верованиям шорцев, дерево (береза) является лестницей, по которой человек может подняться к Ульгеню — божеству Неба (Хлопина 1976: 95). Учитывая, что лиственница, береза (особо почитаемые деревья) мыслились в ритуалах аналогом мировой оси, связывающей три сферы бытия — мир людей с миром духов и миром небожителей, можно предположить, что дерево направляло жертву духу умершего и являлось как бы дорогой, по которой дух умершего попадал в другой мир.

Постоянный акцент в поминальном обряде древних тюрков делается на восток. Восток, весна, утро соотносятся с началом пространства и времени, местом рождения солнца и становятся потому в ритуалах точкой отсчета при создании мира. Именно Восток, вернее, целый сектор, расположенный между востоком и юго-востоком, — сторона, где восходит солнце, у всех народов Южной Сибири наделялся положительными качествами: он был связан с идеей рождения, воскресения. Западная сторона небосклона устойчиво связывалась с мотивами ухода из жизни, со страной предков. В то же время запад и восток строго не противопоставлялись друг другу; их амбивалентность основана на понимании природных процессов и прежде всего ситуации возникновения-исчезновения дневного светила. Поэтому оградки ориентировались главной стороной на восток или юго-восток и изваяния устанавливались всегда у восточной стороны оградки, снаружи, отражая идею постоянного возобновления жизни и продолжения существования души после смерти. Не случайно Запад и Восток в мировоззрении тюрков соотносятся с осенью и весной. Бульшая часть ритуалов, жертвоприношений происходили в это время и были закономерно связаны с актуализацией мифа о первотворении. Весна и осень считались наиболее подходящим временем для ритуальных действий, обращенных к пробуждающемуся или, наоборот, засыпающему миру. Это время года считалось открытым: в это время, по представлениям тюрков, облегчался переход из одного мира в другой; поэтому погребально-поминальные церемонии приурочивались именно к весне или осени, что известно нам по китайским источникам (Бичурин 1950: 230).

Еще одной характерной чертой поминального ритуала тюрков является обязательное жертвоприношение лошади или овцы, предназначенное для угощения души умершего, шамана и родственников. Смысл жертвоприношения, место лошади в нем можно понять, если рассматривать его в контексте культа неба, существовавшего в тюрко-монгольском мире с древнейших времен. Отношения людей с Небом носили двусторонний характер. С одной стороны, по их представлениям, Небо полностью властвует над ними, от него зависит судьба людей, поэтому люди испрашивают у него благополучия; с другой — Небо помогает, ведет по жизненному пути, поддерживает в трудных жизненных ситуациях (Яблоков 1972: 74). В этом плане жертвоприношение является связывающим звеном между социальным коллективом и божеством. Жертвоприношение не что иное, как перенесенный из сферы материальной жизни в духовную обмен, который представляет собой сферу общественных связей (Нестеров 1990: 89). Смысл жертвоприношения заключался в компенсации божеству за ожидаемые от него блага, в данном случае, за благополучный переход в мир предков (Глухов 1928: 59).

Следует отметить, что у тюркоязычных народов Центральной Азии не было тотемических представлений о лошади, зато были достаточно развиты представления о связи коня с солярным культом (Беленицкий 1978: 31–39). На оленном камне из аймака Дзавхан нанесены два изображения сегнерова колеса, составленного из четырех голов лошадей (Волков 1967: 136). “Сегнерово колесо” считается символом Солнца (так оно описано в Ригведе и Авесте), а кони и птицы — его инкарнации (Кузьмина 1976: 60–61). А. Д. Грач связывал с солнечным божеством изображения двух фигур лошадей на камнях крепиды центрального сооружения солнечного “храма” древних кочевников Улуг-Хорума (Грач 1980: 62–63). Все это свидетельствует о проникновении в Центральную Азию индоевропейских религиозных солярных представлений и укреплении их в среде местных племен.

С солярными символами неразрывно связан и культ огня, известный у саяно-алтайских племен. Огню приписывали чудодейственную силу очищения и возрождения, что обусловило обязательное присутствие огня в ритуалах. О связи культа огня с солярным культом говорит шорская легенда о небесном происхождении огня от Ульгеня-духа — хозяина Неба (Хлопина 1976: 73). Культ огня и культ коня соприкасались и переплетались в поминальном ритуале тюрков-туго.

В результате исследования поминального культа тюрков, можно считать, что поминальный обряд несет в себе две важнейшие функции: он был связан с культом предка и с институтом посредничества, причем посредником между этим миром и верхним миром являлся сам предок.

Исходя из археологических данных, становится очевидным процесс эволюции оградок: появившись в андроновское время как основной тип надгробных сооружений, ограда продолжала существовать у многих племен в разных модификациях и исполнять различную роль — либо роль одной из составляющих погребального обряда, либо роль поминального сооружения. В тюркское время оградки становятся классической формой поминального объекта. Поскольку традиция сооружения оградок была присуща народам, населявшим Саяно-Алтай на протяжении нескольких эпох и генетически мало связанных друг с другом, можно предположить, что оградки являются признаком скорее всего не этническим, а социальным и характерным для большинства кочевых народов данного региона, что связано с особенностями их хозяйства и мировоззрения.

Общие законы развития кочевого общества обусловили идентичность форм этих ритуальных сооружений. Содержание ритуалов, периодически повторяемых, во время которых происходили встречи и общение с предками, отражали утвердившийся у тюрков

институт посредничества, а также обычай поклонения духу предка. В зависимости же от того, какую функцию они исполняли, менялась, видимо, и сама обрядность; в чем, скорее всего, и скрывается причина большого разнообразия ритуальных действий, проводимых у поминальных оградок.

Форма оградки, внутренние и внешние сооружения играли определенную роль в поминальном ритуале и имели собственное сакральное значение. Считалось, что на время поминального пира в изваяние, устанавливаемое при оградке, вселяется душа умершего и принимает участие в тризне. Непроизвольной кажется и сама форма оградки — квадрат. Она также имеет несколько функциональных назначений: прежде всего, она обозначала место возвращения духа предка для беседы с сородичами во время поминок и имела форму квадрата — символа земли, стабильности и устойчивости. Форма квадрата усиливала и защитные функции оградки-барьера с тем, чтобы не допускать дух умершего в средний мир — мир людей.

Предложенная реконструкция поминального обряда древних тюрков, естественно, не исчерпывает всего его многообразия. Несомненно, что дальнейшая работа в этом направлении, новые археологические и этнографические данные позволят расширить ранее известные представления об этом обряде.

Беленицкий А.М. 1978. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степях в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154.

Бернштам А.Н. 1946. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков. М.; Л.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.

Васютин А.С. 1983. Культурные памятники древних тюрков Горного Алтая // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово.

Волков В.В. 1967. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор.

Грач А.Д. 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Глухов А.Н. 1928. Тайзлга. М.

Гумилев Л.Н. 1967. Древние тюрки. М.

Кубарев В.Д. 1970. Древнетюркский поминальный комплекс на Дье-Тсбе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.

Кубарев В.Д. 1979. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Кубарев В.Д. 1984. Древние изваяния Алтая. Новосибирск.

Кузьмина Е.Е. 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Кызласов Л.Р. 1964. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. № 2.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.

Маадай-Кара. 1973. Алтайский героический эпос. М.

Нестеров С.П. 1990. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. 1990. Новосибирск.

Хлопина И.Д. 1976. Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири.

Шер Я.А. 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.

Яблоков И.Н. 1972. Методологические проблемы социологии религии. М.

К.В.Юматов (Кемерово)

ОТРАЖЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ «НЕУВЯДАЮЩЕЙ СЛАВЫ» В КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Александр Данилович Грач был одним из наиболее выдающихся исследователей древней культуры кочевников Евразии. Важное место в его работе занимало изучение древнетюркских каменных изваяний степняков — он был одним из тех, кто заложил основы для широкого изучения этого вида археологических источников.

Антропоморфные изваяния воинов — один из наиболее устойчивых видов степной скульптуры. Впервые появившись в древнеямной культуре, в различных вариантах каменные изваяния с воинской атрибутикой стали постоянной принадлежностью культуры кочевых народов данного региона.

Уже в начальный период существования изваяния степных племен отличаются сложными символической и семантикой, отраженными в довольно лаконичной иконографической формуле. А.И.Зайцев предположил, что древнеямные изваяния являются материальным символом индоевропейской эпической формулы «неувядающей славы» (Зайцев 1986; 1994: 62–88). Однако герой, изображенный на изваяниях древнеямной культуры, еще не обязательно военный предводитель. Он ведет войну, но не всегда с реальным противником. Вероятно, в данном случае мы имеем изображение вождя, совмещавших религиозно-магические и военные функции. В иконографии древнеямных изваяний еще преобладает религиозный, магический смысл, что видно из присутствующей на них атрибутики; воинская атрибутика и связь с воинским сословием еще не выступают на первом месте. Здесь важнее связь умершего вождя с богами, символика власти и плодородия. Вождь-«шаман», вождь-жрец пока сильнее вождя-воина. Остатки подобных ранних представлений четко прослеживаются в индоевропейской эпической традиции (Абасев 1994). Еще нет четкой привязки этих изваяний к широкому слою общества. Ритуал, вероятно, только начинает вырабатываться; соответственно, еще нет и ритуального текста. Поэтому иконография изваяний не имеет единого канона. Но некая «первоидея», заложенная в них, уже приводит к повторяемости многих атрибутов. Эта «первоидея» выражена в эпической формуле «неувядающей славы».

С исчезновением ямной культуры традиция установки каменных изваяний не исчезает, хотя исполнение каменных фигур деградирует (катакомбные изваяния, андроновские и ирменские надмогильные стелы). Сохраняется связь изваяний и стел с мужскими, воинскими погребальными кувшинами. Вместе с тем, окуневские изваяния, скорее всего, представляют религиозно-магическую линию развития монументального степного искусства. Возможно, что обе эти линии (религиозно-магическая и воинская) берут свое начало в древнеямной культуре.

Следующая «волна» проявления феномена воинской скульптуры связана с восточными областями степной Евразии (оленные камни). В этих памятниках отчетливо проявляется еще одна важная иконографическая особенность древней скульптуры ко-

чевников — деление фигуры на три зоны с помощью гривны (ожерелья) и пояса. Оружие, в основном, располагается на поясе или около него. При явной антропоморфности оленных камней, лицо на них изображается очень редко — вероятно, это связано с запретом изображения мертвого человека из боязни навредить живым.

Иконография оленных камней саяно-алтайского и евразийского типов включает в себя два аспекта культово-поминальной традиции индоевропейских племен — принесение в жертву герою священного животного и отображение в память о героических деяниях его воинских атрибутов. Подобное соотношение есть, например, в “Ригведе”. Эпическая формула “неувядающей славы” получает свое новое воплощение в этой своеобразной скульптуре. Очевидно, оленные камни являются переходной формой от “религиозной” идеологии к идеологии военной. Здесь еще присутствует символика, связанная с религиозным культом (изображения животных и т.д.), но все большее место занимает символика военная. Носителем “неувядающей славы” становится не просто вождь, а вождь военный.

Вместе с носителями данной традиции оленные камни распространяются далеко на запад (Савинов, Членова 1978). Причем распространяются как раз изваяния, связанные с воинскими культами и воинским сословием — саяно-алтайский и общевразийский тип, по В.В.Волкову (Волков 1981), поскольку в дальних миграциях именно воины играют главную роль. Оленные камни постепенно утрачивают иконографические детали, связанные с идеей жертвоприношения, но сохраняют свое главное предназначение, как вещественного символа воинской славы умершего. На Северном Кавказе и в Северном Причерноморье происходит, вероятно, соединение двух традиций.

Видимо, так рождаются скифские изваяния, соединяющие в себе особенности европейских изваяний эпохи бронзы и оленных камней. Одна и та же “первоидея”, заложенная в древнеямных изваяниях, оленных камнях и скифской скульптуре, позволила легко соединить две первых традиции. При этом почти вся излишняя, с точки зрения воинского сословия, информация ушла. Религиозно-магическая функция отходит на второй план. Главным становится изображение мужчины-воина, причем не портретное, а обобщенное. В иконографии скифских изваяний отразился образ эпического героя, но при этом он всегда ассоциируется с реальным лицом, внесшим свою воинскую славу в общую славу всего этноса. Это реальный герой-покровитель, герой-прародитель и герой-вождь. Три зоны в иконографии скифских изваяний не обязательно соотносятся с каким-либо конкретным мифологическим героем. Поэтому нет никакой необходимости искать какой-либо конкретный мифологический персонаж, чтобы объяснить, кого изображали скифские изваяния. На них изображены реальные герои, воплощающие в себе образ идеального эпического воина-кочевника. Существование эпической формулы «вечной славы» в скифских сказаниях подтверждают аналогии атрибутам, изображенным на изваяниях, в ритуальных предметах на ежегодном празднике мужчин-воинов, описание которого дано Геродотом (IV, 66). Дополнительным подтверждением этого факта является и наличие подобной формулы в нартовском эпосе (Дюмезиль 1990: 215).

Сарматы, сменившие скифские племена в степях Восточной Европы, сохранили обычай создания изображений из камня. Но, видимо, не имея столь развитой идеологической (в том числе и эпической) традиции, они не смогли воплотить в них четкую иконографическую формулу.

Трудно сказать, каким образом взаимосвязаны оленные камни, скифская и древнетюркская скульптура. Скорее всего, здесь нет, как уже отмечалось в литературе, непрерывного генетического ряда (Шер 1966). Древнетюркские изваяния являются

отражением сохранения в иноязычной среде эпической формулы “вечной славы” павших героев. В тюркском эпосе она получила формулировку «...чтобы не погибли имя и слава». Вероятно, в Восточном Туркестане, где шло формирование древнетюркского этноса, от ираноязычных соседей древние тюрки переняли понятие “неувядающей славы”, преобразовав его соответственно собственному пониманию.

Трудно сказать, почему эта традиция не получила широкого распространения в годы I Тюркского каганата. Вероятно, такое государственное объединение могло существовать в рамках культуры, которая не выдвигает на передний план “национальную” харизму. Вожди II Тюркского каганата были вынуждены с самого начала опереться на те слои общества, которые стремились к жесткому противостоянию любому сопернику. В этих условиях развивается культ степных героев-воинов. Посмертная слава героев запечатлевалась в эпосе, рунических надписях и каменной скульптуре. Постепенно, с развитием государственности, эта формула стала переноситься и на изваяния чиновничьей аристократии. Появляется вторая группа древнетюркских изваяний — с сосудом в одной руке, но без оружия.

В уйгурской и кыпчакской скульптуре на первый план уже выходит не идея сохранения славы воина на Земле, а связь человека (не обязательно мужчины-воина) с божественными силами и с культом предков-прародителей. На уйгурских изваяниях уже нет оружия. Статуи, вероятно, все также сохраняют идею вечности существования человека, но не через формулу “вечной, неувядающей славы”, а через концепции “вечной памяти” и “вечной жизни”, связанные не с воинскими культурами, а с культом предков.

Таким образом, на протяжении почти 3–4 тысяч лет в степной Евразии прослеживается устойчивый обычай изготовления культово-поминальной скульптуры с воинскими атрибутами. По нашему мнению, это связано с индоевропейской эпической традицией, зародившейся в степях Восточной Европы и распространившейся вместе с населением на восток.

Данный культурный феномен не является, по нашему мнению, стадийным явлением, поскольку: 1. Он проявляется не во всех высокоразвитых кочевых культурах. Мы не знаем такой скульптуры, например, у сюнну, сяньби, монголов и т.д. Другое содержание имеют окуневские, уйгурские и кыпчакские изваяния. Но сама передача идеи “вечности” человеческого существования через каменные изваяния несомненно является универсальной человеческой культуры. 2. Древнеямные племена, население, создававшее оленные камни и древние тюрки находились на разных ступенях развития культуры и, тем не менее, у всех у них есть подобный культурный феномен. Конечно, одинаковая стадия развития культуры накладывала отпечаток на иконографию изваяний. Не случайно поэтому близко стоящие по социальному и культурному развитию скифы и древние тюрки создают идентичную по иконографии скульптуру.

Особенность кочевой культуры, которая с самого начала своего существования складывалась как культура военизированная, привела к тому, что мужчины-воины выдвигаются на первый план как основная социальная сила общества. В общественном сознании существует обобщенный образ идеального воина, тождественный образам эпических героев. Этот архетип эпического героя-воина вошел в идеологию индоевропейских, индоиранских и тюркских степных народов как ее составная часть. Воспевание подвигов и деяний богатыря становится важнейшей частью идеологии общественных и государственных объединений. В рамках подобной идеологии и возникла необходимость увековечивания славы воинов, прославившихся в боях с врагами. Слава каждого воина приумножала славу всего народа. Великие и славные дела потомков лишь оживляют вечно существующую и единственно реальную “первую славу” (Лотман 1993: 107–108). Для того, чтобы “не погибли имя и слава” тюркского

народа, необходимы героические дела правнуков. Герои-люди становились новым воплощением героев эпоса. Индоевропейская эпическая формула "неувядающей славы" в различных вариантах была перенесена на реальную жизнь и соотнесена с реальными людьми. Ее материальным выражением в степном мире стала культово-поминальная воинская скульптура с определенным набором атрибутов.

Если путь развития героических сказаний сравнить с тенденцией изменения образа воина в каменных изваяниях, то мы увидим, что эволюция иконографии каменных изваяний идет в том же направлении. Первоначально мифы были важнейшим источником формирования героических сказаний. В ранних эпических произведениях героика выступает еще в мифологической оболочке. На этом этапе исторические предания являются лишь второстепенным источником развития архаического эпоса. Но с развитием этого жанра нарастает тенденция к демифологизации эпоса. Эпические произведения эпохи складывания государственных объединений опираются уже в основном на историческую основу (Мелетинский 1994: 664). План выражения каменных изваяний кочевников Евразии тоже изменяется от преимущественно мифологических мотивов к мотивам военным. В иконографии древнеявских изваяний и оленных камней мифологические мотивы еще преобладают над эпическими (военными) представлениями, что, вероятно, взаимосвязано с существованием только самых ранних, архаических форм героического эпоса и военных культов. Своеобразным переходным этапом в этом плане, вероятно, являются скифские изваяния, где, видимо, уже отражаются представления о реальных героях, ставших персонажами героических сказаний. Еще менее выражены мифологические мотивы в древнетюркских изваяниях (во всяком случае, их можно только предполагать). Эпос древних тюрков, видимо, также был уже ближе к классическим формам героических сказаний, основанных, как уже отмечалось, на исторической основе. Поэтому в изваяниях, которые становились знаком «вечной славы» реальных героев, воплощался образ героя идеального, связанного с эпическими мотивами. Изваяния являлись средством устрашения врага, способом выражения этнического превосходства и напоминанием потомкам о воинской славе предков.

- Абаев В.И. 1994. "Шаман сильнее воина" // Историко-этнографические исследования по фольклору (Сб. статей памяти С.А.Токарева). М.
- Волков В.В. 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.
- Грач А.Д. 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.
- Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и парты. М.
- Зайцев А.И. 1986. Пранидоевропейские истоки древнегреческого эпоса // Проблемы античного источниковедения. М.; Л.
- Зайцев А.И. 1994. Формирование древнегреческого гексамetra. СПб.
- Лотман Ю.М. 1993. "Звонячи в прадьднюю славу" // Избранные статьи в 3-х томах. Том III. Таллинн.
- Мелетинский Е.М. 1994. Эпос и мифы // Мифы народов мира. Т.2. М.
- Савинов Д.Г., Членова Н.Л. 1978. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
- Савинов Д.Г., Членова Н.Л. 1980. Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА, Вып. 162. М.
- Шер Я.А. 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА*

Важной темой в научном творчестве А.Д.Грача было изучение древнетюркских каменных изваяний и поминальных сооружений в Туве. Анализ и публикации этих памятников были посвящены его отдельные статьи и первая обобщающая монография. Выход в свет этой книги в 1961 г. стал заметным событием в археологическом изучении Тувы. В ней были обобщены результаты полевых исследований автора, рассмотрены вопросы типологии изваяний, хронологии, семантики и функционального назначения данных памятников (Грач 1961). Работа А.Д.Грача продолжила исследование древнетюркских изваяний в Южной Сибири и Центральной Азии, предпринятое Л.А.Евтюховой (Евтюхова 1952). Хотя основной вывод автора о тождестве изваяний и балбалов, изображавших “врагов” древних тюрков, не нашел поддержки у специалистов по средневековой археологии, выход в свет этой книги, безусловно, стимулировал дальнейшее изучение древнетюркских изваяний как в самой Туве (Кызласов 1969; Плотников, Худяков 1987), так и на Алтае (Кубарев 1984), в Семиречье и на Тянь-Шане (Шер 1966; Мокрынин 1975; Табалдиев 1996), в Монголии (Худяков 1985; Войтов 1996), в Восточном Казахстане (Чариков 1989; Ермоленко 1987).

При анализе древнетюркских каменных изваяний в Туве, А.Д.Грач усматривал их сходство с “любопытной группой каменных фигур” из Синьцзяна, опубликованных Ван Цзыюанем и проанализированных Р.Ф.Итсом (Грач 1986: 57; Итс 1958). Однако древнетюркские изваяния с территории Восточного Туркестана остаются мало доступными для специалистов по средневековой археологии до настоящего времени. Отдельные сведения об этих памятниках, фотографии и прорисовки изваяний и поминальных оградок имеются в китайской археологической и научно-популярной литературе**. Как отмечал Р.Ф.Итс, для китайских ученых характерно весьма своеобразное представление о хронологии, культурной принадлежности и назначении каменных изваяний. Ван Цзыюань считал, что изваяния относятся к эпохе Хань, принадлежат усуням и являются “идолами”, которым поклонялись древние кочевые племена, хотя ему было известно мнение Н.И.Веселовского о принадлежности подобных статуй тюркским кочевникам (Ван Цзыюань 1956: 13). В статье Ван Миньцзе, а также в некоторых популярных работах, к числу каменных изваяний, наряду с древнетюркскими скульптурами, отнесен каменный жезл с личиной, который должен датироваться эпохой бронзы (Ван Миньцзе 1988: 16). В работе Ван Лишаня и Ван Бо все

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 98-01-00338

** Выражаем признательность А.В.Варенову за перевод китайских работ.

древнетюркские изваяния отнесены к категории “оленных камней”. По мнению Ли Синьяня до сих пор не известно, кто является “автором этих каменных фигур” и “какой народ оставил нам это культурное наследие” (Ли Синьянь 1988: 7).

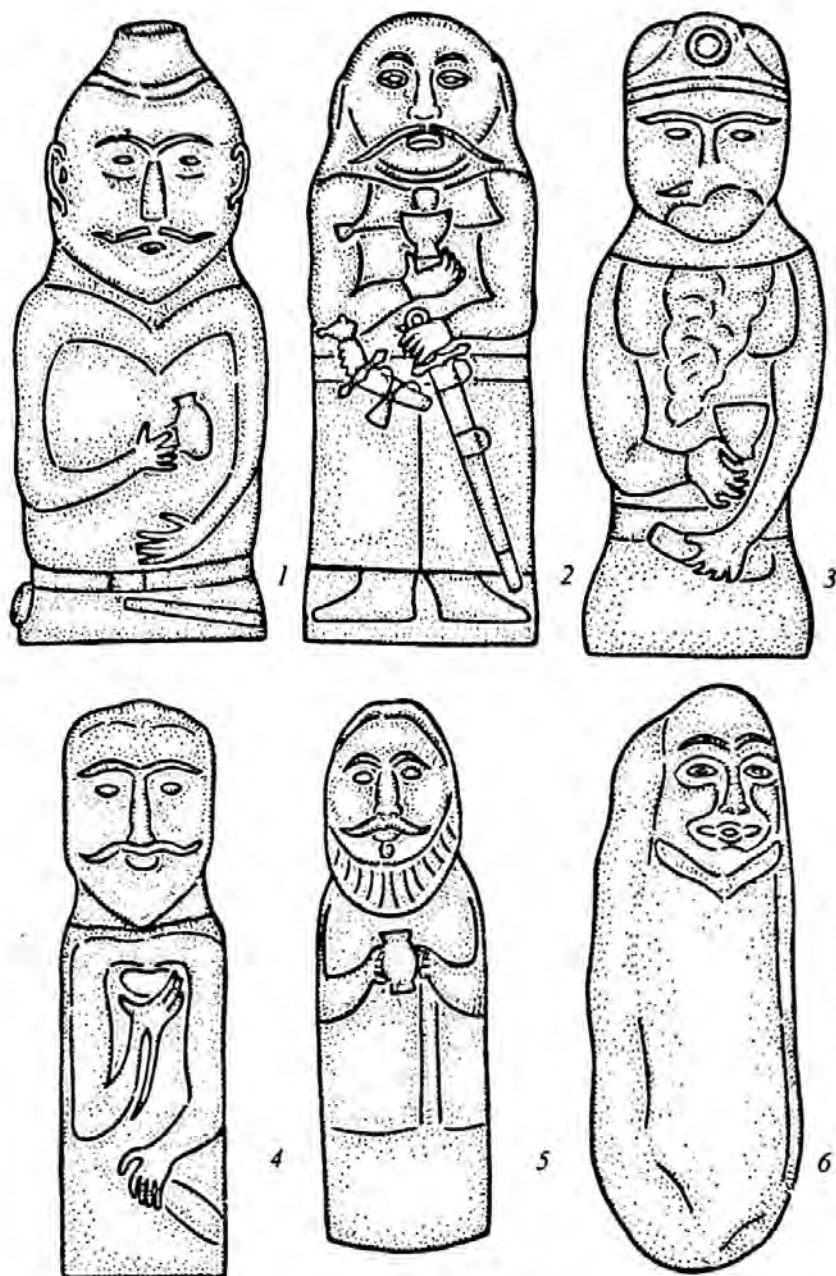

Рис. 1. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана: 1–4 — тип I; 5 — тип III; 6 — тип V; 1 — Униен, 2 — Аэркатз, 3 — Чжунмачан, 4 — Чаханобо, 5 — Чуичанбяньной, 6 — Хами.

По данным Ван Миньцзе, в Синьцзяне известно не менее 200 каменных изваяний. До недавнего времени в китайских изданиях было опубликовано всего около десятка изваяний. Неоднократно переиздавались одни и те же известные памятники, причем их местонахождение в разных работах называлось по-разному. Лишь в работе Ван Лишаня и Ван Бо издано более сорока изваяний и несколько поминальных оград, названных “древними могилами”, большинство из которых ранее не публиковались.

Эти материалы могут быть дополнены находками из музеев городов Хами и Урумчи в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, с которыми имел возможность ознакомиться автор настоящей статьи во время работы в составе экспедиции ЮНЕСКО по проекту "Шелковый путь" в 1990 г. (Худяков 1991: 72).

Из 51 изваяния, известных по публикациям и музейным экспедициям в Синьцзяне, 43 происходят из Алтая и 8 из Притяньшанья. Каменные изваяния Синьцзяна существенно различаются по характеру и детализации, стилистическим особенностям изображений.

Среди них выделяются статуи, выполненные в полный рост, с сосудом в одной руке и оружием на поясе.

Одно из таких изваяний экспонируется в историческом музее СУАР в г. Урумчи. Оно происходит из уезда Унчен в долине р. Или. У фигуры выделена голова с конической шапочкой и уплощенным верхом. Показаны дугообразные брови, узкие глаза, прямой нос, загнутые кверху тонкие усы, маленькие губы и приостренный подбородок, большие уши. В правой руке, согнутой в локте, изображен кувшин с ручкой с плоским дном и выделенной горловиной. Левая рука изображена на животе, выше пояса. Пояс показан горизонтальными линиями, в его середине — квадратная пряжка. Справа к поясу подвешен каптаргак, спереди — прямой клинок, вероятно, палаш (рис. 1, 1). Изваяние изготовлено из оленного камня. на его тыльной стороне находятся изображения оленей с ветвистыми рогами, расположенные наклонно, мордами вниз. Вероятно, при изготовлении изваяния оленный камень был перевернут.

Одно из самых совершенных изваяний, изготовленное из белого камня, обработанного низким рельефом, обнаружено в степи Аэркатэ, в уезде Вэнцюань. Оно неоднократно издавалось. У этой фигуры большая округлая голова, широкие глаза, плоский нос, большие "развесистые" усы, пухлые губы, округлый подбородок и большие уши. На шее выделена подвеска. Фигура одета в халат с отложным воротником и треугольными отворотами на груди. На одном из них показана пуговица. Правая рука согнута в локте, пальцы держат за поддон небольшой кубок. Левая рука — на рукояти палаша, подвешенного спереди к поясу. У палаша кольцевое навершие и крестообразное перекрестие. На ножнах показаны наконечник и две обоймы с петлями. Рядом с палашом к поясу подвешен изогнутый кинжал с ножнах с двумя петлями и кистью. У него фигурное навершие, ребристая рукоять и крестообразное перекрестие. Полы халата доходят до середины голени. На ногах изображены мягкие сапоги. Судя по фотографиям, изваяние было установлено одиночно, без оградки (рис. 1, 2).

Еще одно, очень известное изваяние было обнаружено в степи Чжунмачан, в уезде Чжаосу, в долине р. Или. Ван Цзыюань отметил, что оно происходит из Сяохунхая. Оно неоднократно публиковалось. На голове фигуры изображен головной убор с трехчастным куполом и округлым украшением спереди. На лице изображены брови, глаза, прямой нос. Нижняя часть лица скелета, но на правой щеке виден ус. Грудь повреждена, но можно различить отвороты халата. Правая рука согнута в локте. Пальцы держат за доньшко чашу на низком поддоне. В левой руке изображен продолговатый предмет, возможно, кинжал. На зауженной талии показан пояс. На спине изваяния изображены многочисленные длинные косички; однако набор реалий не позволяет считать его женским. Судя по фотографиям, изваяние стояло одиночно (рис. 1, 3).

Изваяния с сосудом в одной руке из Синьцзянского Алтая обработаны менее реалистично. Одно из них изготовлено из квадратного в сечении каменного монолита. Ван Миньцзе относит его местонахождение к Чаханобо у с. Ханьдагате и г. Алтай. Ван Лишань и Ван Бо указывают в качестве местонахождения Хавасайи. У изваяния изображены дугообразные брови, маленькие губы, прямой нос, длинные волнистые усы,

выделенная нижняя губа и приостренный подбородок. Правая рука согнута в локте, от запястья до локтя она разделена надвое. Левая рука — на рукояти клинка, наклонно подвешенного спереди. Изваяние было установлено у насыпи из массивных скальных обломков (рис. I, 4).

Сосуд в правой руке и клинок, наклонно подвешенный к поясу, изображены на изваяниях из Юкитаса и Хайлитана. Детали изображений на фотографиях здесь не всегда хорошо различимы. У некоторых статуй можно различить отвороты халата, пояса с пряжкой, прямоугольными бляхами-оправами и подвешенными к ним каптаргаками, кинжалами и саблями с перекрестием и ребристой рукоятью. У одного изваяния с Алтая "читается" только изображение чаши в правой руке. Всего к данному типу можно отнести 7 изваяний с Алтая и 3 из Притяньшанья. Следует отметить, что именно эти изваяния, наиболее богатые реалиями, в значительной степени пострадали от вандализма. У них отбиты головы или вся верхняя часть скульптуры, сколоты лица.

Ко второму типу относятся изваяния с сосудом в обеих руках. К нему, например, можно отнести изваяние из округлого в сечении монолита, обработанного высоким рельефом. Сведения о происхождении данного изваяния противоречивы. Ван Миньцзе указывает, что оно происходит из Чунчанбяньной, в уезде Чжаосу, в долине р. Или. Ван Лишань и Ван Бо отмечают в качестве местонахождения Кьяоарти. На голове изваяния — округлый головной убор (или прическа). На лице изображены брови, глаза, прямой нос, пышные усы, нижняя губа с клинышком волос на подбородке и широкая окладистая борода, совершенно не характерная для древнетюркских изваяний. Правая и левая рука согнуты в локтях. Между пальцами рук находится сосуд с ручкой на низком поддоне. По прорисовке Ван Лишаня и Ван Бо, в левой руке зажат посох (рис. I, 5). Возможно, еще одно изваяние с сосудом в обеих руках происходит из Хоргоса.

К третьему типу могут быть отнесены скульптуры с изображением головы, торса, рук, иногда других реалий, но без сосудов. Серия таких изваяний происходит из Синьцзянского Алтая, из памятников Бошвубо, Сентас, Кайинарль, Кекешему-лаокемуки. У изваяний этого типа выделена голова, округлое лицо без усов и бороды, окаймленное по периметру рельефным валиком. На шее изображена гривна или ожерелье. У многих изваяний низким рельефом выделена грудь. На группе статуй, установленных в ряд, лицом в одну и ту же сторону (Кайинарль), определенно показаны женские груди. Руки согнуты в локтях и сложены на груди и животе, одна выше другой. Обычно ладонь правой руки изображена выше левой, но у статуи из Бошвубо наоборот. У одной из статуй из Кайинарля пальцы обеих рук соединены на животе. Фигура из Кекешемулаокемуки придерживает обеими руками лук с надетой тетивой. На животе статуи из Сентаса изображен горизонтальный предмет, возможно, пояс с подвесками. На груди одной из статуй из Кайинарля показан округлый предмет, возможно, зеркало. Статуи данного типа композиционно и стилистически отличаются от других видов каменных изваяний, широко распространенных в Центральной Азии. Судя по фотографиям, они могли устанавливаться одиночно и рядами.

К четвертому типу относятся изваяния с изображением только головы. Среди них выделяются два варианта. первый вариант включает статуи с рельефным изображением бровей, глаз, носа, усов, рта и подбородка. Такие изваяния происходят из памятников Авайтан, Акетаму, Джиалангаш, Карангетуохай, Туоганбай в Синьцзянском Алтае. Второй вариант включает изваяния с округлым безусым лицом, окаймленным округлым валиком, и ожерельем или гривной на шее. Эти скульптуры из Акетубай, Актаму, Сентаса стилистически близки изваяниям третьего типа. Все они установлены одиночно.

Пятый тип изваяний представляет собой личины, выбитые на необработанных камнях. Такие памятники известны в Притяньшанье на местонахождениях Цюань-цзыцзеи Аксу. В Синьцзянском Алтае подобные стелы с личинами обнаружены на памятниках Васкакекарен, Кантас, Мойик, Самтер, Серенкалагай, Таледэбрак и других. Для них характерны выполненные низким рельефом личины в кольцевом обрамлении. Одно изваяние с личиной экспонируется в музее г. Хами. На торцевой части окатанного монолита выбиты глаза, брови, рот, овал лица с острым подбородком (рис. 1, б).

Изваяния I, II, IV и V типов представлены в культуре западных и восточных тюрок в Притяньшанье, Саяно-Алтае и Монголии. Скульптуры III типа и второго варианта IV типа отличаются от древнетюркских изваяний на других территориях за пределами Синьцзянского Алтая.

По реалиям можно датировать только изваяния I и II типов, на которых различимы детали одежды, оружие, пояса и сосуды. Статуи из Притяньшанья предварительно можно отнести ко времени Западного тюркского и тюркешского каганатов, VII–VIII вв. н.э. По изображениям одежды, оружия и сосудов на этих изваяниях заметно влияние культуры оседлого ираноязычного населения. Скульптуры I типа из Синьцзянского Алтая, вероятно, относятся ко времени Второго (Восточного) тюркского каганата и к периоду подчинения древних тюрок уйгурам и кыргызам. Изваяния, на которых отсутствуют хорошо датируемые реалии, могут быть предварительно соотнесены с древнетюркской эпохой в целом.

Древнетюркские изваяния документируют распространение древнетюркской культуры на территории Восточного Туркестана и заслуживают дальнейшего изучения.

Ван Миньцзе. 1988. Синьцзян цаюань шижэнь (Каменные люди степей Синьцзяна) // Сылюю, № 4 (на кит. языке).

Ван Цзыюань. 1956. Синьцзянды шикэ ишу (Синьцзянское искусство резьбы по камню) // Вэньуцанькао цзыляо. № 8 (на кит. языке).

Войтов В.Е. 1996. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.

Грач А.Д. 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.

Евтюхова Л.А. 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА, № 24. М.

Ермоленко Л.Н. 1987. Средневековые каменные изваяния с верховьев р.Атасу // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Итс Р.Ф. 1958. О каменных изваяниях в Синьцзяне // СЭ, № 2.

Кубарев В.Д. 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.

Кызласов Л.Р. 1969. История Тувы в средние века. М.

Ли Синьцань. 1988. Тайны Синьцзяна // Мост.

Мокрынин В.П. 1975. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе.

Плотников Ю.А., Худяков Ю.С. 1987. Древнетюркские каменные изваяния в долине р.Торгалыг // Археологические исследования на Алтае. Барнаул.

Табалдиев К.Ш. 1996. Курганы средневековых кочевников Тянь-Шаня. Бишкек.

Худяков Ю.С. 1985. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск.

Худяков Ю.С. 1991. Экспедиция ЮНЕСКО по проекту "Шелковый путь" на территории КНР // История, филология и философия. Вып. I. Новосибирск.

Чариков А.А. 1989. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // СА, № 3.

Шер Я.А. 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.

Г.Г.Король (Москва)

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ «СТЕПНОГО ОРНАМЕНТАЛИЗМА» И ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОСИБИРСКОЙ ТОРЕВТИКИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Хорошо известен факт сложения в раннем средневековье нового орнаментального стиля в искусстве народов степной Евразии. Орнаментализм нового стиля был основан на использовании растительного или плетеного узора как основного изобразительного средства и подчинении ему всех остальных элементов декора. Наивысшего расцвета этот стиль достиг в IX–X вв., став наиболее пышным и усложненным. Орнаментированные изделия представляют, в первую очередь, комплекс украшений всадника и коня. Это наборные пояса, амулеты; украшения одежды и ее дополнительных атрибутов, оружия; а также сбруи коня, изготовленные в основном из бронзы и серебра.

Мощным стимулом для развития торевтики было удовлетворение социального заказа богатой и сильной знати кочевнических обществ VI–X вв., имевших сложную социальную и этническую структуру. Первоначально удовлетворение этих запросов реализовывалось в процессе взаимодополняющего общения кочевого мира и зон оседлого проживания, где находились крупные ремесленные центры, которые гибко реагировали на потребности кочевников, поставляя из своей среды мастеров, идеи, образцы и распространяя тем самым разнообразные традиции, в том числе и орнаментальные. Осуществление такого общения на огромных просторах Евразии стало возможно благодаря функционированию грандиозных трасс Великого Шелкового пути с многочисленными ответвлениями в северные степные зоны, позволявших в течение веков быстро передавать художественные традиции в виде отдельных изделий и мастеров, расселявшихся вдоль этих трасс, селившихся в ставках знати тюркоязычных кочевников. Последнее обстоятельство способствовало последующему развитию собственного художественного ремесла там, где для этого были необходимые условия.

В VI–VII вв. в кочевническом мире повсеместно были распространены неорнаментированные гладкие, иногда с геометрическими прорезями, поясные и сбруйные украшения, характерные своей формой. В VIII в. формы тюркских поясных украшений и сосудов заимствуются, претерпевая видоизменения, согдийцами. В культуре населения Аварского и Хазарского каганатов и у мадьяр орнаментированные украшения становятся всеобщим явлением.

Наиболее ярким образцом, отражающим расцвет «степного» орнаментального стиля, является искусство народов Южной Сибири IX–X вв., периода господства Кыргызского каганата в Центральной Азии, географически занимавшего срединное положение между Востоком и Западом, вовлеченного в сферу обширных евразийских связей с крупнейшими государствами. В этот период преобладающим в декоре художественного материала стал так называемый «раннесредневековый» комплекс. В него входят различного рода розетки, «бесконечный узел», «пламенеющая жемчужина», все виды растительной и зооморфной орнаментации. Происхождение многих раститель-

ных мотивов восходит к древностям ближневосточных культур. Появление некоторых из них в искусстве народов Южной Сибири относится к раннему железному веку, как и распространение ряда зооморфных мотивов, характерных для скифо-сибирского

Рис. 1. 1 — Бронзовая ажурная накладка на мешочек для огнива (ГЭ, случайная находка у с. Лугавское). 2 — Бронзовая позолоченная поясная накладка (ГЭ, случайная находка с Алтая); 3 — Бронзовая позолоченная сбруйная бляха (ММ, случайная находка под Минусинском).

“звериного” стиля. Другие растительные и зооморфные мотивы появляются только в раннем средневековье, благодаря широким связям с соседними народами и далекими государствами и культурным заимствованиям, включающим и область декоративного

искусства. Несмотря на различное происхождение мотивов, они составляют единый комплекс, ибо именно в такой совокупности узоры распространялись в раннесредневековом декоре южносибирской торевтики. Благодаря новой стилистической трактовке и новому пониманию художественного образа, “возрожденные” мотивы скифского времени воспринимаются иначе и имеют другое смысловое содержание. Единство растительных и зооморфных мотивов, при преобладающей роли первых, характеризует орнаментализм нового “степного” стиля в раннем средневековье. Это включает торевтику народов Южной Сибири в русло декоративного искусства всех народов степной Евразийской зоны, входивших в соприкосновение с процессом развития художественного ремесла именно в области торевтики.

Специальное исследование происхождения основных орнаментальных мотивов и сюжетов декора южносибирской торевтики рассматриваемого времени показывает, что это искусство испытывало два основных направления влияний — западное и южное, соответствовавших главным торговым и дипломатическим контактам кыргызов, известным по письменным и археологическим данным: западное — со Средней Азией и Восточной Европой, южное — с Восточным Туркестаном и Китаем. При всем многообразии мотивов, сюжетов в искусстве оседлых народов с древней традицией художественной обработки металлов в городских центрах, из которых и исходили плодотворные импульсы, формирование “степного” стиля в каждом крупном регионе, ограниченном, по-видимому, государственными пределами, происходило в соответствии со вкусами конкретных заказчиков. А вкусы эти формировались не только модой, новизной, желанием выделиться и отличаться, но и традиционной культурой, мировоззрением местного населения.

Характерной особенностью украшений южносибирского художественного металла является органичное соединение элементов внешнего влияния, попадавших на благодатную почву собственных традиций и вкусов, переосмысливавшихся соответственно им, с элементами местного происхождения, имеющими зачастую длительную историю развития. Особенно отчетливо это можно проследить по набору распространенных зооморфных мотивов, связанных нередко с мифологией местного населения, с сохранением стилистических особенностей, представляющих пережитки скифо-сибирского “звериного” стиля. Кроме того, в ряде случаев наблюдается (при господстве в целом, как уже говорилось, растительной орнаментации) ведущая роль зооморфных изображений, что является еще одной особенностью декора южносибирской торевтики.

В качестве примера рассмотрим бронзовую ажурную накладку на мешочек для огнива (Рис. 1, 1)¹. На ней представлена композиция с вертикальной осью симметрии, состоящая из трех горизонтальных поясов. Началом и связующим все мотивы элементом, “стержнем” композиции, является выющийся растительный стебель. В нижнем поясе изображены лежащие у растительного бутона в окружении выющихся стеблей самки оленя. В среднем — по краям два цветка, в центре — две изогнутые, обращенные друг к другу рыбы. В верхнем поясе — скачущие навстречу друг другу крылатые олени. Стилистические особенности последних совпадают с характерными чертами, отмеченными для саяно-алтайской группы изображений оленя скифского времени

¹ Известны две абсолютно одинаковые накладки: из Минусинской котловины — с. Лугавское, случайная находка, хранящаяся в ГЭ; и из Тувы — Аргалыкты I, курган II — раскопки Ю.И.Трифонова, 1965 г.

(Грязнов 1978: 226). Новое здесь — изображение крыла и поза животного: скачущего или (на других изделиях) идущего (рис. I, 2). В отличие от изображений крылатых оленей в Танском искусстве, на которых крылья значительно выступают над линией спины, южносибирские изображения чаще всего либо лишены крыльев (рис. I, 3), либо имеют маленькое, не выступающее или чуть выступающее крыло (рис. I, 1). Такие же особенности отмечены в изображениях крылатых коней в согдийском искусстве VIII–IX вв. (Иерусалимская 1972: 15).

Особенностью мировоззрения сибирских народов является то, что древнейшие космогонические представления, в которые входил культ солнца, были связаны у них с образом оленя (лося). В шаманских обрядах саяно-алтайских народов образ оленя (марала) играл значительную роль. Олень был “ездовым животным”, на котором отправлялся к духам шаман. Иногда душа шамана предстает в образе животного, часто — оленя. В связи с этими представлениями особенно интересна рассматриваемая композиция. Несомненно, в представленном здесь сюжете заложено какое-то содержание. Этнографические фольклорные материалы не дают объяснения сюжета целиком, хотя каждый элемент в отдельности играет определенную роль в традиционном мировоззрении, например, у хакасов. Если обратиться к легендам их северных соседей — енисейских эвенков, то видно, что данный сюжет может служить непосредственной иллюстрацией к ним.

По шаманской космогонии енисейских эвенков, существующие три мира — нижний, средний и верхний — соединяла мировая река, устье которой находилось в нижнем мире, среднее течение — на земле, верховья — в верхнем мире. В нижнем мире, у корней космического “мирового древа” (растительные элементы нижнего пояса композиции) лежит самка дикого оленя. По легенде о шаманском “избранничестве”, она съедает антропоморфную душу шамана, рождая главную шаманскую душу, звериного двойника шамана. По реке — шаманской дороге между мирами — душа отправляется в путь. Ее сопровождают духи-помощники в виде рыб, птиц, зверей. В нашем варианте рыбы охраняют шаманский путь по мирам Вселенной. Цветочные изображения среднего пояса символизируют прохождение реки через средний мир — землю. Кроме того, духи-рыбы являлись охранителями “дверей” из среднего мира верхний, в котором обитают мифические гигантские олени, исполняющие роль верховых животных (верхний орнаментальный пояс). Они мыслились и как самые сильные духи шамана. У вершины родовой реки находилось родовое хранилище душ и бессмертные души рода. В этот мир по родовой реке шаман, вернее, его духи-помощники, могли сопровождать душу умершего человека (Анисимов 1959: 13–77; Василевич 1969: 212–214, 233, 247).

Итак, в нашем сюжете отражена картина трехмерного мира и того пути, по которому должна была отправиться душа человека после смерти. (Вспомним, что одна из накладок находилась среди инвентаря, сопровождавшего покойного в другой мир).

Обобщая особенности декора южносибирской торевтики, можно сказать, что мастерами, обслуживавшими потребности воинов и знати Кыргызского каганата, был выработан самобытный вариант “степного” стиля, влияние которого в период экспансии каганата распространилось далеко за пределы Южной Сибири и оказывало воздействие на искусство других народов. Об этом свидетельствуют не только археологические данные, но и письменные источники, фольклорный материал.

В начале II тыс. произошел переход к другому металлу и технологии. Изготовление железных украшений с медной и серебряной инкрустацией было широко освоено у тюркских и монголоязычных народов, преимущественно там, где обработка черного металла являлась традиционным делом. Этот переход сопровождался победой геомет-

ризованного стиля в орнаментации. Формализованный характер растительных узоров “степного орнаментализма” IX–X вв. послужил базой для переработки и развития в сторону максимальной геометризации. Изменение стиля декора художественного металла в Южной Сибири на рубеже тысячелетий совпало с изменением характера контактов внутри Азиатского континента в связи с мощным развитием южного морского торгового пути и нарушением вследствие этого прежнего режима функционирования трасс Великого шелкового пути и его северных ответвлений.

Анниси́мов А.Ф. 1959. Космологические представления народов Севера. М.; Л.

Василевич Г.М. 1969. Эвенки. Л.

Грязнов М.П. 1978. Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.

Иерусалимская А.А. 1972. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л.

Д.Д.Васильев (Москва)

ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ УЛУГ-ХЕМА И СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Большинство известных памятников с древнетюркскими эпитафиями в настоящее время составляют музейные коллекции. Сведения в музейных паспортах и публикациях указывали обстоятельства и место находки памятников, а при сопоставлении этих данных с местностью определились группы памятников, находившихся на территории одного могильника, одной долины или иной зоны, имеющей четкие природные границы. Картографирование памятников с эпитафиями осложнялось тем, что они поступали в музейные коллекции в течение столетия, часто доставлялись краеведами-любителями, и поэтому точные сведения о пунктах находок в ряде случаев отсутствовали. Иногда сложной оказывалась идентификация какой-либо стелы с надписью в музейном собрании, поэтому известны случаи ошибочного определения открытых ранее памятников как новонайденных.

Памятники предгорных долин правобережья Улуг-Хема, несомненно, коррелируются и взаимно дополняют друг друга как в текстовом отношении, так и в формальном. Последнее обстоятельство подтверждается информацией текстов, тамговой геральдикой и палеографически, поскольку руника правобережья Улуг-Хема демонстрирует особенности близких культурно-письменных школ [Васильев 1983: 73–76].

Рунические надписи рассматриваемой нами группы представлены памятниками Алды-Бель I и II (Е 12, Е 72), Кызыл-Чыра I и II (Е 43, Е 44), Орта-Хем (Е 63), Кај Булун I–III (Е 65 – Е 67), Хербис-Баары (Е 59), Демир-Суг (Е 92), Баян-Кол (Е 100). Данные памятники, кроме утерянного фрагмента Е 67, обследованы нами визуально и засняты на фотопленку.

¹ После написания еще в 1975 г. этой статьи подтвердилось высказывавшееся нами ранее предположение о перспективности поисков новых памятников тюркской руники на правобережье Улуг-Хема. Вл.А.Семеновым в 1985–1986 гг. при раскопках курганов в долине вдоль дороги между поселками Эрбек и Баян-Кол были найдены три стелы и изваяние с руническими надписями [Васильев, Семенов 1986: 127–128]. Стелы впоследствии эвакуированы из зоны строительства дороги, доставлены в Тувинский республиканский краеведческий музей и установлены в экспозиции.

Поверхность памятников была покрыта минеральными наслоениями, и в течение ряда лет нами производилась реконструкция текста. Первый вариант чтения был предложен на Международной тюркологической конференции в Стамбуле в 1988 г. Две стелы с историографическими неточностями, текстовыми пропусками и без факсимильного и даже графического воспроизведения были затем опубликованы [Кормушин 1997: 252–256]. Критическое издание комплекса подготовлено для ежегодника "Эпиграфика Востока", намеченного к выходу в 1998 г.

Эти памятники были найдены до затопления многих из них водохранилищем в долинах между руслом Енисея, участок которого от г. Кызыла и до начала Саянского каньона носит название Улуг-Хем, и южными отрогами Уюкского хребта и Западного Саяна. Прибрежные террасы соединены между собой проходами на всем протяжении правого берега Улуг-Хема. Однако нельзя считать, что Енисей был непреодолимой преградой для коммуникаций. На противоположных берегах реки тамгами отмечены пастбищные владения и захоронения сородичей. Сведения, которые можно почерпнуть из надписей, также позволяют выделить единые генеалогические группы населения по обоим берегам Улуг-Хема [Vasilyev 1996: 358–366].

Первые находки руники на правобережье Улуг-Хема были сделаны в 1888 г. финской экспедицией И.Р.Аспелина, который получил сведения о местонахождении памятников от сибирских краеведов. В 1891 г. копии уже известных памятников выполнил Д.А.Клеменц, совершая специальный маршрут в Орхонской экспедиции, и более точно зафиксировал надписи. Некоторые из них были зарисованы в 1907 г. И.Грэнё. А.В.Адрианов, обследуя в 1916 г. окрестности р. Баян-Кол, обнаружил новые памятники, а выполненные им копии надписей передал С.Е.Малову. В середине нашего столетия известные к тому времени рунические надписи правобережья Улуг-Хема исследовались Л.А.Евтюховой, С.В.Киселевым, Л.Р.Кызласовым. Однако новые находки здесь были сделаны только в 1960-х гг. Они были связаны с археологическими работами А.Д.Грача, С.И.Вайнштейна. Чтение новых надписей было предпринято И.А.Батмановым, А.М.Щербаком, З.Б.Чадамба, С.Г.Кляшторным. В 1970-х гг. на правобережье Улуг-Хема были найдены еще два памятника: один — И.У.Самбу и С.Г.Кляшторным, другой — Д.Д.Васильевым.

В настоящее время большинство памятников данной группы находится в Тувинском республиканском краеведческом музее; памятники Е 12, Е 63, Е 72 — на первоначальных местах; памятник Е 67 утерян.

Памятники Е 12 и Е 72 были обнаружены в урочище Алдыы-Бель на обрывистой правобережной террасе р. Улуг-Хем в нескольких километрах ниже устья р. Эйлиг-Хем. Памятники обследовались и копировались И.Р.Аспелином и Д.А.Клеменцем в конце прошлого века, в 1965 г. — А.Д.Грачом и И.А.Батмановым, в 1983 и 1990 г. (уже после образования водохранилища) — Д.Д.Васильевым. Поверхность памятников сильно пострадала от выветривания. На памятнике Е 12 сейчас можно различить знаки лишь двух строк из четырех (1-ю и 4-ю). Тем не менее и в этих сохранившихся фрагментах нами были отмечены расхождения с опубликованными вариантами. В изданиях памятника С.Е.Маловым и его предшественниками [Бершнтам 1946: 98; *Inscriptions de l'Enissei*, 1889: табл. VII; Радлов 1892–1899: табл. LXXXIX; Orkun 1940: 53–54; Малов 1952: 34–35] в 4-й строке отмечены два знака, соответствующие одному в оригинале. В издании памятника И.А.Батмановым и А.Ч.Кунаа [Батманов, Кунаа, III 1965: 15–16] даны лишь две строки — 1-я и 4-я. При этом четвертый знак 1-й строки интерпретирован неточно. Пунктуационные разделители в публикациях отмечаются не во всех случаях.

В издании памятника Е 72 [Батманов, Кунаа, III 1965: 17–18] сохранившиеся фрагменты надписи воспроизведены точно, но в конце 1-й строки и в начале 2-й имеются расхождения с предложенной транслитерацией. Коррективы внесены нами непосредственно с оригинала, находящегося на месте первоначального сооружения.

Памятники Е 43 и Е 44 были обнаружены в урочище Кызыл-Чыраа восточнее р. Баян-Кол. Памятники обследовались и копировались А.В.Адриановым, Данзын-оолом, Шираапом, Л.А.Евтюховой, С.В.Киселевым, Л.Р.Кызласовым, И.А.Батмановым, А.М.Щербаком, Д.Д.Васильевым. В 1961 г. памятники были доставлены в Тувинский музей сотрудниками музея и ТНИИЯЛИ.

Наиболее полно и точно памятник Е 43 издан А.М.Щербаком и И.А.Батмановым с А.Ч.Кунаа [Щербак 1964: 140–142; Батманов, Кунаа, I 1963: 52–56]. При визуальной сверке нами были обнаружены расхождения с оригиналом.

Памятник Е 59 был обнаружен у кургана в местности Хербис-Баары, у дороги из Эрбека в Баян-Кол, на правом берегу р. Улуг-Хем. Памятник обследовался и копировался автором находки С.И.Вайнштейном, А.М.Щербаком, И.А.Батмановым, Д.Д.Васильевым. В 1961 г. стела, как и предыдущие, были доставлены в Тувинский республиканский музей.

Надпись была тщательно подготовлена к изданию и переведена А.М.Щербаком [Щербак 1961: 238–241], однако это издание, как и почти все первые публикации рунических памятников, нуждается в уточнениях. А.М.Щербаком иначе, чем у автора раскопок кургана, около которого он был обнаружен, сообщена его первоначальная ориентировка. При переизданиях памятника имели место и уточнения по составу надписи.

Памятник Е 63 был обнаружен на кургане в долине р. Ортаа-Хем, на правобережной террасе р. Улуг-Хем, напротив пос. Урбюн. Памятник обследовался и копировался автором находки А.Д.Грачом, затем З.Б.Чадамба. При повторных поисках (в 1973 и 1975 г.) памятник обнаружен не был. Он зафиксирован и скопирован нами на месте первоначального сооружения в 1990 г., уже после образования водохранилища. Памятник повален и сильно пострадал от механических повреждений и выветривания. В настоящее время могут быть реконструированы только отдельные знаки.

По единственной изданной копии надписи [Арагачы 1963: 253–256] не все знаки могут быть идентифицированы однозначно. Это, например, 3, 4, 20, 25–29-й знаки на южной стороне памятника.

Памятники Е 65 – Е 67 были обнаружены на территории могильника Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III), в местности Кара-Булун, северо-восточнее пос. Эйлиг-Хем. Памятники обследовались и копировались в 1965 г. А.Д.Грачом и И.А.Батмановым, затем сотрудниками СТЭАН были доставлены в Тувинский республиканский музей. Памятник Е 67 — обломок стелы небольшого размера с фрагментом надписи — утерян.

В надписи памятника Е 65 нами обнаружены существенные расхождения с изданием [Батманов, Кунаа, III 1965: 9–13]. В строке 3-й (по изданию) отсутствуют в общей сложности шесть знаков и два разделителя; почти не отмечены разделители и в двух других строках; неточно идентифицировано несколько знаков в 1-й и 3-й строках.

В надписи памятника Е 66, известного под названием “Памятника Багыра”, иной, чем приведенный в издании [Батманов, Кунаа, III 1965: 9–13], графический вариант для одного из знаков 4-й строки.

Памятник Е 92 обнаружен на территории могильника на правом берегу р. Улуг-Хем, слева от русла р. Демир-Суг. Памятник обследовался И.У.Самбу и С.Г.Кляшторным [Кляшторный, Самбу 1971: 245–249], а в 1976 г. был передан сотрудниками СТЭАН в Тувинский республиканский музей.

Памятник Е 100 обнаружен на территории могильника в 10 км к СВ от пос. Баян-Кол. Памятник был обследован Д.Д.Васильевым и доставлен им в Тувинский республиканский музей [Васильев 1976: 97–101].

Древнетюркские эпитафии на каменных сооружениях в большинстве своем имеют трафаретную текстовую основу и определенный лексический репертуар. Тем не менее каждая надпись имеет текстовые, формально-композиционные, графические, семантические, художественно-образительные и другие особенности, что делает каждый памятник уникальным историко-культурным и письменным источником. Связь каждой эпитафии с конкретной персоной, имя, титул, символы и жизнеописание которой

в различной степени бывают представлены в тексте, подчеркивает эту уникальность. Однако трафаретная основа древнетюркских эпитафий позволяет применить для исследования методику источниковедческой формализации письменных памятников массового типа [Васильев 1995: 256–265].

Тексты древнетюркских эпитафий редко анализировались путем взаимного сопоставления как группа хронологически и территориально объединенных исторических источников. Чаще всего из одного-двух памятников извлекалась информация об определенном событии, и затем сопоставлялась с сообщениями иноязычных авторов. Тем самым большая часть информации, содержащейся в надписях, оставалась за пределами источниковедческой интерпретации. На это влияли также краткость древнетюркских эпитафий и отсутствие у многих из них надежных переводов и датировок.

Полевые археографические исследования позволили в отношении енисейских эпитафий установить, какие из них находились в непосредственной близости друг от друга, и могут быть объединены в группы по территориальному принципу. Текстологическое исследование эпитафий дало дополнительный материал для подобной интеграции. В составе подобной группы оказываются как пространные эпитафии, повествующие об определенных событиях жизни героя и его народа, так и краткие, состоящие только из имени и тамги.

Трафаретная основа большинства древнетюркских эпитафий позволила систематизировать данные текстов, относящиеся к личности героя, той или иной надписи. Содержание различных по объему эпитафий рассмотрено по следующей схеме:

- имя героя надписи;
- сведения о возрасте героя в момент определенных событий;
- социальная характеристика, зафиксированная в тексте, унаследованный или приобретенный титул;
- родовая принадлежность героя;
- заслуги героя надписи;
- родовая тамга.

В результате проделанного анализа надписи представлены в виде унифицированного информационного блока, что позволяет представить группу памятников в виде базы данных.

Памятник E 12. Алды-Бель I.

Чочук-Бёри-сангун. Владелец обрабатываемого поля находился, по-видимому, в зависимости от госпожи (катун), которая являлась его теткой. Обладатель личной тамги.

Памятник E 72. Алды-Бель II.

Безымянный наследственный владелец обрабатываемого поля и пастбищной степи, подчинен госпоже (катун).

Памятник E 43. Кызыл-Чыра I.

Букун. Погиб в бою в 42 года. Был предводителем отряда воинов. Проявил воинскую доблесть и боевое искусство: стрелой и копьем сразил противника. Погиб, сражаясь с врагами. Обладатель личной тамги.

Памятник E 44. Кызыл-Чыра II.

Кюлюг Тоган, сын Арслан Кюлюг Тирига. Погиб в бою в 40 лет. Глава рода, титулованный военачальник, подчиненный хану. Глава рода ёз кюмюль. Проявил воинскую доблесть и боевое искусство: сражаясь с врагами, убил девять воинов. Участвовал в боевых действиях объединенных войск под командованием кагана. Обладатель личной тамги.

Памятник Е 65. Кара-Булун I.

Айдык (Йадык – ? — Д.В.). Заслужил геройское имя. Сражался наряду со ста ыналами-соратниками, и сам, по-видимому, имел титул ынала. Проявил в бою геройскую доблесть. Обладатель личной тамги.

Памятник Е 66. Кара-Булун II.

Багыр. Заслужил геройское имя. Сражался наряду со ста соратниками и имел, по-видимому, титул ынал. Проявил в бою геройскую доблесть. Обладатель личной тамги.

Памятник Е 67 известен в виде небольшого фрагмента, полный текст которого восстановить невозможно.

Памятник Е 92. Демир-Суг.

Бег Сангун. Достиг зрелого возраста, имел потомство. Заслужил геройское имя. Был военачальником и имел титул тутука.

Выявленные информационные массивы отражают лишь текстовую часть полной базы данных тюркских рунических эпитафий на каменных стелах, которая должна содержать, кроме этого, формальные, источниковедческие (включающие естественные, функциональные и исследовательские аспекты), историографические, текстологические и исторические сведения. Позиционно они могут быть сгруппированы в трех тематических полях: источниковедческом, текстовом и историческом.

I. Источниковедческое поле

1. Индекс и наименование памятника.
2. Описание памятника (материал, параметры, форма, степень обработки поверхности).
3. Функциональная семантика памятника в случае его повторного использования как эпиграфического (например, оленный камень, памятник петроглифического искусства, культовый объект и т.п.).
4. Время, место, обстоятельства и автор находки.
5. История исследования, перемещения памятника, его современное местонахождение, инвентарная атрибутика, музеефикация.
6. Композиция и внешний вид надписи, число строк или знаков, сопутствующие изображения.
7. Замечания по сохранности надписи, фиксация лакун. Сопоставление лакун в различных изданиях и копиях памятника, выполненные разными исследователями.
8. Палеографические и орфографические особенности надписи.
9. Уточнения и дополнения по составу надписи, критическая реконструкция текста, выполненная путем корреляции копий в разных изданиях с оригиналом.
10. Научные публикации памятника.
11. Транслитерированная передача текста.
12. Переводы текста, предложенные разными авторами на протяжении истории изучения памятника.
13. Критический перевод текста, выполненный с учетом корреляций (см. п.9).

II. Текстовое поле

1. Имя героя надписи (личное, "геройское", официально-должностное).
2. Сведения о возрасте героя в момент определенных событий (смены имени, смерти родственников, совершения подвигов, собственной смерти и т. п.).
3. Социальная характеристика, зафиксированная в тексте; унаследованный или приобретенный титул.
4. Родовая принадлежность героя; другие этнонимы, упоминающиеся в тексте (враги, союзники, породнившиеся этнические группы и т.п.).

5. Топонимы и географические сведения, упоминающиеся в тексте.

6. Заслуги героя надписи (подвиги, отличия, боевые навыки, выполнение официальных поручений и т.п.).

7. Родовая символика (тамга, изображение тотемного животного, покровительствующего божества и т.п.).

III. Историческое поле

1. Территориально-родовая атрибуция памятника.

2. Сопоставление исторических, географических, этнополитических сведений и персоналий, содержащихся в тексте памятника, с данными других текстов из группы территориально и этнически (на родовом уровне) объединенных памятников тюркской рунической письменности.

3. По возможности, идентификация событий и лиц, упомянутых в тексте памятника, с аналогами региональной истории.

Сравнительный анализ древнетюркских эпитафий, рассмотренных по территориально-родовым группам в виде сплошного массива данных, по которым возможна реконструкция взаимодополняемого единого исторического повествования, позволяет заполнить историю тюркоязычных кочевников Центральной Азии именами реальных лиц и представить их место в политической структуре и жизни не только в центре, но и на периферии каганата. При этом оказывается весьма эффективным гипертекстовый режим обработки базы данных.

Сопоставив данные надписей долины Эйлиг-Хема, например, с массивом данных тюркских рунических эпитафий всей Тувинской котловины, была построена схема возможных генеалогических отношений героев нескольких, избранных в результате количественного анализа надписей.

Схема возможных генеалогических отношений героев нескольких надписей.

- Арагачы З.Б. 1963. Новые эпиграфические находки в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып.10. Кызыл.
- Батманов И.А., Кунаа А.Ч. 1963. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. I. Кызыл.
- Батманов И.А., Кунаа А.Ч. 1965. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. III. Кызыл.
- Бернштам А.Н. 1946. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л.
- Васильев Д.Д. 1976. Стела из окрестностей Баян-Кола // Советская тюркология. № 3. Баку.
- Васильев Д.Д. 1983. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М.
- Васильев Д.Д. 1992. Компьютерные базы данных памятников тюркской рунической письменности (1): эпитафийная эпиграфика Южной Сибири // Базы данных по истории Евразии в средние века. Вып.1. М.
- Васильев Д.Д. 1995. Персоналии древнетюркских эпитафий. Возможности источниковедческого анализа // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып.3. М.
- Васильев Д.Д., Семенов В.А. 1986. Новые находки памятников рунической письменности // XXIX Постоянная Международная алтаистическая конференция (PIAC). Т.1. М.
- Голованов Е.И., Столяров А.А., Васильев Д.Д. 1996. Многослойная гипертекстовая модель для баз данных исторических памятников // История и компьютер. № 18, июль.
- Кляшторный С.Г., Самбу И.У. 1971. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 15.
- Кормушин И.В. 1997. Тюркские рунические эпитафии. Тексты и исследования. М.
- Малов С.Е. 1951. Енисейская письменность тюрок. М.; Л.
- Радлов В.В. 1892–1899. Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1–4. СПб.
- Шербак А.М. 1961. Новая руническая надпись на камне // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. IX. Кызыл.
- Шербак А.М. 1964. Памятники рунического письма енисейских тюрок // НАА. № 4.
- Inscriptions de l'Enissei. 1889. Recueillies et publiees par la Societe Finlandaise d'Archeologie. Helsingfors.
- Orkun H.N. 1940. Eski turk yazitlari, cilt III. Istanbul.
- Vasilyev D.D. 1996. Information in Orhon Inscriptione on the Identities of Sayan-Altai Nobles // "Uluslararası Turk Dili Kongresi. 1992". Ankara.

А.С.Матвеев (Санкт-Петербург)

КОМПЛЕКС МОНГОЛЬСКИХ ДОСПЕХОВ XIII В. ИЗ ТУВЫ (общая характеристика)

Одним из важных, но еще не достаточно оцененных археологических открытий, связанных с именем А.Д.Грача, является находка в 1976 г. уникального монгольского доспеха¹, до настоящего времени практически не опубликованного и не исследованного. Данная статья представляет собой сокращенную версию одной из глав моей работы «Вооружение и тактика монголов», написанной в 1982–1983 гг., однако в свое время не опубликованной. Эта глава была посвящена описанию и реконструкции вышеупомянутого доспеха, который хранился в тот период в музее Археологического отдела Ленинградского Дворца Пионеров², и с которым мне довелось познакомиться благодаря любезности Н.В.Алексеевой, занимавшейся его реставрацией. Несмотря на давность работы, публикация этого материала представляется целесообразной, поскольку за это время – насколько мне известно – в печати появилась лишь одна статья, сколько-нибудь подробно упоминающая этот доспех³. С другой стороны, у меня была возможность сравнить этот доспех с иными источниками, в частности с ранними персидскими миниатюрами⁴, а также получить данные металлоанализа, показавшие, что доспех изготовлен не из железа⁵, а из стали, причем отличающейся весьма высоким качеством – значительно лучшим, чем современная ему европейская сталь⁶.

Найденный в Туве доспех — комплект панцирных пластин — включает в себя более трех с половиной сотен хорошо сохранившихся подпрямоугольных и фигурных пластин с 3 заклепками каждая. Кроме того, в состав доспеха входили 2 наплечника, 2 копейных наконечника и ряд других предметов. Общий вес находки составил около 18 кг.

¹ Краткую информацию о находке см.: Грач А.Д., Монгуш В.Т. Обследование тайника в Бий-Хемском районе Тувы // АО 1976 г. М., 1977. С. 227.

² В 1993 г. доспех вернулся в Туву и в настоящее время находится в Кызыльском музее.

³ Монголо-татарское оборонительное вооружение 2-й пол. XIV – нач. XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. Статья содержит лишь весьма приблизительные скетчи пластин, сделанные М.В.Гореликом [1983: 253, табл. IV], и фотографии созданных на базе его материалов реконструкций двух доспехов в музее Куликовской битвы [1983: 254, табл. V]. Эти реконструкции, однако, базируются, главным образом, на более поздних тебризских миниатюрах и к рассматриваемому доспеху имеют мало отношения.

⁴ Пользуюсь случаем выразить благодарность Royal Society of Edinburgh and Caledonian Research Foundation, а также сотрудникам Эдинбургского Университета, за предоставленную мне возможность изучить хранящуюся в Эдинбурге рукопись «Сборника летописей» Рашид ад-дина, созданную в Тебризе в 1306 г. и содержащую наиболее ранние миниатюры, изображающие монгольских воинов.

⁵ Как полагал, например, М.В.Горелик [1983: 253].

⁶ Металлографический анализ был проведен в 1997 г. в The Wallace Collection в Лондоне, за что я благодарен д-ру Алану Вильямсу и Давиду Эджу.

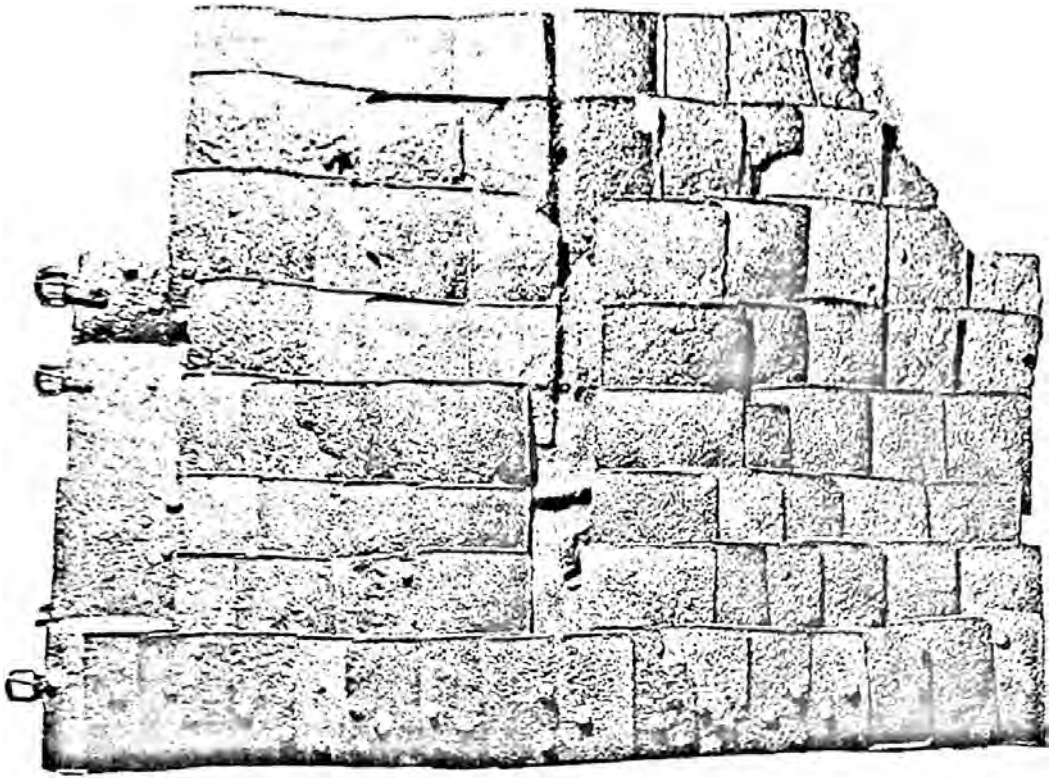

Рис. 1. Возможный вариант реконструкции передней части второго (ламеллярного) доспеха.

Пластины делятся на два типа – (1) с загнутыми внутрь и (2) со слегка выгнутыми наружу краями – и, очевидно, принадлежат двум разным панцирям:

1. Пластинчатому, составившемуся из неперекрывающих друг друга пластин, которые покрывались сверху тканью, удерживавшейся загнутыми краями, и

2. Ламеллярному, или пластинчато-наборному, составившемуся из частично перекрывающих друг друга пластин, соединенных ремнями и не покрываемых тканью.

1. Краткое описание

1. В состав первого, *пластинчатого*, панциря входит около 200 деталей (более 170 пластин, размеры которых можно определить, и около 30 небольших фрагментов). Размеры пластин колеблются в широких пределах: ширина – от 4,5 до 8,7 см, длина – от 5,4 см до 10,1 см; причем преобладают пластины шириной 6–7,3 см и длиной 7,6–8,8 см. Форма также очень разнообразна – от почти квадратных до сильно вытянутых прямоугольных и трапециевидных, однако большая часть пластин – прямоугольники, длина которых примерно в 1,5 раза больше ширины.

Чаще всего встречаются следующие шесть размеров: $(8,7 \times 5,9) \pm 3$ мм (18 шт.); $(7,6 \times 7,1) \pm 3$ мм (18 шт.); $(8,0 \times 6,9) \pm 2$ мм (31 шт.); $(8,6 \times 6,6) \pm 2$ мм (19 шт.); $(8,1 \times 7,7) \pm 3$ мм (11 шт.); $(8,6 \times 7,3) \pm 2$ мм (20 шт.). Кроме того, выделяется еще группа фигурных пластин, имеющих округлые неглубокие вырезы, – для обрамления “рукавов” и “ворот”, а также трапециевидные центральные более мощные грудные пластины¹ с желобком посередине и шестью заклепками вместо трех (такая пластина как бы состоит из двух обычных пластин, соединенных вместе).

¹ Описание М.В.Гореликом [1983: 253 табл. IV г] таких пластин к “хребту” ничем не подкрепляется и едва ли правомерно, поскольку расположение наиболее мощных пластин на спине не несет на себе никакой функциональной нагрузки.

Пластины достигают толщины 1 мм (точные размеры установить сложно по причине коррозии, но в основном — приблизительно, 0,7–0,8 мм), слегка изогнуты и обращены наружу своей выпуклой стороной, с тем чтобы пружинить при ударе. Особенностью этого доспеха является наличие на пластинах загнутых внутрь бортиков (3–4 мм), которыми крепилась ткань, покрывавшая панцирь. Пластины, не перекрывая друг друга, крепились заклепками к 3 отдельным ремням или к одному широкому (судя по высоте заклепок, толщина ремней составляла 2–3 мм) и собирались в длинные полосы, в свою очередь, соединенные между собой ремнями. Однако не исключен вариант, что ремни использовались только для соединения передней и задней частей доспеха — с помощью пряжек, приклепанных к пластинам, располагавшимся на боку, а сами пластины крепились к плотной ткани или тонкой коже с внутренней стороны. Такой панцирь одновременно использовался и как защита, и в качестве парадной одежды, покрытой цветным шелком, причем он мог поддеваться под другой, верхний панцирь — например, под описываемый ниже ламеллярный доспех.

Эта система крепления напоминает появившуюся во второй половине XIII в. европейскую “бригандину”, или “coat-of-plates” (одежда, к внутренней стороне которой с помощью заклепок крепились металлические пластины), и судя по всему, является ее прототипом. Следует отметить, что один из стандартных типов расположения заклепок на европейских бригандинах — “кустами” по три штуки на пластине (Jan Eaves 1984: 81–154) — соответствует их расположению на тувинском образце. Подобные доспехи в конце XIII — XIV в. использовались и на Руси, и на Ближнем Востоке. Так, к этому типу относятся покрытые тканью панцири восначальников и некоторых рядовых воинов на созданных в начале XIV в. миниатюрах “Сборника летописей” Рашид ад-дина, причем в ряде случаев показаны даже заклепки, схематически изображенные в виде параллельных рядов маленьких кружков¹.

2. Второй, *ламеллярный*, доспех состоит из более чем 160 пластин, разнообразных по своим размерам и форме; длина колеблется от 6,7 до 11,1 см, а ширина — от 5 до 8,5 см. Форма пластин и расположение заклепок практически такое же, как у пластинчатого панциря, только средний размер несколько больше и сами пластины толще (около 1–1,2 мм, максимум — 1,5 мм), причем наиболее толстые пластины (5 центральных пластин с желобком посередине) располагались на груди. Чаще всего встречаются три размера: (8,6 × 6,4) ± 3 мм (11 шт.); (9,4 × 6,6) ± 3 мм (22 шт.); (9,6 × 7,4) ± 3 мм (24 шт.). Фигурные пластины (более десятка), имеют то же назначение, что и в пластинчатом панцире. К этому же доспеху относятся и 2 наплечника с чеканными накладками из желтого металла, а также 4 крайних пластины с пряжками (для соединения передней и задней частей доспеха).

Пластины крепились к ремням и собирались в полосы аналогично пластинчатому доспеху, однако пластины в такой полосе перекрывали друг друга на 1/4 — 1/2 часть. Спереди, в центре, как и у пластинчатого доспеха, располагались большие трапециевидные пластины с центральным желобом, вместе образующие подобие трапеции основанием вверх. Далее, от центра к бокам, каждая следующая пластина находилась под предыдущей, поэтому, даже при сильном ударе, копьё, направленное хотя бы под небольшим углом к плоскости панциря, соскальзывало с выпуклой поверхности доспеха и уходило в сторону, причем специальные закраины пластин высотой ок. 2 мм, образующие параллельные линии, направляли копьё или меч вбок.

¹ Например, Edinburgh University Library, Or. Ms. 20, fol. 123 V.

Наплечники сделаны из несколько более толстой стали и усилены дополнительным ребром жесткости высотой около 6 мм, перпендикулярным направлению удара. К пряжке, присоединенной к наплечнику, прикреплялся нарукавник, защищавший верхнюю часть руки и составленный тем же способом, что и основной доспех. Для надевания панциря на правом боку был сделан разрез, где ремни, соединявшие и прижимавшие пластины друг к другу, застегивались с помощью пряжек. Две верхние полосы соединялись с задней частью панциря с помощью пересекающихся плечи ремней, закрывавшихся наплечниками. Точно определить конструкцию самого панциря затруднительно, поскольку органика не сохранилась. Вероятно, ремни, соединявшие пластины между собой, крепились заклепками к нижней части пластин, так что каждая следующая (нижняя) полоса закрывала нижнюю часть верхней, защищая тем самым ремни от удара (рис. 1). Оставшиеся открытыми ремни самой нижней полосы закрывались передней лукой седла (хотя и относительно невысокой, но достаточной для этой цели). Подобная конструкция "уступами вверх" встречается, например, на персидских миниатюрах начала XIV в.¹

Набор более тонких длинных (12–15 см) и узких (ок. 2 см), выгнутых дугой пластин, судя по всему, использовался для обрамления шеи и крепился к шлему, выполняя функцию кольчужной бармицы. Подобная система защиты шеи изображена на ряде миниатюр вышеупомянутой эдинбургской рукописи Рашид ад-дина². Отнесение этих пластин к "защите предплечий" (Горелик 1983: 253, табл. IVe) едва ли возможно, так как они очень слабо изогнуты и никак не соответствуют форме руки (для этой цели они должны были бы быть гораздо более выгнутыми), в то время как их кривизна вполне соответствует диаметру шлема.

II. Датировка

Найденные вместе с доспехом наконечники копий, длиной 21 и 29 см, имеют сильно вытянутое листовидное перо, ромбовидное в сечении, причем если первый наконечник, чуть более широкий (до 4,5 см) мог быть использован против различного противника, то второй, очень узкий, является исключительно бронебойным. Оба они близки по типу более ранним образцам тюркского времени. По этим наконечникам находка может быть датирована второй половиной XIII в.

Безусловно, вопрос о датировке доспеха является достаточно сложным³, однако можно привести и ряд других свидетельств в пользу предложенной даты. Появление во второй половине XIII в. нового типа доспеха, собираемого из более крупных пластин (традиционный тип использовал более узкие – около 2 см – пластинки), вполне вписывается в ситуацию этого времени, когда внутренняя борьба между претендентами на место Великого хана потребовала создания крупных контингентов тяжелой кавалерии⁴ и, соответственно, способствовала прогрессу в области защитного воору-

¹ См., например, "Демогтовскую Шах-намэ", созданную в нач. 1330-х гг.

² Например: Or. Ms. 20, fol. 127V (последний всадник справа; пехотинец в центре), fol. 123 V (1-й и 4-й всадник слева; 5-й и 6-й всадники справа).

³ Так, М.В. Горелик [1983: 251] относит его ко 2-й пол. 14 в.

⁴ Так, например, Марко Поло сообщает, что в войсках главных соперников – Хубилая и Хайду – было "по 60 тысяч всадников с мечами и палицами, да копьями" [Книга Марко Поло 1956: гл. СХСVIII], причем описание сражений указывает на то, что большая часть воинов была защищена доспехом. Найденные доспехи могли принадлежать воину, спасшемуся бегством после поражения: желая скрыть свое участие в военных действиях он спрятал "компрометирующее" его вооружение (доспехи и копьё указывали на принадлежность к "регулярной" армии), оставив при себе лишь "обычное оружие" – лук и саблю, однако так и не смог вернуться за своим кладом.

жения. С другой стороны, это было время, когда Монголия обладала необходимыми для этого ресурсами. Огромное количество искусных ремесленников – как мусульманских, так и китайских – вывезенных из покоренных земель убедительно объясняет появление высококачественной стали, в то время как вторая половина XIV в., когда монголы были изгнаны из Китая и вновь превратились в окраинное малозначительное кочевое объединение, едва ли может быть подходящим периодом для развития “высоких технологий”. Более того, имеющийся у нас материал последующего периода (конец XIV – XV в.) показывает, что монголы вернулись к использованию традиционного ламеллярного доспеха из узких пластин. Распад империи привел к упадку в области производства вооружения, в результате чего падение качества пластин вынудило оружейников увеличивать их количество (узкие пластины, наполовину перекрывающие друг друга, создают более толстый защитный слой).

Есть и ряд прямых свидетельств, подтверждающих предложенную датировку. Так, например, на хранящемся в Лувре т.н. “Баптистерии св. Людовика”, сделанном в Египте ок. 1300 г., изображен воин в доспехе, состоящем из крупных пластин и имеющем центральные трапециевидные пластины, подобные тувинским (D.S.Rice 1953: pl. 26). Кроме того, само появление бригадин и им подобных пластинчатых панцирей в Западной Европе и на Руси относится ко второй половине – концу XIII в. и очевидно связано с монгольским влиянием. По этой причине у нас нет никаких оснований сомневаться в существовании подобных доспехов в самой Монголии в это время. Что же касается тебризской миниатюры 1370–1380-х гг., на которую ссылается Горелик, утверждая более позднюю датировку находки, то она лишь свидетельствует о том, что подобный тип доспеха продолжал использоваться в западных областях бывшей монгольской империи во второй половине XIV в.

Горелик М.В. 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение 2-й пол. XIV – нач. XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.

Грач А.Д., Монгуш В.Т. 1977. Обследование тайника в Бий-Хемском районе Тувы // АО 1976 г. М.

Книга Марко Поло. 1956. М.

Eaves Jan. 1984. On the remnants of a Jack of plates excavated from Beeston castle in Cheshire // The Journal of the Arms and Armour Society. Vol. XIII, №.2. Sept. 1984. London. PP. 81–154.

Rice D.S. 1953. The Baptistere de Saint Louis. Paris. Pl.26.

¹ В последние годы на западный рынок антиквариата поступил ряд монгольских доспехов этого времени, хранившихся в Тибетских буддийских монастырях. В частности Королевский Арсенал в Лидсе, Англия, обладает подобным ранним доспехом (традиционный ламеллярный доспех всадника и конский кожаный доспех, усиленный бляхами).

«МАНАС» О ЮЖНОСИБИРСКОМ ПЕРИОДЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ КЫРГЫЗОВ

Современные кыргызы окончательно сложились в народность в среднеазиатско-казахстанской этнографической области. Однако истоки их этнокультурной истории ведут в Северо-Западную Монголию и Южную Сибирь. Древние, или так называемые енисейские, кыргызы сформировались в этнос на территории Южной Сибири. Как известно, они имели свое государство, просуществовавшее с VII по XIII в. Уже в начальный период упадка их государства в X в. под давлением киданей начались миграции кыргызов в самых разных направлениях. Енисейские кыргызы явились одним из главных компонентов тяньшанских кыргызов. Они вошли и в состав тюркоязычных народов Южной Сибири, прежде всего хакасов и тувинцев.

История южносибирских кыргызов более 200 лет изучается на основе письменных и археологических источников. Менее привлекались этнографические, лингвистические и фольклорные материалы. Особенно следует отметить важную роль фольклорных источников. В данном докладе мы остановимся на сообщениях известного кыргызского героического эпоса "Манас" о южносибирском периоде этнокультурной истории кыргызского народа. Данные эпоса подкреплены этнографическими и фольклорными материалами, собранными нами в различные годы у народов Сибири и Горного Алтая, а также письменными и археологическими источниками.

Сведения о древних кыргызах отражены в фольклоре тюркоязычных народов и даже монголоязычных бурят. До наших дней дошли легенды и предания о народе кыргыз (Молдобаев 1993: 292–297). Особый интерес в этом отношении представляет кыргызский эпос "Манас". Безусловно, что "Манас", прежде всего, художественное произведение. Однако в его поэтических строках в эпической форме отразились исторические события очень широкого временного диапазона: предположительно от хуннского времени до реалий начала XX в. Условно мы делим их на следующие семь периодов: 1. Хуннский (III в. до н.э.–V в. н.э.); 2. Древнетюркский и древнекыргызский (VI–IX вв.); 3. Кара-китайский и караханидский (X–XII вв.); 4. Монгольский (XIII в.); 5. События времен Золотой Орды и других ханств (XIV–XVI вв.); 6. Ойра-калмыцкий или джунгарский, частично китайский (XV–XVIII вв.); 7. Поздние наслоения (XIX–нач. XX в.). Не следует при этом путать вопрос об отражении в эпосе исторических событий и этнографических реалий с определением времени его сложения. Первоначальное ядро эпоса начало слагаться со времени возвышения на исторической арене киданей или кара-кытаев (X–XII вв.) (Молдобаев 1995: 43–87). Однако в эпосе нашли отражение и традиции предшествующего времени. Ограничимся показом сведений эпоса, касающихся южносибирского периода истории кыргызов.

С древнетюркской поэзией и эпохой древних кыргызов сравнивали сообщения эпоса П.Фалев, М.О.Ауэзов, А.Х.Маргулан, А.Н.Бернштам, К.Рахматулин, Ы.Абдрахманов, Р.З.Кыдырбаева, Р.Сарыпбеков и др. Приведем собственные доказа-

тельства, преимущественно исторического плана. Прежде всего, отметим сходство тех же погребальных обрядов древних тюрков и енисейских кыргызов с данными эпоса, где говорится о похоронах Манаса, Кокетей хана и других эпических героев. Например, Кокетей хан перед смертью завещает (в числе других наставлений) приготовить жеребцов чалой и голубой мастей (“бурул айгыр”, “сур айгыр”); вероятно, жертвенных коней. Сведения эпоса подкрепляются археологическими данными. Обнаруживаются общие стороны в погребальной и поминальной обрядности у древних тюрков Алтая и Тянь-Шаня, у которых после VII в. н.э. стали появляться и отличия (Табалдиев 1994; Табалдиев, Худяков 1992: 76–79).

В связи с этим отметим нашу интерпретацию по данным кыргызского эпоса археологической находки своеобразного хирургического инструмента “тинувур”. Этот инструмент, который мы определили как “стрелоискатель”, был найден выдающимся исследователем Центральной Азии А.Д.Грачом в Туве в могиле древнего енисейского кыргыза, жившего в IX–X вв. Весьма показательно, что предмет бытовал у енисейских кыргызов в конце I тыс. н.э., а сведения о нем отражены в кыргызском героическом эпосе, особенно в “Манасе” (Грач, Молдобаев 1983: 97–99).

Немаловажным свидетельством отражения в эпосе реалий древнетюркского и древнекыргызского времени (примерно VI–IX вв.) является сообщение “Манаса” о Великом Шелковом пути. Во-первых, это упоминание в эпосе большинства топонимов, которые известны по всей трассе Великой дороги в Центральной Азии и на сопредельных территориях. Во-вторых, упоминание главного торгового эквивалента Китая — шелка: в эпосе содержится более десяти названий шелковых тканей. Причем, два вида шелка (торгун и тубар) прямо названы китайскими.

Следующим свидетельством той же глубины эпической традиции является сходство предметов вооружения и военного дела енисейских кыргызов с данными эпоса. Военное дело и вооружение кыргызов, по “Манасу”, до сих пор в должной мере еще не изучались. Тем не менее, названия предметов вооружения и боевой одежды, как, впрочем, и сведения эпоса о военной организации в целом, вызывают самое пристальное внимание исследователей. Интересен даже простой перечень названий боевого одеяния кыргызского воина, по “Манасу”: бельдемчи — боевое одеяние в виде металлического панциря, прикрывающее талию и часть ребер; бадана — панцирь, кольчуга; чопкут — род боевого одеяния; карыпчы — боевые нарукавники на плечевую часть руки; чарайна — латы; соот — панцирь; кыяк — латы, надевавшиеся на грудь; олпок — боевые латы и др. Все эти боевые одеяния кыргызского воина, упоминаемые в эпосе, соответствуют реальной одежде воинов енисейских кыргызов, что можно установить по работам Ю.С.Худякова, посвященным не только кыргызам, но и другим кочевникам Центральной Азии (Худяков 1980; 1986; 1991).

Следует отметить и тот факт, что отдельные названия боевых одеяний, как, например, латы, надевавшиеся на грудь (“кыяк” в эпосе “Манас”), имеют сходство в названиях тех же предметов из эпоса якутов (“куйях”) и алтайцев (“куяк”). Близкое к этому название доспеха встречается в эпосе монгольских народов и даже в русских былинах. Название боевых лат “олпок”, широко представленное как в “Манасе”, так и в героическом эпосе кыргызов в целом, восходит к тунгусо-манчжурскому “олбок”. Общность этих наименований могла сформироваться на территории Южной Сибири и Центральной Азии и, вероятно, имела единый фольклорный первоисточник.

Продолжая тему предметов вооружения в эпосе, обратим внимание еще на одну деталь. В эпосе “Манас” при изготовлении олпок, которому посвящена наша специальная работа (Молдобаев 1979: 137–140), применяют измельченную добротную сталь (“албарс болот”), а также упоминается лекарственное средство “кантемир

дары”. “Албарс болот” истолковывается как хорошая сталь, а “кантемир огу” — как камень, который, по поверью, падает с молнией (Юдахин 1965: 47, 340). Можно предположить, что в обоих случаях речь идет о метеоритном железе, что подтверждается данными китайских источников. Так, при описании кыргызов сообщается, что “их государство имеет железо небесного дождя, его собирают, чтобы делать ножи и мечи, (оно) отличается от (обычного) железа” (Кюннер 1961: 59). В свою очередь, данные сведения подкрепляют предположения об отражении в эпосе элементов культуры енисейских кыргызов.

Как известно, ряд исследователей (М.О.Ауэзов, А.Н.Бернштам, А.Х.Маргулан, К.Рахматуллин, О.Караев, Р.Сарыпбеков) считают, что в эпосе отразился реальный исторический факт — время “кыргызского великодержавия”, берущее начало с 840–847 гг., когда енисейские кыргызы одержали победу над уйгурами и некоторое время господствовали в Центральной Азии. Именно тогда, как считал А.Н.Бернштам, появились исторические прототипы эпических персонажей: Манас-Яглакархан, Алмамбет-Гюйлу Бага и т.д. В эпизоде “Великий поход” видят отражение событий 840 г., когда кыргызы взяли штурмом город Бэйтин-Бешбалык, столицу уйгуров. По эпосу, это город Бээжин. Некоторые авторы (например, Э.Абдылдаев) эпический Бээжин отождествляют с городом Пекином или с общим понятием Китай. Однако, та и другая идентификация вызывают сомнения.

Известный собиратель и исследователь эпоса “Манас” Ы.Абдракманов отмечал, что великий сказитель С.Орозбаков вместо “Бээжин” произносил “Паажын” и переводил это как “место, где имеются все удобства” (Абдракманов 1941: 58–62). С тувинского языка слово “бажын” переводится как “дом, изба, здание, домашний, домовый” (Тувинско-русский словарь 1968: 84). В связи с этим небезынтересно упомянуть городище Бажын (Пажын)-Алаак на р.Чаадан (18,2 га) на территории Тувы, датируемое VIII–IX вв. и являющееся самым крупным в Туве памятником градостроительства уйгурского времени. “По тувински эти городища обычно называются «бажын», т.е. дом” (История Тувы 1964: 122). Уйгурские городища появляются на территории Тувы вследствие господства здесь уйгуров с 745 по 840 гг., хотя, как отмечают многие исследователи, ожесточенная борьба кыргызов с уйгурами началась еще с 820 г. и длилась 20 лет. Можно обратить внимание также на устную информацию Куулар Орус из Тувы, указавшего на легенду, по которой городище Пажын-Алаак связывается с последним кыргызским ханом, покорившимся монголам. Поскольку городище являлось вначале уйгурским, возможно, в эпосе отражен факт захвата этого города кыргызами. Вероятно, это, как и значение тувинского термина “бажын”, может явиться ключом и при объяснении эпического топонима “Бээжин”.

Наконец, в пользу отражения енисейского периода истории кыргызов в “Манасе” может говорить фиксация в письменных источниках (например, у арабского автора начала XII в. Аль Марвази) того факта, что кыргызы уже имели своих сказителей-певцов. Это, в свою очередь, подтверждается общностью тяньшанских кыргызов с народами Южной Сибири не только в этногенетическом плане, но и во всех сферах их древней культуры. Соответствующие параллели выявлены нами и в фольклорном наследии кыргызов, и народов Саяно-Алтая (Молдобаев 1991: 12–20). Все это могло иметь место до распада государства енисейских кыргызов. Имеются варианты эпоса, где рождение Манаса связывается не с Алтаем, как в классических вариантах, а с Енисеем. По версиям М.Азизова, кыргызского сказителя китайского происхождения Жусупа Мамаю и других манасчи, главный герой рождается на Енисее. В варианте М.Азизова, кроме Енисея (Эне-Сай), упомянуто еще озеро Байкал в форме “Бай-Кел”. Вероятно, так называли в прошлом тюркоязычные народы это озеро. С.А.Гурулев

считает, что название Байкал происходит из двух якутских слов — бай (богатый) и кель (озеро) (Гурулев 1982). Но так называли озеро и другие тюркоязычные народы, в том числе и кыргызы. Нужно только сделать поправку: слово “бай” следует переводить не как “богатый”, а как “священный”, то есть — “священное озеро”. Такую этимологию дают Э.М.Мурзаев и С.У.Умурзаков; однако в их построении спорной является гипотеза о тибетском происхождении слова Байкал (Мурзаев, Умурзаков 1974: 92–94).

По версии М.Азизова, говорится о том, что в Эн-Сае (то есть на Енисее) кыргызы разбрелись в разные стороны (полевая запись 1991 года), что в точности совпадает с исторической действительностью. В конце IX в., после кратковременного господства в Центральной Азии, кыргызы ослабли; большая часть их ушла как на запад и юг, так и на восток и север, в том числе в район озера Байкал. И, вполне возможно, что “Манас” мог донести до наших дней воспоминания об этих событиях в своеобразной эпической форме.

Таким образом, эпос “Манас” предстает перед нами как важнейший источник для изучения истоков культуры и этнокультурных связей кыргызов. Материалы эпоса подтверждают этногенетическое родство енисейских и Тяньшанских кыргызов, а предложенные выводы могут сыграть немаловажную роль при дальнейших исследованиях проблемы происхождения кыргызского народа.

Абдыракманов Ы. 1941. “Манастын” кайсы кылымдарда болгону тууралуу // Советтик адабият жана искусство. № 3 (на кыргызском языке).

Грач А.Д., Молдобаев И.Б. 1983. Об одном древнем инструменте народной медицины // СЭ. № 3.

Гурулев С.А. 1982. Что в имени твоём, Байкал? Новосибирск.

История Тувы. 1964. Т. I. М.

Кюнер Н.В. 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.

Молдобаев И.В. 1991. Киргизско-сибирские параллели и связи // Фольклор и современная культура. Якутск.

Молдобаев И.Б. 1993. Устные рассказы о кыргызах у народов Сибири (к вопросу об этногенезе кыргызов) // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Молдобаев И.Б. 1995. “Манас” — историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек.

Мурзаев Э.М., Умурзаков С.У. 1974. Гидронимы Иссык-Куль и Байкал // Известия АН СССР. Серия географическая. № 6.

Табалдиев К.Ш. 1994. Эволюция погребального обряда кочевников внутреннего Тянь-Шаня в средние века // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. 1992. Сравнительный анализ погребальной и поминальной обрядности древних тюрков Алтая и Тянь-Шаня // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конф., посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ. Горно-Алтайск.

Тувинско-русский словарь. 1964. М.

Худяков Ю.С. 1980. Вооружение енисейских кыргызов XI–XII вв. Новосибирск.

Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и центральной Азии. Новосибирск.

Худяков Ю.С. 1991. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.

Юдахин К.К. 1965. Киргизско-русский словарь. М.

А.В.Громов, В.Г.Моисеев (Санкт-Петербург)

ДРЕВНИЕ ПОПУЛЯЦИИ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Проблема роли древнего населения Западной и Южной Сибири в формировании современных народов этого региона является одним из наиболее дискуссионных моментов для целого ряда смежных дисциплин: этнографии, лингвистики, археологии и антропологии. Существует несколько подходов к решению данного вопроса. Для зарубежной и, прежде всего, американской традиции характерно отрицание самой возможности установления связей древнего и современного населения (Кол 1997). В основе данного подхода лежит представление о культуре (этносе, народе и т.д.) как составной части процесса исторического развития, находящейся в состоянии непрерывного изменения, вследствие чего поиски прямых предков современных народов считаются бесперспективными. Для отечественной этнографо-археологической школы подобная пессимистическая оценка не свойственна. Часть исследователей видят в тех или иных древних культурных общностях непосредственных предков современных этносов. Аргументация подобной точки зрения состоит в выявлении параллелей (обычно культурных) двух разделенных во времени общностей, существующие же различия рассматриваются как результат действия эволюционных процессов, либо как последствия инфильтрации пришлого населения.

В отношении интересующего нас культурно-исторического ареала примером подобного подхода являются гипотезы о происхождении современных народов Западной и Южной Сибири на основе населения бронзового и раннего железного века данной территории. Так, окуневцы рассматриваются как предки самодийцев (Хлобыстин 1969), угров (Косарев 1972) или кетов (Косарев 1973), карасуццы — кетов (Долгих 1961; Дульзон 1962; Членова 1969) или самодийцев (Николаев 1960), андроновцы — угров (Сальников 1967; Косарев 1973), тагарцы — кетов (Вайнштейн 1951; Гохман 1963), самодийцев (Мартынов 1969), угров (Кызласов 1959) или хакасов (Кызласов 1959; Алексеев 1963). По мнению других исследователей, более осторожно подходящих к этнической интерпретации археологических данных, подобная прямая преемственность древнего и современного населения представляется сомнительной. В этом случае древние общности рассматриваются как предковые по отношению к целой группе современных этносов (например: Монгайт 1973; Козинцев 1977), а в некоторых случаях и как вовсе не имеющие отношения к этногенезу современных народов (Герценберг 1972; Дремов 1997).

Антропологические данные, несмотря на значительную фрагментарность, особенно в отношении древнего населения, могут сыграть важную роль при решении вопроса о преемственности древнего и современного населения. Это объясняется характером наследования специфических морфологических признаков, изучаемых антропологами. На основе анализа краниометрических данных А.Г.Козинцев (1977) пришел в выводу, что наиболее близким к современным южно- и западносибирским

популяциям является население окуневской культуры. К настоящему времени существенно возросло количество краниологического материала как по древним, так и по современным группам населения с интересующей нас территории. Кроме того появились новые эффективные программы признаков с высокой дифференцирующей способностью (Kozintsev 1992).

Материалом для данной работы послужили краниометрические и краниоскопические данные по 44 сериям от эпохи неолита до современности. Краниометрические характеристики использованных серий взяты из работ разных лет Г.Ф.Дебеца, В.П.Алексеева, И.И.Гохмана, В.А.Дремова, Н.Н.Мамоновой, Г.В.Рыкушиной, Л.Ф.Томтосовой, Н.Н.Миклашевской, О.Исмагулова, А.Г.Козинцева, А.Р.Кима, А.Н.Багашова и А.В.Громова. Краниоскопические данные, использованные для анализа, получены А.Г.Козинцевым, В.Г.Моисеевым и А.В.Громовым. Краниометрическая программа включает 14 признаков: длина, ширина и высота черепной коробки, наименьшая ширина лба, скуловая ширина, верхняя высота лица, ширина и высота орбит и носа, назомаллярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступления носа (анализировались только мужские серии). Краниоскопическая — 6 признаков: затылочный индекс (ЗИ), клиновидно-верхнечелюстной шов (КВШ), заднескуловой шов (ЗСШ), подглазничный узор типа II (ПГУ II), индекс поперечного небного шва (ИПНШ), надглазничные отверстия (НО) (использовались усредненные данные по мужским и женским сериям; для КВШ брались взвешенные средние, для остальных признаков — невзвешенные). Краниометрические данные подвергались каноническому анализу с использованием усредненной внутригрупповой корреляционной матрицы, частоты краниоскопических признаков, после преобразования в радианы с целью стабилизации дисперсии, обрабатывались с помощью метода главных компонент.

На первый канонический вектор (КВ I) приходится 48% общей изменчивости. Наибольшую роль играют наименьшая ширина лба и угол выступления носа, признаки играющие большую роль при дифференциации европеоидных и монголоидных групп. Европеоидный полюс занимают андроновцы Минусинской котловины и афанасьевцы, монголоидный — тунгусы. Наиболее монголоидными древними сериями оказываются серии прибайкальского неолита, неолита и ранней бронзы Алтая, серия гуннского времени из Аймырлыга. КВ II (17% общей изменчивости) дифференцирует группы по ширине черепной коробки и углу выступления носа, связанных положительной корреляцией. Данный вектор отделяет большинство современных западносибирских и некоторые южносибирские группы, которые характеризуются узкой черепной коробкой и слабым выступанием носовых костей, от всех остальных. При рассмотрении положения групп в пространстве описанных КВ, выделяются две группы, одна из которых целиком представлена древними сериями (рис. 1, А). Другая группа (рис. 1, Б) включает в себя современные серии и несколько древних групп. Это неолит Прибайкалья, Сопка 2, ЕК II, Черноозерье I, Усть-Иша и Иткуль, а также серия гуннского времени из Аймырлыга. Таким образом, в группе А оказались в основном древние серии западного происхождения, за исключением окуневцев, в составе которых несомненно имелся местный компонент (Громов, 1997). Этим объясняется их наиболее «восточное» положение в пределах группы А. В группу Б попадают серии, обычно рассматривающиеся как аборигенное население данного региона (Дремов, 1997). Следует отметить, что в пределах группы Б наблюдается довольно выраженная территориально-этническая дифференциация: на одном полюсе находятся современные и средневековые западносибирские группы, на другом — восточносибирские и центральноазиатские. Современные южносибирские серии трансгрессируют в пределы значений обоих вышеуказанных объединений в пределах

группы Б. Последнее указывает на территорию Южной Сибири как на место наиболее сильных метисационных процессов с участием различных по происхождению популяций.

II КВ

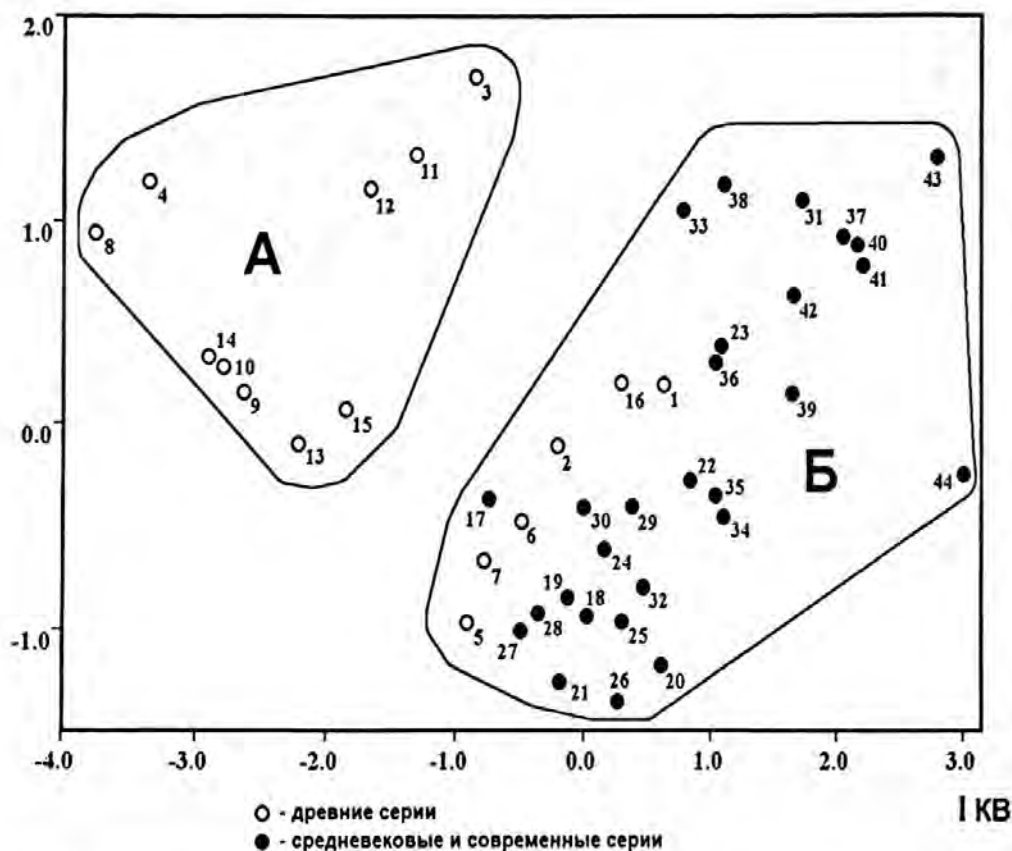

Рис. 1. Положение древних и современных серий в пространстве I и II канонических векторов

Здесь и на рис. 2: 1 — неолит и ранняя бронза Прибайкалья, 2 — неолит и ранняя бронза Алтая, 3 — окуневцы, 4 — афанасьевцы, 5 — Сопка 2 (доандроновская бронза), 6 — Черноозерье I, 7 — ЕК II, 8 — андроновцы Минусинской котл., 9 — андроновцы Верхнего Приобья, 10 — андроновцы Северного, Центрального и Восточного Казахстана, 11 — карасукцы севера Минусинской котловины, 12 — карасукцы юга Минусинской котловины, 13 — ирменцы, 14 — тагарцы, 15 — Аймырлыг (скифское время), 16 — Аймырлыг (гуниское время), 17 — Ур-Бедари (Кузнецкая котловина, средневековье), 18 — средневековое население Средней Оби, 19 — средневековое население Прииртышья, 20 — манси, 21 — ханты среднеобские, 22 — ханты Халас-Погора, 23 — ненцы, 24 — селькупы, 25 — татары сибирские, 26 — чулымцы, 27 — шорцы горные, 28 — кумандинцы, 29 — тубалары, 30 — телеуты, 31 — теленгеты, 32 — кызылыцы, 33 — сагайцы, 34 — бельтыры, 35 — койбалы, 36 — качинцы, 37 — тувинцы, 38 — казахи, 39 — киргизы, 40 — якуты, 41 — монголы, 42 — калмыки, 43 — буряты, 44 — тунгусы.

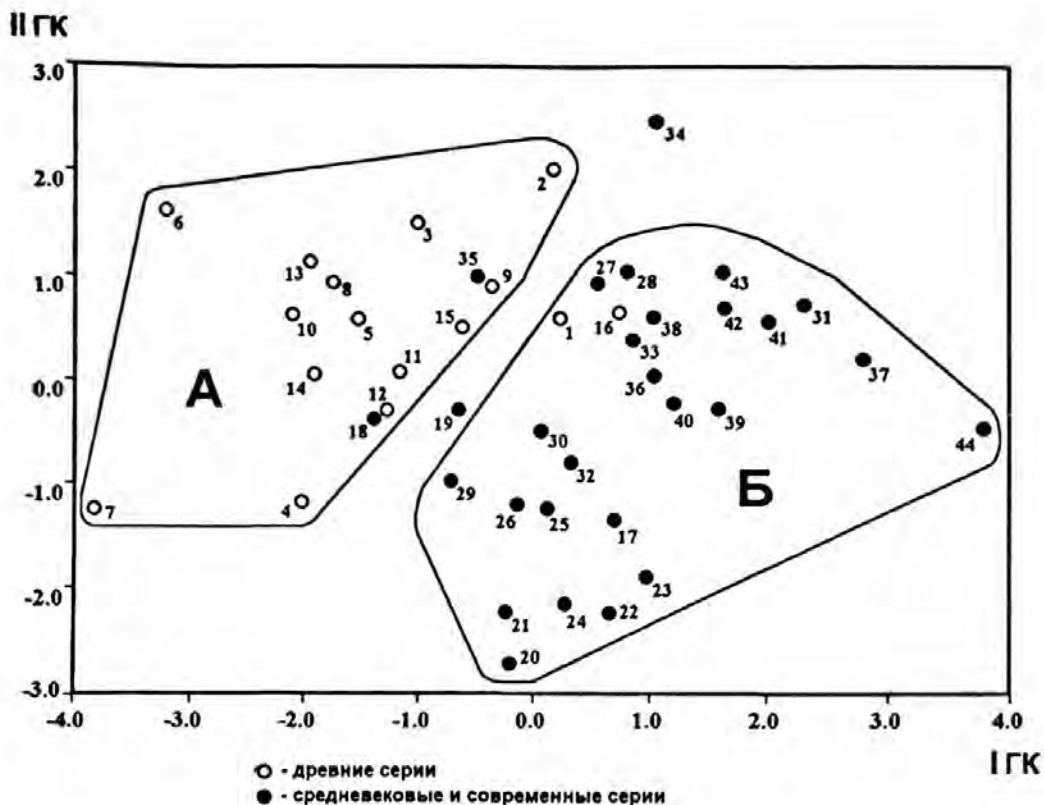

Рис. 2. Положение древних и современных серий в пространстве I и II главных компонент

Первая главная компонента (ГК I) — 40% общей изменчивости — определяется, в основном, четырьмя признаками: ЗИ, ЗСШ, ИПНШ и НО и как КВ I разграничивает популяции по оси запад—восток. В этом случае большинство древних групп также локализуется в «западной» части графика. Наиболее монголоидны, как и в случае анализа метрических признаков, серии неолита и ранней бронзы Прибайкалья и Алтая, а также серия гуннского времени из Аймырлыга. Корреляция между КВ I и ГК I высока и в высшей степени достоверна ($r = 0.76$, при $p < 0.001$).

На ГК II приходится 23% изменчивости. Наибольшая нагрузка падает на отрицательно скоррелированные КВШ и ПГУ II. Распределение групп на осях ГК II и КВ II во многом сходно — и в этом случае смысл данной ГК состоит в отделении западносибирских серий от всех остальных. Как уже неоднократно отмечалось, наиболее своеобразными из них оказываются уралоязычные группы. Большинство древних серий (особенно окуневцы, Черноозерье I, неолит и ранняя бронза Алтая) противостоит в этом смысле «уральским» популяциям, что не подтверждает гипотез о сложении современных угро-самодийских групп на основе сибирского населения эпохи неолита и палеометалла. Хотя европеоидный сдвиг, фиксируемый для ряда современных групп Южной и Западной Сибири, мог иметь древнее происхождение, однако обе системы признаков выявляют своеобразие древних южносибирских групп и позволяют предполагать, что они не сыграли существенной роли в формировании современного населения. Роль западно- и восточносибирских древних популяций в этом процессе фиксируется более определенно.

- Вайнштейн С.И. 1951. К вопросу об этногенезе кетов // КСИЭ. Вып. 13.
- Герценберг Л.Г. 1972. К вопросу о языковом ландшафте в древнейшую эпоху // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
- Гохман И.И. 1963. Материалы к антропологии елогуйских кетов // КСИЭ. Вып. 38.
- Громов А.В. 1997. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб.
- Долгих Б.О. 1961. О похоронном обряде кетов // СА. Вып. 3.
- Дульзон А.П. 1962. Древние передвижения кетов по данным топонимики // Изв. ВГО. № 6.
- Козинцев А.Г. 1977. Население Минусинского края эпохи бронзы и его участие в формировании антропологического состава народов Западной Сибири // ВА. Вып. 54.
- Кол Ф. 1997. Национальная идентичность и использование далекого прошлого на Кавказе // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Часть I. Уфа.
- Косарев М.Ф. 1972. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы // СА. Вып. 2.
- Косарев М.Ф. 1973. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск.
- Кызласов Л.Р. 1959. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗ ХакНИИЯЛИ. Т. 7.
- Мартынов А.И. 1969. Роль тагарской культуры и ее носителей в формировании народов Сибири и их культуры // Происхождение аборигенов Сибири. Томск.
- Монгайт А.Л. 1973. Археология Западной Сибири. Каменный век. М.
- Николаев Р.В. 1960. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского Севера // КСИЭ. Вып. 34.
- Сальников К.В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Хлобыстин Л.П. 1969. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // Этногенез народов Северной Азии. Вып. 1. Новосибирск.
- Членова Н.Л. 1969. Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. Томск.
- Kozintsev A.G. 1992. Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. Vol. 43. № 3.

А.И.Мартынов (Кемерово)

О КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ ЮЖНОЙ СИБИРИ (судьба историко-археологических ландшафтов Южной Сибири)

Особенность Южной Сибири составляют сохранившиеся уникальные природно-археологические ландшафты в Хакасии, Туве, на юге Красноярского края и в Горном Алтае. В большинстве случаев это археологические комплексы, составляющие органическое единство с окружающей природной средой. Они и создавались в основном с энеолита и эпохи бронзы, с учетом рельефа долины, расположения гор, освещенности и других факторов. За последние годы в отечественной археологии наметился определенный интерес к ландшафтному подходу к археологическим комплексам, понимание того, что курганы, наскальные изображения и прочие памятники — не случайно расположенные археологические объекты, а тесно связанные с природной средой (Молодин 1991; Веденин 1992: 6–18; Мартынов 1993: 38–41).

В истории Южной Сибири можно выделить два принципиально разных периода отношения к историко-археологическим ландшафтам. До XVII в. историко-археологические ландшафты создавались поколениями людей, исходя из их отношения к природе. С начала XVIII в., т.е. с начала активного освоения Южной Сибири, ее степных и горно-долинных территорий, начинается непрерывный процесс разрушения, уничтожения историко-археологических ландшафтов. Этот процесс всецело связан с антропогенным фактором, так как естественное разрушение памятников было весьма незначительным.

В одних случаях мы не сознательно, по неведению и историческому бескультурью, в других сознательно и даже планомерно уничтожали наше археологическое наследие, являющееся достоянием мировой, или по крайней мере, евразийской цивилизации. В результате большинство исторических ландшафтов исчезло, а сохранившиеся подверглись такому значительному изменению, что потеряли свой первоначальный облик (Мартынов 1995: 56–58).

В новейшее время прослеживаются три направления отношений к историко-археологическим ландшафтам: отношение общества к археологическому наследию, отношение ученых к предмету своего научного интереса, т.е. к памятникам археологии, и взаимоотношения ученых, археологической науки и общества, т.е. общественная роль науки.

При ретроспективном взгляде на эту проблему выделяются три периода уничтожения историко-археологических ландшафтов: 1) XVIII – середина XIX в.; 2) вторая половина XIX – начало XX в.; 3) советский период. Причем, три периода различаются между собой целями, ради которых разрушались археологические памятники и по степени разрушения.

Первый период был, несомненно, связан с проявлением народного интереса к курганам Южной Сибири, с так называемыми бугровщиками, их деятельностью в начальный период русской колонизации. Уже тогда безвозвратно были уничтожены сотни курганов, а тысячи предметов палеометаллических культур бесследно исчезли.

После некоторого затишья в конце XIX – начале XX в. наступает второй период уничтожения археологических ландшафтов Южной Сибири. Основной причиной, определившей характер этого периода, является, пожалуй, переселенческая политика в Сибирь, увеличение населения, освоение земель под пашни, возникновение многих сибирских деревень, рост городов. Освоение Южной Сибири привело к изменению природно-исторических ландшафтов, уничтожению большого количества археологических памятников. Переселение в Сибирь и освоение территорий под пашни привело к частичному уничтожению курганов в южной части Красноярского края и в степном Алтае, земляных курганов в лесостепной зоне Южной Сибири. Распахано было, очевидно, большинство древних поселений.

В это время четко обозначилось отношение ученых к предмету своего изучения. Особенность состоит в том, что ученые фиксировали, раскапывали, исследовали в основном то, что хорошо было заметно на поверхности: курганы, писаницы, каменные изваяния. Вместе с тем была область деятельности, где крестьянский хозяйственный интерес смыкался с научным. Это собирание коллекций металлических археологических раритетов и каменных изваяний. Направленность этого интереса была общей. В результате были собраны колоссальные коллекции бронзовых археологических предметов, возникли музеи, в которые поступила значительная часть бронзовых предметов и каменных изваяний, составлявших до этого неотъемлемую часть природно-археологических ландшафтов Южной Сибири.

Современное отношение к историко-археологическим ландшафтам сформировалось главным образом после войны, с пятидесятых годов. Основы же его были заложены еще в середине 30-х годов.

За годы советской власти, особенно с послевоенного времени было уничтожено наибольшее количество памятников археологического наследия, навсегда исчезли многие историко-археологические ландшафты, а сохранившиеся еще в Горном Алтае, Хакасии и Туве подвергнуты значительному изменению. Все это происходило в большинстве случаев не без участия археологов и при наличии законодательства, предусматривающего сохранение, использование и порядок научного изучения памятников археологии как части историко-культурного наследия (Молодин 1991: 5–8). Однако данное законодательство не дало эффективных результатов, в нем нет понятия об историко-археологическом ландшафте, а уничтожение археологических памятников было заложено в самом Законе. Не было создано государственной службы охраны исторического наследия в стране. Известно, что во многих странах законодательство по охране археологических ценностей действует весьма эффективно, существуют департаменты древностей (Ucko 1993: 5).

С сожалением приходится отмечать, что современное отношение общества к памятникам археологии глубоко безразличное, безнравственное, а порой враждебное. Там, где надо было распахивать большие площади, это привело к массовому уничтожению ценнейших памятников отечественной и мировой истории и изменению природно-исторических ландшафтов Южной Сибири. Причин этому явлению много. Это низкий уровень культуры, историческая безграмотность и бездуховность народа, идеологизация истории, воспитываемое поколениями неуважение к историческому прошлому страны, приводящие к разрушению памятников отечественной истории и культуры.

Во второй половине века было раскопано огромное количество археологических памятников в зонах промышленного строительства, прежде всего Красноярской, Новосибирской, Саяно-Шушенской ГЭС, что, несомненно, способствовало развитию археологической науки и сформировало современный уровень научных знаний. Однако нельзя забывать, что эти исследования были результатом промышленного детерми-

низма. Вопрос о сохранении этих памятников, их музеефикации никогда не ставился при планировании и строительстве промышленного объекта. Никогда ни обществом, ни государством не ставился вопрос о том, что важнее — стройка или уничтожаемое ею историко-археологическое наследие. Ни в одном случае не возникла идея хотя бы частичной музеефикации разрушаемых археологических комплексов. Работавший в зонах крупного строительства археолог действовал в условиях сложившихся стереотипов, господства плано-хозяйственной системы и полной подчиненности археологических ценностей задачам хозяйственного развития. Внутри самой науки сложилась практика раскопок памятников на снос, т.е. полное их уничтожение, как части исторического ландшафта. Поэтому в Сибири, да и в целом в России, ничтожно мало музеефицированных археологических памятников, музеев-заповедников археологического профиля при массе раскопанных за последние годы курганов и других археологических объектов.

Так, за последние годы упущены возможности музеефицировать знаменитые комплексы Салбык и Аржан, курганы у оз. Шира, в Аскизской степи, у Новоселова, на Тагарском озере, на юге Красноярского края, в долинах рек Каракол, Юстыд, Туэкта, Кок-Паш, Ело, курганы пазырыкского типа в Горном Алтае (Шульга 1992). Исчезли навсегда курганные поля близ Минусинска, Абакана, в зоне строительства дороги Абакан – Красноярск, Минусинск – Кызыл, разрушаются древние поселения у Ачинска, бесхозны уникальные древние природно-исторические святилища Сибири и расположенные на них наскальные рисунки. Как символ нашего безразличия стоят в степи гигантские камни — конструкции кургана Салбык. Все эти памятники могли бы быть музеями под открытым небом (Мартынов 1995).

Произошло снижение общественной роли археологии и роли археологов в обществе, несмотря на количественный рост кадров. Археология как наука, ученые, поставленные в определенные условия, все больше работают сами на себя, а не на общество. В практической археологии даже не сложилось представления о современном использовании археологических памятников, кроме их раскопок с целью извлечения материала и написания научных работ. Сложилась парадоксальная обстановка, когда археологическая наука, развиваясь более-менее динамично (росли научные кадры, увеличивалось количество исследуемых памятников, публикаций), тем не менее замыкалась, отделялась от общества, работала сама на себя. Это опасная тенденция заметна и по научным публикациям в области археологии, которые для исторического познания народу, находящемуся за пределами нашей “научной кухни”, практически пока дают очень мало. Здесь не надо обольщаться тем, что ученый уничтожает исторический ландшафт с научной целью, а промышленники — с хозяйственной или по незнанию. Конечный результат один — историко-археологический ландшафт уничтожен, исчез с лица земли, его больше нет, и не заменят никакие монографии или сборники материалов этих раскопок. Он исчез навсегда для потомства.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что археологам на грани веков, в посткоммунистическом обществе России необходимо сформировать современное отношение к археологическим ландшафтам Южной Сибири, создать современную концепцию оценки их исследования и использования. Чтобы сохранить археологическое наследие, необходимо отказаться от массовых раскопок археологических памятников самими археологами. Надо изменить заложенную еще 100 лет назад Императорской Археологической Комиссией практику выдачи “Открытых листов”.

При выдаче разрешения на раскопки в зонах промышленного и хозяйственного строительства в любом случае должны рассматриваться три варианта: 1) ландшафт, как общечеловеческая и вечная ценность важнее стройки, которую можно возвести в другом месте; 2) частичная раскопка с обязательной музеефикацией за счет сметы стройки; 3) лишь в исключительных случаях можно давать разрешение на полные раскопки памятников.

Только такой подход следует считать современным. При этом можно избежать тотального уничтожения археологических памятников и заложить основы их музеефикации и дальнейшего использования в целях туризма. Здесь, думаю, открывается и новый аспект деятельности археологов — созидательный, направленный на музеефикацию для общества археологического наследия, создание музеев под открытым небом, музеефицированных зон, музеев-заповедников. Надо перестать думать, что это не наше дело. Наше, так как кроме археологов-профессионалов никто не знает истинной научной и общечеловеческой ценности археологических памятников.

Веденин Ю.А. 1992. Место и роль наследия в возрождении культурного ландшафта России // Тезисы докладов II Международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. М.

Мартынов А.И. 1993. Археологические ландшафты Южной Сибири и проблемы современного отношения к ним // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб.

Мартынов А.И. 1995. Сохраним то, что осталось // Территория. Журнал о культурном и природном наследии. № 2.

Молодин В.И. 1991. Охрана археологических памятников в Сибири. Миф или реальность // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (Тезисы докладов и сообщений к конференции). Барнаул.

Шульга П.М. 1992. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории // Тезисы докладов II Международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. М.

Петербург, столица империи — город роскошных архитектурных ансамблей, пышных дворцов и бедных окраин, населенный в нашем сознании героями произведений великой русской литературы — всегда жил своей обыденной жизнью, жизнью строителей и торговцев, мастеровых людей и ученых. Расширялись границы города, сносились старые и появлялись новые здания, год от года, от десятилетия к десятилетию складывался не только внешний облик, но и культурный слой Петербурга, отразивший все этапы его развития. Археологическое изучение прошлого Санкт-Петербурга началось в 1952 г. с раскопок, предпринятых в связи с прокладкой газопровода (памятное для всех ленинградцев событие послевоенных лет) в Таможженном переулке, между зданиями Академии наук и Кунсткамеры. Поручено их было провести молодому сотруднику МАЭ А.Д.Грачу. Материалы раскопок были опубликованы в 1957 г. отдельной книгой с прекрасными иллюстрациями художника Г.А.Песиса, в которых конкретные археологические находки были показаны как реалии в этнографически точных зарисовках из жизни и быта разных слоев населения Петербурга. Книга А.Д.Грача о раскопках в Ленинграде давно стала библиографической редкостью, но с нее берет свое начало особая отрасль изучения истории и культуры нашего города — археология Петербурга.

А.Д.ГРАЧ И АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА

Очерки вводной и основной части этого мемориального издания достаточно полно раскрывают место и значение Александра Даниловича Грача, исследователя, организатора, личности в ленинградской археологической среде 1950 – начала 80-х годов, диапазон его интересов и достижений в археологии Евразии. Он наследовал и развивал одну из начальных традиций археологической, и в целом академической науки Санкт-Петербурга: научное освоение отдаленных глубин континента. Сибирские экспедиции 1720–1740-х годов открывали деятельность основанной Петром Великим Петербургской Академии наук, и Сибирь на каждом этапе развития российской археологии привлекала к себе лучшие исследовательские силы Петербурга. Саяно-Тувинская экспедиция А.Д.Грача стала центральным звеном очередного этапа исследования Сибири, и прежде всего этим определяется его место в археологической науке, научной среде и традиции Петербурга.

Однако многогранность и целостность его интересов проявились также в том, что как археолог, он не мог оставить без внимания и отправную точку этих дальних экспедиций, свой родной город на берегах Невы. Более того, естественная в своем роде “археологичность” видения окружающего мира, стремление средствами своего “ремесла историка” (а наше, археологическое ремесло, это, собственно, *объективация* исторического процесса, точнее, представлений о нем), привели к тому, что при кажущейся эпизодичности его экскурсов в городскую археологию Петербурга, поразившая в свое время определенной “экзотичностью” небольшая книга А.Д.Грача “Археологические раскопки в Ленинграде” (М.; Л., Изд. АН СССР, 1957) сорок лет спустя оказывается, без всякого преувеличения, краеугольным звеном особой, формирующейся археологической субдисциплины — *археологии Петербурга*.

Символично и в высшей степени содержательно то обстоятельство, что объектом непосредственных исследований А.Д.Грача в Санкт-Петербурге стала петровская Кунсткамера, точнее — археологический ареал ее строительства. Эти раскопки были первым самостоятельным и монографически опубликованным исследованием его как археолога. И этот научный “дебют” А.Д.Грача осуществлялся и посвящен тому учреждению, где начиналась и где завершилась его научная деятельность и жизнь, Музею этнографии и антропологии, Кунсткамере Российской Академии наук.

Исследования были предприняты в 1952 году, накануне предстоявшего 250-летия Основания Санкт-Петербурга (1703–1953). Смерть Сталина в марте 1953 года отодвинула юбилейные мероприятия и торжества на несколько лет. Однако изданная в 1957 году публикация “посвящается 250-летию Петербурга — Ленинграда” (Грач 1957: 6). Сейчас, приближаясь к 300-летию юбилею Санкт-Петербурга в 2003 году, следует в высшей степени внимательно отнестись к этому новаторскому и плодотворному, как выясняется, не только для своего времени, “пилотному исследованию”.

Городская археология в отечественной науке тех лет делала, строго говоря, свои первые шаги. Постепенно сворачивались предвоенные раскопки В.И.Равдоникаса на Земляном городище Старой Ладogi (Жирничников 1985: 4). Лишь годом ранее, в 1951 г.,

первая берестяная грамота была обнаружена при раскопках А.В.Арциховского в Новгороде, где с этого времени приступили к исследованиям большой площадью, ориентированным на открытие “не только целых усадеб, но и кварталов средневекового города” (Колчин, Янин 1982: 4). С 1954 года начиналось систематичное изучение древнего Пскова экспедицией Г.П.Гроздилова (Белецкий 1994: 9). Молодой археолог, с университетской скамьи оказавшийся в старейшем из центров сосредоточения вещественных коллекций, документации, исторических источников, должен был ответственно и самостоятельно решить методические задачи, над которым трудились его авторитетные и опытные современники и учителя. Преодолевая при этом традиционный в российской археологии скепсис к исследованиям “петровского” и более поздних хронологических горизонтов: со времен А.С.Уварова, археология в России ограничивалась периодом “с древнейших времен до 1700 г.” (Лебедев 1992: 98).

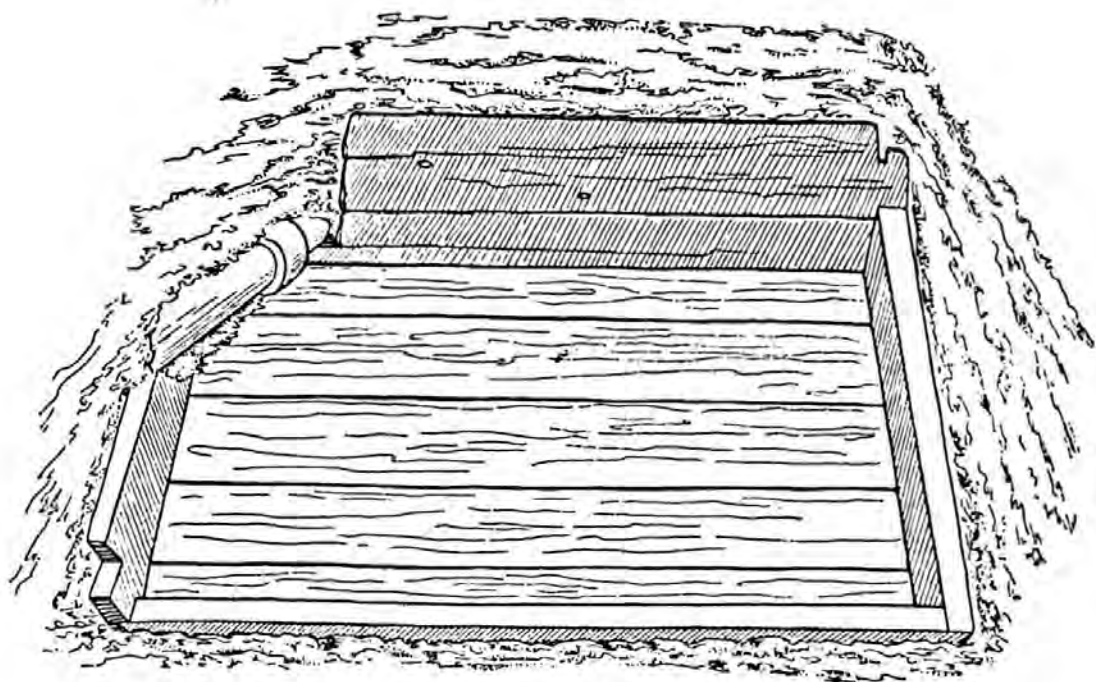

Рис. 1. Сруб (часть подпола дома; схематическая съемка раскопок 1952 года в Таможенном переулке на Васильевском острове) (по А.Д.Грачу).

А.Д.Грач решил стоявшие перед ним исследовательские задачи чрезвычайно последовательно и полно. Раскопки начались при обычных строительных работах по прокладке газопровода на Таможенном переулке весной 1952 года. Наблюдения, выявившие культурный слой, развернулись в полное обследование пятидесятиметровой траншеи. Обнаруженные в ней строительные остатки доследованы специальной прирезкой, и этот небольшой раскоп (шириной менее 2 м) — первый археологический раскоп на культурном слое Петербурга XVIII века (Грач 1957: 9, 11, 21).

Рис. 2. Восточный угол сруба (по А.Д.Грачу).

Вскрытая постройка — сруб из тесаных плах, с выложенным такими же плахами дном на болотистом материке, размером $1,72 \times 1,29$ м, залегавшим на глубине 1,82 м (от дневной поверхности до пола) (рис. 1, 2) представлял собою один из отсеков подпола деревянного здания (Грач 1957: 21). Привлечение документов — “Промемории” Х.В.Миниха и др. от 22 октября 1737 года, рисунка Марселиуса 1725 года, малоизвестной гравюры первой половины XVIII века, плана из Архива АН (впервые опубликованного исследователем) позволили интерпретировать эту постройку как одно из хозяйственных сооружений усадьбы академика Ж.Н.Делиля, знаменитого астронома XVIII века, поставленной близ Академии “на время, дондеже надлежащие каменные покои построены будут” и уничтоженной по мере завершения строительных работ и после одного из опустошительных петербургских пожаров 1737 года (Грач 1957: 22–27).

Атрибуция обоснованна и представляет безусловный интерес для историков Санкт-Петербурга, позволяя наглядно и живо восстановить облик российской столицы в первые десятилетия ее строительства, близ одной из ранних и важнейших архитектурных доминант, Кунсткамеры с ее башней на Стрелке Васильевского

острова (рис.3). В самом по себе этом дополнении археологическими данными и реконструкциями — существующих, всемирно известных архитектурных памятников каменного зодчества XVIII века, важная методическая особенность археологии Петербурга. А.Д.Грач, пожалуй, первым оценил и реализовал ее, дополнив свое издание серией графических реконструкций — рисунков художника Г.А.Песиса (Грач 1957: рис. 1–16).

Однако не только первая из построек “исчезнувшего Петербурга” петровских и послепетровских времен (напомним, вслед за А.Д.Грачом, что сохраняется до наших дней из деревянных сооружений того времени лишь “домик Петра”), предстала в результате этих археологических исследований. Они дали, также впервые, отчетливую и подтвержденную многолетними последующими работами характеристику культурного слоя в одной из первоначальных “обжитых” частей города, на Стрелке Васильевского острова (Грач 1957: 9–11). Слой этот, как выяснилось, залегает на довольно значительной глубине — до 1,8 м и более, и при этом перекрыт (на исследованном участке) мощной, более 1 м подсыпкой из песка и битого кирпича. Болотистый материковый грунт, по которому устраивали дощатые мостки (одна из свай, на которых они покоились, была обнаружена при раскопках) создавал условия для устойчивой естественной консервации предметов из дерева, кожи и других органических материалов.

Тот же характер культурного слоя, и прежде всего — мощных нивелировочных подсыпок, поднявших уровень “дневной поверхности” петровского времени, установлен позднее раскопками и шурфами близ Меншиковского дворца, Двенадцати коллестий, Дворца Петра II, Таможни, Гостиного двора, Академии наук, то есть всех зданий XVIII века на Стрелке Васильевского острова. Обрез фундаментов монументальных архитектурных сооружений первой трети XVIII в. залегает на глубине 1,7–1,8 м от современной дневной поверхности. Подсыпки, прослеженные и на другом берегу Невы, в частности, в Летнем саду (где они перекрыли остатки петровских и анненских фонтанов и других “малых форм” парковой архитектуры) появились в центральной части Санкт-Петербурга, по-видимому, в основном после опустошительного наводнения 1777 года. Мощность их колеблется в разных частях города, так что в целом культурный слой Петербурга достигает толщины от 0,5 до 3 м и более (Лебедев 1996: 13–14).

Содержание этого слоя А.Д.Грач описал, также впервые, исчерпывающе точным образом. Вещественные материалы, как он отметил, восполняли существенную лауну: в музеях, сохраняющих уникальные памятники дворянского, вельможного и императорского обихода, науки, искусства, обыденные предметы быта “простого петербургского люда... либо вообще неизвестны, либо были известны лишь в единичных экземплярах” (Грач 1957: 7). Состав находок (Грач 1957: 11–21) стал первой характеристикой материальной культуры Петербурга XVIII века, приобретающей значение эталонного определителя. Датирующие фарфоровые изделия (посуда, дельфтские изразцы, глиняные трубки) — германского, голландского, английского производства, позволяют связать петербургские материалы с систематикой современной “городской археологии” Северной Европы (Falk, Muehrenberg 1997: 493–503). “Первостепенный научный интерес”, подчеркивал исследователь, представляла массовая бытовая керамика; отметим, что определители ближайшей по времени, позднесредневековой керамики Москвы появились лишь несколько десятилетий спустя (Московская керамика 1991), а именно параллели с московскими материалами отечественной керамики (выделяя и единственный привозной сосуд) устанавливал для зарождающейся петербургской коллекции А.Д.Грач (Грач 1957: 15–16, прим. 15). Детские игрушки, кровельная черепица, аптекарская глиняная, а также стеклянная посуда, как и разнообразное бытовое стекло (штофы, бутылки, бокалы, стаканы, оконное остек-

ление) дополняют характеристику петербургского ассортимента материальной культуры. Деревянные изделия и пиленое дерево, металлические болты, гвозди, шипцы, костяные поделки (гребень и черенок ножа), коженные остатки сапожного производства, лыковый лапоть, при единичности ряда находок, они типичны для материальной культуры русского города, от позднего средневековья Московской Руси переходившего в Россию нового времени. Полвека спустя многим из этих находок можно найти аналогии или ближайшие прототипы в материалах Орешка, Ивангорода, Пскова, исследование которых развернули археологи ближайшего, следующего за А.Д.Грачом поколения (см., например, Курбатов, Петренко 1994: 131–141).

Публикация завершалась обобщенной характеристикой материальной культуры и перспектив изучения петербургской археологии. Вывод о сохранении многих русских допетровских традиционных черт в городской культуре раннего Петербурга, о возможности воссоздания “этнографического облика разных его слоев” населения, дополнялся намеченной стратегией работ “по охране и изучению памятников старины, скрытых в земле на территории Ленинграда, а также на территории ряда его пригородов — Петродворца (Петергоф), Ломоносова (Ораниенбаум) и некоторых других”. При этом прежде всего следовало “взять под строгий контроль проведение земляных работ” (Грач 1957: 29).

Эти рекомендации стали воплощаться в жизнь спустя без малого сорок лет (Постановление Президиума СПбНЦ РАН № 41, 18.12.1995, см.: “Археология Петербурга” 1. 1996: 7–8). Между тем А.Д.Грач, при развертывании своих сибирских исследований, не оставлял без внимания самых неотложных потребностей петербургской археологии. Вслед за Стрелкой Васильевского острова объектом его работ стало начальное ядро города — Заячий остров, а изучение городской застройки дополнили исследования одного из первых и значимых петербургских некрополей — Комендантского кладбища Петропавловской крепости. В 1964, а затем в 1977–1979 гг. А.Д.Грач (на втором этапе вместе с сыном, В.А.Грачом) провел методичные археологические исследования, которые позволили в конечном итоге провести полноценную реставрацию и музеефикацию этого памятника, составляющего ансамбль с императорской и великияжеской усыпальницами Петропавловского собора. Раскопки А.Д.Грача позволили атрибутировать захоронения комендантов М.О.Чемезова (1723 г.), Я.Х.Бахмиотова (1725 г.), Н.И.Зиновьева (1717–1773), была исследована и восстановлена могила первого коменданта, одного из выдающихся соратников Петра I, генерал-лейтенанта Р.В.Брюса (1668–1720), череп его передан в мастерскую М.М.Герасимова для антропологической реконструкции и изготовления скульптурного портрета первого коменданта Санкт-Петербурга (сообщение И.Н.Бенуа, 1998). Раскопками установлены исторические уровни грунта XVIII, XIX и XX вв., что позволило при реставрации спланировать в трех уровнях территорию, монументы, пройти и ограду кладбища (Бенуа 1994: 349–358). До последних лет своей жизни А.Д.Грач не оставлял усилий по развитию археологии Петербурга. В.А.Грач продолжил работы отца, организуя археологический отдел Музея истории города (ныне — ГМИ СПб), и постепенно здесь сосредотачивались материалы, документация, формировались фонды и экспозиции археологического содержания.

Исследование культурного слоя Петербурга, однако, и на сей день остается одной из актуальных проблем охраны и использования архитектурно-исторического наследия Исторического Центра и пригородов Санкт-Петербурга — Всемирного наследия ЮНЕСКО. Непосредственное продолжение работы А.Д.Грача получили, лишь в 1970-х годах, когда от вспомогательных архитектурно-археологических исследований (при реставрации Меншиковского дворца — работы Ю.М.Денисова и Ю.В.Трубинова, Зимних

дворцов Петра Великого – исследования Е.М.Баженовой, и др.) наметился переход к целенаправленным археологическим раскопкам, поиску памятников первоначального “исчезнувшего Петербурга”. В 1974 году так был исследован Сампсониевский собор на Выборгской стороне, монументальный памятник в честь Полтавской победы, и одновременно – храм на месте последнего упокоения многих из первых зодчих и строителей Петербурга (Воннов, Денисов, Лебедев 1975: 40–42). В 1976 году, вполне по схеме работ, использованной А.Д.Грачом (зачистка строительных траншей, прирезка, затем специальный целенаправленный раскоп) были проведены работы в Петропавловской крепости: в результате, помимо ограды первоначального Монетного двора, были выявлены и зафиксированы конструкции центрального, Нарышкина бастиона дерево-земляной Петропавловской крепости 1703–1728 гг. (Лебедев 1981: 199–202); двадцать лет спустя это позволяет предложить, на основе проекта архитекторов И.Н.Бенуа и Т.Н.Ознобишиной, полноценную музеефикацию объекта, весьма значимого для 300-летнего Юбилея Санкт-Петербурга в 2003 году, буквально тех первых бревен ряжей, уложенных в мае 1703 года в основание города (Лебедев 1997: 3–8).

Работы А.И.Гессена, Ю.М.Денисова, а затем — многолетние исследования В.А.Коренцвита в Летнем саду в те же годы, несколько иным путем, от открытия “малых форм” (таких, как первый петербургский фонтан 1710 года) к целенаправленному изучению парковых композиций и выявлению снесенных дворцовых построек Летнего сада, а затем и других императорских резиденций, также вели к формированию представления о необходимости систематичного и планомерного археологического исследования Санкт-Петербурга. Поиск предшественников города петровской эпохи, допетровских поселений Новгорода Великого, Московского государства, периода шведской оккупации после Столбовского мира 1617 года, привел к появлению археологических материалов по Ниеншанцу, Спасскому погосту на территории Смольного; эти исследования П.Е.Сорокина, распространенные также на территорию ближайших пригородов, позволили в середине 1990-х годов обобщить все накопленные материалы в первом систематичном обзоре археологических исследований и проблем сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга (Сорокин 1996: 20–47). Прямым продолжением этого обобщения стали работы, начатые тем же исследователем в центральной части петровского Петербурга, на Троицкой площади, направленные на открытие и изучение первоначальной застройки и первого городского храма – Троицкого собора.

Пригороды, окрестности, территория и акватория Санкт-Петербурга также постепенно становятся полем изучения и поиска не только допетровских археологических памятников, но и объектов “петербургского периода”. И здесь тот же опыт, от вспомогательных при архитектурной реставрации работ – к целенаправленному археологическому исследованию, ведет к выявлению и целостному изучению интересных, порою практически неизвестных историкам объектов. Работы С.В.Горбатенко, В.А.Коренцвита по изучению Дудергофа, или ораниенбаумской крепости “Петерштадт”, как и другие исследования археологии Петербурга, в полной мере основываются на впервые реализованной А.Д.Грачом методике совмещения археологических результатов, планиметрии карт и графики, письменных документов XVIII века (Горбатенко 1994: 197–207; Коренцвит 1994: 208–221).

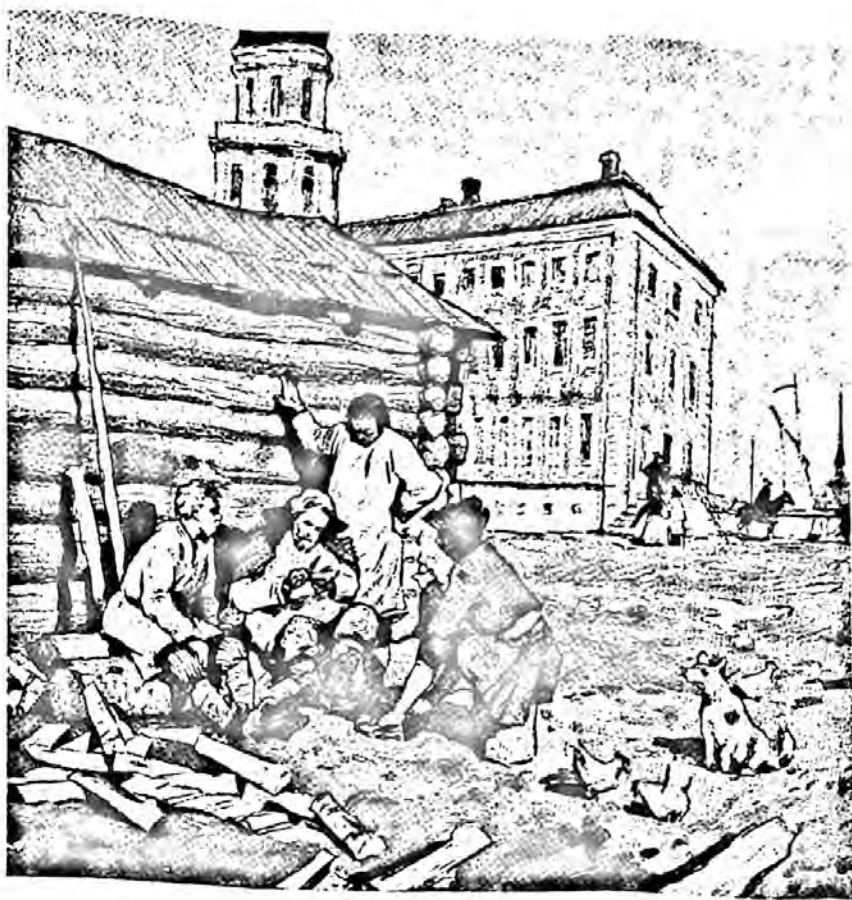

Рис. 3. У поварни Делия на усадьбе астронома близ Кунсткамеры Санкт-Петербурга. Графическая реконструкция Г.А.Песиса по данным раскопок 1952 г.

Полный обзор состояния археологии Петербурга не является целью данного очерка, и после создания Научного совета по археологии Петербурга в 1995 году, появления программ перспективных исследований, альманаха «Археология Петербурга» (1996), вполне очевидно, что эта субдисциплина обретает бесспорные права гражданства, собственную структуру, организацию и специалистов. Важнее другое: при видимом временном разрыве, когда полтора десятилетия отделяют нас от безвременного завершения научной деятельности А.Д.Грача, его начинания в петербургской археологии возрастают в своей ценности. Перед нами, в общем, по-своему достаточно печальный пример ученого, опережавшего свое время. Призыв, с которым он обратился к городу сорок лет тому назад, долго оставался неслышанным, и даже с появлением первых академических постановлений и рекомендаций, включением археологических объектов в Списки памятников КГИОП Санкт-Петербурга (1997), «строгий контроль над проведением земляных работ» остается благим пожеланием, а не нормой: в этом убеждает, в частности, практический опыт работ С.-Петербургского филиала РНИИ Культурного и Природного Наследия последних сезонов 1996–1998 гг. Вероятно, как писал А.Д.Грач, действительно «к этому большому и важному делу следует привлечь самые широкие круги общественности» (Грач 1957: 29).

Методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга, предлагаемые городу – Научным советом РАН, специалистами ИИМК, поддержанные городской и областной Инспекциями охраны памятников, по существу своему развивают установки и результаты, полученные

почти полвека тому назад в раскопках А.Д.Грача: характеристика культурного слоя, его физические и культурные параметры, состав находок и объектов, виды археологических работ были впервые определены его исследованиями на Стрелке Васильевского острова и в Петропавловской крепости. Развитие этой методики, также включающей совмещение археологических, планиметрических, документальных данных исторических источников Петербурга, как это впервые было выполнено А.Д.Грачом, определяет своеобразие необходимой для Санкт-Петербурга археологической службы (Лебедев 1996: 10–19). Актуальность всех этих требований, более чем очевидна: только что торжественно отпразднованный Юбилей 850-летия Москвы в 1997 году был отмечен, в частности, учреждением и открытием Археологического музея Москвы, завершившего становление столичной археологической службы (форсированно развернутой, в основном, за последние десять лет). Санкт-Петербург идет навстречу своему 300-летию Юбилею в 2003 году. Дай Бог нам сил, встретить этот юбилей, хотя бы удовлетворительным раскрытием *потенциала* археологии Петербурга, того потенциала, который А.Д.Грач безусловно и плодотворно определил еще к предыдущему юбилею северной столицы, опережая эпоху, таким образом, ровно на пятьдесят лет.

Разрыв, полувековая цезура в концентрации усилий, между первопроходцем, каковым оказывается в данном случае А.Д.Грач, и его организованными преемниками (чья деятельность становится результативной лишь десятилетие спустя после ухода первопроходца), сам по себе несет вполне ощутимые следствия. Нереализованный потенциал в течение определенного времени оборачивается безусловными утратами. Достаточно сопоставить состояние родственных разделов знания, близких разделов *“петербургики”* по их характерным образцам, в начале и конце рассматриваемого периода между двумя Юбилеями Петербурга.

В 1957 году Издательство Академии наук выпустило, одновременно с книгой А.Д.Грача (даже – в близком оформлении) монографию С.П.Луппова *“История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века”*. Задачу свою автор видел в систематизации письменных архивных первоисточников, при том, что в монографии обобщалась практически вся предшествующая литература, изданная со времен основания Петербурга (Луппов 1957: 6–13). В семи главах по тематическим рубрикам систематизирован огромный архивный материал, документированный сотнями ссылок на первоисточники в каждой главе, в максимально точном воспроизведении публикуется 16 графических документов из рукописных и книжных фондов петровского времени. По объему и качеству научной документации последующие десятилетия не дали ничего сопоставимого, в качестве исследования и источниковой базы по ранней истории Санкт-Петербурга. Письменное источниковедение в монографии С.П.Луппова было доведено именно до того состояния, когда становится возможным и необходимым привлечение археологических данных, их совмещение с данными письменных источников, планиграфии, иконографии города, и небольшая монография А.Д.Грача, при всей *“экземплярности”*, избирательности сюжета, построенного на локальном участке Васильевского острова, была превосходным образцом именно такого совмещения, включающего археологию – в круг дисциплин по исследованию Петербурга.

Совершенно в ином положении оказывается исследователь, обращающийся к последним по времени, современным изданиям, рассчитанным *“на широкий круг читателей”* нынешнего *“юбилейного десятилетия”* Петербурга (1993–2003). Интересующему нас времени и проблематике посвящена, например, монография С.П.Заварихина *“Явление Санкт-Петербург-Бурха”* (СПб., 1996). Определяя свой жанр как *“архитектурные портреты”* (Заварихин 1996: 6), автор снабдил издание огромным количеством качественно выполненной графики: карты, планы, виды зданий и частей города

распределены по шести главам, охватывающим топографию первоначального Санкт-Петербурга. Однако вся эта графика – “вторична”, выполнена как авторские рисунки, воспризведения, реконструкции – без опоры на подлинники источников, каких бы то ни было ссылок на места хранения и публикации (то же относится и к историческим фактам, — хотя издание снабжено постраничными примечаниями, они не являются научным аппаратом в строгом смысле слова). В распоряжении читателя, по существу, *псевдоисточники*, некий фантом архитектурных представлений, которые крайне рискованно (а строго говоря, невозможно) использовать для междисциплинарных взаимодействий. Такая “*беллетризация*” научного знания, явление отнюдь не локальное: А.А.Формозов гневно писал о подобных тенденциях в советской археологии времен “застоя” (Формозов 1977: 9–13), и к сожалению они пышным цветом расцвели и в гуманитарной науке реформируемой России 1990-х годов.

Текущее десятилетие, завершающее XX век, с появлением историографических монографий А.А.Формозова, Л.С.Клейна и др., можно определить в развитии отечественной археологической науки как период “*рефлексирующей археологии*”, озабоченной проблемами самосознания, определения собственной общественной значимости, *самооценки* (Формозов 1986, 1995; Клейн 1993; Лебедев 1992, 1993). Эта рефлексия заставляет как можно более внимательно отнестись к завершеному опыту, не только дальних, но и ближайших предшественников действующего поколения, тех, кто недавно были его современниками. А.Д.Грач, во всем объеме его научной деятельности и судьбы, выступает как одна из масштабных и драматичных фигур современной отечественной археологии. И пожалуй, наиболее наглядно и емко драматизм и значение этой судьбы можно оценить, анализируя вклад его в становление “маргинальной” до сей поры, и тем не менее, упорно раскрывающей новые, непознанные горизонты, научной субдисциплины – археологии Петербурга. По большому счету, петербургский урбанизм завершает и венчает эволюцию урбанизма северо-западного региона России, он является новой и высшей ступенью развития раннесредневековой “балтийской цивилизации эпохи викингов”, где и Русь обрела начальные формы “городской революции” первых урбанистических центров – Ладоги, Новгорода, Пскова, стольных городов и пограничных крепостей Северо-Запада, и основание новой крепости, порта и столицы России в устье Невы, в начале великого речного Пути из Варяг в Греки, было закономерным этапом тысячелетнего исторического процесса (Lebedev 1996: 39–56). Вероятно, и в изучении этого процесса, и в собственном национальном, как и локальном петербургском самосознании, мы к исход XX века достигли бы значительно большей целостности и гармонии, если бы этапы этого изучения не отделяли один от другого двадцатилетние промежутки забвения, как происходило, к сожалению, не только с начинаниями петербургской археологии А.Д.Грача. Может быть, в новом веке удастся отойти от печальной максимы “несть пророка в своем отечестве”; во всяком случае, воздавая дань памяти Александру Даниловичу, мы по праву можем включить в круг наследников и продолжателей его дела первых исследователей, специализирующихся по археологии Петербурга.

Археология Петербурга (Archaeologia Petropolitana I). 1996. № 1. Альманах. СПб.

Белецкий В.Д. 1994. Псковская экспедиция Эрмитажа (1954–1991) // Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции, Санкт-Петербург 20–21.05.1992. СПб.

Бенуа И.Н. 1994. Реставрация и благоустройство Комендантского кладбища // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2: Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. СПб.

Воинов В.С., Денисов Ю.М., Лебедев Г.С. 1975. В память о русской славе. Реставрация Сампсониевского собора на Выборгской стороне // Строительство и архитектура Ленинграда. № 9.

Грач А.Д. 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.

Горбатенко С.Б. 1994. Дудергофско-Танцкий историко-ландшафтный комплекс // Памятники истории и культуры Петербурга. Исследования и материалы. СПб.

Заварихин С.П. 1996. Явление Санкт-Петербург-Бурха. Архитектурные портреты. СПб.

Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.

Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.

Колчин Б.А., Янин В.Л. 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Коренцвит В.А. 1994. Крепость Петерштадт в Оранненбауме // Памятники истории и культуры Петербурга. Исследования и материалы. СПб.

Курбатов А.В., Петренко В.А. 1994. Культурный слой Ивангорода // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д.Белецкого. СПб.

Лебедев Г.С. 1981. Археологи в Петропавловской крепости // "Нева". № 8.

Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии (1700–1917). СПб.

Лебедев Г.С. 1993. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции (11–13 декабря 1990 г.). СПб.

Лебедев Г.С. 1996. Методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга (проект) // Археология Петербурга. № 1.

Лебедев Г.С. 1997. Дерево-земляная Петропавловская крепость 1703 г. (Нарышкин бастион по данным раскопок) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков.

Луппов С.П. 1957. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л.

Московская керамика: новые данные по хронологии. 1991 // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. V. М.

Сорокин П.Е. 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. № 1.

Формозов А.А. 1977. О критике источников в археологии // СА. № 1.

Формозов А.А. 1986. Страницы истории российской археологии. М.

Формозов А.А. 1995. Русские археологи до и после революции. М.

Falk A., Muehrenberg D. 1997. Das Luebecker Kolloquium 1995 — Zusammenfassung und Ausblick // Lübecker Kolloquium zur Stadtarchaeologie im Hanseraum I: Stand, Aufgaben und Perspektiven. Lübeck.

Lebedev G.S. 1996. St. Petersburg in the Baltic expanse of Europe. Prerequisites and genesis of the megapolis // Karelia and St. Petersburg. From Lakeland Interior to European Metropolis. Joensuu.

АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА — ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Археология традиционно не ассоциируется в нашем сознании с таким, на первый взгляд, новым городом, каким мы привыкли представлять себе Санкт-Петербург, выросший за три столетия среди лесов и болот. Уже А.И.Богданов в своем “Описании Санкт-Петербурга” с сожалением отмечал, что Петербург “весь есть новый, а древностями или какими старинными знаками показаться пред прочими старинными государствами и городами, аки краинии в том себе недостаток имеющий”. Поэтому и предлагалось “некоторые не старые, но весьма знатные и достопамятные вещи, которые аки бы нарочно для его оные родилися”, хранить. В этом видится политика в отношении древностей, завещанная потомкам Петром Великим.

К Антиквитетам – памятникам старины Богданов относил, в основном, первоначальные святыни города, грандиозные по масштабам каналы, а также объекты, связанные с боевой славой русского оружия и с основателем Северной столицы: крепости и батареи по южному берегу Невы, руины Ниеншанца, Ладожский и Кронштадтский каналы, домик и лодку Петра, первые деревянные церкви, построенные в крепости и в Александро-Невском монастыре, и даже старую сосну, сохраненную по императорскому распоряжению.

Российская археология, крупнейшим центром которой во все времена был Санкт-Петербург, первоначально была сориентирована преимущественно на изучение классических древностей других регионов и эпох – таких, как античные памятники Причерноморья или царские курганы скифов. Наконец в конце прошлого – начале нашего столетий, с открытием памятников каменного века в Приладожье и с началом систематических раскопок древнерусских курганов Северо-Запада и поселения в Старой Ладоге, начинает проявляться интерес и к древностям в окрестностях Петербурга. Однако, интерес этот был ограничен временными рамками. Н.К.Рерих так выразил отношение просвещенных людей того времени к памятникам различных эпох: “Шведский, петровского времени элемент играет самую последнюю роль среди древностей Вотской пятины (Санкт-Петербургской губернии тож). Главный контингент местных древностей составляют памятники от X до XV века.” (Рерих 1914: 2). Этот подход находит яркое подтверждение в архивных материалах Императорской археологической комиссии (Архив ИИМК РАН), согласно которым все монетные клады шведского (XVII в.) и петровского времени возвращались обнаружившему их или отправлялись на переплавку.

Первыми археологическими объектами на территории современного города, подвергшимися систематическому изучению, стали насыпи района Сестрорецкого Разлива, которые в 1906–1908 гг. раскапывал С.С.Гамченко. По его мнению, группы насыпей представляли собой курганные могильники с трупосожжениями, принадлежавшие средневековому карельскому населению (Гамченко 1913). Тогда же была обнаружена и первая неолитическая стоянка в этом районе (Сосновая гора). В течение

трех последующих десятилетий на берегах Разлива и в Лахте было открыто еще несколько стоянок каменного века – раннего металла, исследования которых проводили в 20–30-е гг. А.А.Спицын, Б.Ф.Земляков, Г.П.Сосновский. Однако, начиная с послевоенного времени к изучению этих памятников больше не возвращались (Сорокин 1996).

В 1931 г. Гос. Академией истории материальной культуры были предприняты шаги по созданию Археологической карты Большого Ленинграда. Эти работы стали продолжением большой работы по паспортизации археологических памятников Ленинградской области. Обследования проводились по заданию ОТКОМХОЗА в ближайших окрестностях города, причем сама его территория исключалась из зоны исследования. Проводили их известные впоследствии археологи П.Н.Третьяков и М.И.Артамонов. В силу целого ряда причин, работы эти носили формальный характер, ограничиваясь, в основном, фиксацией объектов, известных по архивно-библиографическим данным.

Первые архитектурно-археологические раскопки в Петербурге — по изучению остатков Петровского Зимнего дворца, были проведены еще в 1853 г. академиком архитектуры Ф.Солнцевым (Михайлов 1988: 244).

Однако подлинный интерес к городскому культурному слою XVIII века появляется только столетие спустя — в 50–60-е гг. нашего века. Профессиональные археологические исследования, проведенные А.Д.Грачом в 1952 г. на Стрелке Васильевского острова, вблизи Кунсткамеры, позволили изучить непо потревоженные культурные напластования XVIII столетия, насыщенные интересными вещевыми находками. Их результатом стала публикация первого издания по археологии Петербурга, которое существенно расширяло представления о быте населения этого времени и демонстрировало возможности археологии в изучении раннего Петербурга (Грач 1957).

Несмотря на то, что основные научные интересы А.Д.Грача были связаны с изучением древних культур Сибири, он не потерял интереса и к петербургской археологии. Девять лет спустя он исследовал на бывшем кладбище у Благовещенской церкви на Васильевском острове могилу выдающегося ученого-путешественника, первооткрывателя Камчатки С.П.Крашенинникова. (Грач 1966: 108–116). Работы в Петербурге продолжились и в 1967 г., когда А.Д.Грач, с участием других представителей Саяно-Тувинской, экспедиции провел раскопки на Комендантском кладбище Петропавловской крепости.

Тема поиска утраченных захоронений выдающихся исторических деятелей была продолжена впоследствии А.Н.Кирпичниковым, исследовавшим на Волковском кладбище могилу Дж.Кваренги, и В.А.Коренцвитом, изучавшим некрополь Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне, где были найдены захоронения архитектора А.И.Штакеншнейдера, принца П.Г.Ольденбургского, канцлера А.М.Горчакова.

Изучение археологических объектов и слоя раннепетербургского времени также нашло свое продолжение в работах последующего времени. В 1970-е гг. К.М.Плоткиным и Г.С.Лебедевым были проведены исследования Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости, которые можно считать первым опытом в области петербургской фортификационной археологии. Под руководством Г.С.Лебедева были проведены археологические раскопки одной из старейших церквей города — Сампсониевской на Выборгской стороне (Воинов и др. 1975). В.А.Коренцвит на протяжении трех последних десятилетий занимался изучением историко-ландшафтных памятников Петербурга: Летнего сада, Павловского и Петродворцового парков (Коренцвит 1985: 134–137).

Архитектурно-археологические исследования проводились в процессе реставрации Эрмитажа, Меншиковского, Летнего и пригородных дворцов, под руководством архитекторов И.Н.Кауфмана, А.Э.Гессена, Г.В.Михайлова.

Несмотря на осознание отдельными специалистами научной ценности археологизированных объектов нового времени и раннепетербургского культурного слоя в целом, в большинстве архитектурно-археологических проектов этого времени задача археологии ограничивалась лишь фиксацией самих сооружений. Вследствие этого, раскопки зачастую велись с отступлением от принятых археологических методик и носили вскрышной характер.

К сожалению, они не получили широкого резонанса среди культурной общественности и администрации города. Поэтому до настоящего времени археологический культурный слой Петербурга не стоит на государственной охране, что влечет за собой его уничтожение в процессе бесконтрольных земляных и строительных работ. Тем не менее работы 50–80-х гг. создали прочные предпосылки для последующего развития археологии Петербурга.

Систематическое изучение археологических объектов и участков ценного культурного слоя на территории Большого Ленинграда — Санкт-Петербурга по специально разработанной программе, утвержденной КГИОП, с целью их учета и охраны были начаты в 1988 году археологической лабораторией Северо-Западного филиала российского НИИ культурного и природного наследия. В 1994 году она была преобразована в постоянно действующую Санкт-Петербургскую археологическую экспедицию.

Эти работы были направлены на выявление и изучение объектов допетровского времени: стоянок эпохи каменного века – раннего металла, поля Невской битвы, позднесредневековых поселений, усадеб и могильников, а также памятников археологического наследия петербургского периода.

В процессе этих исследований впервые были выявлены участки культурного слоя поселений и могильник позднесредневекового времени на территории Петербурга (Усть-Ижора, Усть-Охта, район Смольного). Все эти памятники — свидетельства поступательного освоения берегов Невы. Были обнаружены и обследованы участки культурного слоя в местах расположения усадебных комплексов шведского периода (устье и среднее течение Охты, Красное Село, пос. Динамо); уточнено местоположение и современное состояние стоянок эпох неолита – раннего металла (Сестрорецкий разлив, Лахта). По итогам работ были составлены карта и каталог допетровских археологических объектов в пределах городской черты.

Помимо этого проводились археологические раскопки и на объектах раннего Петербурга: церковь Александра Невского в Усть-Ижоре, усадьба Джакомо Кваренги в Царском селе. Произведено детальное обследование побережья Невы у Смольного монастыря, где были выявлены: фундаменты его ограды, материальные остатки, связанные со Смольным двором и дворцом Елизаветы Петровны.

Разведочное археологическое изучение культурного слоя было проведено в центральных районах раннего Петербурга: в окрестностях Шереметьевского дворца на Фонтанке, на Троицкой площади и на Стрелке Васильевского острова. Полученные данные свидетельствуют о хорошей сохранности раннепетербургских слоев, насыщенности их богатыми вещевыми материалами и сохраняющейся, в условиях повышенной влажности, органикой.

В ходе натурных исследований были выявлены и изучены фортификационные сооружения нового времени по южному побережью Невы, в Красном Селе и в Осиновой Роше, произведено картирование и продолжено изучение групп насыпей района Сестрорецкого разлива (Сорокин 1996: 20–47). В результате были получены интереснейшие свидетельства о малой фортификации нового времени и получена определен-

ная информация в отношении “Сестрорецких курганов”. Радиоуглеродная датировка трех образцов из насыпей группы Сосновой горы показала, что они относятся к XVIII — началу XIX столетий. Эта датировка не оставляет сомнений в том, что это не погребальные насыпи и позволяет с уверенностью связывать их с углежогными сооружениями Сестрорецкого завода.

Развитие археологии нового времени в России сдерживалось, до недавних пор, устойчивыми стереотипами о том, что поле деятельности археологии — как науки — ограничивается более ранними периодами истории. При этом верхней ее границей традиционно считался рубеж XVII–XVIII столетий. В настоящее время отношение специалистов по этому вопросу меняется. Критерием применения археологических методов исследования признается теперь, все чаще, не временная эпоха, а эффективность их использования — то есть возможность получения новой информации об исследуемом объекте.

Учитывая, что Петербург возникает в новое время и ранняя его история достаточно скудно освещена письменными документами, которых часто бывает недостаточно для получения целостной картины истории появления и развития того или иного объекта, применение археологических методов исследования здесь становится настоящей необходимостью. Преимущественным достоянием археологии является получение информации о тех аспектах культуры, которые были обыденными для своего времени и поэтому не нашли детального освещения в письменных документах. Это различные сюжеты бытовой жизни, хозяйства, ремесел, промыслов населения города, взаимодействия его с природной средой.

Основным направлением археологии нового времени является архитектурная археология, носящая, преимущественно, прикладной характер и служащая, в первую очередь, целям восстановления и реставрации перестроенных или утраченных архитектурных, фортификационных и инженерных сооружений.

При этом, несмотря на наличие различного рода документальных свидетельств, определение точного местоположения большинства археологизированных объектов чрезвычайно затруднительно. Оно требует проведения специальных исследований, включающих совмещение исторических планов и карт с современной топоосновой и проведения разведочных археологических раскопок.

Так, для отыскания остатков Троицкого собора на одноименной площади Петроградского острова потребовалось изучение исторических карт и закладка одиннадцати разведочных шурфов. В процессе работ отрабатывались различные варианты местоположения остатков храма. По сложившейся традиционной версии и по мнению большинства специалистов, храм располагался в самом центре сквера на Троицкой пл. (пл. Революции). Картографические материалы и описания не давали четкого ответа на вопрос о его местоположении в различные строительные периоды.

Для локализации храма на местности использовались картографические материалы XVIII — начала XX столетий. При этом учитывались значительные ландшафтные и планировочные изменения, происшедшие здесь за последние столетия: берег Невы в результате подсыпок переместился на несколько десятков метров к югу и юго-западу, а ближайшими сооружениями, современными раннему храму, были домик Петра и Петропавловская крепость, находящиеся от него на значительном удалении. Поэтому при совмещениях исторических планов с современной подосновой за определяющий был выбран метод засечек. По результатам совмещения храм петровского времени располагался в северо-восточном углу Троицкого сквера, примерно в 50 метрах от места его традиционной локализации.

Однако в результате раскопок обнаружить какие-либо его остатки здесь не удалось, хотя слой XVIII столетия в этом районе неплохо сохранился. Культурные отло-

жения со следами пожара, содержавшие древесный уголь и датированные по находкам не позднее середины XVIII столетия, были обнаружены на противоположной стороне проезда – на газоне перед зданием Ленпроекта. Здесь же, несколько южнее, были вскрыты фундаменты из плитняка и кирпича, связанные, вероятно, с последним Троицким храмом. Судя по их расположению, у восточной границы газона, большая часть остатков храма, существовавшего с 1754 г. до его разборки – в 1933 г., находится под тротуаром и зданием Ленпроекта.

Археологические раскопки способны пролить свет на многие вопросы, касающиеся как утраченных, так и сохранившихся храмов. При раскопках церкви Александра Невского в Усть-Ижоре, проведенных в 1988 году, были изучены фундаменты этого здания, состоявшие из валунов и путиловской плиты. Помимо этого, по расположению пятна древесного угля и ранних захоронений удалось определить местоположение последнего деревянного храма, сгоревшего в 1797 году. Были обнаружены медные монеты этого времени, фрагменты оконного стекла, остатки изразцовой печи. На его месте в 1799 г. была сооружена каменная церковь. Было установлено, что первый деревянный храм 1712 года был построен на песчаной подсыпке, причем место его строительства – возвышенный левый берег при впадении Ижоры в Неву, судя по обнаруженной здесь керамике, было обжито уже в позднесредневековый период.

С накоплением сведений по археологическому культурному слою и объектам, по программе “Археология Петербурга” была начата работа по их паспортизации и разработке “Проекта зон охраны археологических объектов и культурного слоя на территории города”. Решение этой проблемы в соответствии с Законодательством по охране памятников истории и культуры позволит более эффективно сохранять и использовать объекты археологического наследия.

В связи с этим в настоящее время вырабатывается концепция сохранения археологического культурного слоя Большого Петербурга, проводится историко-археологическое зонирование территории города, основанное на материалах ранее проводившихся археологических изысканий, данных инженерно-геологического бурения, исторических документах и картографических материалах. Готовящийся проект предполагает выделение четырех категорий зон охраны с соответствующими режимами. Выбор того или иного охранного режима связан с историко-культурной значимостью, степенью сохранности и состоянием изученности тех или иных археологических объектов, участков культурного слоя.

1 — Зона археологического исследования предусматривает проведение полных археологических раскопок в местах проведения земляных работ. Предположительно она будет включать наиболее значимые памятники и участки археологического слоя: Центральную часть Петровского Петербурга, Дворцовые комплексы пригородов, крепость Ниеншанц и центральную часть города Ниен XVII столетия, Поле Невской битвы в Усть-Ижоре, стоянки эпох неолита – раннего металла.

2 — Зона археологического поиска предусматривает обязательное проведение историко-археологической экспертизы в местах предполагаемых земляных работ и предварительную оценку состояния культурного слоя для выработки решения о формах охранных мероприятий при строительстве. Это могут быть полные или частичные раскопки, а также археологические наблюдения. Эта зона предположительно включит Петербург в границах рубежа XVIII–XIX столетий и территории отдельных памятников XVIII века, окраинные части города Ниена, усадебные комплексы XVII–XVIII столетий, точно локализованные поселения позднесредневекового периода, места предполагаемых стоянок эпох неолита – раннего металла.

3 — Зона археологического наблюдения, предусматривает осуществление систематического археологического надзора за земляными работами и проведение стационарных археологических раскопок в случае выявления ценных археологических объектов, участков слоя. Границы зоны археологического наблюдения должны совпадать с границами ранее выделенных объединенных и локальных зон охраны архитектурных и ландшафтных памятников XIX–XX столетий в Петербурге и пригородах, а также территории предполагаемой локализации позднесредневековых поселений и усадеб, которые находятся за пределами зон археологического исследования и поиска.

4 — Зона сохранения археологических объектов предусматривает запрет на проведение каких либо земляных работ, угрожающих сохранности памятников, находящихся в настоящее время в руинированном виде. Она распространится на остатки земляных укреплений времен Северной и Свейской войн: в Усть-Ижоре, Саперном, Красном Селе, Осиновой Роще, на ландшафтные участки (овраги, береговую линию, другие элементы рельефа) Поля Невской битвы, отдельные руинированные монументальные памятники петербургского времени, подлежащие реставрации и музеефикации. В эту же зону должны войти, по нашему мнению, утраченные некрополи города.

В последнее время была осуществлена блестящая, на наш взгляд, музеефикация двух археологических объектов XVIII столетия – Петровского Зимнего дворца в здании Эрмитажного театра и Невской куртины в Петропавловской крепости, что наглядно продемонстрировало хорошую сохранность отдельных раннепетербургских памятников и привлекательность экспонирования археологических древностей. Проекты музеефикации и мемориализации историко-археологических объектов на территории города могут включать широчайший комплекс мероприятий, суть которых сводится к органичному включению в городскую среду памятников археологии. Эти проекты предполагают музеефикацию руинированных остатков и находок, обнаруживаемых в процессе раскопок, создание макетов утраченных памятников в месте их расположения, установку щитов, памятных досок и знаков с информацией, включение старых названий в топонимику.

На современном этапе осуществление охранных мероприятий, в соответствии с существующим Законодательством, позволит сохранить бесценный архив исторической информации, заключенный в археологическом культурном слое. Рациональное использование этого достояния даст возможность значительно расширить и обогатить историко-культурный потенциал Петербурга, включением в него целого пласта новых памятников истории и культуры и созданием археологических музейных экспозиций и связанных с ними туристических маршрутов. Изучение, сохранение и использование памятников археологического наследия, находящихся у нас под ногами, со временем, способно дать не только интереснейшие научные результаты, но и определенный экономический эффект.

Богданов А.И. 1997. Описание Санкт-Петербурга. СПб.

Воинов В.С., Денисов Ю.М., Лебедев Г.С. 1975. В память о русской славе // Строительство и архитектура Ленинграда. № 9.

Гамченко С.С. 1913. Исследование Сестрорецких курганов в 1908 году // ЗОРСА. Т. IX. СПб.

Грач А.Д. 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.

Грач А.Д. 1966. Открытие погребения С.П.Крашенинникова в Ленинграде // СЭ. Вып. 4.

Грач А.Д. Отчет об археологических исследованиях проведенных в 1966 г. на территории Петропавловской крепости. — Архив ИИМК РАН. Ф.35. оп. 1., д. 28/ 1966.

Коренцвит В.А. 1985. Раскопки летней резиденции Петра I в Ленинграде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

Михайлов Г.В. 1988. Зимние дворцы Петра I // Музей. № 9.

Рерих Н.К. 1914. На кургане // Сочинения. Книга 1. М.

Сорокин П.Е. 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. Вып. 1.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ НЕВСКОГО УСТЬЯ НА РУБЕЖЕ XVI—XVII ВВ.

Широко известно, что город Ниен, построенный шведами после присоединения Ингерманландии, имеет предысторию в XVI в. По наблюдениям П.Е.Сорокина, «русский город Ниен» известен в шведских источниках с 1521 г. Этот город (вариант: «Невский городок» в 1599–1603 гг.) располагался, по мнению исследователя, на правом берегу Невы, в устье Охты. На противоположном берегу, в районе будущего Смольного монастыря располагалось село Спасское, самое раннее упоминание которого П.Е.Сорокин относит к 1593 г. (Сорокин 1996: 28). Археологическое исследование местоположения села выявило материалы XIV–XV вв. (Сорокин 1994; 1996: 28).

Вероятно, исследования допетровской и, тем более, дошведской истории Невского устья только начинаются. Нам удалось выявить несколько ранее неизвестных документов, дополняющих историю поселений в Невском устье.

Можно с уверенностью утверждать, что Спасское село на правом берегу Невы впервые упомянуто в писцовой книге 1504/05 г. В ней описана церковь Преображения в волости Калганицы «на усть Невы в Поморье» (ОПКВП 1911: 67). Спасская церковь в Калганицах отмечена также в писцовой книге 1540/41 г., в той ее части, которая не была опубликована ни в издании А.М.Гневушева 1917 г. (ПКВП 1917), ни в публикации «История Карелии в документах» (ИКД 1987). Описание церкви в этой писцовой книге достаточно характерно: «Великого князя волостка дворцовая, что была Богдановская Есипова в Калганицах и на Голодуше, и в Лахте у Моря... Погост. На погосте церковь Спас Преображенъе (в) поп Еремей, (в) дьяк церковной, (в) сторож, (в) проскурница»¹. Таким образом, поселение с церковью Спаса в устье Невы названо погостом, хотя оно и не являлось центром особого территориального округа. Именно с этим поселением соотносится позднейшее село Спасское или, как оно, вероятно именовалось на рубеже XVI–XVII вв. — Нюнела. Преображенская церковь в селе Нюнела известна по обычным книгам 1599–1600 гг.²

Идентификация села Спасского, Спасской церкви в волости Калганицах и более поздней выставки Ненелы (Нюнелы) осуществлена следующим образом. В отрывке из писцовой книги 1504/05 г. не отмечено конкретного селения, в которой располагался этот храм. Первой деревней волости в Калганицах, принадлежавшей до конфискации Богдану Есипову, названа деревня Ненила на реце на Неве (ОПКВП 1911: 67). При этом название выставки 1600 г. — «Ненила», «Нюнела». Вероятно, идентичность этих названий сомнению не подлежит. В Записи о ружных церквях и монастырях, составленной в годы святительства новгородского архиепископа Александра (1577–1589),

¹ Писцовая книга Водской пятины письма С.Клушина. 1540/41. — РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 5. Ч. 2. Л. 925.

² Отдельные книги Водской пятины 7107–7108 гг. — РГАДА, ф. 1209, д. 16960, л. 340об, 343–343^аоб, 345–346.

упоминается «церкви Преображения Господня, что на Неве реке поп Софрон Иванов» (Запись о ружных церквях... 1856: 38). Этот же священник Софрон (Софроний) Иванов, по данным 1600 г., являлся священником Спасской церкви выставки Ненелы Городенского погоста¹. Полагаем, что в устье Невы в XVI в. существовало лишь одно село Спасское, следовательно именно оно известно в начале XVI в. как церковь в волости Калганицы, в 1540 г. — как погост в волости Калганицы, в 1577–1589 гг. как церковь Преображения на Неве, а в 1600 г. — как выставка Ненела.

Поселение близ Спасского села в качестве важного пункта в системе государственных сухопутных магистралей известно ранее 1593 г. В 1555 г. село Спасское названо пунктом для сбора войска, готовящегося к походу на шведов². Местожителство двух «невских купчин», упомянутых в Орешковской таможенной грамоте 1563 г.³, вероятно также следует определить в Невском устье, в районе Спасского села.

В уже упоминавшихся отдельных книгах 1599–1600 г. содержится также подробное описание одного из поместий в низовьях Невы в устье Охты⁴. В нем содержатся уникальные сведения, позволяющие судить о значении Городка на Неве в конце XVI — начале XVII в. Следуя этому документу, на левом берегу Охты, близ впадения в Неву находились «государев Гостиный двор» и рядом с ним корабельная пристань. Кроме того, в этой обыскной книге описана церковь, поставленная на том же левом берегу Охты помещиком Б.Хорошевым незадолго до проведения обыска. Богдан Хорошев — представитель рода московских помещиков Хорошевых, испомещенных в Спасском Городенском погосте до 1500 г. По писцовой книге 1500 г. нам известен помещик Неклюд Мишин Хорошев (ВОИДР 1851: 115). Видимо, его дети, Семен, Гридя, Третьяк и Данилко Хорошевы известны как помещики Спасского Городенского погоста в 1540 г.⁵ Вновь Семен и Григорий Неклюдовы Хорошевы, а также Иван Хорошев и Злоба Григорьев Хорошев упомянуты в Платежной книге Водской пятины 1560 г.⁶ и в обыскной книге Спасского погоста Ореховского присуда 1572/73 гг., опубликованной П.Г.Бутковым (Бутков 1836: 392, 393, 407). Вероятно, к их потомкам принадлежал и известный нам Богдан.

Упоминание о храме в устье Охты мы полагаем уникальным. До сих пор в нашем распоряжении не было сведений о церквях близ городка на Неве до середины XVII столетия, а тем более ничего не было известно о допетровской православной церкви на правом берегу Невы. Важно заметить, что в обыскной книге упомянуто о существующем храме. Можно предполагать, что священник этой церкви должен был участвовать в составлении обыскных и отдельных книг, вошедших в сборник, из которого происходит и рассматриваемый документ.

¹ Отдельные книги Водской пятины 7107–7108 гг. Л. 340об.

² Грамота царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в Великий Новгород дьякам Ф.Еремееву и К.Дубровскому о посылке приказчиков в Кипенский погост и к Спасу на Неву для приготовления корму войску царевича Кайбалы. 1555. 4. 12 // ДАИ. 1846. Т. 1. № 70, V. С. 130–131; Грамота новгородским дьякам Ф.Еремееву и К.Дубровскому об отписке поместий у детей боярских за неявку их на смотр к Спасу на Неву. 1556. 15.02 // ДАИ. 1846. Т. 1. № 101. С. 150–151.

³ Орешковская таможенная грамота. 1563. 1.01 // ДАИ. 1846. Т. 1. № 116. С. 163–168.

⁴ Обыск губного старосты Б.Вельяшева поместья Б.Хорошева в Спасском Городенском погосте. 1600. 25.05 // Отдельные книги Водской пятины 7107–7108 гг. — РГАДА, ф. 1209, д. 16960, л. 347–348об.

⁵ Писцовая книга Водской пятины 1540 г. С. 171–172.

⁶ Платежные книги Водской пятины. Около 1560. — РГАДА, ф. 1209, д. 17142, л. 118.

Вероятнее всего идентифицировать храм, построенный помещиками Хорошевыми в устье Охты, с выставкой Венчище Спасского Городенского погоста. Выставка *Венчище* с церковью Михаила Архангела располагалась также где-то в низовьях Невы. Единственное упоминание о выставке Венчище содержится как раз в рассматриваемом нами источнике — среди участвующих в обыске священников один — вышеупомянутый Софроний Иванов, другой — «Архангельской свещенек Спасского погоста от выставки с Венчища». Таким образом, логично предположить, что в обыске находящегося в устье Охты поместья участвовали священник наиболее близких к этому поместью церквей — Спасского села, расположенного напротив устья Охты и находящегося в самом поместье Михайловского храма. Заметим, что топоним «Венчище» не встречается ни в описаниях Городенского погоста 1500 и 1540 гг., ни в дозоре поместья Хорошевых 1573 г. (Бутков 1836), следовательно, его возникновение следует отнести ко времени не ранее середины XVI столетия, когда вероятно, и строится церковь. Возможно, церковь в устье Охты соотносится с археологически выявленным кладбищем на этом месте (Сорокин 1996: 37). Вероятно, именно выставка Венчище упомянута в новгородской кабальной книге 1594–1595 гг. Один холоп, приносящий за себя кабальную запись так описывает свою биографию: «Родина, господине, моя в Спасском погосте на Неве у Архангела Михаила, а жил преж сего в наймех у Ивана у Хорошева три годы, а крепости у него на меня нет никакой» (НЗКК 1938: 236). Как видно, в этом документе церковь Михаила Архангела на Неве также связана с семьей Хорошевых. Характерно и имя приносящего запись холопа — Терентий Жданко Иванов сын *Проскурнин*. В нем содержится указание на родство с церковным причетником.

Осмелимся сказать несколько слов и о названии выставки. Можно лишь предположить его соотношение с местоположением уничтоженной в 1301 г. Шведской крепости Ландскроны (в русских летописях — «Венец земли», отсюда, м.б., «Венчище»). Это предположение может быть осмыслено и топографически: если оно справедливо, то выставку Венчище следует искать в районе Охтинского устья.

Надо заметить, что церковью Михаила Архангела в Спасском Городенском погосте было, как минимум, три.

Вторая Михайловская церковь Спасского Городенского погоста — это церковь в выставке *Ряжела*, известная по трем упоминаниям: 21 августа 1571 на опубликованном Д.Я.Самоквасовым документе свою припись поставил «священник Спасского погоста от выставки Михаила Архангела Ярасим Иванов сын», а сам документ был написан дьячком «Михайла Архангела от выставки» Микулкой Олексиевым (Самоквасов 1908: С. 138–139); в опубликованном П.Г.Бутковым и выше цитировавшемся документе имелась припись: «К сим обыскным книгам Ряжелской поп Герасим Иванов сын в детей своих духовных место руку приложил от выставке» (Бутков 1836: 407). Вероятно, это — тот же Герасим Иванов, что и на предыдущем документе; именно это обстоятельство позволяет идентифицировать название выставки. В другом документе, относящемся к 1573 г. и также опубликованном Д.Я.Самоквасовым вновь мы находим припись: «Архангельской поп Герасим Иванов сын» (Самоквасов 1908: 315–317). П.Г.Бутков упоминание о Ряжелском священнике «от вставке», (т.е. от выставки) почему-то связал с храмом Ярвосольского погоста (Бутков 1836: 425). Точного расположения выставки Ряжелы нам не известно, но она вряд ли тождественна выставке Венчище. Одновременно вряд ли имеет силу утверждение П.Г.Буткова о часовне Архангела Михаила в низовьях Невы (Бутков 1836: 414–415) и о ее соотношении с дер. *Mickola* в Спасском Городенском погосте на карте 1676 г. (Бергенгейм 1827).

Еще один храм Михаила Архангела в Спасском Городенском погосте находился близ русско-шведской границы: в книге записей Софийской пошлины 1576/77 г. в Ореховской десятина отмечен «Из Преображенского уезда из Пречистенского (? — А.С.) с выставки с немецкого рубежа с Син (Тын?) реки» Архангельский поп Алексей¹.

Полученные нами данные позволяют предложить условную реконструкцию топографии устья Охты на рубеже XVI–XVII вв. (рис. 1).

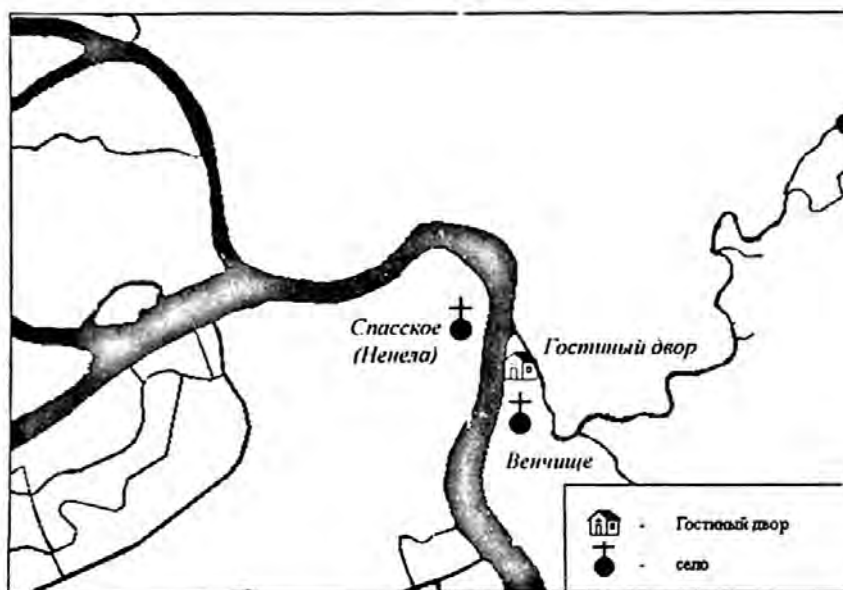

Рис. 1. Низовья Невы на рубеже XVI – XVII вв.

Бергенгейм, 1827. — Карта бывших губерний Иваньгорода, Яма, Копорья и Нозтеборга, составленная под присмотром Генерал-Маиора Шуберта Генерального Штаба Штабс-Капитаном Бергенгеймом 1-м. СПб.

Бутков П.Г. О состоянии местностей Санкт-Петербургских в XVI веке // ЖМНП. 1836. № 6.

ВОИДР, 1851. — Переписная окладная книга Водской пятины 7008 г. Вторая половина // Вестник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Т. 11.

ВОИДР, 1856. — Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI в. при новгородском архиепископе Александре (1577–1589) // Т. 24.

ИКД, 1987. — История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 1. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.

НЗКК, 1938. — Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л.

ОПКВП, 1911. — Отрывок писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. / Под ред. А. М. Гневушева. Киев.

Писцовая книга Водской пятины 1540 г. 1917 / Под ред. А.М.Гневушева. Вып. I. Новгород.

Самоквасов Д.Я. 1908. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. Т. 2. Ч. 2. М.

Селин А.А. 1995. Об одном малоизвестном территориальном делении Новгородской земли в XVI веке // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород.

Сорокин П.Е. 1994. Археологические исследования в устье Охты // Петербургские чтения. Петербург и Россия. Науч. конф. 13–15 апр. 1994 г. СПб.

Сорокин П.Е. 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // АР. Вып. 1.

¹ Книга записи Софийской пошлины. 7085 г.— ОР РНБ, Соф. 1548, л.126 об. О значении термина «уезд» в этой книге см.: Селин 1995: 273.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ КЕРАМИКА

Как ни странно, материальная культура Нового времени известна нам зачастую гораздо хуже, нежели античные и средневековые древности. Сложилась парадоксальная ситуация, когда мы гораздо лучше представляем себе внешний облик и назначение предметов, удаленных от нас на тысячелетие, но не можем опознать вещей, окружавших в повседневной жизни наших прадедов. В первую очередь это относится к массовым, повседневным, бытовым вещам: посуде, утвари, деталям одежды. Пожалуй, больше всего не повезло обиходной посуде. Если художественные фарфор, фаянс, майолика пристально изучались антикварами и искусствоведами, то повседневная керамика осталась вне поля их зрения. Практически не разработанной категорией остается керамика нового времени и в работах археологов. Можно указать, пожалуй, лишь отдельные разделы в нескольких обобщающих монографиях по керамическому производству (Рабинович 1949; Розенфельдт 1968), а также оставшиеся неопубликованными выводы, полученные на псковских материалах¹. Между тем керамика (вместе с фарфоро-фаянсовым «ширпотребом») и для нового времени остается той самой массовой и изменчивой категорией материала, на которую будет опираться любое археологическое исследование.

В течение 1996–1997 гг. при работах Санкт-Петербургского филиала Института природного и культурного наследия по программе «Археология Петербурга» было собрано значительное количество подъемного материала, в первую очередь – фрагментов керамики и стекла. В настоящем сообщении рассматривается кухонная, столовая и тарная керамическая посуда из сборов и шурфов 1996–1997 гг. на территории Санкт-Петербурга. Подъемный материал собирался главным образом в пределах исторического центра города, а также в его нынешних юго-западных районах, еще недавно бывших пригородными селениями. Огромное количество подъемного материала было собрано на Малой Конюшенной улице, в зоне реконструкции самой улицы и при прокладке новых коммуникаций во дворах. 8 шурфов было заложено на Васильевском острове, в основном в его центральной части. Кроме того, благодаря любезности Н.В.Сердюкова, удалось осмотреть коллекцию подъемного материала, собранную коллективом художников-печатников под его руководством при расчистке внутренних помещений Невской куртны Петропавловской крепости в 1996 г.

Имеющийся материал не может быть расчленен на отдельные периоды или связан с какими-либо определенными археологическими слоями. Вследствие этого он рассматривается в совокупности, а выводы носят предварительный и, может быть, чрезмерно обобщающий характер. Целью работы было не создание на имеющемся материале строгой детальной характеристики керамического комплекса, а скорее сугубо предварительный очерк ассортимента керамической посуды Петербурга, описание основных групп и разновидностей изделий, употреблявшихся горожанами в XVIII – нач. XX в.²

¹ Имеются в виду в первую очередь разработки С.В.Белецкого, В.И.Кильдюшевского, С.В.Степанова.

² Приношу искреннюю благодарность С.В.Белецкому и Н.М.Зурабян, очень помогшим мне своими консультациями и знаниями.

Технологически вся петербургская керамика довольно однородна. Посуда изготовлялась из местных красно- и беложгущихся глин (последние преобладают), с незначительной примесью мелкого песка, извести или очень мелкой дресвы. Довольно большое число черепков не имеет видимых примесей. В изломе черепки, как правило, двух-трехслойные, серые или белые с темной полосой внутри. Судя по часто встречающимся на донцах отпечаткам поверхности гончарного круга или следам песчаной подсыпки, значительная часть посуды (особенно кухонной керамики) изготовлялась на ручном гончарном круге. Обычно на изломе черепка хорошо заметны слои и направления сминания глины при формовке (пустоты в венчике и при переходе от стенок к дну, отгибание и заворачивание венчика), что позволяет проследить основные приемы изготовления глиняной посуды.

По своему назначению выделяются большие группы посуды: кухонная (со следами пребывания в огне, копотью и нагаром на стенках), столовая (преимущественно поливная), тарная (фляги, бутылки, помадные и аптечные банки) и прочая бытовая посуда. Внутри каждой группы выделяются отдельные, легко узнаваемые серии предметов, общие для всего Петербурга. Они и будут рассмотрены ниже.

Грубая кухонная керамика составляет значительную часть керамической посуды и встречается в материалах XVIII – начала XX в. Основной формой кухонной посуды были округлобокие пузатые горшки с выделенным невысоким венчиком, оформление которого имеет несколько вариантов: а) резко отогнутый наружу и практически слитый с верхней частью шейки венчик, внешне выглядящий как незначительное утолщение (рис. 1, 1–4); б) слабо отогнутый утолщенный венчик подтреугольного или трапециевидного сечения (рис. 1, 10–12); в) венчик, изогнутый глубокой бороздой (под крышку) (рис. 1, 5–9). Остальные варианты оформления венчиков менее распространены.

Иногда встречаются закопченные фрагменты горшков с усложненным профилем: каннелюрами, валиками. В одном случае (шурф 8 на 3-й линии Васильевского острова) встречено несколько фрагментов стенок закопченного белоглиняного горшка, украшенного по плечу тройной волной (рис. 1, 13).

Все обломки грубых керамических горшков несут на себе следы пребывания в огне, что и позволяет интерпретировать их как кухонную посуду для приготовления пищи – они сильно закопчены, покрыты внутри и снаружи по венчику обильным нагаром, сохранившимся даже на подъемном материале из переотложенных слоев. Любопытно, что среди кухонных горшков встречаются очень большие, емкостью до ведра. Особенно много таких горшков было встречено при расчистке подвалов Невской куртины Петропавловской крепости. Можно предположить, что в них готовилась пища для гарнизона крепости. Встречены и отдельные обломки слабо вогнутых керамических дисков большого диаметра, которые могут быть фрагментами керамических сковород.

Грубая керамика продолжает традиции гончарства предшествующего времени, в первую очередь в отношении технологии изготовления: она, как и средневековая русская керамика, изготавливается из глиняного теста со значительной добавкой мелкой и средней дресвы, реже – песка, преимущественно на ручном гончарном круге со сравнительно невысокой скоростью вращения, обжигается в печи (т. н. трехслойный обжиг). Способы формовки тулова сосудов и оформления венчиков обнаруживают генетическую преемственность с технологическими традициями предшествующего времени и развиваются в едином русле с керамикой других городских центров России.

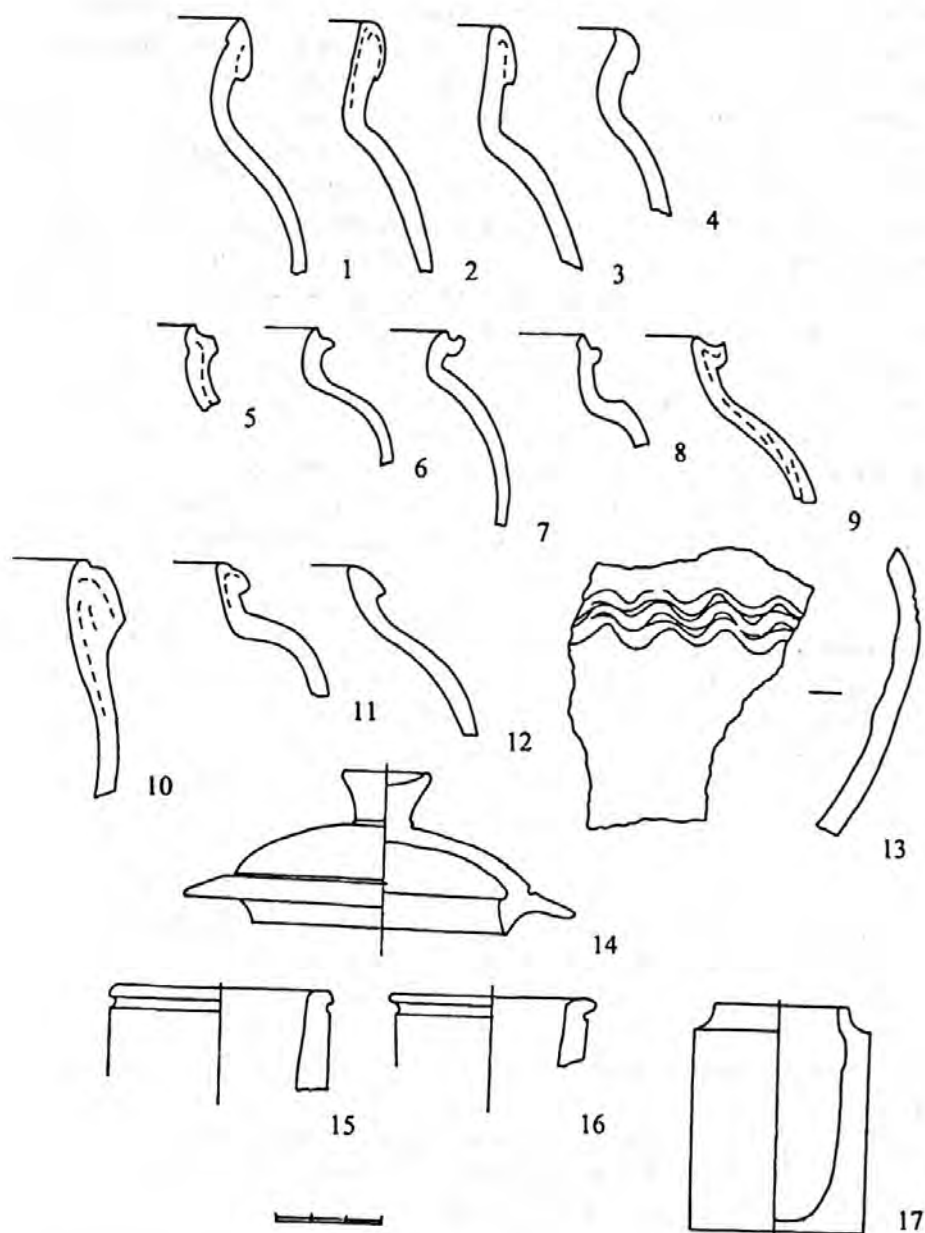

Рис. 1. Керамическая посуда: 1-13 — грубая кухонная керамика; 15-17 — помадные банки; 14 — поливная крышечка.

Столовая керамическая посуда отличается от грубой кухонной отсутствием нагара и копоти, большей тщательностью выделки, практически неизменным наличием поливы. Эта посуда, как правило, изготовлена из глиняного теста того же состава, но тщательнее промешанного, с более тонкими примесями. Полива обычно располагается по всей внутренней поверхности сосуда, по его венчику, и часто — по верхней части внешней поверхности сосуда (до плечиков или несколько ниже); при этом на внешней и внутренней поверхностях, как правило, наносилась полива разного цвета. Обычно на внешней поверхности полива желтовато-коричневого или темно-коричневого (шоколадного) оттенка, а внутри — зеленовато-желтая, светло-зеленая или прозрачная светло-желтая глазурь. Встречаются характерные для XVIII в.

фрагменты посуды из беложгущейся глины, покрытые глухой поливой желтого цвета. Полива часто сочетается с одним или несколькими поясками врезных горизонтальных линий по низу шейки, плечикам и тулову сосуда. Муравленные фрагменты в коллекции 1996–1997 гг. очень редки. Единичные фрагменты керамики, покрытой т. н. мраморовидной поливой и белым ангобом, были собраны на Малой Конюшенной улице.

В начале XX в. появляются новые способы и приемы оформления поливной керамики: ярко-оранжевый черелок горнового обжига покрывается прозрачной бесцветной глазурью, так что создается впечатление блестящей ярко-оранжевой поливы. Часто бесцветная прозрачная глазурь наносится поверх росписи глухой поливой белого цвета или белого в сочетании с зеленым и темно-коричневым цветами (волнистые линии или растительный орнамент). Тогда же поверхность керамических изделий начинает покрываться прозрачной эмалью. Оба способа декора широко применяются вплоть до нашего времени, и при работе с материалами из городских культурных слоев могут служить надежным датирующим признаком XX в.

В отличие от почти стандартизированных форм грубой кухонной керамики, поливная керамика обладает целой серией разнообразных выработанных форм, объединяющихся в легко узнаваемые группы.

Одной из наиболее многочисленных групп поливной керамики являются разнообразные *горшки*. Весьма многочисленны среди петербургской поливной керамики горшки малого и среднего размера с парными наклепными ручками или одной ручкой-втулкой (соответствующие функционально современным кастрюлькам). Сами по себе горшки-кастрюльки с трубчатыми ручками известны в русском керамическом производстве с XIV–XV вв. и широко распространены и в последующие эпохи (Розенфельдт 1968: 15). Возможно, их широкому распространению в новое время дополнительно способствовала популярность подобных форм в европейской керамике. Другой заметной группой поливных изделий являются белоглиняные горшки с выделенной шейкой или характерной ступенькой по плечу, покрытые глухой или полупрозрачной поливой желтого цвета. Они встречены на Васильевском острове (шурф 7), среди подъемного материала на Авангардной улице (рис. 2, 1–2).

К традиционным формам относятся также округлобокие и усеченно-конические поливные *миски*, а также редкие в рассматриваемой коллекции поливные глиняные *тарелки*. Миски, как правило, изготовлены из плотной беложгущейся глины с примесью мелкого шамота или песка и покрыты прозрачной поливой изнутри и по венчику. Снаружи полива обычно отсутствует или спускается не ниже, чем на треть высоты сосуда. Цвет поливы различен – желтовато-серая, бесцветная, светло-желтая, желто-зеленая, светло-зеленая (рис. 2, 3, 4, 6). Зачастую округлобокие и слабопрофилированные миски орнаментированы также несколькими врезными горизонтальными линиями, расположенными под венчиком. Фрагмент плоской тарелки с невысоким бортиком, изготовленной из беложгущейся глины и покрытой прозрачной поливой (изнутри и по бортику зеленовато-желтой, снизу – бесцветной), был встречен в шурфе № 7 на Васильевском острове. Диаметр тарелки составлял 24 см. Здесь же была найдена маленькая плоская с прямыми стенками, покрытая светло-зеленой и коричневой поливой (рис. 2, 5).

Довольно многочисленны также маломерные поливные сосуды: горшочки, в том числе с трубчатой или изготовленной из уплощенного глиняного жгута ручкой, небольшие профилированные кружки-кувшинчики, кувшинчики с маленьким оттянутым треугольным носиком-сливом и т. п. (рис. 2, 7, 8). Эта посуда, как правило, покрыта т. н. двуцветной глазурью: более темной снаружи и по венчику, более светлой – по внутренней поверхности. Встречены следующие сочетания цветов: шоколадно-коричневый + бесцветный, темно-коричневый + светло-зеленый (несколько раз).

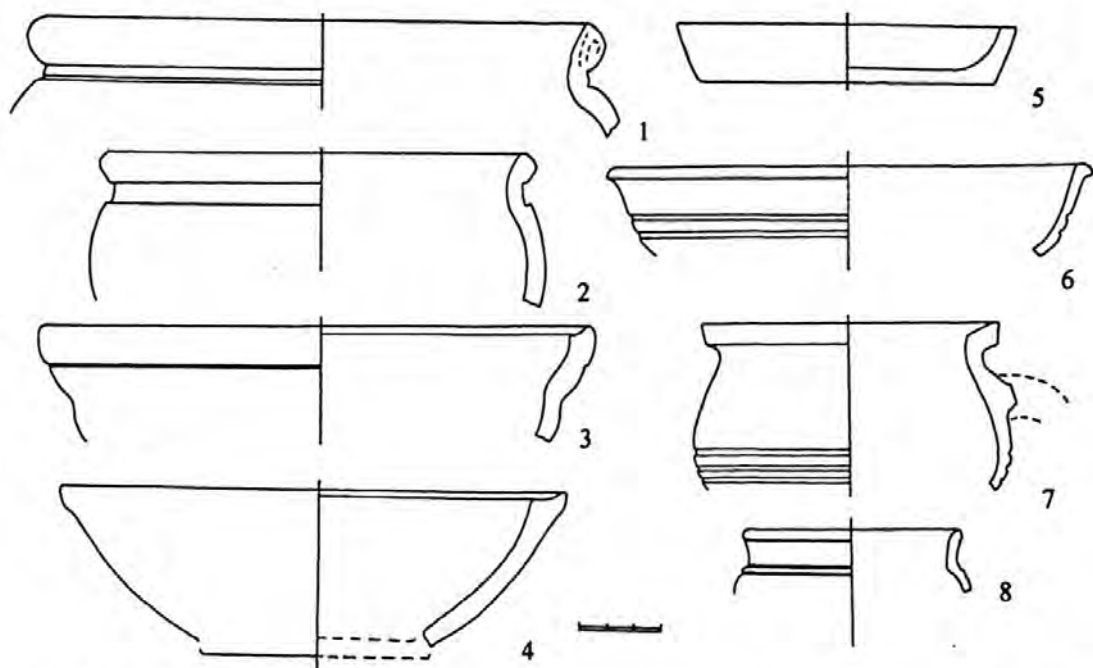

Рис. 2. Керамическая посуда: 1–2 — горшки; 3, 4, 6 — поливные миски; 5 — поливная плошка; 7–8 — кругло-кувшинчики.

Отдельного рассмотрения заслуживает такая группа столовой посуды, как чернолощенные и поливные кувшины, использовавшиеся также для хранения жидкостей. Все чернолощенные кувшины, найденные при работах 1996–1997 гг., происходят с Малой Конюшенной улицы. Здесь были собраны фрагменты не менее чем 4–5 таких сосудов. Несколько фрагментов есть также в коллекции из Невской куртины. К сожалению, даже точная графическая реконструкция по имеющимся фрагментам невозможна. Тем не менее, составить представление об их внешнем облике удалось. Все они однотипны: с округло-биконическим туловом, цилиндрическим горлом, сравнительно широким донцем. Изготовленная из уплощенного глиняного жгута ручка крепилась одним концом к наиболее выпуклой части тулова, другим — к шейке. Фрагментов венчиков не встречено. Кувшины орнаментировались поясами неглубоких узких врезных линий, располагавшихся по шейке, плечикам и тулову (в наиболее выпуклой его части и несколько выше дна). Кувшины изготавливались из хорошо промешанной плотной беложгущейся глины без видимых примесей и подвергались восстановительному обжигу, вследствие чего черепок имеет в изломе однородную, темную коричнево-серую окраску. Поверхность всех кувшинов, кроме одного, была сплошь покрыта черным лощением хорошего качества. Фрагменты этого одного кувшина можно отнести к так называемой мореной керамике. Изготавливались эти сосуды, очевидно на ручном гончарном круге — одно из донце сохранило следы подсыпки из мелкой дресвы, другое было примято к поверхности круга. Чернолощенная керамика, в том числе кувшины, широко была распространена в России в XV–XVIII вв.

Поливные кувшины, как правило, изготовлены из беложгущейся глины. Они среднего размера (емкостью до 1–1,5 л), округлобоки, тонкостенны. Покрываются двуцветной поливой: темно-коричневой снаружи и светло-зеленой или желто-зеленой внутри. При переходе от горла к тулову часто располагается поясок из неглубоких горизонтальных бороздок. Фрагмент массивного донца кувшина или бутылки из беложгущейся глины, покрытый изнутри непрозрачной поливой темно-желтого цвета, был найден в шурфе 7 на Васильевском острове. Диаметр донца 7 см. Фрагменты сходных донце

были встречены рядом, в шурфе 3, а также среди подъемного материала у Благовещенской церкви на 8-й линии Васильевского острова. Среди находок 1996–1997 гг. Имеются также единичные фрагменты предметов чайной посуды – крышечки, ручки, носики от керамических заварных чайников и сахарниц. Все они ярко-оранжевого цвета, покрыты бесцветной прозрачной поливой и должны быть отнесены к XX в. (рис. 1, 14).

К тарной керамической посуде можно отнести немногочисленные, но встреченные во многих пунктах керамические сосуды для хранения и транспортировки продуктов, прежде всего поливные керамические бутылки. Особое место в этой группе занимают диагностичные для городских культурных напластований XVIII–XIX вв. помадные банки и бутылки из-под сельтерской воды.

Т. н. *помадные банки* – небольшие толстостенные цилиндрические баночки с массивным дном – одна из характернейших для XVIII–XIX вв. категорий массовых находок. В коллекции 1996–1997 гг. представлены в основном помадные банки XVIII в., изготовленные из оранжевой глины с примесью песка и мелкой дресвы и покрытые снаружи светло-синей или голубой поливой, а внутри – белой (рис. 1, 15, 16). Однако встречены и более поздние экземпляры, из более тонко отмученной глины и даже фаянсовой массы (рис. 1, 17). Одна из банок рассматриваемой коллекции покрыта поливой бежевого оттенка, появляющейся на этих предметах с середины – третьей четверти XIX в., другая (из Невской куртины) – прозрачной коричневой глазурью. Помадные банки встречены в шурфах на Васильевском острове, в сборах на Серпуховской и Малой Конюшенной ул., Чкаловском пр., в Петропавловской крепости.

Одна из самых массовых находок в городских культурных слоях Европы позднего средневековья и нового времени – изготовленные из т. н. каменной массы (Steingut) характерной формы *бутылки* с ручкой для разлива сельтерской воды, производившиеся в Германии. Их типология и датировка подробно разработаны в трудах европейских исследователей. Сельтерская вода в упомянутой таре была предметом массового вывоза из Германии во все европейские страны. За производством и экспортом минеральной воды непосредственно наблюдала государственная власть. Каждая бутылка во избежание подделки снабжалась двумя клеймами “в тесте”: обозначением номера скважины на тулове под ручкой и клеймом с государственным гербом и соответствующей надписью государственного Управления минеральных вод. Однако популярность этого напитка вызвала многочисленные подделки и подражания как ему самому, так и его тарной упаковке. В частности, с середины XIX в. в бутылки аналогичной формы, но керамические и без соответствующих клейм разливается Рижский бальзам.

В сборах 1996–1997 гг. представлены исключительно бутылки XIX в.: сравнительно узкие, покрытые неблестящей желтовато-коричневой глазурью. Вместе с тем в материалах раскопок А.Д.Грача встречены и бутылки XVIII в. – более приземистые, покрытые блестящей светло-коричневой поливой, с пятном сине-зеленой поливы над клеймом (хранятся в Фонде археологии Государственного музея истории города).

Из шурфов, заложенных во дворе дома 69 по Среднему проспекту Васильевского острова, происходят две целые бутылки. Полностью сохранившаяся бутылка из шурфа 4 была снабжена дважды оттиснутым круглым штемпелем с изображением орла и круговой надписью *°Wiederselters°Nassau*, под которой была расположена надпись *Königlich Preussische Brunnenverwaltung*. Под ручкой оттиснуто клеймо *Num 81*. Бутылка из соседнего шурфа 2 (с отбитым горлышком) внешне абсолютно идентична первой, но снабжена более ранними клеймами (до 1866 г.). Под ручкой – *R Num 78*; спереди на тулове дважды оттиснуто круглое клеймо с изображением нассауского льва и круговой надписью *°Nassau*, ниже в одну строку – *Herzogtum Nassau*. Среди находок из Невской куртины имеется тулово тонкостенной чернолощеной керамической бутылки.

Сравнение петербургской глиняной посуды с керамикой других городов пока затруднительно, но тем не менее возможно высказать некоторые замечания. Хотя в общих чертах развитие керамического комплекса Петербурга довольно сходно, например, с московским, особенно в том, что касается внешнего оформления посуды (синхронное распространение лощения, морения, тех или иных разновидностей поливы), намечается и огромное количество различий: в ассортименте, конкретных формах сосудов (в частности, тех же кувшинов), технологии и сырье. Очевидно, петербургскую керамику корректнее всего было бы сопоставлять прежде всего с керамикой, производившейся в Санкт-Петербургской губернии, а также с продукцией тех центров, откуда она поступала на петербургские рынки. Однако эта работа, как и дальнейшее изучение собственно петербургской керамики, поиск и изучение гончарного производства на территории Санкт-Петербурга – предмет будущих исследований.

Грач А.Д. 1957. Археологические раскопки в Ленинграде: К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.

Рабинович М.Г. 1949. Московская керамика // МИА № 12. М.; Л.

Розенфельдт Р.Л. 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ Е1–39. М.

КЛАДЫ И СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО ПЕТЕРБУРГА

За время существования города при различных земляных работах на его территории было сделано довольно много находок отдельных предметов и целых комплексов.

В настоящей сводке учтено 55 кладов и случайных находок¹, сделанных на территории Большого Петербурга за последние 200 лет. Сведения за более ранний период истории города у нас отсутствуют. Среди находок безусловно преобладают монетные клады (35 монетных + 2 монетно-вещевых), далее по частоте следуют находки оружия (7), находки погребений или скелетов (5)², различные предметы и сооружения. В настоящую сводку включены также отдельные археологизированные архитектурные объекты, отражающие различные этапы политической и градостроительной истории. Также на территории Большого Петербурга были сделаны находки вещей и погребений каменного века. Их рассмотрение — отдельная тема, выходящая за рамки данной работы.

По времени можно выделить три периода выпадения кладов на территории Санкт-Петербурга. Первый период — древнерусский, с ним связаны клад западно-европейских (№ 54) и два клада восточных монет (№ 1 и 50). Все три клада тяготеют, по всей видимости, к средневековому торговому пути, проходившему по Финскому заливу и Неве, и связаны с кратковременными остановками путешественников; во всяком случае на основании этих находок мы не можем говорить о стабильном заселении дельты Невы и прилегающего побережья залива в домонгольское время.

Находок артефактов, относящихся к средним векам, на территории Петербурга сделано не было, за исключением кольчуги, найденной у кинотеатра “Юность” в Новой деревне. На сегодняшний день, она практически единственное археологическое свидетельство шведско-новгородских контактов в этом районе.

Второй крупный всплеск в выпадении кладов произошел во времена шведского владычества — в начале — середине XVII века. В этот период выпадает 13 монетных кладов; в составе которых в основном представлены медные и мелкие серебряные монеты чеканки короля Густава II Адольфа и королевы Кристины. Среди кладов этого времени преобладают небольшие, в пределах 50 монет, но есть и более крупные, число монет в которых измеряется тысячами, а вес достигает нескольких пудов (например, № 19). Самый крупный из них найден в 1915 г. в районе Пороховых. Он был сокрыт в двух дубовых бочках, а общий вес этого клада достигал 13 пудов 20 фунтов (№ 42).

¹ Под случайными находками мы понимаем те артефакты, археологический контекст которых не был зафиксирован.

² В данной работе учитывались только находки человеческих останков, сделанные вне кладбищ и мест захоронений, то есть относящиеся либо к значительно более раннему времени, либо имеющие криминальное происхождение.

Третий период выпадения кладов непосредственно связан с началом строительства города Санкт-Петербурга и жизнью Северной столицы. Самые ранние из них, по всей видимости, могут быть связаны с людьми, переселенными в Петербург, и захватившими с собой свои сбережения. Таковы, может быть, клады, найденные в 1900-е гг. близ Сестрорецка (например, № 28, в состав которого входили в основном копейки Петра I, и кроме них были найдены монеты Ивана III и Ивана IV); клад копеек, найденный в “селении Колпинской волости” в поле (№ 18) или клад, найденный при постройке моста Петра Великого в 1911 г. (№ 33).

К этому же периоду относится и начало создания системы подземных ходов, которые, по всей видимости, функционировали очень недолгое время и были забыты уже к последней четверти прошлого века. Разветвленная сеть подземелий под зданиями на Стрелке Васильевского острова, связывающая здание таможни со зданием Двенадцати Коллегий, в которых были найдены останки людей, кандалы и орудия пыток, и находка человеческих останков и кандалов возле второго пакгауза Таможни, наводят на мысль об очень решительных методах борьбы с контрабандистами или о работе под прикрытием таможни спецслужб.

Еще один подземный ход был обнаружен в начале нашего века воспитанниками Пажеского корпуса. По бытовавшей в Корпусе легенде, он соединял здание Корпуса и Михайловский замок¹.

Сеть подземных ходов, по всей видимости, того же времени была обнаружена и в районе Императорских стеклянных и фарфоровых заводов при их перестройке в конце прошлого века. Один из них шел под садом из дома директора завода и вел к Неве, другой – шел параллельно реке. Оба они не были прослежены находчиками, и в настоящее время либо уничтожены, либо прочно забыты.

Находки оружия на территории Санкт-Петербурга, напротив, можно очень четко разделить на две группы. К первой из них относятся находки легкого оружия и метательные снаряды (ядра), которые по-видимому относятся ко времени Северной войны; ко второй — находки тяжелого стрелкового оружия, служащие свидетельствами обычной российской бесхозяйственности. Только таким образом можно объяснить попадание в землю двух русских пушек, найденных в начале XX в. районе Адмиралтейства (№ 25 и № 43). Этой же причиной можно объяснить находку двух деревянных ящиков с монетами Петра I, во времена которого на территории Сестрорецкого оружейного завода существовал монетный двор (№ 39). С какой целью ящики были зарыты и почему забыты, неизвестно.

Интересная находка была сделана в марте 1902 года в архиве пристава I стана в Стрельне (№ 22). На рассмотрение Археологической комиссии был прислан клинок с гравированной надписью “*Vivat tzaer Peter Alexeius. Solingen. 1710*”, обнаруженный в архиве. Откуда он взялся в архиве, выяснить так и не удалось, но с его обнаружением связана довольно оживленная газетная дискуссия. Была высказана версия, что это меч Петра I. Однако в результате выяснилось, что это обычный кавалерийский палаш, состоявший на вооружении русской армии в конце XVII — начале XVIII в. Палаша такого типа, украшенные именем царя, массово завозились из Германии и отнюдь не являются редкостью; дальнейшая судьба данного экземпляра не известна.

¹ Подробнее см. “Новый Часовой”. 1998. № 6–7. С. 293–296.

Человеческие останки, найденные на территории Петербурга, делятся на три категории. В первую входят погребальные памятники значительно более раннего времени (№ 4 и № 42). Часть из них относится в эпоху неолита и никак не связана с городом. Во вторую категорию входят криминальные захоронения, такие как скелеты, обнаруженные под полом корчмы на Петроградской стороне (№ 34) или жертвы заплечных дел мастеров, останки которых были находимы закованными в кандалы в заброшенных подземных ходах. К третьей категории можно отнести городские кладбища. С ростом территории города старые более нефункционирующие кладбища забрасываются, их места забываются или они преднамеренно включаются в черту городской застройки. Такова судьба некрополей Ниена, мест захоронения первых строителей Петербурга, одно из которых находилось на месте нынешней Дворцовой площади, и кладбищ пригородных деревень, вошедших в черту города (например, на месте жилых домов возле ж/д платформы “Проспект Славы”). Примером кладбища, вошедшего в городскую застройку, может служить Митрофаньевское или Малоохтинское кладбища. Практически все старые кладбища, включая и функционирующие ныне (например, в Александро-Невской Лавре), являются объектами грабительских раскопок. В траншее на месте разрушенного в годы Блокады здания, стоявшего на территории современного хлебозавода АО “Хлеб”, были найдены панцирная сетка от кровати, остатки бытовых предметов и останки ребенка.

Среди находок, сделанных на территории Петербурга, есть и совсем загадочные. Кому и зачем понадобилось высыпать в Неву в районе Зимнего Дворца 90 пудов олова в слитках теперь, наверное, навсегда останется загадкой.

Формирование культурного слоя города наглядно иллюстрирует находка в Царском Селе при устройстве канализации закладного камня, сообщающего о строительстве церкви “во имя Святого Великого князя и равноапостольного Константина” в 1783 г. (№ 24). По какой-то причине строительство дальше закладного камня не продвинулось, а находка закладного камня в начале XX в. вызвала удивление, рассеянное лишь после обращения к епархиальным архивам.

Чисто вещевые клады на территории Петербурга связаны практически исключительно с событиями 1917–20-х гг.; в данной сводке они не учтены и не рассматриваются.

1797 г.

1. В 1797 г. на Васильевском острове, в Галерной гавани, был найден клад, включавший сосуд с восточными монетами, одна из которых датирована 780 г. Точное местонахождение не известно¹.

1827 г.

2. В 1817 г. на территории Царскосельского дворцового ведомства было обнаружено 36 шведских серебряных монет 1660 – 1690 гг.²

1839 г.

3. В 1839 г. при строительстве Пулковской обсерватории был найден клад шведских медных монет, всего 880 экз. Из них 850 экз. в 1 эре, среди монет — чеканенные в 1629 г. Остальные монеты меньшего диаметра — очевидно, в 1/2 и 1/4 эре. Клад возвращен находчиком³.

¹ Марков А.К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.

² АГЭ, опись I, 1804 г., д. 5, л. 9.

³ АИИМК, ф. 6, д. 63.

1869 г.

4. Летом, во время маневров войск Петербургского военного округа возле Красного села, при рытье рва для постройки батареи на невысоком холме было найдено множество костей и черепов, медные кольца, топор с узким лезвием и плохо сохранившийся нож с костяной ручкой. "Найденные черепа имели все признаки черепов монгольской расы". Вещи были переданы в музей вел. кн. Николая Николаевича¹.

1871 г.

5. В 1871 г. крестьянин Федор Степанов при чистке канав на артиллерийском плаце Охтенского порохового завода нашел клад из 460 монет, круглой бляхи, серег и медной трубки. В Эрмитаж были переданы 2 немецких талера — Вильгельма Брауншвейг-Люнебургского 1622 г. и Августа Ратценбургского 1635 г. и 2 шведские монеты 1626 и 1644 гг.².

1873 г.

6. Новодеревенское полицейское управление Санкт-Петербургской пригородной полиции 11 сентября 1873 года направило в Археологическую комиссию 28 монет, прося их оценить и предоставить оценочную стоимость в полицейское управление. Состав и происхождение монет не указаны. Оценочная стоимость составила 75 коп.³.

7. Департамент водных и шоссейных дорог Министерства Путей Сообщения сообщил о находке при расчистке dna Малой Невы 13 медных монет, шпаги, ружейного ствола и картечи⁴.

5 коп. 1766 г. — 1 экз.;

5 коп. 1770 г. — 1 экз.;

5 коп. 1776 г. — 1 экз.;

5 коп. 1780 г. — 1 экз.;

5 коп. 1800 г. — 1 экз.;

5 коп. 1803 г. — 1 экз.;

2 коп. 1801 г. — 1 экз.;

2 коп. 1812 г. — 1 экз.;

2 коп. 1813 г. — 1 экз.;

3 коп. 1843 г. — 1 экз.

1878 г.

8. В 1878 г. при обработке земли в 2 верстах от Гатчины были найдены 3 шведских монеты в 2 далера 1671 г.⁵.

1882 г.

9. Канцелярия Санкт-Петербургского градоначальника при отношении от 7 сентября 1884 г. за № 30.536 доставила в Археологическую комиссию 11 серебряных и 61 медную монеты, найденные в Санкт-Петербурге. Место и обстоятельства находки не указаны⁶.
10. Канцелярия Санкт-Петербургского градоначальника при отношении от 7 сентября 1884 г. за № 30.539 доставила в Археологическую комиссию 3 серебряных монеты, найденные в Санкт-Петербурге. Место и обстоятельства находки не указаны. Монеты возвращены в канцелярию⁷.
11. Канцелярия Санкт-Петербургского градоначальника при отношении от 25 сентября 1884 г. за № 32.736 доставила в Археологическую комиссию 4 медные монеты, принадлежащие солдатке Павловой, проживающей в Санкт-Петербурге. Монеты, достоинство которых не указано, возвращены владелице⁸.

¹ Савельев А.И. О насыпях и кургане в Петербургской губернии // Изв. РАО, т. VIII. 1877. Стб. 58–59.

² ГЭ, опись V, 1871 г., д. 13, л. 27–37.

³ АИИМК, ф. 1, 1873, д. 4, л. 13.

⁴ АИИМК, ф. 1, 1873, д. 4, л. 26.

⁵ АГЭ, опись V, 1878, д. 7, л. 5–7.

⁶ АИИМК, ф. 1, 1884, д. 51, л. 75.

⁷ АИИМК, ф. 1, 1884, д. 51, л. 76.

⁸ АИИМК, ф. 1, 1884, д. 51, л. 81.

12. Канцелярия Санкт-Петербургского градоначальника доставила в Археологическую комиссию серебряные и медные монеты неизвестного достоинства, найденные в Санкт-Петербурге. Место находки и обстоятельства не указаны. Монеты, как не представляющие научной ценности, возвращены в канцелярию¹.
13. 16 октября 1884 г. при прокладке подземных водопроводных труб в здании Санкт-Петербургской Портовой таможни в подземном туннеле были найдены человеческие кости и цепи. Во времена царствования Петра I в этой местности находилось здание секретной канцелярии, из которого подземные ходы шли по всей местности, занимаемой ныне Портовой таможней, Биржевым сквером и шли в Университет (в здание Двенадцати коллегий). "Еще в 1876 году при прокладке труб были находимы своды, ходы, комнаты, в которых закованные в цепи скелеты и некоторые орудия пыток. Все было отправлено в музей". (Какой — не указано)².
- 1892 г.
14. В октябре 1892 г. в Археологическую комиссию обратилась домовладелица дома № 27 по Большому Сампсониевскому проспекту с просьбой осмотреть каменные надгробные плиты, найденные при снятии грунта близ церкви св. Сампсония. Плиты осмотрел А.А.Спицын. Он установил, что это обломки могильных плит середины XVIII в., надписи на которых в основном немецкие. Плиты переданы владелицей безвозмездно в Археологическую комиссию, которая предложила их Смоленскому лютеранскому кладбищу. Смоленское кладбище не нашло возможности для хранения надгробий, которые и были уничтожены в августе 1901 г.³
- 1894 г.
15. 5 сентября 1894 г. у перестраивающегося здания второго пакгауза Таможни напротив Биржевого моста на углу Екатерининского канала и Демидова переулка на глубине ок. 2 арш. крестьянин Ф.Михайлов нашел 3 черепа, 8 костей и железные ручные и ножные кандалы. Черепа отправлены в Антропологический кабинет Санкт-Петербургского Университета, кандалы хранились при Таможне⁴.
- 1896 г.
16. Крестьяне А.Сидоров и Я.Ковалев при рытье ямы для люка во дворе дома № 50 по реке Пряжке нашли горшок с 69 медными монетами чеканки 1777, 1797, 1798 и 1803 г. Из них были определены:
5 коп. Екатерины II	1 коп. Павла I
2 коп. Павла I	5 коп. Александра I ⁵ .
17. 22 июня Губернское правление препроводило в Археологическую комиссию "сто тридцать девять экземпляров мелкой серебряной монеты", найденные "крестьянкой Прасковьей Романовой в селении Сестрорецк". Клад, определенный в Эрмитаже, состоял из денег и копеек Ивана III и Ивана IV⁶.
- 1897 г.
18. Санкт-Петербургское губернское правление препроводило в Археологическую комиссию на рассмотрение "найденные крестьянином Андреем Евстафиевым в селении Колпинской волости, в поле, 714 монет". Вес клада составил 44 золотника 60 долей; он был отправлен на определение в Эрмитаж. Определение сделано А.К.Марковым: клад копеек Петра Великого. За него уплачено 10 руб., на хранение он отправлен в Археологический институт, где, кроме 714 петровских копеек, в составе клада была обнаружена "одна восточная монета"⁷.

¹ АИИМК, ф. 1, 1884, д. 45, л. 1; 3; 5

² АИИМК, ф. 1, 1884, д. 45, л. 16.

³ АИИМК, ф. 1, 1892, д. 186.

⁴ АИИМК, ф. 1, 1894, д. 159, л. 2.

⁵ АИИМК, ф. 1, 1896, д. 221, л. 1-2.

⁶ АИИМК, ф. 1, 1896, д. 122.

⁷ АИИМК, ф. 1, 1897, д. 155.

1900 г.

19. 28 сентября 1900 г. крестьянин Вас. Анисимов доставил в участок клад медных монет весом в 1 пуд 37 фунтов (после просушки вес клада составил 1 пуд 31 фунт), найденный им при вспахивании огорода дачи № 2 по Царскосельской железной дороге. Клад был отправлен Археологической комиссией для определения в Эрмитаж, определение А.К.Маркова. Клад состоял из монет достоинством в 1 и 1/4 зре шведского короля Густава II Адольфа и королевы Кристины. Монеты были отчеканены между 1627 и 1653 гг. Клад, как не представляющий нумизматической ценности, возвращен Эрмитажем в Археологическую комиссию, а той – находчику¹.

1901 г.

20. 16 августа 1901 г. сыскная полиция Санкт-Петербурга прислала для определения и оценки в Археологическую комиссию старинную серебряную монету, место и обстоятельства находки которой не сообщались. Монета была передана для определения в Эрмитаж А.К.Маркову, который атрибутировал ее как поддельную медаль Дмитрия Самозванца. Как не имеющая художественной и исторической ценности, медаль была возвращена Археологической комиссией в сыскную полицию².

1902 г.

21. В марте 1902 г. на рассмотрение Археологической комиссии приставом I стана был доставлен клинок с гравированной надписью, обнаруженный в архиве пристава в Стрельне. С присылкой связаны сообщения в газете “Биржевые ведомости” №№ 183 и 185 за июнь 1902 г., где высказывалось предположение, что это меч Петра I. Присланное оружие оказалось кавалерийским палашом, бывшим в употреблении с 1680 г. по 1720 г. Палаш был произведен в Германии, в Золингене. Оружие этого типа массово ввозилось в Россию. Представленный экземпляр был украшен грубой гравировкой — двуглавым орлом и надписью “*Vivat tzaer Peter Alexeius. Solingen. 1710*”. Происхождение палаша в архиве пристава осталось не выясненным. Палаш редкостью не являлся, и его дальнейшая судьба не известна³.

1904 г.

22. В мае 1904 г. крестьянин дер. Редикюль Захар Тигоне нашел 69 шведских монет. Медные монеты были направлены на рассмотрение в Археологическую комиссию, которая передала их для определения А.К.Маркову. Клад состоял из монет королевы Кристины:

Клад возвращен находчику как не имеющий научной ценности⁴.

1 зре 1638 г. – 5 экз.;

1 зре 1645 г. – 14 экз.;

1 зре 1639 г. – 2 экз.;

1 зре 1646 г. – 19 экз.;

1 зре 1640 г. – 10 экз.;

1 зре 1647 г. – 3 экз.;

1 зре 1644 г. – 5 экз.;

1 зре год стерт – 11 экз.

23. 1905 г.

16 сентября 1905 г. во дворе Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербурге при земляных работах была найдена “громкая пушка петровского времени”⁵.

24. В Царском Селе 10 июля рабочие при устройстве канализации, при прокладке труб в Софийской части города, по Артиллерийской ул. между Кадетским бульваром и Софийской ул., против бань Кирасирского Его Императорского Величества полка, на глубине около 1.5 арш. от поверхности земли открыли фундамент. При нем был каменный ящик в виде куба величиной 0.75 арш. с пирамидальной крышкой вершка в 2 высоты, на которой надпись:

¹ АИИМК, ф. 1, 1900, д. 224.

² АИИМК, ф. 1, 1901, д. 193.

³ АИИМК, ф. 1, 1902, д. 53; “Биржевые ведомости” № 183 и 185 за 1902 г.

⁴ АИИМК, ф. 1, 1901, д. 193.

⁵ “Биржевые ведомости”, № 475 17.09.1905; ИАК, прибавл. к вып. 14. СПб., 1905. С. 36.

Сия церковь
Во имя Святого Великого князя и равноапостольного Константина
Заложена
Санкт-Петербургской губернии в городе Софии
Июля 11 дня
В лето от создания мира ????, от Р.Х. 1783
Царствования же благочестивейшей Самодержавнейшей Великой
Государыни Императрицы Всероссийской
Екатерины Второй¹.

1907 г.

25. 1 мая 1907 г. при производстве земляных работ при доме г.Голунова на Калашниковском проспекте, на месте деревянных магазинов, на глубине около 2 саж. землекопы наткнулись на массу шведских медных монет, "а углубившись немного более, они наткнулись на громадные деревья с сучьями". Были ли определены найденные монеты и какова их дальнейшая судьба, не известно².

1908 г.

26. Стол находок Санкт-Петербургской сыскной полиции препроводил в Археологическую комиссию 80 серебряных русских монет для определения. Монеты были найдены в лесу близ Сестрорецка крестьянином при корчевке леса. Клад был определен А.К.Марковым: Клад, как не имеющий нумизматической ценности, возвращен полицией находчику³.
Деньга Ивана III – 1 экз. Деньга Ивана IV – 2 экз.
1 копейка Петра I – 75 экз. Алтын 1704 г. – 1 экз.
Гривенник 1704 г. – 1 экз.

27. В местности, занимаемой Императорским фарфоровым и стеклянным заводом, в саду директора, найден подземный ход, который разделяется на 3 части. Одна идет параллельно шоссе, вторая – к заводу, а третья – к Неве. Завод был основан при Елизавете Петровне в 1756 г., очевидно, подземный ход относится примерно к этому же времени⁴.

1909 г.

28. 28 медных русских пятаков 1758–1792 гг. были найдены в Санкт-Петербурге, по Таврической улице, на глубине около 2 арш., при прокладке канализационной трубы⁵.

1910 г.

29. Во время проведения земляных работ по сооружению коллектора в местности, примыкающей к Калашниковскому берегу Невы найдено много старинных монет, подков и других металлических предметов. Монеты определены не были⁶.
30. 26 мая 1910 г. рабочие при земляных работах во дворе дома № 11-9 по 7-й Рождественской ул. нашли массивный котел красной меди, на $\frac{3}{4}$ заполненный монетами. Всего монет было 178 шт., по всей видимости, определены они не были⁷.

¹ ИАК, прибавл. к вып. 14. СПб., 1905. С. 36-37.

² Петербургская газета. № 118 02.05.1907; ИАК, прибавл. к вып. 22. СПб., 1907. С. 22.

³ АИИМК, ф. 1, 1908, д. 62.

⁴ ИАК, прибавл. к вып. 26. СПб., 1908. С. 45–46.

⁵ ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913. С. 196.

⁶ "Новое время" № 12304 12.09.1910; "Ведомости Санкт-Петербургского градоначальника" № 195 12.09. 1910; ИАК, прибавл. к вып. 34. СПб., 1910. С. 124.

⁷ "Свет" № 139 29.05.1910; "Новое время" № 12287 28.05.1910; "Всеобщая газета" № 255 28.05.1910; "Копейка" № 665 28.05.1910; "Санкт-Петербургские ведомости" № 119 29.05. 1910; "Колокол" №1256 29.05.1910; "Россия" №1286 28.05.1910; "Петербургский листок" № 144 28.05.1910; ИАК, прибавл. к вып. 37. СПб., 1910. С. 176.

1911 г.

31. При постройке моста им. Петра Великого при земляных работах была найдена кубышка с серебряными и бронзовыми монетами, как русскими, так и "иностранными". Позднее было найдено еще около 200 монет времени Петра I, штык и "другие вещи прошлых столетий". Всего клад содержал более 600 монет. Клад был распродан¹.
32. На углу Кронверкской ул. и Церковной ул. Петроградской стороны во дворе дома № 17 при возведении вместо старого деревянного дома нового, при рытье котлована на глубине 2–2.5 арш. было найдено около 20 человеческих скелетов, медные кресты и монеты. Старый дом относился к петровскому времени. Было высказано два предположения:
это солдаты времен войны со Швецией;
это жертвы ограбления.
"В стоявшей здесь корчме ограбленные постояльцы находили вечный приют под полом. Корчма была обнаружена и закрыта полицией". Жертвы были перезахоронены, "деньги и кресты переданы в музей" (Какой – не известно)².
33. 706 русских серебряных монет XVI века (от Иоанна IV до Бориса Годунова) было найдено в трактире "Стрелка" в доме № 2–11 по 10-й Рождественской ул. Монеты как не имеющие нумизматической ценности возвращены находчику³.
34. В кессоне, при постройке ж/д моста через Неву, на глубине 5.6 саж. от уровня воды, был найден клинок шпаги длиной около 14 вершков. Шпага, по всей вероятности, шведская, датирована XVII–XVIII вв., передана на хранение в Артиллерийский музей⁴.
35. На земле крестьян села Ржевки, арендуемой Охтенским заводом взрывчатых веществ, на левом берегу реки Охты, при рытье канавы были найдены 240 шведских монет, завязанных в истлевшую тряпку. Медные монеты по 1/4 эре королевы Кристины, датируемые 1633–1653 гг., как не представляющие нумизматической ценности возвращены находчикам⁵.

1912 г.

36. При устройстве фундамента одного из устоев моста Петра Великого в реке Неве на левом ее берегу было найдено 6 чугунных ядер диаметром 5–5.5 дюйма. Находка передана в Артиллерийский музей⁶.

1913 г.

37. В Сестрорецке 18 июля 1913 г., в казенном заводе, найден клад. На территории оружейного завода во время строительных работ, при выемке грунта для строительства новых корпусов, найден клад монет императора Петра I, во времена которого существовал Сестрорецкий монетный двор. Клад содержался в двух деревянных ящиках, его состав не сообщается. Клад должен был храниться в заводском музее⁷.

¹ "Свет" № 216 19.08.1911; "Всеобщая газета" № 336 18.08.1911; "Копейка" № 746 18.08.1911; ИАК, прибавл. к вып. 39. СПб., 1911. С. 130.

² "Русские ведомости" № 172 26.06.1911; "Новое время" № 12667 18.06.1911; "Новое время" № 12669 21.06.1911; "Русское чтение" № 132 20.06.1911; "Раннее утро" № 141 21.06.1911; "Санкт-Петербургские ведомости" № 137 22.06.1911; "Петербургский листок" № 166 20.06.1911; ИАК, прибавл. к вып. 42. СПб., 1911. С. 124–125.

³ ОАК за 1911 г. Пг., 1914. С. 72.

⁴ ОАК за 1911 г. Пг., 1914. С. 72.

⁵ ОАК за 1912 г. Пг., 1916. С. 78.

⁶ ОАК за 1911 г. Пг., 1914. С. 73.

⁷ "Биржевые ведомости" № 13050 20.07.1913; "Колокол" № 1885 21.07.1913; "Русское чтение" № 161 24.07.1913; "Сельский вестник" № 165 26.07.1913; "Голос Москвы" № 168 21.07.1913; "Свет" № 193 23.07.1913; "Санкт-Петербургские ведомости" № 164 21.07.1913; "Раннее утро" № 168 21.07.1913; ИАК, прибавл. к вып. 48. СПб., 1913. С. 143.

38. На станции Раздельная Приморской ж/д по дороге к Лисьему Носу, при производстве земляных работ при строительстве ряда дач 27 июля был открыт клад монет времен Петра I и Екатерины II, всего около 300 монет¹.

1914 г.

39. При сносе старого здания Сального буяна на левом берегу Невы, против Балтийского судостроительного завода, помешавшегося на отдельном острове, соединенном мостами с Корабельной набережной и Лощманской ул., при разборке одного из углов фундамента был найден железный ящик, наполненный золотыми и серебряными монетами. Общая стоимость клада достигала 10 000 руб. Монетный состав клада не указывается².
40. В Сестрорецке, во время проведения земляных работ по постройке нового здания на территории Оружейного завода, на глубине 1.5 арш. был найден человеческий череп. Череп был определен С.С.Гамченко как принадлежавший женщине 40–50 лет, жившей в эпоху неолита, “видимо, желтой расы”³.
41. При производстве земляных работ по прокладке канализации на Адмиралтейской наб. напротив Черноморского переулка на глубине 1.5 арш. рабочие наткнулись на чугунную пушку. Пушка имела длину 1.75 арш, изготовлена из литого чугуна, на ее поверхности видны литые изображения якоря, молотка и лаврового венка и дата “1711”; под ней надпись “Olonez”, у жерла резная надпись “185” и дата “1835”. Вес пушки более 15 пудов⁴.

1915 г.

42. В селении Пороховые по II линии (угол II линии и Жеребьяческого пр., д. 22) во время проведения земляных работ при постройке пожарного депо, на глубине немногим более 1 арш. были найдены две дубовые бочки, в которых содержалось 13 пудов 20 фунтов медных монет первой половины XVII в. Монеты принадлежали шведским правителям Густаву Адольфу и Кристине; как не имеющие нумизматической ценности возвращены Археологической комиссией находчикам⁵.

1916 г.

43. А.С.Раевский в местности, “примыкающей к Дудергофу”, случайно нашел большой новгородский каменный крест, относящийся к концу XIII – XIV в. Дальнейшая судьба находки не известна⁶.

1917 г.

44. При работах по постройке Дворцового моста было найдено значительное количество монет – медных, серебряных и даже золотых. Монеты относятся к “последним царствованиям”, золотые – в основном ко времени Екатерины II. Под берегом Невы со стороны Дворцового въезда найдено почти 90 пудов олова в слитках-пластинах. Водолазы со стороны Дворцового въезда обнаружили свайное сооружение, укреплявшее набережную и берег⁷.

¹ “Биржевые ведомости” № 13062 27.07.1913; “Земщина” № 1057 28.07.1913; “Санкт-Петербургские ведомости” № 170 28.07.1913; ИАК, прибавл. к вып. 48. СПб., 1913. С. 143.

² “Биржевые ведомости” № 14091 09.04.1914; “Петербургская газета” № 95 09.04.1914; “Санкт-Петербургские ведомости” № 79 10.04.1914; ИАК, прибавл. к вып. 56. СПб., 1914. С. 117.

³ “Ведомости Санкт-Петербургского градоначальника” № 110 24.05.1914; ИАК, прибавл. к вып. 56. СПб., 1914. С. 120–121.

⁴ “Новое время” № 13437 09.08.1914; “Россия” № 2372 09.08.1914; “Русское чтиво” № 170 10.08.1914; “Современное слово” № 2005 08.08.1914; “Русская молва” № 036 09.08.1914; “Свет” № 209 10.08.1914; “Русское слово” № 183 09.08.1914; “День” № 212 09.08.1914; “Санкт-Петербургские ведомости” № 164 21.07.1913; “Раннее утро” № 168 21.07.1913; ИАК, прибавл. к вып. 48. СПб., 1913. С. 143.

⁵ “Биржевые ведомости” № 14883 04.06.1915; “Новое время” № 14091 04.06.1915; “Вечернее время” № 1136 03.06.1915; “Петроградские ведомости” № 122 04.06.1915; ИАК, прибавл. к вып. 58. Пг., 1915. С. 73; ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 181.

⁶ “Петроградский листок” № 258 18.09.1916; “Колокол” № 2808 19.09.1916; “Петроградский курьер” № 594 18.09.1916; “Земщина” № 2138 19.09.1916; ИАК, прибавл. к вып. 59. Пг., 1916. С. 34–35.

⁷ “Земщина” 31.12.1917. № 333; “Копейка” № 3043 30.12.1917; “Русское чтиво” № 276 30.12.1917; ИАК, прибавл. к вып. 64. Пг., 1917. С. 50–51.

1926 г.

45. Летом 1926 г. на территории Пулковской обсерватории был найден клад из нескольких западноевропейских монет, среди которых 1/4 эре 1534 и 1535 гг.¹

1936 г.

46. В 1936 г. в Пулково был найден клад из 1471 экз. русских монет и копеек (денингов) датского короля Кристиана IV, а также 40 западноевропейских талеров и полуталеров. Среди последних шведский далер королевы Кристины 1645 г.²

1941 г.

47. В Петродворце найден клад арабских серебряных монет IX в. Точное местонахождение не известно³.

1961 г.

48. В мае 1961 г. примерно в 0.5 км на запад от Пулкова, на склоне холма, при выкладке земли из котлована, вырытого экскаватором, был найден клад талеров. Находчики сдали в Эрмитаж 5 монет.⁴

Бавария, курфюрст Максимилиан (1597–1651 гг.), талер 1623 г.

Зальцбург, архиепископ Парис граф Лодрон (1619–1653 гг.), талер 1621 г.

Нидерланды, пров. Гельдерн, риксдалер 1651 г.

Нидерланды, пров. Голландия, риксдалер 1650 г.

Польша, Сигизмунд II (1587–1632 гг.), талер 1631 г.

49. В Ленинграде в 1961 г. был найден клад из 1184 медных шведских монет (1/4 эре) короля Густава II Адольфа и королевы Кристины:⁵

1629 г. – 2 экз.;	1636 (?) г. – 5 экз.;	1642 г. – 30 экз.;
1633 г. – 8 экз.;	1637 г. – 130 экз.;	1644 г. – 5 экз.;
1634 г. – 177 экз.;	1638 г. – 72 экз.;	1645 г. – 7 экз.;
1635 г. – 250 экз.;	163.? г. – 43 экз.;	164.? г. – 12 экз.;
1636 г. – 171 экз.;	1640 г. – 6 экз.;	год стерт – 225 экз.
	1641 г. – 41 экз.;	

50. В Новой деревне, у кинотеатра "Юность" была найдена средневековая кольчуга. Точное место находки не известно.

1962 г.

51. В 1962 г. в Пулково был найден клад из 77 шведских медных монет в I эре короля Густава II Адольфа:⁶

1627 г. – 8 экз.;

1628 г. – 20 экз.;

1629 г. – 20 экз.;

1630 г. – 5 экз.;

год стерт – 24 экз.

52. В Мартышкино был найден клад из 107 западноевропейских серебряных монет, который был сокрыт около 1070 – 1075 г. Точное местонахождение не известно⁷.

53. В 1980-х гг. при прокладке траншей у д. 15 по Разъезжей улице было найдено несколько сот красноглиняных курительных трубок XVIII в. Находятся в фонде археологии ГМИ СПб.⁸

¹ Р.Р.Фасмер. Список монетных находок. // Сообщ. ГАИМК. Т. II. Л. 1929. С. 317. № 141.

² Потин В.М. Пулковский клад. С. 56; ГЭ, кн. пост. 583, № 494.

³ Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984.

⁴ Потин В.М. Пулковский клад. С. 56; ГЭ, кн. пост. 583, № 494

⁵ ГЭ, кн. пост. 583, № 1270

⁶ ГЭ, кн. пост. 583, № 1270

⁷ Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа, т. IX. Л., 1967.

⁸ Любезное сообщение Н.М.Зурабян.

Н.М.Зурабян (Санкт-Петербург)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА НИКОЛЬСКОМ РЫНКЕ¹

Фонд археологии Государственного музея истории Санкт-Петербурга включает в себя большую коллекцию материалов по городской археологии XVIII – XIX веков, начало которой было положено А.Д.Грачом, передавшим на хранение материалы раскопок 1952 года на Стрелке Васильевского острова, в Таможенном переулке. В последнее время собрание “поздней археологии” Музея города значительно пополнилось за счет находок на территории Петропавловской крепости, где идут реставрационные работы (здесь проводится постоянный археологический надзор); поступает также подъемный материал, обнаруженный при земляных работах в историческом центре города. В 1997 году были начаты целенаправленные археологические раскопки, одной из задач которых стало пополнение коллекций музея. Они проводились на Никольском рынке (Садовая ул., 62).

Никольский рынок — памятник архитектуры, охраняемый государством, возводился в 1788–1789 годах по указу Екатерины II, как один из первых частных рынков, построенных по специально разработанному проекту, соответствовавшему новым правилам о строении лавок и рынков, предусмотренным новым полицейским уставом, Уставом Благочиния. После революции рынок был упразднен.

Археологические исследования были проведены здесь с 30 августа по 15 октября 1997 года. Основная цель работ — установление места расположения часовни, сведения о существовании которой на рынке были не точны; имелось только одно обозначение ее на плане Санкт-Петербурга, составленном в 1828 г. военным инженером Шубертом². Необходимо было также исследовать культурный слой, установить величину его мощности, стратиграфию напластований и глубину залегания материка.

Гидрогеологическое строение этой местности обусловлено высоким уровнем расположения грунтовых вод (от 1,0 до 3,9 м), находящимся в тесной связи с горизонтом воды в Крюковом канале и Фонтанке, формирующимся под воздействием атмосферных осадков³. В естественных условиях уровень грунтовых вод находился бы у поверхности земли, но он понижен за счет техногенной компенсации (асфальт, наличие набережных, инженерных сетей и т.д.). По своим инженерно-технологическим условиям данная территория характеризуется как наиболее сложная и неблагоприятная

¹ Зурабян Н.М. Отчет об археологических раскопках на Никольском рынке в 1997 году. — Хранится в научном архиве ГМИ СПб и в КГИОП.

² План хранится в фондах ГМИ СПб.

³ По материалам “Отчета об инженерно-геологическом и гидрологическом картировании территории города Ленинграда”, ч. 2, составленным ПГО “Севзапгеология”, приведенным в “Концепции градостроительного развития территории Никольского и Щепяного рынков”, т.1, СПб. 1992 г., с.48–58. (Хранится в администрации Инвестиционного агентства АО “Никольский рынок”)

для строительства и проведения земляных работ. Траншеи и шурфы, заложенные на глубину более 1,5 м, особенно в осеннее и весеннее время, тотчас заполняются водой, что полностью подтвердилось в ходе проведения археологических раскопок 1997 г.

Первая археологическая находка была обнаружена на Никольском рынке весной 1997 г. Рабочие, прокладывая траншею у северной стены дворового фасада, нашли на глубине 1,5 м деревянный четырехугольный сруб, сложенный в четыре венца из четырехугольных строганных бревен, оказавшийся накопительным колодцем. Такие колодцы с затворами сооружались купцами в конце XIX в., напротив своих лавок, с целью защитить их от наводнения (Город С.-Петербург... 1887: 391). В отвале найдены также деревянный желоб, фрагменты печного изразца с синей кобальтовой росписью на белом фоне и чернолощеного глиняного сосуда, характерных для XVIII в. О находках администрация Инвестиционного агентства АО «Никольский рынок» сообщила в Государственный музей истории Санкт-Петербурга, по инициативе сотрудников которого сразу же было решено провести археологические раскопки.

Место для раскопа размером 3×3 метра было выбрано в центре небольшого сквера — единственного незаасфальтированного участка, расположенного посередине двора Никольского рынка.

Раскопки проводились по пластам. Они обозначены на схеме восточной стены раскопа по линии квадратов А 3–4–5, там, где был заложен шурф. Учитывались также пласты, приуроченные к фундаменту часовни.

Пласт 1 — мощность 44 см. После снятия слоя дерна, на глубине 20 см, в квадрате А-1 была зафиксирована часть цементной плиты округлой формы, высота ее составила 30 см. Как было выяснено в ходе дальнейших раскопок, это — часть фонтана, сооруженного, вероятно, уже в XX веке. Основание его, углубленное в землю на 1,5 м, было сложено из крупных булыжников. Пласт состоял из пылеватого песка, в котором находились обломки кирпича, куски плоских керамических плиток и известнякового бута, фрагменты кухонной керамики из красной глины с поливой внутри и обварной, белой фаянсовой посуды.

Пласт 2 — мощность 30 см — песок с примесью битого кирпича и известняковых плит (толщина их 5–7 см). Помимо фрагментов обычных поздних вещей, связанных с XX в., здесь сразу же стали встречаться находки, которые можно датировать концом XVIII в. — это изразцы с синей подглазурной кобальтовой росписью, красноглиняная керамика с поливой внутри; чернолощенная керамика, орнаментированная продольными полосами и фрагмент расписного фарфорового чайника (часть носика). Этот маленький кусочек фарфора был покрыт тщательно выполненным рисунком, изображающим жанровую сцену на фоне архитектурного пейзажа с островерхими крышами. По характеру сюжета росписи и по качеству черепка (твердая, белоснежная масса) его можно отнести к образцам продукции западноевропейских мастеров. Что же касается вышеупомянутых изразцов, то они часто встречаются не только на Никольском рынке, но и вообще повсеместно в черте исторического центра города. Производство таких плиток было налажено в Петербурге еще при Петре I (Калязина, Дорофеева, Михайлов 1986: 96) на манер белоглиняного голландского кафеля. Русские изразцы были красноглиняными, так как тогда еще не нашли подходящего сырья; они также не отличались качеством прорисовки орнамента. На рынке был найден только один небольшой фрагмент настоящего голландского изразца с изображением человека в шляпе. В начале XVIII в. плитками отделяли не только печи, но и стены жилых помещений, например, в Меншиковском дворце. В конце XVIII и начале XIX в. их, как правило, применяли только для печного декора. Печи имели сложную архитектурную форму, так называемую «барочную», в зависимости от которой изготавливались и ее детали: изразцы-валики, уголки, полуколонны, рамочные и плоские

плитки (Исследование... 1989). Со временем изменяется и орнаментация кафеля с синей росписью: ранние образцы отличались разнообразием сюжетов — это и архитектурный пейзаж, и восточные мотивы, и жанровые сцены; в поздних остается лишь растительный орнамент, заполняющий только небольшую часть белого фона плитки. Именно такие, поздние варианты изразцов, найдены при раскопках на Никольском рынке. В этом же пласте, как и в последующих, примерно в одинаковой пропорции, часто попадались кости животных, в основном — мелкого рогатого скота, свиньи и курицы. Интересно, что несколько раз были обнаружены раковины устриц.

Пласт 3 — мощность 35 см. Состоял из песка (30%), глины (60%), битого кирпича и мелких камней (10%). Именно при снятии этого слоя в квадрате В-3, по вертикальной отметке — 1,08 м, была впервые зафиксирована одна из плит фундамента искомой часовни, сооруженного из плоских известняковых плит (так называемого бута) различной конфигурации, но одинакового четырехугольного сечения. Плиты были плотно пригнаны друг к другу и залиты известняковым раствором, швов между отдельными блоками почти не было заметно. В дальнейшем расчистка производилась по фундаменту. Выяснилось, что фундамент был сколот ступенями и в квадрате В-3 находилась самая высокая оставшаяся его часть. В этом же квадрате вскоре был расчищен и один из четырех, закругленных (или срезанных в виде небольшой грани) углов этой постройки. Над фундаментом была обнаружена медная копейка времени Александра I, а при зачистке стенки раскопа в квадрате Б-3 — медная трехкопеечная монета, вероятно, 1840-х годов¹. Кроме того здесь найдены изразцы с синей росписью, фрагменты стеклянных штофов и кухонной красноглиняной и сероглиняной чернолощенной керамики, фаянсовой посуды, стебли белоглиняных голландских курительных трубок, несколько мелких кремневых отщепов с обработанными сколами краями (вероятно, их использовали для каких-то хозяйственных нужд, например, для обработки шкур — на рынке производился забой скота) и др. Непосредственно к фундаменту примыкал 20-сантиметровый слой, состоящий из крупнозернистого песка, битого кирпича, щебня и булыжника (находок в нем не было).

После расчистки части фундамента в пределах первоначального раскопа было решено выяснить его высоту и глубину расположения материка. Для этого в квадратах А1-3 и Б1-3 заложили шурф, на восточной стенке которого была зафиксирована стратиграфия данного раскопа.

Пласт 4 — мощность 22 см. Состоял из глины и крупнозернистого песка. Находок в нем не обнаружено.

Пласт 5 — мощность 45 см (был исследован только в шурфе). Состоял из темно-коричевого гумуса с вкраплениями глины. Земля здесь была просто насыщена находками XVIII в.; благодаря большому содержанию влаги хорошо сохранилась “органика” — части кожаной обуви, береста, куски войлока. Редкостью являются почти целиком сохранившиеся стеклянные предметы — рюмка с гравированным орнаментом, имеющая характерное для петербургского производства конца XVIII в. тяжелое дно, внутри которого видны пузырьки, и маленькая стеклянная вазочка, возможно, флакон для духов. Керамика представлена здесь во всем ее многообразии: круглая ручка глазурованного красноглиняного соусника; крышка белоглиняная, покрытая прозрачной глазурью с коричневыми пятнами и др. Часто встречались

¹ Даты монет определены хранителем фонда нумизматики ГМИ СПб К.В. Карасевым.

фрагменты красноглиняной посуды: с ярко-зеленой поливой; покрытой с двух сторон белым ангобом и орнаментированная зеленой глазурированной полосой; грубой и тонкостенной, покрытой коричневой глазурью. Здесь же найдены фрагменты бутылки для сельтерской воды, с клеймом в черной обводке, производство — Германия, Вестервальд, конец XVIII в. (Brinkmann 1982: 33), а также голландские белоглиняные курительные трубки, имеющие дополнительные боковые клейма в виде герба города Гауды, что позволяет их также датировать концом XVIII в. (Buchholz 1992: 75).

Фаянсовая посуда: в основном — с синей кобальтовой росписью; интересен также фрагмент тарелки бело-кремового тона с рельефным растительным орнаментом вдоль края — точно такой же был найден в Летнем саду (вместе с изразцами, покрытыми синей росписью на белом фоне) при земляных работах в октябре 1997 г.

Помимо обычных изразцов, описание которых приведено выше, были обнаружены редко встречающиеся в Петербурге красноглиняные кафельные плитки, покрытые белой эмалью, но расписанные зеленой, коричневой и лиловой краской. Характер рисунков различный: здесь и жанровые сцены, и растительный орнамент. На Никольском рынке найдено несколько деталей печного декора такого типа — это рамочные и плоские плитки, а также валики (или плитусы). Такие изразцы характерны для московской школы (Маслих 1976: кат. № 256–264), но они могли быть сделаны и в Петербурге, так как технология производства была одинаковой (с росписью синим кобальтом) и отличалась только по цвету. На Петербургской фаянсовой фабрике изготавливали, по сведениям очевидцев, очень красивые печи, которые устанавливали почти во всех новых домах. Они были оригинальны и очень нравились не только местным жителям, но и иностранцам, например, обосновавшимся здесь в конце XVIII в. немцам (Storch 1794: 41, 49).

Слой, насыщенный находками, иссяк на глубине 2.1 м. Под ним был расчищен глиняный замок.

Пласт 6 — глиняный замок. Он состоял из плотной синей глины и подстилал фундамент и часть прилегающей к нему территории (на расстоянии до 1,5 м). Точную высоту глиняного замка (вероятно, она была равна 1 м) и глубину залегания материка установить не удалось, так как шурф был залит грунтовыми водами, приток которых усилился из-за начавшегося сезона дождей. Высота фундамента со стороны шурфа — в самой высокой точке — 95 см, в самой низкой — 85 см. Он был сложен из нескольких рядов известняковых плит (высота плиты 10–15 см).

После завершения работ на первоначальном раскопе было решено расчистить весь фундамент целиком, чему в значительной мере препятствовал тот факт, что в этой части сквера росли густые кусты сирени и их пришлось выкапывать и пересаживать в другое место. Земля здесь была перекопана, находок XVIII в. почти не встречалось, попадались фрагменты современных вещей. Только на глубине 1,5 м обнаружился два изразца с синей и зеленой росписью, а также медная чайная ложка, покрытая серебром, и железная кружка.

После снятия земли было выяснено, что фундамент часовни был не только сколот, но на большей его части даже взорван, так как уровень юго-западного угла был значительно понижен и этот участок состоял из кусков размельченного известняка, залитого водой. Точное место расположения входа в часовню, находившегося, вероятно, с западной стороны, установить не удалось по той же причине. В квадрате Д-2 была обнаружена железная конструкция, состоявшая из спаянных П-образно рельсов, укрепленных на нескольких рядах кирпичей, сцементированных со сбитым фундаментом часовни. Это остатки какого-то сооружения, устроенного здесь в более позднее время. В результате произведенных археологических раскопок был расчищен фундамент часовни (размер его 4,8 × 4,8 м), имеющий в плане четырехугольник со срезанными и немного

закругленными углами. Это, по всей вероятности, та самая часовня, которая была обозначена на плане Шуберта 1828 года. Деревянная, на каменном фундаменте часовня, стоявшая посередине двора Никольского рынка, была построена в 1826–1827 годах в честь коронавания императора Николая I (Антонов 1994: 167) и была, вероятно, названа именем Святого Николая Чудотворца. Часовня относилась к приходу церкви Вознесения Господня, стоявшей на углу Екатерининского канала и Вознесенского проспекта. Ежегодно, начиная с 1849 года, из Воскресенской церкви к Никольскому рынку, по просьбе здешних торговцев, перед праздником пророка Ильи совершался “крестный ход с молебством в благодарение Богу за прекращение холеры” (Историко-статистические сведения 1875: 37).

Небольшие культовые здания строились на рынках по устоявшимся, довольно консервативным традициям, не изменявшимся на протяжении долгого времени. Известно описание часовни на Апраксином дворе (Историко-статистические сведения 1869: 115–116), построенной позже, в 1847 году, но, вероятно, близкой по своему архитектурному решению аналогичной постройке на Никольском рынке. Она была сооружена на месте старой архитектором Корсини на сумму, образовавшуюся от подаяний, постройка ее стоила 4 675 руб. Часовня эта была деревянная на каменном фундаменте, восьмиугольная, снаружи окрашена масляной белой краской, а внутри — голубой, с лепными украшениями; пол был асфальтовый, под мрамор; в середине, у стены, был устроен четырехугольный иконостас, в котором помещалось 10 икон.

Старая деревянная часовня стояла на Никольском рынке еще в конце XIX в. В 1896 г. на ее месте купцы решили построить новую, каменную, проект которой был выполнен архитектором А.К.Рейнбольдтом, в честь коронавания Их Императорских Величеств (РГИА, 1896, ф.796, оп.177, д.1703; ф.797, оп.66, 2 отд. 3 ст., д.253). В книге С.Шульца “Храмы Санкт-Петербурга” имеются данные о том, что эта новая часовня, была построена здесь в 1894 году, ее приписали к Никольскому собору; в 1930-е годы ее снесли (Шульц 1994: 169); но, так как она не значится ни в одном издании, где имеются подробные списки церковных и торговых учреждений¹, ни в одном из многочисленных путеводителей, не отмечена ни на одной карте города, где отмечены часовни на других рынках, то, скорее всего, ее и вовсе не существовало, хотя на ее сооружение было дано разрешение председателя Священного синода К.П.Победоносцева и самого императора Николая II.

Таким образом, археологические исследования, проведенные на территории Никольского рынка летом 1997 г., позволили дополнить те немногие сведения об этом архитектурном памятнике, которые имеются в архивах и библиотеках. Главным в этом полевом сезоне стало обнаружение каменного фундамента часовни и восстановление давно забытого факта ее существования во дворе рынка. Сейчас эту часовню уже собираются восстанавливать, как и в начале XIX в., на средства здешних арендаторов. Интересным открытием является и накопительный деревянный колодец — такие сооружения не были здесь единичными и, возможно, когда-нибудь удастся воссоздать схему их расположения.

Культурный слой конца XVIII в., не затронутый перекопами и насыщенный находками, удалось вскрыть на небольшой площади в шурфе. Предварительное изучение обнаруженных в ходе раскопок вещей, сохранившихся во фрагментарном состоянии, позволяет сделать следующие выводы:

¹ См. Справочную и адресную книгу “Весь Петербург” на 1897, 1898, 1902, 1910 и др. Здесь имеются планы рынков, где обозначены часовни на Сытном, Александровском рынках и в Апраксином дворе; во дворе Никольского рынка отмечено только здание шпарни (бойни).

1. Наибольшее распространение имела тонкостенная красноглиняная, с коричневой поливой на внутренней стенке кухонная посуда.

2. Чернолощенная тонкостенная, грубая сероглиняная и белоглиняная керамика хорошего качества использовались в небольшом количестве.

3. Фаянсовая посуда местного производства (с синей кобальтовой росписью) получила широкое распространение.

4. Стекланные изделия местного производства найдены в большом количестве: бутылки, штофы. Нарядная стеклянная посуда (рюмка, флакон) также были доступны не только знати, но и простым людям, так как именно они посещали рынок и работали здесь.

5. Почти во всех лавках были изразцовые печи — здесь найдено много изразцов с синей кобальтовой росписью, интересно, что они бытовали до конца XVIII — начала XIX в. Необычными и редко встречающимися в Петербурге являются изразцы с зеленой и лиловой росписью.

6. В широком употреблении у жителей города были привозные вещи: голландские курительные трубки, бутылки сельтерской воды, фарфор. Эти предметы обычны также для культурного слоя старых западно-европейских городов и свидетельствуют о прочном вхождении Петербурга в систему европейской торговли.

Антонов В.В., Кобак А.В. 1994. Святые Санкт-Петербурга. Т.1. СПб.

Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции. 1887, СПб.

Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVI–XVIII веков. 1989. М.

Историко-статистические сведения Санкт-Петербургской епархии. 1869. Вып. 1. СПб.

Историко-статистические сведения Санкт-Петербургской епархии. 1875. Вып. 4, ч.2. СПб.

Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.П. 1986. Дворец Меншикова. М.

Маслих С.А. 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Шульц С. 1994. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб.

Brinkmann B. 1982. Zur Datierung von Mineralwasserflaschen aus Steinzeug // *Keramos*. Н. 98.

Buchholz R. 1992. Tonpfeifen des 17.-18. Jahrhunderts als Bodenfunde aus der Wismarer Stadtkern // *Wismarer Studien zur Archacologie und Geschichte*. Bd. 2.

Storch H. 1794. *Gemählde von St.Petersburg*. Riga.

В.А.Глыбин (*Санкт-Петербург*)

ПРЕДМЕТЫ БЫТА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА XVIII — НАЧАЛА XIX В. (по итогам работ 1997 г.)

Еще в 1957 году Александром Даниловичем Грачом была сформулирована идея о необходимости планомерного археологического изучения городских слоев XVIII–XIX вв. в Петербурге–Ленинграде (Грач 1957: 29). В этой небольшой по объему книге опубликован уникальный археологический материал из раскопок на территории Таможенного переулка — того самого места, где располагались хозяйственные и подсобные помещения около строившегося в 1718–1728 гг. здания Кунсткамеры.

По архивным материалам и гравюрам А.Д.Грач смог установить принадлежность изученных культурных слоев к событиям, происходившим в период постройки здания и первых лет жизни Петербургской Академии Наук (Грач 1957: 21–27, табл. 37–39). В результате кропотливой работы по сбору, камеральной обработке, определению по аналогиям археологического материала, А.Д.Грачом были введены в научный оборот ценные сведения о вещественных остатках в городском слое раннего Петербурга, нашедшим воплощение в художественно-этнографических реконструкциях художника Г.А.Песиса. Характеристика находок и описание по категориям такого разнообразного археологического материала, как фрагментов фарфора (Грач 1957: табл. 1–3); фаянса (Грач 1957: табл. 14–16); простой кухонной керамики: миски и горшки (Грач 1957: табл. 7–9); изысканной столовой посуды с поверхностью, покрытой глазурью и поливой (Грач 1957: табл. 12–13); расписных изразцов (Грач 1957: табл. 4); глиняных курительных трубок (Грач 1957: табл. 5–6), а также всевозможных стеклянных, деревянных, металлических и кожаных изделий (Грач 1957: табл. 18–32), позволили проследить отчетливое европейское влияние в формировавшейся материальной культуре различных слоев населения северной столицы России.

До настоящего времени работа А.Д.Грача сохраняет свое программное значение. Опубликованный здесь систематизированный материал имеет широкие аналогии в массовых археологических находках, встреченных при выполнении в Санкт-Петербурге полевых архитектурно-исследовательских работ. В мае 1997 г., в процессе выкапывания шурфов у здания по адресу: набережная реки Мойки, дом № 78, с целью технического, инженерного и геологического обследования состояния основания и фундаментов (Улицкий, Шашкин 1997), был зафиксирован слой второй половины XVIII — начала XIX в., содержащий многочисленные серии керамики, стеклянных изделий и других предметов быта. Этот слой, мощность которого достигала 60 см, стратиграфически располагался непосредственно на мелких дельтовых послеледниковых песках, а сверху был перекрыт остатками деревянных половиц, прикрепленных к несущему струганному деревянному брусу — на кирпичных подкладках. Встреченная под досками медная копейка 1840 г. позволяет определить позднюю дату образования культурного слоя — не позднее середины XIX в. Расположение шурфа № 6 внутри здания, в условиях минимального воздействия морозов и влаги, благоприятно повлияло на сохранность археологического материала.

В коллекции керамики (335 фрагментов) преобладают черепки сосудов серого и белого цветов с отогнутым или уплощенным венчиком. В процессе предварительной камеральной обработки удалось частично восстановить формы пяти из них. Они различны и по размерам (диаметр венчиков колеблется от 16 до 36 см), и по пропорциям. Крупные сосуды с широким горлом имеют стенки плавных очертаний, а низкие горшочки — все с узким горлом и “эсовидным” профилем. Представленный в шурфе № 6 керамический комплекс в целом совпадает с описанной А.Д.Грачом коллекцией русской бытовой посуды XVIII века (Грач 1957: 14–15). Следует отметить также многочисленные фрагменты красноглиняной столовой утвари, покрытой изнутри зеленой и коричневой, с темными вкраплениями поливой (аналоги см.: Грач 1957: табл. 13); фрагменты импортной посуды европейского производства — с узким горлышком из светлой глины и покрытой серой или желтовато-красной поливой (аналоги см.: Грач 1957: табл. 11). Аналогичные сосуды с характерными “рифлеными” внутренними стенками, узким горлышком и ручкой, а также с разнообразными клеймами на тулове — довольно частая находка в городских слоях Петербурга XVIII–XIX вв. Такие глиняные бутылки изготавливались в Германии и Чехии специально для импорта вина, “сельтерской” воды и прочих напитков, наименование которых было обозначено на маркировке.

Очень эффектными являются находки расписных бело-синих печных изразцов. По мнению А.Д.Грача, подобные изразцы изготавливались в XVII — начале XVIII в. в г. Дельфте (Голландия), откуда и была заимствована техника их изготовления. В шурфе № 6 найдено 12 фрагментов, восемь из которых составили длинную, прямоугольной формы плитку с окантовкой (аналог см.: Грач 1957: 12, табл. 4), изображениями лежащей собачки в центре и растительным орнаментом по краям. На оборотной стороне плитки — след крепления к полу печному кирпичу.

К числу несомненно ранних предметов относятся глиняные курительные трубки. В шурфе № 6 обнаружены две трубки и многочисленные обломки чубуков. Форма и отличительные признаки полностью совпадают с трубками из публикации А.Д.Грача (Грач 1957: 13, табл. 5). Все они изготовлены из очень светлой глины, имеют орнаментированный пуансоном край чашечки и штамп на ее боковой части с очень мелким изображением геральдического щитка, разделенного на шесть полей (Грач 1957: табл. 6). На трубках имеются личные клейма мастеров, оттиснутые на полукруглых выступах, расположенных на нижней части трубок. На одном из них — стилизованное изображение арбалета, а на другом — литера “P”, увенчанная короной.

Все перечисленные выше предметы городского быта середины XVIII — середины XIX в. собраны в шурфе на площади двух квадратных метров. Учитывая возможность получения нового материала, Институтом культурного и природного наследия, в рамках программы по “археологии Петербурга”, планируется произвести дополнительные спасательные раскопки по адресу: набережная реки Мойки, дом № 78, с целью исследования культурного слоя внутри здания, до начала производства строительных работ на объекте.

Грач А.Д. 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.

Улицкий В.М., Шашкин А.Г. 1997. Техническое заключение по результатам обследования состояния основания, фундаментов и надземных конструкций дома № 78 по наб. реки Мойки // Архив НПФ “Геореконструкция”. Отчет за май 1997 г. СПб.

МОГИЛА ГЕРЦОГА ГЕОРГИЯ ГЕОРГИЕВИЧА МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКОГО В ОРАНИЕНБАУМЕ

В парке Ораниенбаума находится захоронение герцога Г.Г.Мекленбург-Стрелицкого — одного из представителей ветви царствующего Дома Романовых. Его дед по материнской линии — великий князь Михаил Павлович был младшим сыном Павла I. Получив традиционное для его круга военное образование, Георгий Георгиевич не ограничивал свои интересы кругом военных обязанностей, а внес определенный вклад в историю русской культуры.

После получения домашнего и специального военного образования, герцог побывал в Германии для ознакомления с постановкой военного дела и одновременно проходил курсы в Страсбургском и Лейпцигском университетах, которые закончил со степенью доктора философских наук. Герцог серьезно занимался музыкой, видимо унаследовав это увлечение от своей бабушки — великой княгини Елены Павловны, по инициативе и при поддержке которой были созданы Консерватория и Императорское Русское музыкальное общество. Обучение в университетах Георгий Георгиевич совмещал с занятиями контрапунктом и композицией у проф. Якобсталя в Страсбурге и проф. Рейнеке в Лейпциге.

Вернувшись в Россию, герцог продолжает действительную службу в армии. На собственные средства он создает первый и единственный в дореволюционной России струнный квартет, который носил его имя и был широко известен не только на родине, но и за границей. Большую часть своей жизни Георгий Георгиевич уделял благотворительной деятельности. Он был попечителем Клинического института великой княгини Елены Павловны (построен в 1881 г. на средства великой княгини) и Ораниенбаумского женского городского училища. Ораниенбаумские дворцы и парк в то время принадлежали Мекленбург-Стрелицким: Георгий Георгиевич был владельцем Большого Ораниенбаумского дворца, а принцесса Елена Георгиевна — Китайского. Ораниенбаум был любимым местом пребывания герцога. Он серьезно изучал историю дворцового комплекса. Сохранились воспоминания Александра Бенуа о встречах с герцогом в Ораниенбауме, в которых говорится о большой образованности Георгия Георгиевича (Жоржакс — так его звали близкие), музыкальной одаренности и простоте в общении с людьми, не принадлежащими к великосветскому кругу. 22 ноября 1909 г. Г.Г.Мекленбург-Стрелицкий умер и был погребен согласно своему желанию на территории имения "Ораниенбаум". В лютеранской парковой кирхе состоялось его отпевание. В 1910 г. на месте захоронения был установлен надгробный памятник из черного мрамора в виде лютеранского креста, у основания которого была сделана опалубка из серого гранита с цветником в центре. На перекладине креста была выбита надпись на немецком языке — полное имя герцога и годы его жизни. У основания креста — имя на русском языке и эпитафия. В 1913 г. рядом с герцогом была захоронена его дочь Наталья, ушедшая из жизни в юном возрасте.

В конце 1920-х годов могила была уничтожена (не существует единого мнения о времени ее уничтожения — Г.А.Попова пишет о 1928 г., а краевед А.А.Плаксин говорил о том, что это произошло перед войной). В наши дни ничто не напоминает о том, что в тенистом уголке парка у бывшей Лютеранской кирхи (в настоящее время “Каменное зало”) был когда-то надгробный памятник. Никто не может показать точное место захоронения, не осталось никаких видимых следов. Архивные изыскания не принесли результатов. На плане парка 1920-х годов, который хранится в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, захоронение не обозначено.

Памятуя слова А.С.Пушкина о том, что “неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности”, сотрудники музея-заповедника “Ораниенбаум” давно стали поднимать вопрос о необходимости установить памятный знак на месте захоронения герцога. Только весной 1996 г. возникла реальная возможность перейти от слов к делу, когда руководство Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования (бывший Клинический институт великой княгини Елены Павловны, попечителем и благодетелем которого был герцог Мекленбург-Стрелицкий) обратилось к администрации Государственного музея-заповедника “Ораниенбаум” с предложением объединить усилия для установления памятного знака на месте захоронения Г.Г.Мекленбург-Стрелицкого.

Сначала необходимо было провести археологические изыскания и установить место захоронения герцога. Дирекция музея и руководство МАПО обратились за помощью в Санкт-Петербургский филиал РосНИИ культурного и природного наследия, сотрудники которого и производили раскопки. По свидетельству очевидцев, могила располагалась на восточной стороне оврага напротив Лютеранской кирхи (“Каменного зало”). Но где именно, предстояло уточнить. Первоначально исследования сосредоточились на краю древней береговой террасы. Здесь была ровная площадка, занимающая мысовое, возвышенное положение. Было заложено несколько шурфов по всей поверхности этой площадки, но могильной ямы обнаружено не было. Общая вскрытая здесь площадь 22 кв. м на глубину 1,0–1,5 м. Везде под небольшим слоем дерна — 15–20 см толщиной, находился сильно насыщенный культурный слой в котором были обнаружены многочисленные фрагменты старинных кирпичей, декоративного кирпича и черепицы, печных изразцов, керамической и стеклянной посуды, стеклянных бутылок XVIII века, много железных предметов — гвозди, подковы, скобы, пряжка, удила и др. Интересна находка двух монет, лежащих в нижней части культурного слоя, рядом с камнями на материке. Первая — это медная копейка 1705 г. с надписью “Царь Петр Алексеевич” и копейщиком на аверсе и “Победитель Всея России. Копейка” и датой славянскими буквами “1705” на реверсе. Вторая монета тоже медная копейка, но чеканки 1755 г. с вензелем императрицы Елизаветы. По-видимому, на мысу находилась специально выровненная и подсыпанная площадка. Материал для подсыпки мог браться из Большого дворца и Нижнего парка, которые неоднократно перестраивались. Весь строительный мусор относится к XVIII–XIX векам. Время создания этой площадки установить сложно.

Так как на мысу могилы обнаружено не было, то раскопки были перенесены на 25 м южнее, где был заложен шурф напротив алтаря кирхи. На поверхности земли прослеживалось небольшое всхолмление. Визуальные наблюдения подтвердились указаниями именно на это место двух независимых информаторов. Первоначальный шурф имел размеры 4 × 1 м. В нем сразу прослеживались слои, западающие в яму. На глубине 0,3 м находился плотный слой из кирпича, мелких камней и мусора и под ним, на глубине 0,8 м — слой из крупных камней. Здесь разбили раскоп площадью 3,5 × 3 кв. м. В нем на глубине 0,8–1,0 м было расчищено скопление крупных камней, заполня-

ющих большую могильную яму. Сильное западение камней наблюдается в юго-западной части раскопа, где находился центр ямы. Пространство между крупными гранитными валунами было тщательно забутовано более мелкими камнями, обломками кирпичей, изразцов, местами известняковой замазкой. Такая тщательная закладка могильной ямы может объясняться тем, что над ней на поверхности земли был поставлен двух с половиной-метровый мраморный крест и каменный цветник.

Судя по вскрытой части ямы, само захоронение осталось не потревоженным. Исходя из этого, было решено работы на этом этапе приостановить и не разрушать то, что дошло до наших дней. Кроме могилы герцога Г.Г.Мекленбург-Стрелицкого и его дочери Натальи, в парке Ораниенбаума захоронений не было. Осмотревший место раскопок краевед А.А.Плаксин, который был свидетелем разрушения могилы, согласился с определением местонахождения захоронения герцога. В ближайшем будущем по соглашению с ГИОПом и по инициативе МАПО и ГМЗ "Ораниенбаум" будет установлен памятный знак на месте погребения герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого.

Список сокращений

АВ	– Археологические вести. СПб.
АГЭ	– Архив Государственного Эрмитажа
АИИМК	– Архив Института истории материальной культуры РАН
АЛОИА	– Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
АО	– Археологические открытия. М.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
БСАГУ	– Бюллетень Средне-Азиатского Государственного Университета. Ташкент.
БСЭ	– Большая советская энциклопедия
ВА	– Вопросы антропологии. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАНИЯЛ	– Горно-Алтайский научно-исследовательский Институт истории, языка и литературы
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМИ СПб.	– Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ЖМНП	– Журнал министерства народного просвещения. СПб.
ЗОРСА	– Записки Отделения Русской и Славянской Археологии СПб.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
Изв. ВГО	– Известия Всесоюзного географического общества. Л.
Изв. РАО	– Известия Русского археологического общества. СПб.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИЛАИ	– Известия лаборатории археологии и истории. Кемерово.
КГИОП	– Комитет Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
МАИКЦА	– Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МКАЭН	– Международный конгресс антропологических и этнографических наук
ММ	– Минусинский музей
МСЭ	– Малая советская энциклопедия. М.
НАА	– Народы Азии и Африки. М.
ОАК	– Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПАВ	– Петербургский археологический вестник. СПб.
ПВ	– Петербургское востоковедение. СПб.
ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
РА	– Российская археология. М.
РГАДА	– Российский государственный древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив

- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
- СМЭДЭМ – Сборник материалов по этнографии, издаваемых при Дашковском этнографическом музее. М.
- СЭ – Советская этнография. М.
- ТД – Тезисы докладов
- ТИЭ – Труды Института этнографии. М.
- ТК – Тезисы конференции
- Тр. ТКАЭЭ – Труды комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. М.; Л.
- УЗ ТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории. Кызыл.
- УЗ ХНИИЯЛИ – Ученые записки Хакасского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории. Абакан.
- ЭО – Этнографическое обозрение. М.
- АР – Archaeologia Petropolitana. СПб.
- BMFEA – Bulletin of the Museum of far eastern antiquities
- ZDMg – Zeitschrift der Deutsche Morgenländische Gesellschaft

АЛЕКСАНДРУ ДАНИЛОВИЧУ ГРАЧУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

ТУВИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

70 ЛЕТ.

АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ
ГРАЧ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Кызыл — 1998 г.

Из приглашения на конференцию

Тувинский институт гуманитарных исследований приглашает вас на научную конференцию, посвященную 70-летию со дня рождения выдающегося ученого-археолога, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Тувинской АССР, доброжелательного, отзывчивого человека, влюбленного в Туву и его людей, страстного пропагандиста археологической науки и знаний, прекрасного воспитателя и наставника многих учеников школ Тувы, Александра Даниловича Грача.

Конференция состоится 8 июля 1998 г. в 9⁰⁰ часов в конференц-зале ТИГИ (ул.Кочетова, 4)

В 1995 году в г. Новом Шагонаре создан Шагонарский филиал
Республиканского краеведческого музея им. Алдан-Маадыр
имени Александра Даниловича Грача.
Директор филиала Виктор Седипович Кызыл-оол.

К конференции в Санкт-Петербурге приурочена выставка «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», открытие которой состоится 21 декабря 1998 г. в 14 часов. Выставка будет проходить в Экспериментальном выставочно-издательском центре «Эго» (Гороховая ул., 6; открыта с понедельника по пятницу с 11 до 17 часов). Участниками выставки являются Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Экспериментальный выставочно-издательский центр «Эго» (директор выставочного зала Владимир Михайлович Зевахин) и Санкт-Петербургский филиал Российского научно-исследовательского института Культурного и Природного наследия МК РФ и РАН. Выставка осуществляется при финансовой поддержке Фонда Сороса («Институт Открытое Общество»), грант № АА 803, руководитель проекта Вл.А.Семенов.

Памяти А.Д.Грача посвящены монографии

Вл.А.Семенов

МОНГУН-ТАЙГА

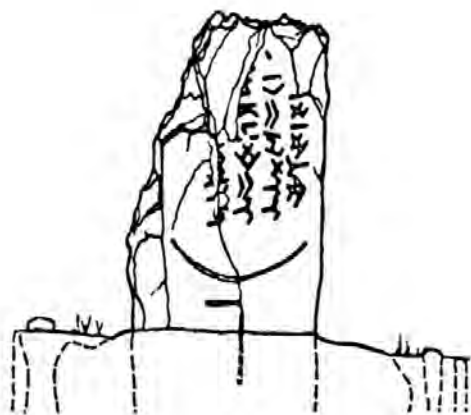

(археологические исследования
в Туве в 1994 – 1995 гг.)

Санкт-Петербург, 1997

А.Д.Грач, Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская

**ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ
В ЦЕНТРЕ ТУВЫ**

(Эйлиг-Хем III как источник
по средневековой истории Тувы)

Москва, 1998